

АССОЦИАЦИЯ «ЛЕРМОНТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ»

Ежегодный альманах
(Первый альманах «День поэзии» был выпущен в 1956 году,
воссоздан в 2006)

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI век

2022–2023 год

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПАМЯТНЫМ ДАТАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЭЗИИ

220-летию Ф. И. ТЮТЧЕВА
205-летию А. К. ТОЛСТОГО
200-летию А. А. ГРИГОРЬЕВА
150-летию В. Я. БРЮСОВА
130-летию В. В. МАЯКОВСКОГО
130-летию М. И. ЦВЕТАЕВОЙ
120-летию Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО
120-летию М. А. СВЕТЛОВА
115-летию Б. П. КОРНИЛОВА
100-летию Э. А. АСАДОВА
100-летию Р. Г. ГАМЗАТОВА
100-летию А. П. МЕЖИРОВА
95-летию А. Д. ДЕМЕНТЬЕВА
95-летию В. Н. СОКОЛОВА
90-летию Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

и светлой памяти ушедших поэтов

Владимира БОЯРИНОВА
Валерия ДУДАРЕВА
Александра КАЗИНЦЕВА
Владимира КОСТРОВА
Сергея МНАЦАКАНЯНА
Андрея РОМАНОВА
Людмилы ЩИПАХИНОЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Издательство «Любавич»
2023

УДК 050.9+821.161.1+82-822

ББК 84(2Рос=Рус)6+94.3

Д34

РЕДАКТОРАТ, РЕДКОЛЛЕГИЯ И ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «ДЕНЬ ПОЭЗИИ — XXI ВЕК. 2022–2023 ГОД» ОТ ЛИЦА ВСЕХ АВТОРОВ БЛАГОДАРЯТ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЗА СОДЕЙСТВИЕ В ВЫПУСКЕ АЛЬМАНАХА

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются.

День поэзии — XXI век. 2022–2023 год.

Д34 Альманах: стихи, статьи. — Санкт-Петербург:

Издательство, «Любавич» 2023. — 368 с.

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

Максим ЗАМШЕВ – креативный главный редактор

Виктор ПЕТРОВ – выпускающий главный редактор

Андрей ШАЦКОВ – главный редактор

КЛУБ ГЛАВНЫХ РЕДАКТОРОВ:

Андрей ШАЦКОВ (Москва) – председатель

Наталья ГРАНЦЕВА (Санкт-Петербург)

Максим ЗАМШЕВ (Москва)

Виктор ПЕТРОВ (Ростов-на-Дону)

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН (Петрозаводск)

Иван ЩЁЛОКОВ (Воронеж)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Виктор КИРЮШИН (Москва) – председатель

Юрий КОЗЛОВ (Москва)

Александр ОРЛОВ (Москва)

Нина ПОПОВА (Москва)

Валентина РЫБАКОВА (Санкт-Петербург)

Юрий РЯШЕНЦЕВ (Москва)

Карина СЕЙДАМЕТОВА (Москва)

Илья ФАЛИКОВ (Москва)

Владимир ХОХЛЕВ (Санкт-Петербург)

Евгений ЮШИН (Москва)

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Михаил ЛЕРМОНТОВ (Москва) – председатель

Николай БУРЛЯЕВ (Москва) – сопредседатель

Дмитрий МИЗГУЛИН (Санкт-Петербург) – сопредседатель

Виктор ЛИННИК (Москва)

Кирилл КОЗЛОВ (Санкт-Петербург)

Галина МАКСИМОВА (Москва)

Наталья ПОЗНАНСКАЯ (Москва)

Николай САПЕЛКИН (Воронеж)

Александр СОКОЛОВ (Москва)

Оксана ШЕЙКИНА (Овстуг, Брянская обл.)

На обложке рисунок художника Владимира ХРОМЕНКОВА

Издательство зарегистрировано

в Федеральной службе по надзору за соблюдением

законодательства в сфере массовых коммуникаций

и охране памятников культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС77-25467 от 25 августа 2006 г.

ISBN 978-6049331-5-2

© Ассоциация «Лермонтовское наследие», составление, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© Издательство «Любавич», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ КЛАССИКА

ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕМОРИАЛ

Фёдору Ивановичу ТЮТЧЕВУ – 220 лет Виктор ПЕТРОВ	7
Алексею Константиновичу ТОЛСТОМУ – 205 лет Олег ВОРОНИЧЕВ.	16
Аполлону Алексеевичу ГРИГОРЬЕВУ – 200 лет Марианна ДУДАРЕВА	21
Валерию Яковлевичу БРЮСОВУ – 150 лет Николай САПЕЛКИН	25

ЮБИЛЕЙ

Анатолию АВРУТИНУ – 75 лет Вячеслав ЛЮТЫЙ	30
--	----

ПОЭЗИЯ

АЛЕЙНИКОВ Владимир	38
АЛЕШКОВ Николай	40
АЛИХАНОВ Сергей	41
АНДРЕЕВ Григорий	43
АРТЁМОВ Владислав	44
АРТИС Дмитрий	46

ПАМЯТЬ

Эдуарду АСАДОВУ – 100 лет Александр БАЛТИН	48
---	----

ПОЭЗИЯ

БАНЦЕРОВА Людмила	
БЕЗДЕНЕЖНЫХ Владимир	54
БЕЛИКОВ Юрий	55
БЕРЯЗЕВ Владимир	57
БОБРОВ Александр	60
БОРСКИЙ Николай	62

ПАМЯТЬ

Владимир БОЯРИНОВ Максим ЗАМШЕВ	64
--	----

ПОЭЗИЯ

БУРМИСТРОВ Борис	68
ВЕРСТАКОВ Виктор	69
ВЕРШИНСКИЙ Анатолий	71
ВИТАКОВ Алексей	72
ВОРОНИЧЕВА Анастасия	74
ВОРОТНИН Юрий	75
ГАЛАМАГА Андрей	77

ПАМЯТЬ

Расулу ГАМЗАТОВУ – 100 лет Анатолий АВРУТИН	79
--	----

ПОЭЗИЯ

ГОНТОВСКИЙ Аркадий	85
ГРАНЦЕВА Наталья	87
ГРОЗНАЯ Кира	88
ГРОЗОВСКИЙ Михаил	89

ПАМЯТЬ

Андрею ДЕМЕНТЬЕВУ – 95 лет Елка НЯГОЛОВА	91
---	----

ПОЭЗИЯ

ДЕНИСОВА Ирина	95
ДОНБАЙ Сергей	96

ПАМЯТЬ

Валерию ДУДАРЕВУ – 60 лет Марианна ДУДАРЕВА	98
--	----

ПОЭЗИЯ

ДЪЯКОВА Нина	102
ЕЖОВ Владимир	104
ЕРМОЛАЕВА Ольга	106
ЕРОФЕЕВА Валентина	108
ЁМКИН Геннадий	110

ИМЕНА

Николаю ЗАБОЛОЦКОМУ – 120 лет Илья ФАЛИКОВ	112
---	-----

ПОЭЗИЯ

ЗАМШЕВ Максим	118
ИВАНОВ Геннадий	120
ИВАНОВА Ольга	122

[СОДЕРЖАНИЕ]

ПАМЯТЬ	МАКАРЕНКОВ Владимир	195
Александру КАЗИНЦЕВУ – 70 лет	МАЛОВ Иван	196
Марианна ДУДАРЕВА		123
ПОЭЗИЯ	ИМЕНА	
КАРПУШИН Виктор	Владимиру МАЯКОВСКОМУ – 130 лет	
КЕКОВА Светлана	Александр БАЛТИН	198
КИЛЯКОВ Василий		129
ЮБИЛЕЙ	ПАМЯТЬ	
Виктору КИРЮШИНУ – 70 лет	Александру МЕЖИРОВУ – 100 лет	
Елена КРЮКОВА	Илья ФАЛИКОВ	203
	ПОЭЗИЯ	
ПОЭЗИЯ	МИЗГУЛИН Дмитрий	211
КЛИМОВ-ЮЖИН Александр	МИНАКОВ Станислав	213
КОВАЛЁВ Александр	МИНИН Евгений	215
КОВАЛЁВ Максим	МОГУТИН Юрий	221
КОЗЛОВ Кирилл		
КОЗЛОВ Сергей	ПАМЯТЬ	
КОНДАКОВА Надежда	Сергей МНАЦАКАНЯН	
	Андрей ШАЦКОВ	217
ИМЕНА	ПОЭЗИЯ	
Борису КОРНИЛОВУ – 115 лет	МУРЗИН Василий	223
Елена КРЮКОВА	МУРЗИН Дмитрий	224
	НЕРПИНА Галина	225
ПАМЯТЬ	НЕСТРУГИН Александр	227
Владимир КОСТРОВ	НЕЧИПОРУК Иван	230
Александр ОРЛОВ	НИКОЛАЕВА Олеся	232
	НОВИКОВ Андрей	234
ПОЭЗИЯ	ОГОРОДНЕВ Виталий	236
КРЮКОВА Елена	ОРЛОВ Александр	237
КУБЛАНОВСКИЙ Юрий	ОРЫНЯНСКАЯ Полина	239
	ОСТУДИН Алексей	241
ЮБИЛЕЙ	ПЕГОВ Семён	243
Станиславу КУНЯЕВУ – 90 лет	ПЕРЕЯСЛОВ Николай	246
Юрий БОНДАРЁВ	ПЕРМИНОВ Юрий	248
	ПЕТРОВ Виктор	250
ПОЭЗИЯ	ПИЕТИЛЯЙНЕН Елена	252
КУПРИЯНОВ Вячеслав	ПИСКАРЁВА Татьяна	254
КУЧЕРОВА Инна	ПОЛЯНСКАЯ Екатерина	256
ЛАВРЕНТЬЕВ Максим	ПОПОВ Андрей	258
ЛАПИНА Татьяна	ПОПОВА Нина	260
ЛАТЫНИН Валерий	РАЗМЫСЛОВИЧ Светлана	262
ЛЕОНТЬЕВА Светлана	РАЧКОВ Николай	264
ЛЕСИН Евгений	РЕВЯКИНА Анна	265
ЛОБАНОВ Валерий		
ЛОГИНОВ Александр		
ЛУКИН Евгений		

ПАМЯТЬ	ПОЭЗИЯ
Роберту РОЖДЕСТВЕНСКОМУ – 90 лет	ЧИСТЯКОВА Наталья..... 325
Александр БАЛТИН 268	ШАМСУТДИНОВ Николай 326
ПОЭЗИЯ	ЮБИЛЕЙ
РОЖКОВА Наталья 272	Андрею ШАЦКОВУ – 70 лет
ПАМЯТЬ	Елена КРЮКОВА,
РОМАНОВ Андрей	Владимир ХОХЛЕВ 329
Александр БАЛТИН 24	ПОЭЗИЯ
ЮБИЛЕЙ	ШЕМШУЧЕНКО Владимир 337
Геннадия РУСАКОВУ – 85 лет	ШИГИН Борис 340
Павел КРЮЧКОВ 279	ШИРОГЛАЗОВ Павел 342
Олегу РЯБОВУ – 75 лет	ШУВАЛОВА Маргарита 344
Елена КРЮКОВА 282	ЩЕРБАК-ЖУКОВ Андрей 346
ПОЭЗИЯ	ЩЕРБАКОВ Юрий 347
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН Геннадий 289	ЩЁЛОКОВ Иван..... 349
РЯШЕНЦЕВ Юрий 291	ПАМЯТЬ
ПАМЯТЬ	Людмила ЩИПАХИНА
Михайлу СВЕТЛОВУ – 120 лет	Нина ПОПОВА..... 351
Юрий КОЗЛОВ 293	ПОЭЗИЯ
ПОЭЗИЯ	ЭРАСТОВ Евгений..... 355
СЕЙДАМЕТОВА Карина..... 296	ЮДИНА Янина..... 357
СЕМЁНОВА Елена..... 298	ЮШИН Евгений..... 359
СИЛЕЦКАЯ Ирина 299	ЯГОДИНЦЕВА Нина..... 361
СКОБЦОВ Владимир..... 301	
СКРЫЛЁВА Юлия 302	
ПАМЯТЬ	
Владимиру СОКОЛОВУ – 95 лет	
Марианна РОГОВСКАЯ-СОКОЛОВА.... 305	
ПОЭЗИЯ	
СОРОКИН Валентин..... 309	
СТЕПАНОВ Евгений..... 311	
СУХОВ Валерий..... 313	
ТАЛАНОВА Галина 314	
ТРИБУШНЫЙ Дмитрий..... 316	
ФИЛИМОНОВ Алексей 318	
ХОХЛЕВ Владимир 319	
ИМЕНА	
Марине ЦВЕТАЕВОЙ – 130 лет	
Вячеслав ЛЮТЫЙ 323	

[РУССКАЯ КЛАССИКА]
ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕМОРИАЛ

ФЁДОРУ ТЮТЧЕВУ —

220 ЛЕТ

Виктор ПЕТРОВ

«МИРОЗДАНЬЮ СОВРЕМЕННЫЙ»

Поэтические воззрения Ф. И. Тютчева

Судьба обошлась с поэтом Фёдором Ивановичем Тютчевым как ни с кем другим. Так и думается, что уже в силу этого ему отведено особое место в русской литературе. Искать предшественников нет смысла, да и с последователями не заладилось. Опять же подражание ему исключено – слишком сложен состав поэтического вещества, коим скреплён тютчевский словарь. Непохожесть не внешняя, а глубинная, уловимая и считываемая лишь сродством душ, редкостной созвучностью сердец – творца и внимающему ему.

Если поименовать поэтов пушкинской поры, то Фёдор Тютчев не окажется в их числе по ряду причин, а главная – значителен сам по себе, возможно, даже беспредельностью своей мысли длит Пушкина; и если в этом значении Лермонтов безоглядно трагичен, то Тютчев поражает внутренней силой, собранностью, заглядом при этом в разверстые бездны. Он земной, но весь устремлён к небесным высям, даром ли пребывал в «изумлении и восторге» Пушкин, когда впервые прочёл тютчевские строки. И радостно стал печатать в своём журнале неизвестного дотоле автора.

Дворянская усадьба Овстуг Брянского уезда Орловской губернии – отправная точка поэта и одновременно возвратный пункт, куда его всегда тянет. Овстуг!.. Даром ли здесь ещё в языческую пору сменяли друг друга славянские племена северян, вятичей и родимичей, само название села от них: «стуг» – стоянка, поселение. А мне слышится перекликом родное, степняцкое, казачье – стан, становище, станица.

«Овстуг» – знакомая, старая стоянка. Уже в самом звучании, а тем более в понятийной разгадке этого слова, обозначения, видится нечто искомое, определяемое смыслом и провидением. Собственно так, как и происходит чаще всего в стихах Тютчева.

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

Родовое гнездо становится местом силы. И кто знает, не отсюда ли неистребимая любовь Фёдора Тютчева к державной России, вера в то, что ей назначено соединить славянские народы в одно целое под православным знаменем? Там было детство с матушкой Екатериной Львовной, побуждавшей постигать мир и себя в нём, а также с нежно опекавшим его и впоследствии дядькой Хлоповым, конечно, стоит быть упомянут и домашний учитель Семён Раич, сам поэт-переводчик, пестовавший литературный дар своего воспитанника.

Осенью 1819 года в неполные шестнадцать лет Фёдор Тютчев поступает на словесное отделение Московского университета. Литературные интересы становятся главными, присуще ему и политическое свободомыслие. Окончен университет со степенью кандидата словесных наук, и в начале 1822 года он поступает на службу в коллегию иностранных дел. А вскоре оказывается чиновником при русской дипломатической миссии в Мюнхене... Зарубежный период продлится 22 года. Каково это было Тютчеву? Обронил в одном из писем, что тяжело «существование человека без родины».

Но именно на чужбине – вне литературной среды – является в характерном только для него виде и образе поэт Фёдор Тютчев, можно сказать, вопреки всему и вся.

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

И примерно в том же 1830 году складываются хрестоматийные строки стихотворения «Молчание!», названного по латыни «Silentium!» (удивителен здесь авторский восклицательный знак, что побуждает читателя на особый настрой):

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звёзды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.

Задаваемые поэтом вопросы уже и есть некие ответы. Только непроизносимые вслух, потому что «есть ложь». И далее – как выход, как осознание:

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей.

Повторяемость глагола «есть» вряд ли случайна. Противопоставляются «ложь» и «мир в душе», да, они в данном случае равноценны по силе воздействия, но выбор остаётся за нами. Сумеем ли «жить в себе самом»?

А вот Тютчев, вне сомнения, весь свой довольно протяжённый по тогдашним меркам век следовал этому завету. Возможно, отсюда сложность и противоречивость творческой природы и самого человеческого характера поэта. Следует принять во внимание и ту истинно сложную историческую действительность, что выпала на его долю и не могла не сказаться в целом на судьбе.

Блестяще образованный, один из «редких, светлых, изящных» (державинские слова о другом поэте вполне применимы к Тютчеву) умов своего времени, перед которым туснелся Чаадаев, он, познавший Запад, остался русским человеком. Его светочем и болью была Россия – «В Россию можно только верить». И ровно через три недели, конец 1866 года, после этой знаменитой строки задаётся вопросом, пожалуй, актуальным и по сей час:

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Но ранее был значительный период тютчевского пути в русской поэзии. Да, Пушкин разместил в 1836 году в «Современнике» 16 стихотворений. Затем Тютчев печатался

и в других изданиях. О нём писали и говорили в восторженных тонах. Однако ему это кажется не самым главным, больше занимают явления политического порядка – не забудем, какой бурной была середина XIX века. Дипломатическая служба и в связи с ней долгое нахождение в чужих землях сказались на мировидении поэта. «Апофеоз человеческого я», по Тютчеву, определяет движение западноевропейского общества, а причины тому – католицизм и революционность. Отрицая «самовластье», он тем не менее был против насильственных изменений государственного устройства. О декабристах сказано по горячим следам («14-ое декабря 1825») и уж куда как откровенно:

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной!..

Написано в 1926 году, не ранее августа, а пушкинское «Во глубине сибирских руд...» помечено 1827 годом. Два разных взгляда на одно событие, и только поэзия объединяет их.

Вернувшись на родину, Тютчев живёт в Петербурге. Литературные дела его, как всегда, не особенно волнуют, а вот политические события в центре интересов. Между тем он продолжает писать вершинные стихи, не заботясь об их обнаружении.

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С рёвом, свистом, визгом, воем
Бьёт в утёс береговой, –
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

Какова гениальность таких двух строк – «Дурью волн не обуян» и «Мирозданью современный» – о морском утёсе! Разве только об утёсе как символе России? Здесь подспудно и многое другое, то – невысказываемое, но осознаваемое, выстраданное. Даже о самом поэте, о себе самом.

Возвращает Тютчева к его же собственному дару, побуждает куда как серьёзно отнестись к писанию стихов статья Некрасова в журнале «Современник» (1850, №1), где на основе прежде печатавшихся произведений выносятся суждения, что «талант г. Ф. Т-ва» относим «к русским первостепенным поэтическим талантам». Вскоре следует тургеневское понимание Тютчева – «одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина».

1854 год. Наконец выходит в свет первое издание стихотворений Ф. И. Тютчева. Это в основном опубликованные ранее оригинальные и переводные произведения, но и впервые выносимый на людской суд пронзительный свод стихотворений о «беззаконной» любви поэта к Елене Александровне Денисьевой. На пределе переживаний обращение – «Ты волна моя морская, / Своенравная волна...» Прибегая к образу волны, Тютчев не только точен в описании своенравного предмета своей любви, а и даёт волю трепетному чувству.

Сладок мне твой тихий шёпот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещице твои.

Пусть ты, волна, будешь «в стихии бурной то угрюма, то светла», лишь бы сберегла, что взяла у поэта. Он опустил «в зыбь твою... не кольцо, как дар заветный».

Нет – в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком.
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Поразительная глубина и исповедальная искренность лирического цикла дают возможность более всего понять самого Тютчева. Долгие годы осуждаемых в свете отношений с любимой женщиной, и только смерть от чахотки Денисьевой положит конец их связи. Условности были таковы, что всё порицание падало на неё, а этого поэт не смог себе простить. Осознание вины не оставляло его.

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Как жить после «убийственной любви», после схоронения души заживо! Сердце рывало и то, что «последнюю любовь» довелось испытать одновременно с привязанностью к жене, к которой обращались строки:

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была –
Ты, ты, моё земное провиденье!..

И всё-таки торжествуют другие тютчевские строки этой же самой поры. Они возносят нас в горние выси, заклиная – «продлись, продлись очарованье». Тут приходит на ум Гёте в одном из переводов XIX века: «Мгновенье, прекрасно ты, продлись!..» Всё так, но велик русский язык, и в каком другом ещё может быть такое слово – «очарованье», когда заодно и очи, и чары! А череда гласных...

Господи, какое чудо – родная речь!

И бессчётно цитируемая последняя строфа – как выдох:

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

Перечитываю... И оставляет в раздумье четвёртая строка. Выбивается из размера. Наверное, вполне могло быть и так:

Блаженство ты и безнадежность.

Но если брать в целом все три строфы стихотворения «Последняя любовь», там также встречается подобное. А ведь это может быть замысел Тютчева на подсознании: сбивчивость поэтической речи передаёт волнение – авторское и читательское. Словом, не знаю, только догадка.

Любовь оставляет воспоминания. Складываются горестные стихи о последнем сроке Денисьевой «Весь день она лежала в забытьи...» Слышался шум летнего дождя, жизнь продолжалась.

И вот, как бы беседа с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»

Пожалуй, из «убитый, но живой» в русской поэзии вышло значительное количество схожих образов. Нет, это не плагиат или подражание, здесь иной порядок.

И тогда же написанное:

Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвётся обожать...

3 августа 1864 года накануне печальной годовщины Тютчев записывает своё состояние, и есть ли в русской поэзии строки пронзительнее сложенных им? Должно быть, есть, но что-то мне подсказывает – дело не в этом. Такие стихи невозможно сравнивать. Они созданы для другого. Чтобы мы пытались понять, какая она – жизнь, и кто мы в ней.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Особенность поэтического развития Фёдора Тютчева во многом. Он родился, по замечанию биографа, с «признаками высших дарований», и его детская природа скрашивалась «тонкой, изящной духовностью». Натура поэта проявляла свою исключительность уже в юном возрасте. Вне всякого сомнения, отложил свой отпечаток и 1812 год, когда до срока выросли дети, впитывая общий патриотический подъём. Раннее развитие не могло не вызвать непреходящую любовь к России, что пронизывает всю поэзию Ф. И. Тютчева. Всё было за то, чтобы литература стала главным делом.

Фёдор Тютчев 14-ти лет выносит на суд московского Общества любителей российской словесности свой перевод из Горация, благосклонно встреченный он печатается в так называемых «Трудах». Однако этому больше обрадовалось семейство Тютчевых, чем сам юный поэт. Оказалось, Фёдор Тютчев напрочь лишён авторского тщеславия.

И так было всегда в дальнейшем.

Представьте долгие годы на чужбине – вне родного языка, вне литературной среды, а он, правда, от случая к случаю пишет стихи. Пишет тогда, когда они захватывают его, подступают к сердцу. Вернее, записывает, порой где придётся, на случайной бумаге. Для поэта это был способ существования. Внутренняя жизнь перемежалась с внешней, но кто знал об этом? И только когда, по прошествии лет, он возвращается в Россию вначале стихами, а потом и своим окончательным присутствием, выстраивается хроника его духовного роста. И тогда вслед за Пушкиным восторженно ахают признанные авторитеты. В их числе оказывается Лев Николаевич Толстой, назвавший Тютчева своим любимым поэтом и заметивший, что когда он впервые его прочёл, то «просто обмер от величины его творческого таланта...»

Успех первого сборника мало что значит для Тютчева, ведь началась Крымская война, и чередуются разного рода события как внутри России, так и за её пределами. Дипломатические и военные поражения ощутимы, страна в сложном положении. Тютчев тяжело переживает, пишет гневную публицистику и стихи, хотя

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!

И далее следует весьма актуальное и сегодня утверждение по поводу русского слова:

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, –
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

Назначение Ф. И. Тютчева председателем Комитета иностранной цензуры и пребывание в этой должности до конца своих дней, пусть и опосредованно, более всего сказалось на завершающем этапе творчества. Поэт, чутко улавливая вызовы времени, отвечал на них благородством поступка, стремился на практике руководствоваться методом направления, а не подавления печати. Фёдор Иванович заступался за гонимые издания, шёл вперекор начальственным лицам, за что слыл «оппозиционером». Действительность преломлялась в творчестве, становясь явлением и поводом к размышлению вне контекста создания того или иного произведения.

Примечательно стихотворение «Славянам», прозвучавшее 11 мая 1867 года как приветствие гостям Славянского съезда в петербургском Дворянском собрании. Оценена европейская реальность на тот период, характеризуются отношения между славянскими и другими народами, указан единственный путь избавления от «розни и невзгод». Славяне,

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, –
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей.

Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но всё же мы народ единый,
Единой матери сыны...

Кажется, чего уж больше: русский поэт сказал – и сказал на все времена! Великие книги надо было бы читать современным витиям и понимать их. А ещё у Фёдора Ивановича там же – да прямо-таки в наше сегодня:

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
.....
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждём и верим провиденью –
Ему известен день и час.

Это и есть, по Тютчеву, «вера в правду Бога». А вот второе стихотворение с таким же названием «Славяне» и написанное 11–16 мая 1867. Характерно, что оно дважды было прочитано для славянских гостей уже в Москве. Это прямой ответ тем, кто хотел бы славян «прижать к стене». Так вот – об этой стене, о России, и о судьбе славян:

Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К её бойницам и затворам, –
Посмотрим, что они возьмут!

Чем не про 1945-й год?! Даром ли к Фёдору Тютчеву обращались в годы Великой Отечественной. А ещё это про «красные линии», если обернуться к сегодня.

Тютчев крайне современен:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее...

После Крымской войны по Парижскому договору 1856 года Россия потеряла возможность использовать Чёрное море в полной мере. И только через 14 лет «далась победа не кровью, а умом» – поэт знает, о чём говорит. Это был успех дипломатии, других мер, но только не военных, когда «не двинув пушки, ни рубля»:

И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Но Тютчев не был бы Тютчевым, если бы не заглядывал наперёд, предрекая близкое и далёкое. Уже в самом его вопросе 150-летней давности – «Но кончено ль противоборство?» – слышится подтверждённый историей ответ.

И к распре той, что Бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

И то, что были затоплены корабли, – поправимо, оживёт «Бессмертный черноморский флот». Задумайтесь после этого о провидческом даре поэта.

Этот дар необъясним. Но одно точно: без радостного изумления перед проявлениями жизни, без желания постичь её саму как чудо ничего не будет. Будет существование.

И несколько раньше – как не минуло столько лет между двумя встречами:

Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце ожило...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Фёдора Ивановича не стало в середине лета 1873 года. Больше полугода тяжело болел.

Бывают роковые дни
Лютейшего тяжёлого недуга...

И как желается, чтобы «всемилосердный Бог» послал тебе живую душу, и вы хотя бы коснулись друг друга. И тогда, может быть:

Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и любовь.

...Чудесным образом попал ко мне невеликого размера сборник русской художественной лирики «Волна». Еле живой, страничные тетрадки не все. Издан в Петрограде, с ятями, вторым тиснением.

Так вот в этой книжице собраны известные на ту пору русские поэты. Ф. И. Тютчев занимает достойное место в каждом из семи разделов.

А в разделе «Созерцание природы» он делит одну страничку с А. С. Пушкиным. У Александра Сергеевича «Последняя туча рассеянной бури!», а у Фёдора Ивановича «Гроза прошла. Ещё курясь, лежал...».

И так легко на душе, когда они читаются заодно.

[РУССКАЯ КЛАССИКА]
ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕМОРИАЛ

АЛЕКСЕЮ ТОЛСТОМУ –

205 ЛЕТ

Олег ВОРОНИЧЕВ

РЫЦАРЬ ДОБРА И КРАСОТЫ

Алексей Константинович Толстой – личность почти легендарная, вызывающая у разных людей самые различные ассоциации. Одни смутно вспоминают что-то критическое в школьных учебниках советской эпохи о нём как талантливом писателе-классике, но, к сожалению, представителе «чистого искусства», которому были чужды революционно-демократические тенденции в русской литературе XIX века, проявившиеся в произведениях Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и др. К тому же граф Толстой был богатым наследником, обладателем огромного состояния и другом детства будущего императора Александра II, что в глазах советских критиков ещё больше отдаляло его от народа. Другие что-то слышали о невероятной физической силе и смелости этого человека, который не только писал о колокольчиках, но и гнул подковы, пальцем вгонял гвоздь в стену и не раз в одиночку ходил с рогатиной на медведя(!). Третьи восхищены благородством, искренностью, честностью – т. е. всеми чертами истинно рыцарской природы этого «певца, державшего стяг во имя красоты», которые нашли яркое отражение в его произведениях, не оставляющих равнодушным любого читателя, способного мыслить и сопереживать. Четвёртые вспоминают какие-то фразы из «мудрых мыслей» Козьмы Пруткова или «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (например, «*Вы любите ли сыр?*» – *спросили раз ханжу. «Люблю, – он отвечал, – я вкус в нём нахожу»; Земля у нас богата, Порядка в ней лишь нет* и т. п.) и ценят Толстого за искромётный юмор. Пятым интересует, кого он встретил «среди шумного бала», и другие подробности его личной жизни.

Пожалуй, наиболее объективным следует признать мнение третьих. Ведь о писателе судят прежде всего по его творческому наследию. Именно оно, если стало зеркалом и откровением души, если отмечено печатью подлинного дарования, служит мощным стимулом к изучению вех биографии, исторических обстоятельств жизни, семейных отношений и философских взглядов великого человека. Но и эти факторы в конечном счёте важны ровно настолько, насколько способствуют ещё более глубокому проникновению в творческую лабораторию писателя-классика, постижению идейного замысла его произведений.

Художественное наследие А. К. Толстого уже довольно обстоятельно изучено в различных аспектах. Написано немало статей и диссертаций, прежде всего литературоведческих, о творческой манере, поэтике писателя и конкретных произведениях. При этом многие литературоведы и критики как 2-й половины XIX, так и XX столетия полагают, что граф Толстой почему-то оказался вне живого литературного процесса своего времени и «якобы поэтому он принципиально не принимал участия в литературной жизни своей эпохи, подчёркнуто не интересовался насущными вопросами современности и, как сам признался, «грёб против течения» [Фёдоров А. В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. – М., 2017]. Ошибочность и предвзятость этого стереотипного взгляда убедительно развенчаны в докторской диссертации А. В. Фёдорова «Творчество А. К. Толстого и русская литература третьей четверти XIX в.» (2018). Да и разве можно признать оторванными от литературных процессов золотого века русской поэзии слова «*И всюду звук, и всюду свет, И всем мирам одно начало, И ничего в природе нет, Что бы любовью не дышало*» и многие другие проникновенные лирические строки?

Меня как лингвиста в первую очередь привлекают особенности языка и стиля поэтических и прозаических текстов Толстого, т. е. те характерные словесные знаки, частотность употребления и типовые сочетания которых составляют популярные сегодня в филоло-

гии понятия идиостиль и идиолект. Вместе с тем следует признать, что в лингвистическом аспекте произведения А. К. Толстого пока ещё мало исследованы. Например, в процитированной выше и других строфах стихотворения «Меня, во мраке и в пыли» литературоведы видят переключку с «Пророком» Пушкина, но не замечают, что ключевое слово любовь (а оно используется в этом тексте 7 раз, что с учётом веры автора в мистику и магию цифр далеко не случайно) употреблено не в каком-либо из привычных значений, зафиксированных в толковых словарях, а имеет особую, авторскую, религиозно-философскую семантику: «Божественное начало, первооснова и внутренняя энергия мироздания, всего сущего во Вселенной». И такие авторские словоупотребления, а также случаи совмещения общезыковых и индивидуально-авторских значений в творческом наследии А. К. Толстого нередки. Они требуют отдельного изучения и систематизации, результатом чего мог бы стать Словарь поэтического языка А. К. Толстого.

Нельзя не сказать и о том, что писатель внёс огромный, по сей день не оценённый по достоинству вклад в развитие русской исторической беллетристики, в укоренение «вальтерскоттовских» традиций на русской почве. Именно Толстой создал жанр русской исторической баллады и лучшие его образцы. При этом особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает цикл произведений о наиболее интересовавшем писателя периоде русской истории — эпохе Ивана Грозного и предсмертном времени. Драматическая трилогия «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис», превосходящая по своей художественной выразительности исторические трагедии всех современников, включая А. Н. Островского, в разное время входила в сценический репертуар многих театров. Замечателен по языку и стилю роман «Князь Серебряный», неоднократно экранизированный, в том числе с Игорем Тальковым в главной роли. Баллада «Василий Шибанов» вошла в школьный курс литературы. Несомненную печать таланта автора как исторического беллетриста несут и небольшие баллады «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода».

В этом цикле произведений о событиях отечественной истории второй половины XVI — начала XVII столетий А. К. Толстой, пожалуй, впервые в русской литературе ставит перед собой и читателем болезненный для нашей ментальности и важнейший для понимания исторического пути России вопрос о границах деспотизма власти и безропотной покорности народа. Об актуальности этой проблемы и в наши дни свидетельствуют многие события новейшей истории, в частности сравнительно недавняя острая дискуссия в СМИ по поводу открытия в Орле памятника Ивану Грозному. Думается, для более объективного представления об этом одиозном историческом лице необходимо не только изучать различные концептуальные оценки его деятельности, изложенные в трудах авторитетных историков, но и внимательно вчитываться в классические произведения об эпохе его правления, в том числе созданные А. К. Толстым, поскольку он, как Пушкин, Лермонтов и другие подлинно талантливые художники слова, писавшие в историческом жанре, обладал редким даром прозревать прошлое: угадывать «дух времени» и доминантные психологические черты исторических лиц.

Эпоха Ивана Грозного вызывала наиболее острый и продолжительный интерес А. К. Толстого, поскольку он был убеждён, что именно в том времени, когда закладывались основы русской государственности, следует искать истоки и всего негативного в нашей ментальности: деспотизма, лицемерия, предательства, алчности и других пороков, ставших, по мнению писателя, закономерным результатом «заражения татарщиной» во времена монгольского ига. Период тирании Грозного представлялся Толстому неким апофеозом этого заражения, потому что падение нравственности тогда было фактически инициировано и «узаконено» самим государем, который с помощью учреждённой им опричнины безжалостно расправлялся с аристократией, тысячами казнил невинных людей, а сам предавался оргиям, разврату, грабежам, и трудно назвать порок или грех, которым не была бы осквернена его душа.

На фоне общего падения нравственности, чему немало способствовало поведение самого царя, особое уважение и восхищение у потомков вызывают люди, близкие по духу Алексею Константиновичу: с несгибаемым характером, верные своему долгу, не преступившие законы чести и совести, прямодушные, способные говорить правду в глаза тирану, даже зная, что за это их ожидает мученическая смерть.

Таковыми мужественными и смелыми людьми, достойными уважения и восхищения Толстого, были стремянный опального князя Андрея Курбского Василий Шибанов, князь Михайло Репнин, старицкий воевода (конюший царя боярин И. П. Фёдоров-Челяднин. – О.В.), воспетые писателем в одноимённых балладах, князь Никита Романович, боярин Дружина Андреевич Морозов и другие положительные герои романа «Князь Серебряный», князь Иван Петрович Шуйский – один из центральных персонажей трагедии «Царь Фёдор Иоаннович», боярин Захарьин-Юрьев в драме «Смерть Иоанна Грозного» и др.

Сам Толстой оба названных выше аспекта своего увлечения эпохой Ивана Грозного очень точно и выразительно сформулировал в романе «Князь Серебряный». В предисловии к нему писатель с горечью признается, что «при чтении источников книга не раз выпадала ... из рук, и он бросал перо в негодование, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования», а эпилог завершает оптимистическим риторическим восклицанием и эмоционально-образным его пояснением:

«Мир праху вашему, люди честные! Платя дань веку, вы видели в Грозном проявление Божьего гнева и сносили его терпеливо; но вы шли прямою дорогой, не боясь ни опалы, ни смерти; и жизнь ваша не прошла даром, ибо ничто на свете не пропадает, и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как древо; и многое доброе и злое, что как загадочное явление существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и тёмных недрах минувшего».

Наряду с актуальностью исторической тематики не менее значимым фактором популярности произведений А. К. Толстого об эпохе Ивана Грозного является художественно-словесное мастерство автора, высокие качества его языка и стиля, исследовательский интерес к которым искусственно сдерживался в годы советской власти, особенно в период культа личности, упрощённой, вульгарно-социологической оценкой писателя как сторонника теории «чистого искусства». Не соответствовал временам культа личности с его массовыми репрессиями и пафос художественно-исторических произведений А. К. Толстого, в которых правдиво показаны произвол и безнравственность царя, его опричников, массовые казни, хотя по словам самого Толстого в том же предисловии к роману «Князь Серебряный», «в отношении к ужасам того времени автор оставался постоянно ниже истории. Из уважения к искусству и к нравственному чувству читателя он набросил на них тень и показал их, по возможности, в отдалении».

Основным документальным источником для Толстого послужила «История государства Российского» (ИГР) Н. М. Карамзина. ИГР была наиболее авторитетным, подробным собранием сведений о русской истории и – одновременно – богатым арсеналом средств языковой стилизации, создания речевого колорита описываемой эпохи. Концепция Карамзина, основоположника историко-психологической школы, оказала огромное влияние не только на Толстого, но и на Пушкина, Лермонтова и других писателей XIX в., обращавшихся к исторической тематике. Само повествование Карамзина, в большей степени научно-популярное, чем строго научное, к тому же изобилующее психологическими характеристиками исторических лиц (талантливый писатель в авторе ИГР нередко «побеждал» беспристрастного исследователя), способствовало восприятию описываемых исторических событий, деятелей и их оценок как некоей непреложной истины: настолько оно гармонировало с мировосприятием и образом мыслей большинства исторических беллетристов XIX в.

Наряду с ИГР писатель использовал целый ряд первоисточников, в частности послания Ивана Грозного и Андрея Курбского, записки иностранных очевидцев – Горсея, Флет-

чера, Массы и др., разного рода царские указы и т. д. Пользовался писатель и трудами Соловьёва, Костомарова и других историков, которые также ссылаются на первоисточники. На эти литературные памятники и сочинения историков Толстой избирательно опирался при создании документальной основы языка произведений об эпохе Ивана Грозного. Так, сюжет баллады «Василий Шибанов» Толстой мог найти у Карамзина, но при сопоставлении трёх текстов – баллады, соответствующего фрагмента 9-го тома ИГР и 1-го Послания Курбского Грозному – несложно установить, что такие характерные для стиля опального князя архаичные слова, выражения и грамматические формы, как *«ради грех, побил еси, мнишишь, в небытную ересь прельщенный»* и др. поэт черпает непосредственно из переписки Грозного с Курбским, у Карамзина их нет.

Широко используя доступные источники, Толстой вместе с тем далёк от механического копирования. Учитывая их преимущественно книжный характер, писатель использует методику дробной художественно-стилистической инкрустации: из документальных текстов он отбирает и включает в свой текст отдельные наиболее колоритные слова и их формы, фразеологизмы, словосочетания, реже короткие предложения. В дробной форме документальные языковые средства органически входят в диалоги и монологи героев, составляя их доминирующую стилистическую основу.

Из документов Толстой черпает многие устаревшие языковые средства и в качестве достоверных включает в речь персонажей – реальных исторических лиц. При этом писатель тщательно учитывает стилистическую специфику используемой языковой архаики, выбирает преимущественно такие устаревшие средства, которые были или могли быть употребительными в живой, разговорной речи эпохи Ивана Грозного. Специфически книжные документально-архаизирующие средства Толстой использует в основном для имитации делового стиля эпохи или для создания монологов и диалогов представителей образованной знати, речь которых должна иметь оттенок торжественности или книжности. Всё это способствует стилистической дифференциации речи исторических персонажей, делает её динамичной и выразительной.

Толстой тщательно отбирает из документальных источников не только устаревшие языковые средства, характеризующие специфические особенности русского языка второй половины XVI – начала XVII столетия, но и актуальную, неустарелую лексику и фразеологию (разговорную, просторечную, народнопоэтическую), неустарелые формы слов, словосочетания, краткие предложения. Благодаря этому документированность речи в исторических произведениях Толстого носит глубинный характер, она распространяется и на основной состав используемых автором актуальных языковых средств.

Бесспорно, все перечисленные качества языка историко-художественных произведений А. К. Толстого – убедительное доказательство высокой степени его мастерства не только как проникновенного лирика, но и исторического беллетриста.

Однако эссе несколько затянулось. Прошу прощения у взыскательных читателей за то, что, вероятно, утомил их большим количеством лингвистических терминов. Но очень уж хотелось показать и менее известные грани разностороннего таланта А. К. Толстого – не только легендарной, но и яркой, самобытной **языковой** личности.

Читайте его произведения – не спеша, вдумчиво, обращая внимание на все детали, даже кажущиеся на первый взгляд мелкими и незначительными. И тогда художественное мастерство «рыцаря добра и красоты» в ещё большей степени вас очарует и восхитит, и вы найдёте в его гениальных строках столь остро необходимую сегодня пищу для ума и сердца.

[РУССКАЯ КЛАССИКА]
ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕМОРИАЛ

Аполлону ГРИГОРЬЕВУ –

200 ЛЕТ

Марианна ДУДАРЕВА

«ИСКАТЕЛЬ АБСОЛЮТНОГО»: АПОФАТИКА СМЕРТИ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

А. Майков
А. Жемчужников
Н. Некрасов
А. Григорьев

Сколько юбиларов мы вспоминаем в последние два года, сколько закруглений нас поджидает. Двести лет – каждому из них, два века унесла *река времён*, оставив нам, метафизически отрешённым, забывшимся цифровым сном, идеи великих, до которых ещё предстоит дорасти. Поразительно то, что у всех этих художников слова, столь разных по стилю и поэтическому языку, непреходящая жажда Абсолюта и поиск его. Конечно, этот Абсолют связан с алканием Истины, с присутствием божественного на земле. Аполлон Григорьев назидательно писал Аполлону Майкову: «Абсолют, говоришь ты – тебя не беспокоит. Т. е. ты можешь переносить внутреннее раздвоение?.. Высший голос спрашивает нас вовсе не о том, что мы сделали для человечества как художники, критики, лекаря и пр., а как мы установили в себе центр своего малого мира, т. е. как мы слили этот малый мир с великим миром... Да и врешь ты, чтобы абсолют тебя не беспокоил, просто себя тешишь»¹. Но что есть Абсолют? Как приблизиться к его апофатическому горизонту? Апофатичны, то есть непостижимы, все основные Абсолюты культуры, будь то Красота, Любовь, Смерть... Как ни парадоксально, но именно последнее является, если хотите, той лакмусовой бумажкой, которая истинно проверяет веру человека. Аполлон Григорьев всегда настаивал на эстетическом переживании религиозного чувства, на что, кстати, обращает пристальное внимание прот. В. Зеньковский: «В этом религиозном пробуждении момент национальный, а отчасти эстетический играет очень большую роль»². Григорьев, как и Майков (стихотворение «*Ex tenebris lux*»), Жемчужников (цикл «Сельские впечатления и картинки»), Некрасов (поэма «Кому на Руси жить хорошо»), даёт эстетическое переживание смерти, оставляя свой след в отечественной художественной танатологии.

Смерть всегда апофатична, но это не значит, что человечество на протяжении многих эонов истории не пытается приблизиться к её тайне. Взгляд на этот вопрос русского народа совершенно особенный и обусловлен он и нашим язычеством, до которого в важных вопросах бытия изразцом не дотронулось православие, о чём пишет Аполлон Григорьев в одном из размышлений о русской вере: «Православие народное выросло как растение, а не выстроено по русской земле: оно не тронуло даже языческого быта... Всё, что было в язычестве старом существенно-народного, праздничного, живого, даже весёлого без резкого противоречия духу Того, Кто Сам претворил воду в вино на браке в Кане галилейской – всё уцелело под сенью этого растения...»³. И действительно, и языческий архаический взгляд на мир, и православный сходятся в одном корневом вопросе – *вопросе о смерти*. Для русской души, которая напивается и тем и другим, смерти нет, она является точ-

¹ Григорьев А. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1930. С. 165.

² Зеньковский В., прот. История русской философии. СПб.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 387.

³ Григорьев А. Письма. М.: Наука, 1999. С. 110.

кой перехода в горнее, которое апофатически важнее, чем мир дольний. Конечно, здесь речь идёт не о любом и каждом, ведь некоторые бы филистерски возразили, что, дескать, если смерти нет, то и рассуждать об этом незачем. Мы говорим об этом так, как об этом бы рассуждали Платон или Кант, когда описывали бы свои *вечную идею и вещь в себе*. Шопенгауэр в работе «Мир как воля и представление», переведённой А. Фетом, показал сближение этих вещей, настаивая на том, что только идея непреходяща и имеет *подлинное бытие*. И вот поэтому *идея смерти* имеет первостепенное значение для русского человека, для русской литературы, где герой всегда оказывается *на пороге*. Проговаривание этой идеи в Логосе, *вживание в её бытие* оказывается важнее самого *факта*, может, и оттого у нас в жанрах фольклора, особенно в волшебной сказке, представлена эйдология поиска «иног царства», предпорога.

В одном из стихотворений «Тихо спи, измученный борьбою...» (1845) мир невидимый превозносится поэтом во всём покое и величии его таким образом, что смерть становится нестрашна:

Тихо спи, измученный борьбою,
И проснися в лучшем и ином!
Буди мир и радость над тобою
И покой над гробовым холмом!

Жизнь – борьба, испытание, но за эти страдания человек сполна отблагодарен там:

Отстрадал ты – вынес испытанье,
И борьбой до цели ты достиг,
И тебе готова за страданье
Степень света ангелов святых.

Но важно не только это. Волнует, тревожит душу нашу, тех, кто пока на земле и испивает земную юдоль, *лучезарный надзвёздный свет*:

Он уж там, в той дали светозарной,
Там, где странника бессмертье ждёт,
В той стране надзвёздной, лучезарной.
В звуках сфер чистейших он живёт.

Душа растворяется в этом нетварном свете, где концы и начала сходятся, где добро и зло суть одно, потому что жизнь и смерть одно. В «Воспоминаниях» А. Фет пишет: «Всякий человек умеет отличить добро от зла. Эти слова я всегда считал фразой весьма условной и в сущности требующей перифразы: никто не может отличить добра от зла... Что касается меня... я никогда не умею отличить добра от зла, так как и эти два понятия тоже относительны»⁴. Относительны они – в надзвёздном пространстве. Но и жизнь, и смерть тоже относительны в этом пространстве. Свет, вечерний и не вечерний, есть божественная энергия, свет нетварный, который мы постигаем не умственно в пороговый час своего бытия. В мировой культурной апофатической традиции можно было бы вспомнить *locus aeternus*, особое место, которое озаряется всего лишь *на миг* таким светом⁵. У Григорьева в заключительной строфе стихотворения душа обретает такой свет в смерти и после:

⁴ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 259.

⁵ Брагинская Н. В., Шмайна-Великанова А. И. Свет вечерний и свет не вечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 73–92.

До свиданья, брат, о, до свиданья!
Да, за гробом, за минутой тьмы,
Нам с тобой наступит час свиданья,
И тебя в сияньи узрим мы!

Смерть – *минута* тьмы, всего лишь мгновение, которое ведёт нас к свету, к соединению, *событию* со всеми. Но только размышление о смерти, художественное её разрешение и переживание её бытия позволяет это не филистерски увидеть. В студенческие годы «Григорьев познакомился с философией Артура Шопенгауэра, которым увлекался Афанасий Фет, квартировавший в доме Григорьевых»⁶, что немаловажно для понимания апофатичности смерти в художественном творчестве поэта. Но и сам Григорьев апофатически мыслил идеал и жизнь: «Идеал может быть затерян, храним под спудом в ожидании его яркого рассвета; и тогда “сидящие во тьме и сени смертной” ищут его ощупью и возвращаются к сознанию его многотрудным путём отрицаний всего того, что не есть он...»⁷. А что тогда есть этот идеал? Для Григорьева – это и краткий миг тьмы, то есть смерть, с последующим пребыванием в надзвёздном пространстве, и в этом есть корневое восчувствование Абсолюта...

---

⁶ Писарчик Т. В. Философия почвенничества Аполлона Григорьева // Вестник ОГУ. 2012. № 1 (137). С. 68.

⁷ Соч. Ап. Григорьева. Т. 1. СПб., 1876. С. 187.

[РУССКАЯ КЛАССИКА]
ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕМОРИАЛ

Валерию БРЮСОВУ –

150 ЛЕТ

Николай САПЕЛКИН

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ: ИМПЕРАТОР СИМВОЛИЗМА И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПОЭТ

Два года подряд – 2023-й и 2024-й в России будут проходить под именем Валерия Яковлевича Брюсова: 150 лет со дня рождения и столетие перехода в жизнь вечную. Известно, что жизнь у поэтов гораздо длиннее их земного бытия: они существуют, пока люди читают и помнят их творения. Широкая публика может потерять интерес к поэту, даже на время забыть его. Но как только начинают звучать вечные строки, их авторы становятся нашими современниками.

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По ещё не открытым Памирам.

Валерий Брюсов обращается этими словами к нам, ныне живущим. И через тысячу лет они будут находить своих адресатов. Тем более что он сам был устремлён в будущее и призывал других следовать его примеру:

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

Валерий Брюсов стоял у истоков символизма и литературы Серебряного века, был ключевой фигурой русской культуры рубежа веков. Одним из первых стал большевистским поэтом – вступил в коммунистическую партию и пытался возглавить пролетарское искусство.

Брюсов создавал не только стихи, его перу принадлежат актуальные пьесы, фантастические романы и антиутопии, переводы зарубежных авторов; он выпускал журналы, руководил литературным институтом.

Он, несомненно, был в то время одним из лидеров русской поэзии. Лидер – это тот поэт, чей вклад в развитие литературы огромен, чьё творчество оказывает значительное влияние на других стихотворцев и на всё общество в целом.

Лидерство в поэзии определяется не только личными достижениями и признанием, но и глубиной и значимостью идей, стиля и техники.

Лидерство в поэзии – это не конкретный статус, это особая роль в формировании и влиянии на художественные и эстетические представления своего времени.

Лидер – это источник новых идей, свежих подходов, смелых экспериментов и внимания к актуальным темам. Лидер – это олицетворение эстетических и моральных идеалов своего времени. Валерий Брюсов в полной мере отвечал этим требованиям. Многие его стихи абсолютно современны – «Грядущие гунны», «Мы», «Хвала человеку», «Конь блед».

Улица была – как буря. Толпы проходили,
 Словно их преследовал неотвратимый Рок.
 Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
 Был неисчерпаем яростный людской поток.
 Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
 С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
 В гордый гимн сливались с рокотом колёс и скоком
 Выкрики газетчиков и щёлканье бичей.
 Лили свет безжалостный прикованные луны,
 Луны, сотворённые владыками естеств.
 В этом свете, в этом гуле – души были юны,
 Души опьяневших, пьяных городом существ.

Будущий поэт родился в день Андрея Первозванного – 13 декабря 1873 года в обеспеченной московской купеческой семье. В четыре года он обучился грамоте и буквально стал зачитываться книгами, «проглатывая» всё, что было в родительской библиотеке. Валерию только строго запрещалось читать религиозную литературу. Поэт вспоминал о детстве: «От сказок, от всякой «чертовщины» меня усердно оберегали. Зато об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Классическую литературу я знал плохо: не читал ни Толстого, ни Тургенева, ни даже Пушкина; изо всех поэтов у нас в доме было сделано исключение только для Некрасова, и мальчиком большинство его стихов я знал наизусть». Пушкиным он увлечётся уже в 1890-х годах, как и творчеством французских символистов – Шарля Бодлера, Поля Верлена, Стефана Малларме. Воспитанный в атеистическом духе, Брюсов был человеком земным и реалистичным. Что, впрочем, не препятствовало в зрелые годы его занятиям спиритизмом, увлечениям мистическими явлениями, размышлениям о реинкарнации. Брюсов считал, что мистика – это непознанная, не изученная человеком область бытия.

В одиннадцатилетнем возрасте Валерий Брюсов поступил на учёбу в частную гимназию. Через девять лет стал студентом историко-филологического факультета Московского университета. Изучал историю и философию, искусство и литературу. Уделял много времени иностранным языкам. В дневнике Брюсов писал: «Если бы мне жить сто жизней, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня».

Писать Брюсов начал ещё ребёнком, сочиняя вполне серьёзные стихи и весьма наивные рассказы. Будучи гимназистом, он видел своё будущее в литературе. Самые ранние известные поэтические опыты Брюсова относятся к 1881 году; несколько позднее появились первые его рассказы. В студенческие годы он издал (под псевдонимом Валерий Маслов) три сборника «Русские символисты», куда вошли многие из его собственных стихов (в том числе под разными псевдонимами). «Юность моя – юность гения, – вспоминал он позднее. Я жил и поступал так, что оправдать моё поведение могут только великие деяния».

Уже на втором курсе обучения молодой поэт опубликовал свой первый сборник – «Шедевры». В предисловии он написал: «Печатаю свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки... Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству». Двумя годами позднее вышел второй сборник – «Это – я». В 1899 году, по окончании университета, Брюсов принимает решение полностью посвятить себя литературной деятельности и приступает к работе в журнале «Русский архив».

В это время он сблизился с Дмитрием Мережковским, Зинаидой Гиппиус, Фёдором Сологубом. В 1901 году вышел их первый совместный альманах «Северные цветы» – именно тогда символизм и стал сформировавшимся литературным течением. Его творческий путь складывался весьма успешно – уже при жизни Брюсова называли «мэтром». Сам поэт был уверен, что рождён для великих дел, что призван оставить потомкам бессмертное наследие. Его стихи, был уверен Брюсов, будут учить в школе, а их автору – ставить памятники.

В 1900 году вышла его новая книга «Третья стража», после которой автор получил признание как большой поэт. После периода увлечённости французскими символистами молодой поэт нашёл собственную линию. В 1903 году он опубликовал книгу «Град и мир», в 1906 году – поэтический сборник «Венок». В «Венок» вошли произведения нескольких предыдущих лет, наряду с лирикой, были посвящения будущей революции и войне. Он экспериментирует с жанрами, увлекается прозой. Занимается переводами Данте, Байрона, Гёте, Метерлинка, Уайльда, Верлена, Эдгара По.

Новые его книги выходили практически ежегодно («Земная ось», 1907; сборник «Все напевы», 1909; книга «Зеркало теней», 1912 и другие). Параллельно с литературным творчеством Брюсов издаёт журнал символистов «Весы», состоит секретарём редакции религиозно-философского журнала «Новый путь», руководит отделом литературной критики в журнале «Русская мысль», является директором Московского литературно-художественного кружка.

В годы Первой мировой войны Валерий Брюсов находился на фронте в качестве военного корреспондента газеты «Русские ведомости», писал патриотические стихи. Но патриотические настроения первых лет войны быстро угасли. Его супруга Иоанна Брюсова вспоминала, что он «возвратился глубоко разочарованный войной, не имея уже ни малейшего желания видеть поле сражения». В этот период появились критические стихотворения Брюсова:

От камня, брошенного в воду,
Далёко ширятся круги.
Народ передаёт народу
Проклятый лозунг: «мы – враги!»

Женился Валерий Брюсов рано – ещё в студенческие годы. В сентябре 1897 года он обвенчался с Иоанной Рунт (1876–1965), которая работала в их доме гувернанткой младших сестёр Валерия Яковлевича. У них был удивительно долгий, прочный и гармоничный брак. Своих детей у них не было, супруга полностью посвятила себя мужу: была спутницей и ближайшим помощником поэта до самой его смерти. Хотя их семейная жизнь несколько раз подвергалась испытаниям и бурям.

Брюсов был стройным красавцем с завораживающим взглядом ярких глаз. Поэтому женщины обращали на него внимание. Но все отношения завершались трагической гибелью влюблённых женщин. Первая любовь Брюсова – Елена Краскова, скорострительно скончалась от чёрной оспы. Молодая учительница Евгения Павловская скоротечно умерла от чахотки. Поэтесса Нина Петровская, из-за ревности стрелявшая в Валерия Брюсова, покончила с собой, отравившись газом. Роман с молодой поэтессой Надеждой Львовой закончился самоубийством девушки.

Умершим мир! Пусть спят в покое,
В немой и чёрной тишине.
Над нами солнце золотое,
Пред нами волны – все в огне.

Супруга поддерживала поэта в период этих кризисов. Сам Брюсов стремился к тихому домашнему очагу. Поэтому их семейную жизнь можно назвать идеальной. Хотя восторженные барышни досаждали знаменитого поэта письмами и знаками внимания. Иоанна Матвеевна Брюсова пережила их всех на целую эпоху. Она скончалась в 1965 году и до самой смерти хранила поэтическое наследие мужа.

В 1915 году по заказу Московского армянского комитета Валерий Брюсов начал работать над переводами армянской поэзии за полторы тысячи лет истории Армении. Он вы-

пустил поэтическую Антологию, написал несколько статей об армянской культуре и книгу «Летопись исторических судеб армянского народа». За эти труды он получил звание народного поэта Армении.

После революции Брюсов принял советскую власть, и это было очень закономерно. Революцию он приветствовал, считал неминуемой и верил, что она действительно сможет избавить народ от угнетателей. В 1920 году он вступает в Российскую коммунистическую партию большевиков, принимает вдохновенное участие в культурной жизни обновлённого государства, работает в различных советских учреждениях. Возглавляет Комитет по регистрации произведений печати, заведует библиотечным отделом при Наркомпросе, потом – литературным подотделом Отдела художественного образования при Наркомпросе. Председательствует в Президиуме Всероссийского союза поэтов. Избирается депутатом Моссовета. Состоит редактором отдела литературы, искусства и языкознания первого издания Большой советской энциклопедии.

Большевики исполнили мечту Брюсова: предложили ему открыть и возглавить Высший литературно-художественный институт. Это случилось в ноябре 1921 года, и до конца жизни он оставался его ректором и профессором.

В эти годы у него выходит три сборника стихотворений: «Миг», «Дали» и «Спешите». Постреволюционные стихи лидера символизма являются восторженными гимнами «ослепительному Октябрю». Брюсов стал родоначальником «русской литературной Ленинианы» – он одним из первых написал стихи на смерть Ленина.

Он ушёл из жизни в один год с Владимиром Ильичём, только на девять месяцев позже. Жизнь поэта оборвалась от крупозного воспаления лёгких. Он скончался в своей московской квартире 9 октября 1924 года.

Валерий Брюсов оставил неизгладимый след в русской поэзии и культуре в целом. Он подарил нам не только прекрасные стихи, но и фундаментальные идеи и концепции, которые и поныне вдохновляют поэтов и мыслителей. Брюсов хотел, чтобы его имя было вписано в историю всемирной литературы. И у него это получилось.

В мире широком, в море шумящем
Мы – гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.
Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом, –
Мы – гребень встающей волны.

[ЮБИЛЕЙ]

Анатолию АВРУТИНУ –

75 лет

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ОДИНОЧЕСТВО СВИДЕТЕЛЯ

Мировосприятие в стихах Анатолия Аврутина

*А где-то в вышине
Журавлик тихо пролетел,
не зная обо мне.*

Анатолий Аврутин

1

Как известно, поэт – фигура одинокая. Такая душевная организация изначально заложена в природе его дарования. Внешне он может быть даже навязчиво общителен, шумен и громогласен, однако внутреннее невольное отшельничество всегда настигает его с особой остротой в минуты, когда он безуспешно старается воссоединиться с поэтической стихией и обратить её в конкретные слова. От этого никуда не уйти, зато мгновения творческой свободы и чуткое управление порывами «художественного ветра» делают поэта счастливым, и мрачный провал между ним и всеми остальными людьми чудесно исчезает. Подобное первичное свойство поэтического таланта совсем не подразумевает одиночество и даже изгойство как абсолютные характеристики, неотделимые от облика творческой личности. Художник может вести речь о бедах или о красоте социального и природного мира, входить в детали чужой жизни и быть участником каких-то событий, давних или будущих, он может растворяться в любви к женщине, которую называет «единственной». Полотно его личного бытия, переплетая метафизику с бытом, увидится читателю широким и плотным. А если в нём возникают какие-либо прорехи, то они продиктованы конкретными обстоятельствами и не носят характера некоего обобщения.

Отдавая себе отчёт в таком вполне распространённом порядке вещей, заметим, что «одиночество» как бытийная принадлежность того или иного поэта оказывается его сугубо индивидуальной чертой. Не у всякого автора названная характеристика душевного устройства проникает непосредственно в стихи. Но когда слова об одиночестве и соответствующая смысловая окраска его лирической истории, внешне изменяясь, а внутренне являясь чем-то постоянным, присутствуют в произведениях художника в течение долгого

времени, а порой и на протяжении всего большого творческого пути – это серьёзный повод всмотреться в его строки и понять, каковы же взаимоотношения поэта с историей, людьми, пространством и временем, с женщиной и со своим прошлым...

Совершенно неожиданно обозначенные задачи возникают перед внимательным исследователем творчества Анатолия Аврутина. Сборник его избранных стихотворений «Временная вечность» (Минск: Мастацкая літаратура, 2022) оказывается тем литературным материалом, в котором внутреннее одиночество предстаёт едва ли не самым важным ключом к пониманию всех иных свойств поэта, чьи строки помогают нам понять настоящий день и осмыслить минувшее. Притом неправильно видеть автора фигурой обездоленной, у которой отнято всё дорогое и жизненно важное. Всё это в земном бытии у поэта, очевидно, есть – хотя здесь же присутствует незримая и неосязаемая преграда, она мешает ему слиться воедино с Родиной, любимой, временем, людьми, родителями... Многие сюжеты Аврутина обладают странным качеством: как будто пишущий наблюдает за событиями со стороны, и его роль в происходящем – не участника, но соглядатая. Одновременно он всей душой стремится стать частью окружающего мира, вложить всю силу своих рук и сердца в правильное движение и сопряжение предметов и явлений, но какой-то запрет или роковая невозможность властно дают о себе знать и порождают в нём глухую тоску, которая порой переходит в отчаяние.

Всё – поздно, всё – не так...
 Все спутаны понятия.
 Я в зеркало гляжу –
 но нету там лица.
 И Родину успел, и друга потерять я,
 и чёрной полосе
 не видится конца.
 Ко мне не подходи –
 дразнить меня не сто́ит.
 Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
 Коснись меня перстом –
 и волк вдали завоет...
 Но если я любим,
 коснись меня перстом...

Исчезающий клин журавлей, разлука с возлюбленной и родным домом, горе и беда, поселившиеся во многих местах Отчизны – во всех подобных картинах и обстоятельствах присутствует неизбежная горечь от того, что изменить хоть малую долю печального внешнего распорядка лирический герой не в силах. Перед нами, кажется, почти экзистенциальная изоляция собственного «я» поэта. Однако его внутреннее неустройство не превращается в доминанту поэтической речи, автор не окутывает читателя сумеречным облаком своей горести, но всеми силами пытается показать красоту реального мира, чистоту человеческого сердца, которую никакая тёмная инстанция не может загасить или замарать окончательно. Художник хочет защитить красоту и подлинность благородных поступков, уберечь дивную гармонию неба и земли, простор поля и затаённость леса – от безжалостного разрушения, а неразгаданную глубину русской истории – от безоглядного поругания.

2

Изобразительный ряд в стихах Анатолия Аврутина естественно сочетает вещи натуральные и мистические, которые могут возникать в строке – вполне отчётливо или едва

уловимо. Аврутин по деталям своих лирических историй – художник очевидно реалистический. Но духовная основа множества его стихотворений носит неустранимо метафизический характер. Более того, в корпусе его произведений есть стихи, которым свойственна, как будто бы, и совсем другая, не «аврутинская» проблематика. Взаимоотношения родового, общего и христианского, личного – это, скорее, из художественной «вселенной» Юрия Кузнецова. В свою очередь, миф у Аврутина не часто воплощается самодостаточным образом (как у его старшего собрата). Он насыщает стихотворения своим дыханием исподволь и почти всегда как важнейший элемент включает в себя отношение автора к изображаемому. Причём в одних случаях лирический герой «отходит» от событий, в других – «присоединяется» к ним, но не является их непосредственным участником, исключая, быть может, вещи биографического характера, где коллизии всё-таки отодвинуты от «соглядатая» временной дистанцией.

У Аврутина признаки рода сближаются с очертаниями общего и семейного, тогда как всё христианское становится внутренним переживанием, феноменом, скорее, психологическим, нежели отражающим нравственные императивы личного Спасения. Лирика поэта целиком и полностью привязана к чувствам, а не к осмыслению времён и явлений, притом, что «рядом-стояние» старого-старого и относительно нового от его поэзии совершенно неотделимо. У Аврутина мы подходим к духовному сочетанию родового и православного как бы невзначай, когда сама жизнь заставляет alter ego автора мучительно томиться, склоняясь то к одному, то к другому началу. И в таком контексте Аврутин – не концептуальный поэт, в отличие от Юрия Кузнецова. Но иное было бы невозможно, поскольку «поэзия чувства» и «поэзия мысли» плохо сочетаются друг с другом.

Ветер в окошко стучал то и дело.
Долго судьбе я протягивал руки,
Долго с деревьев листва не летела,
Долго судьбе не хотелось разлуки.

Долго рыдалось... И слышалось долго,
Как за деревьями мечется птица.
В тучах прорезалась узкая щёлка,
Месяц пролился на бледные лица...

Ворон поёжился... И задрожала
Влага на тронутых пеплом подкрыльях.
Было здесь белому белого мало,
Чёрное сделалось чёрною пылью...

Не понимая, что случилось со мною,
Брёл я... И мучился, не понимая,
Что задышал мой отец под землёю,
Встал и побрёл, корневища ломая.

Так и бродили мы... Я – по дороге,
Он – под землёю с извечною тростью.
Еле держали разбитые ноги,
Жутко скрипели усталые кости.

Ну, а потом прекратилось и это...
Брызнула с веток крикливая стая.

Скрипнули ставни... А после, с рассветом,
Враз облетела листва золотая.

Экзистенциальное одиночество Аврутина исчезает, когда он окидывает взглядом историю, своих родных, русский пейзаж или картины воспоминаний о давнем. Лирический герой его стремится быть частью этого прошлого и настоящего, почти не задумываясь о будущем – земном будущем и небесном житии, мысль о сочетании рода и отдельной души не укладывается в его сердце. Не потому, что сам он – против того: просто он не ведаёт, как это сделать, как вырваться из капкана, метафизически установленного между этими космическими началами.

Если посмотреть на «родовое» в свете реальных событий, то в это смысловое поле помещается вся отечественная история. Только по отношению к ней родовое начало менее отчётливо и присутствует в жизни не называемо, но – не исчезая совсем. Похоже в нас живёт и личное сознание, привязанное к христианскому императиву и наставлениям – как-то обиходно, почти по бытовому. В результате подобной неопределённости возникает душевная маета русского человека, вынужденного разрываться между общим и индивидуальным. Каким должен быть выход из названного межуемочного положения, с уверенностью сказать нельзя. Тем более что это задача не поэзии и не литературы как таковой, а, скорее, философии.

В поэзии Анатолия Аврутина мы видим портрет современного человека, чуткого к душевным переменам и состояниям. Заметим: человека русского. В таком уточнении ещё раз проявляется незримая власть и присутствие родового в земном мире, где слова не всё объясняют. Зато чувства и природная интуиция подсказывают нам не рациональные формулировки, а поступки и глубинное, подлинное отношение к происходящему вокруг нас и с нами.

3

Стоит обратить внимание на примечательное обстоятельство, которое сопутствует перемещениям лирического героя Аврутина – как в физическом пространстве-времени, так и в духовном континууме. Обращаясь к истории народа и государства, приближаясь к своим биографическим вехам и как бы «фотографируя» мгновения любви, поэт всякий раз показывает предметы и само место происходящего в несколько отчуждённом освещении. Они как будто специально выделены автором, их смысл и роль в мизансцене заметно драматизированы, часто им придаётся почти роковая смысловая окраска. Как уже упоминалось, рассказчик к этим приметам внешнего мира «присоединяется» или «отходит» от них, отчуждаясь от воссоздаваемой им действительности в ещё большей степени и никогда не становясь её естественной частью. В таком показе окружающей среды и скрытых душевных движений присутствует ракурс отдельно стоящего, или парящего над землёй, или невидимо присутствующего свидетеля, и он как будто поверяет во многом отделённую от него Вселенную – законами любви, правды, справедливости, милосердия. Ретроспектива мира, куда неведомо как попал лирический герой, вызывает его удивление, содрогание, горькое сожаление и понимание того, что в развернувшейся картине, кажется, ничего невозможно исправить. Он словно пришелец из другого измерения, из старого века и другой страны и не может быть участником происходящего, но порой всем сердцем стремится примерить на себя эту роль.

Этот мир, мучительный и грешный,
Эта в боль струящаяся даль...

Всё пройдёт... И я пройду, конечно,
Как проходят август и печаль.
Как слепец проходит возле края
Бездны, до которой полруки,
Как проходит женщина босая
Через луг, а дальше напрямки.
Всё пройдет... И горечь под гортанью...
И любовь... И этот сизый дым.
Непременно станет синей ранью
То, что было поздним и ночным.
Будет даль... И будет свежий ветер
Гулко дуть судьбе наперерез,
И кого-то снова не заметят,
Что прошёл... И в сумерках исчез.

Есть только две позиции, которые являют нам героя действующего, стремящегося переустроить сложившийся порядок и восстановить реальность, что все ещё живут в его потаённом космосе. Это любовь и русская речь – чувственное и духовное отражения человека, они позволяют ему ощутить собственную полноту. Но всякая попытка восстановить сердечный порыв, пережить вновь любовное единение в стихах Аврутина является лишь горьким подражанием прошлому, но не волшебным ключом, способным изменить зрение и вернуть лирическому герою утраченную гармонию. А ведь надежда на строительное начало такого пути была велика, и она не гаснет совсем, но если разгорается в очередной раз – то уже с некоторым оттенком обречённости.

Время такое... Неясны сроки,
Ужасам нет конца.
Даже когда небосвод высокий,
Не открывай лица.

Даже когда золотые звуки
Плещутся у щеки...
Даже измученным от разлуки
Не подавай руки.

Всё позабудь... Пусть темно и немо
Ближний уйдёт во тьму.
Даже когда он взлетает в небо,
Не прикоснись к нему.

Ну, а минуты твои прервутся,
Замертво рухнешь ниц,
Ближние губ твоих не коснутся
И не откроют лиц.

Совсем иначе складываются взаимоотношения alter ego поэта с русским словом. Здесь мы сталкиваемся, наверное, с наиболее живой и органичной формой диалога автора с олицетворённой родной речью, которая превращается в образ его постоянного собеседника. Не тайный голос неведомых глубин сознания, удручённого тяжкой памятью и скорбью, а говорящая сила, что сможет отодвинуть и отразить все угрозы миру. Победительная или медлящая с ответом, кажется, замершая промыслительно на какое-то время, эта не-

постижимая инстанция никогда не упоминается поэтом с упреком, обвинением, неверием в её могучие тайные свойства. Тем более у него не найти гневного или иронического пренебрежения к русскому языку, что так свойственно нашим откровенным внешним недругам или Иванам, не помнящим родства.

Этот рокот вселенский.
 Мрачны небеса.
 На душе пустота... Только снова
 Белоснежным крылом ослепляет глаза
 Птица русского слова.

А казалось – Батыи
 Всех чёрных эпох
 Закопытили ширь, затоптали.
 Знали, слово – основа, за слово – под вздох,
 Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
 Неизвестный монах
 Книгу жизни, что зла и сурова.
 Не за харч, не за славу...
 Чтоб взмыла сквозь страх
 Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
 И жить – тяжело.
 Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
 Солнце тысячи раз за деревья зашло...
 Он писал, яснолицый...

Выцветали чернила,
 Болело в груди.
 Кровью харкал... Знал – нету другого.
 И молился, и Бога просил – огради
 Птицу русского слова...

4

Анатолий Аврутин – поэт чрезвычайно широкого тематического диапазона. Его лирические сюжеты заставляют читателя пережить коллизии давних времён, увидеть внутренним взором послевоенную Россию, почувствовать драматизм русского житейского уклада, ощутить полынную горечь постсоветских десятилетий отечественной истории и замереть, перечитывая строки о любви. Девяностые годы минувшего столетия подтолкнули нашего человека к душевному обособлению и чувству самодостаточности, теперь же множество русских одиночеств стремится вырваться из собственного ментального плена. Потому мировосприятие этого удивительного поэта вызывает эмоциональный отклик даже в профессиональной литературной среде, а сам он по праву может считаться одним из главных художественных свидетелей своей эпохи.

Анатолий АВРУТИН

---

* * *

Я не знаю дороги к нему...

Юрий Кузнецов

И когда старика роковая печаль одолела,
И когда ощутил он, как мало оставлено дней,
Тяжело прохрипел: «А какое, какое мне дело,
А какое мне дело до Родины гиблой моей?..»

Что с того, что она одарила меня травостоем,
Где росинка к росинке, где солнце рассыпано вдрызг...
Мне внушали всю жизнь, что мы Родины нашей не стоим,
Что мы только песчинки, лишь брызги разбрызганных брызг.

Коль велела страна, я на камни швырял своё тело,
И на теле чернели следы от холодных камней.
Догорало вдали... Но какое, какое мне дело,
И какое мне дело до Родины дымной моей?

Пусть порушили Храм... За неё всё равно я молился.
Златоусты твердили о чести, о вольной душе.
В болтуне-златоусте лукавый торгаш затаился,
А Иуда-предатель в лукавом сидел торгаше...

Предпасхальной Средой непрощающе вспомнят Иуду,
И от мыслей тяжёлых отмоются в чистый Четверг.
Я ни этой Среды, ни того Четверга не забуду,
Лишь бы только Всевышний молитвы моей не отверг.

Где-то хворый Некрасов прошепчет: «Ступай себе мимо...»
Помнит Чёрная речка о бренности белых ночей.
Пусть обманет страна, но Отечество непогрешимо...
Но какое мне дело до грешной Отчизны моей?

Жалко только берёз, что поникли в осенней печали,
Жаль – испуганный аист внучонка опять не принёс.
Жаль слепого щенка... О стране пожалею едва ли...
Жалко тихой затоки... До ужаса жалко берёз...

Только если душа до сих пор упорхнуть не посмела,
Хоть шажок – от окна и четыре шага – до дверей,
Я вина отхлебну... И какое, какое мне дело,
И какое мне дело до Родины милой моей?..»

* * *

Сумасшедшее время... Страна ещё спит,
А когда пробудится от сна,
Будет чёрное солнце взметаться в зенит,
И кроваво светиться луна.

И уже не шепнётся, что всё нипочём,
Прозревая, не бросишь: «Авось...»,
Если чёрное солнце стоит за плечом
И земная шатается ось.

Будет даже представить иное невмочь –
Только эти косые дожди,
Да кровавое утро, кровавая ночь,
И кровавая даль впереди.

И услышится голос тебе из угла,
Сквозь мерцание чёрных огней:
«Коль слепая Отчизна себя проспала,
Так чего теперь плакать о ней?»

И куда ты собрался, наивный чудака?...»
А ты молча поднимешь ружьё,
И пойдёшь напрямки, через лес и овраг,
Помня доброе имя своё.

Даже думать не станешь – зачем, почему?
Разве солнцем надышишься впрок?
Просто молча шагнёшь в эту смертную тьму,
Чтоб упасть головою в песок.

* * *

Последний всплеск осеннего тепла
Худую крышу зацепил невольно.
И синева по крыше потекла,
И съёжилась... И сердцу стало больно.

* * *

Январский день... Ненастная погода.
Мороза нет, лишь капли по стеклу.
И всё в округе тайно ждёт исхода
Того, что множит сумрачность и мглу.

Твердишь себе: «Случайное – случайно,
Счастливых встреч не больше, чем разлук...»

И в этот миг с предательской тщетой
Переломилось звёздное светило.
И звуки стали робкой тишиной,
Исчезло всё... Но что же это было?

И отчего заросшею тропой
Бредёт куда-то хмурая разлука,
А луч прощальный, робкий луч слепой,
Страшится и касания, и звука?

И для дыханья сделалась мала
Грудная клетка, полная печали.
Последний всплеск осеннего тепла,
Который завтра вспомнится едва ли...

* * *

... Когда мычанье и мученья
Сливаются в безмолвный крик,
Он наступает – миг прозренья,
Что быстролётен и велик.
В него вместились боль неверья,
И волшебство, и липкий страх,
И этот стон – из подреберья,
И этот холод – в позвонках.
И капля света золотого,
И тот, полузабытый, пыл.
И женский взгляд... И это слово,
Что сердцем слышал, но забыл.
Давно и призраки не любы,
И благодать – не благодать.
И от молчанья слиплись губы,
Бессильны слово прошептать
В твоё мгновенье роковое,
Когда спружинена судьба...
И только солнце золотое
Стекает капелькой со лба...

Погашен свет, но что-то светит тайно...
Беззвучно всё... Но где-то зреет звук...

ДИСПЕТЧЕР. 50-е

Эх, диспетчер... И слева, и справа
Гул да скрежет... Вздохнуть недосуг.
Мчат на север четыре состава,
И четыре состава на юг.

Посреди кутерьмы паровозной
О себе и не вспомнить никак.
Справа «скорый» грохочет нервозно,
Слева, цокая, мчит товарняк.

Невдомёк им, несущимся с гулом,
Что случится, что произойдёт,

Если этот диспетчер сутулый
Там, за пультом, немного вздремнёт.

Веки смежив на четверть мгновенья,
Вдруг и вправду задремлет всерьёз...
И скольженье вонзится в скольженье,
Рокот в рокот... И всё – под откос.

Кто поймёт в этой огненной хмари,
Среди скрученных рельсов и шпал,
Что ему надоеда-комарик
Перед сменой поспать помешал?..

*Владимир
АЛЕЙНИКОВ,
п. Коктебель,
Крым*

* * *

Откуда бы музыке взяться опять?
Оттуда, откуда всегда
Внезапно умеет она возникать –
Не часто, а так, иногда.

Откуда бы ей нисходить, объясни?
Не надо, я знаю и так
На рейде разбухшие эти огни
И якоря двойственный знак.

И кто мне подскажет, откуда плывёт,
Неся паруса на весу,
В сиянье и мраке оркестр или флот,
Прощальную славя красу?

Не надо подсказок, – я слишком знаком
С таким, что другим не дано, –
И снова с её колдовским языком
И речь, и судьба заодно.

Мы спаяны с нею – и вот на плаву,
Меж почвой и сферой небес,
Я воздух вдыхаю, которым живу,
В котором пока не исчез.

Я ветер глотаю, пропахший тоской,
И взор устремляю к луне, –
И все корабли из пучины морской
Поднимутся разом ко мне.

И все, кто воскресли в солёной тиши
И вышли наверх из кают,
Стоят и во имя бессмертной души
Безмолвную песню поют.

И песня растёт и врывается в грудь,
Значенья и смысла полна, –
И вот раскрывается давняя суть
Звучанья на все времена.

* * *

Конечно же, это всерьёз –
 Поскольку разлука не в силах
 Решить неизбежный вопрос
 О жизни, бушующей в жилах,
 Поскольку страданию дано
 Упрямитесь слишком наивно,
 Хоть прихоть известна давно
 И горечь его неизбывна.

Конечно же, это для вас –
 Дождя назревающий выдох
 И вход в эту хмарь без прикрас,
 И память о прежних обидах,
 И холод из лет под хмельком,
 Привычно скребущий по коже,
 И всё, что застыло молчком,
 Само на себе непохоже.

Конечно же, это разлад
 Со смутой, готовящей, щерясь,
 Для всех без разбора, подряд,
 Подспудную морось и ересь,
 Ещё бестолковой, верней –
 Паскуднее той, предыдущей,
 Гнетущей, как ржавь, без корней,
 Уже никуда не ведущей.

Конечно же, это исход
 Оттуда, из гиблого края,
 Где пущены были в расход
 Гуртом обитатели рая, –
 Но тем, кто смогли уцелеть,
 В невзгодах души не теряя,
 Придётся намаяться впредь,
 В ненастных огнях не сгорая.

* * *

Ставшее достоверней
 Всей этой жизни, что ли,
 С музыкою вечерней
 Вызванное из боли –
 Так, невзначай, случайней
 Чередувань светом
 С тенью, иных печальней, –
 Кто нас простит за это?

Пусть отдавал смолою
 Прошлого ров бездонный,
 Колесованье злое
 Шло в толчее вагонной, –
 Жгло в слепоте оконной
 И в тесноте вокзальной
 То, что в тоске исконной
 Было звездой опальной.

То-то исход не даром
 Там назревал упрямо,
 Где к золотым Стожарам
 Вместо пустого храма,
 Вырванные из мрака,
 Шли мы когда-то скопом,
 Словно дождавшись знака
 Перед земным потоком.

Новым оплотом встанем
 На берегу пустынном,
 Песню вразброд не грянем,
 Повременим с почином, –
 Лишь поглядим с прищуром
 На изобилье влаги
 В дни, где под небом хмурым
 Выцвели наши флаги.

* * *

Для смутного времени – темень и хмарь,
 Да с Фороса – ветер безносый, –
 Опять самозванство на троне, как встарь,
 Держава – у края откоса.

Поистине ржавой спирали виток
 Бесовские силы замкнули, –
 Мне речь убережь бы да воли глоток,
 Чтоб выжить в развале и гуле.

У бреда лица и названия нет –
 Глядит осьмиглавым драконом
 Из мыслимых всех и немыслимых бед,
 Как язвой, пугает законом.

Никто мне не вправе указывать путь –
 Дыханью не хватит ли боли?
 И слово найду я, чтоб выразить суть
 Эпохи своей и юдоли.

Чумацкого Шляха сивашскую соль
Не сыплет судьба надо мною –
И с тем, что живу я, считаться изволь,
Пусть всех обхожу стороною.

У нас обойтись невозможно без бурь –
Ну, кто там? – данайцы, нубийцы? –
А горлица кличет сквозь южную хмурь:
– Убийцы! Убийцы! Убийцы!

Ну, где вы, свидетели прежних обид,
Скитальцы, дельцы, остроумцы? –
А горлица плачет – и эхо летит:
– Безумцы! Безумцы! Безумцы!

Полынь собирайте гурьбой на холмах,
Зажжённые свечи несите, –
А горлица стонет – и слышно впотьмах:
– Спасите! Спасите! Спасите!

*Николай
АЛЕШКОВ,
Набережные
Челны,
Татарстан*

* * *

В это утро, солнечное, летнее,
Думать – далеко ли до черты
Просто лень. И помыслы чисты.
Радуюсь, что лето не последнее
На моём веку. Живу, как нравится
На речной, прибрежной полосе.
Яблони цветут, жена-красавица
Босиком ступает по росе!
Луч небесный ласково вплетается
В волосы роскошные её.
А скворцам над крышами летается –
И у них всё складно, ё-моё!
Над рекою облако склонённое
И берёзка – белая, зелёная...

Буду рифмовать, пока живой,
Родину с небесной синевою.

* * *

Устав от трудов и учений,
Учениям всем вопреки,
Однажды на зорьке вечерней
Дойдешь до великой реки.

Покажется, будто бы Волга
Течёт неизвестно куда,
И там пропадает надолго.
А, может быть, и навсегда.

У берега, как у порога,
Присядешь на самом краю
Река – это в небо дорога
Сквозь каждую строчку твою.

О жизни забудь быстротечной,
Оставив в сторонке суму,
Плыви вместе с Волгою в вечность –
К Нему!

ПОПЫТКА ВЕРЛИБРА

Выйдя к реке,
Подумаешь вдруг,
Что птичий язык Хлебникова
Вряд ли
Объединил бы всё человечество,
Но, может быть,
Научил бы нас
Разговаривать с птицами,
С шелестом берёзовой листвы,
С ветром и облаками...

* * *

Звезда дрожит среди вселенной...

Иван Бунин

Глубок колодец деревенский...
 На самом дне
 Горит звезда свечой вселенской
 И светит мне.

Ночную мысль уколотся,
 Сойти на крик:

– Путь от звезды до дна колодца –
 Всего лишь миг!

К Господней милости заветной
 Свершая круг,
 Душа надеждою заметной
 Зажжётся вдруг.

Звезда горит, как Божья тайна.
 Господь велик!
 И отраженья не случайны,
 И светел лик...

* * *

Ларисе Андреевне Черкашиной

В веках с восторгом видит взор –
 Ткалась Империи основа,
 Рождались слава и простор
 Под парусами Гончарова.

Провидят будущего зов
 Граф Литте, адмирал Нахимов –
 Под сенью грозных парусов,
 В клубах порохового дыма.

И каждый день полсотни вёрст –
 Все триста лет невероятных! –
 И мы смогли взлететь до звёзд,
 Пространств отмерив необъятных.

И сотни вражеских знамён,
 К подножью трона, Мавзолея,
 Мы бросили, отдав поклон,
 В самозабвении немея...

* * *

Идёт ХХ век,
 И я иду в кино,
 Потом на велотрек
 На улице Камо.

Стрелял и отнимал,
 Сжимая револьвер, –
 И счастье приближал
 Революционер.

Пройду Верийский спуск
 И мост через Куру.
 Запомню наизусть,
 Ни строчки не сотру.

И через двадцать лет
 Возникнет смысл иной,
 И засияет свет,
 Рождаемый строкой.

Пока ж кружится лист,
 Шин шелестящий звук,
 И велосипедист
 Даёт за кругом круг.

Форнарина же не дура –
Подцепила дурака,
Подвернулась ей халтура
На грядущие века:

Если удовлетворённый
Плотский пыл маэстро сник –
Значит одухотворённый
У мадонны вышел лик.

Изумительные плечи,
Крылья ангела оплечь.
Вовсе нет противоречья
В трепетанье губ и свеч!

Заглушён любовный лепет
Бормотанием молитв,
Пусть не страсть, а только трепет,
Как свеча во тьме, горит...

* * *

На берег Финского залива
Судьба вела, назначив срок.
Вокруг непаханая нива,
Вода, и сосны, и песок,...

Я растворяюсь здесь в природе,
Природа здесь живёт во мне.
Как мы живём в своем народе,
Раскачиваясь на волне.

От неба пьян, от хмеля трезвый,
Обнять мне хочется весь мир!
По дюнам конь несётся резвый,
И вспоминается – Шекспир.

Вопрос стоит всё также остро:
«России быть, или не быть?»
Частица суши – Котлин остров,
Тебя вовек мне не забыть!

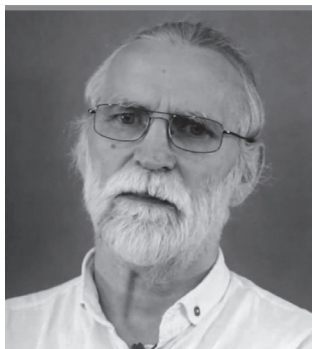
* * *

Петербург. Сторона Петроградская.
Первый домик Петра, первый звон.
Небольшая слободка посадская...
Приходили послы на поклон...

Шпиль Собора. Ангел-хранитель.
Усыпальница русских царей...
Русский гений, русский воитель
Основал здесь столицу морей!

И блистала она позолотой,
И грозила надменным врагам.
Никогда, даже пяди сотой
Враг не взял. Не открылся Сезам!

С государева бастиона
Стража зорко смотрела окрест.
Плотник-царь обходился без трона,
Вырубая Российский крест!

*Владислав
АРТЁМОВ,
Москва*

ЛЕСНЫЕ БОГИ

Мы пойдём с тобою по дороге,
Там, где сосны в золоте смолы,
Где крадутся меж деревьев боги,
Для чего-то прячась за стволы.

Коротка дорога, далека ли,
Вдаль от нас бежит или же к нам,
Помнишь, эти боги окликали,
Называли нас по именам.

Гуще лес, и сердце бьётся чаще,
Отзываясь звоном в голове,
В самой тёмной, в самой гиблой чаще
Наши боги прячутся в траве.

В тёмных дебрях – топи да болота,
Чувствуешь, как холодно в груди,
Стонут и зовут они кого-то,
Ты на зов их лучше не ходи.

Не сходи с проторенной дороги,
Беззаботной птицей не свисти,
Потому что эти злые боги
Далеко нас могут увести.

Небо в соснах светит бирюзово,
Кличет боженята и божки,
Если ты пойдёшь навстречу зову –
Не сносить тебе твоей башки.

Вот кого-то тащат из трясины,
Рвут его из кочки, как клеща,
И трясутся бедные осины
На ветру треща и трепеща.

Всколыхнётся тина у болотца,
Ясно, там борьба кипит на дне,
Холодом дохнёт, как из колодца,
И затихнет схватка в глубине.

То дожди, то листья в позолоте,
То мороз, то ели в серебре,
Будешь век томиться в том болоте,
Тосковать, как муха в янтаре.

Не ходи к далёким тем осинам,
Кто-то там висит, и пусть висит...
Дикий ветер бродит по вершинам
Да по листьям дождик шелестит.

На коре разрывы... Ну и когти!..
Страшный зверь тут шёл на водопой,
Тень его черней и гуще дёття,
Эта тень крадётся за тобой.

Потеряли в чаще мы друг друга,
Где же ты, мой свет? Пропал и след...
Я споткнусь и вскрикну от испуга,
Эхо рассмеётся мне в ответ.

Ах, какая славная картина,
Будто утро в шишкинском лесу,
Мы пойдём на свет, и паутина
Будет липнуть к потному лицу.

Помнишь, никого мы не боялись,
Где любовь, там рядышком и грех,
Вот под той берёзкой целовались,
А под елью прятались от всех.

Облетало платье, как туника,
И на мох, и на лесной песок
Рассыпалась синяя черника,
Опрокинув лёгкий туюсок.

Наши боги чувств своих не прячут,
Эй, замри, послушай эту тишь,
Слышишь, как зовут они и плачут?
Ты, конечно, слышишь, но молчишь.

Ты смеёшься чёрными губами,
Мы идём домой через лесок,
Я тащу три короба с грибами,
Ты несёшь с черникой туюсок.

Боже мой! Всё это было с нами,
Всё прошло, остался только свет.
И мелькали боги меж стволами
И махали ветками нам вслед.

Это было в рощах под Калугой,
Где живут весёлые грибы.
Где когда-то жили мы с подругой
И своей не ведали судьбы.

Боги, боги! что ж вы замолчали?
Я тяжёлых век не подниму,
Ты, родная, снилась мне ночами,
Снилась мне, и больше никому.

Постою совсем ещё немного,
На исходе солнечного дня,
Как печально, что твоя дорога
Не ко мне вела, а от меня.

Пыль клубится, тихо оседая,
Плачут сосны в солнце и в смоле,
А в полях печаль моя седая
Стелется туманом по земле.

Ты меня прости за эти слёзы,
Пусть они струятся и бегут,
Пусть шумят над берегом берёзы,
Пусть шумят... И память берегут.

Милая, пусть всё тебе простится,
Вот стою, тоскуя и любя,
И гляжу, как облака и птицы
С криком пролетают сквозь тебя...

Жизнь прошла, промчалась, вот потеха,
В той же самой роще, как тогда
Я кричу, зову тебя, но эхо...
Замолчало эхо навсегда.

Навалилась и тоска, и слякоть,
Ни просвета в небе не видать,
Милая, ну как же мне не плакать,
Как же мне не плакать, не рыдать...

СЕРАЯ МОЛЬ

Друг сказал: «Да ты свихнулся, что ли,
Видно, хмель кипит в твоей крови,
Что нашёл ты в этой серой моли?
Как ты смел признаться ей любви?»

Вот не знаю, друг, и врать не буду,
Это ж сердце, как мне сладить с ним?
Я её, конечно, позабуду...
Если повезёт уйти живым.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНЩИНА

Кто про что, а я опять – про счастье,
Про печаль пустых моих полей,
Вот и мне пришла пора проститься
С женщиной последнею моей.

То святой казалась мне, то стервой...
Выпить, что ли... Стоя и до дна, –
Сколько их бывает, после первой,
Женщина последняя – одна!

Догорает пламенно и нежно
Мой закат за пеленой дождя.
Уходи, последняя надежда,
Но чуть-чуть помедли, уходя...

Дмитрий
АРТИС,
Москва

* * *

Со всех сторон предатели,
кругом одни враги...
Сто лет стоят у матери
в прихожей сапоги.

Отцовские, как новые,
с калошами рядом,
подошвы коронованы
железным каблуком.

На старте, что на финише, —
один потенциал.
Я раньше, даже выпивший,
сапог не надевал.

Отечества и отчества
ни разу не сменил.
Отец мой вроде плотничал
и пчёлку разводил.

У горизонта пасмурно.
Мне издали видать
разграбленную пасеку
и вражескую рать.

Играть судьбе изломанной
в бездомного щенка.
Горит, как зацелована
предателем, щека.

И жизнь ещё не прожита,
не набраны долги,
но я иду в прихожую
примерить сапоги.

* * *

Тихо-тихо. Бой прошёл, и
не свистят над ухом пули.
Спрятав лица в капюшоны,
парни русские уснули.

Спят в окопах автоматы
после страшной заварушки.
Замолчали виновато
куковавшие кукушки.

Было жарко, стало сыро.
Ветром облако полощет,
и висит кусочек мира
над задумавшейся рощей.

* * *

Целый
день
на бетеэрах
перекрашивали
снег,
и под
вечер
разрядилась
батарея
на ночлег.

Парни
расползлись
по норам,
я остался
до утра
брать
бессонницу
измором

под журчание
костра.

Много жара,
мало дыма.
Ночь
исполнена
огней.
Можно
думать
о любимой
как о женщине
своей.

Сохнет
сброшенная
каска,
скачет
месяц
голышом.
Всё настолько
распрекрасно,
что немного
хорошо.

Лес молчит,
но ловишь
ухом:
всякой нечисти
в укор
звучно тянет
русским духом
изо всех
звериных
нор.

* * *

Вернулись парни с боевого,
вернулись на своих ногах.
Жива Россия и здорова,
чего не скажешь о врагах.

Сгущались над равниной тучи,
но верен был и был суров,
как Божий суд, отряд летучий
безбашенных штурмовиков.

Отваге есть куда излиться
слепящим ливнем из ведра.
На месте вражеских позиций
теперь бездонная дыра.

И проще самого простого
сказать о сущностях земли:
вернулись парни с боевого,
распили чай и спать легли.

* * *

В одночасье страна разделилась на две,
у обеих расквашена морда...
Светлоликие эльфы с дырой в голове
саранчой налетели на Мордор.

Небеса, будто веки, поднял доброт.
По классическим правилам шахмат
светлоликие первыми сделали ход,
пока орки корячились в шахтах.

Присосались к земле озорным хоботком,
не стесняясь отсвечивать задом,
и пищат: – Выходите на драчку бегом
из рабочего ада.

Выходите, иначе дома подожжём...
Только миру окажем услугу.
Как детей ваших вырежем, мамок и жён
с удовольствием пустим по кругу.

Где-то ёж копошился в зелёной траве,
одуванчик обнюхивал заяц,
расписная свистулька с дырой в голове
у плохого мальчика оказалась.

– Выходите, оценим бесстрашный порыв –
на осинах развесим повыше...
И к полуночи, смену на шахте закрыв,
орки взяли да вышли.

[ПАМЯТЬ]
Эдуарду АСАДОВУ –

100 лет

Александр БАЛТИН

ФЕНОМЕН ЭДУАРДА АСАДОВА

Феномен Эдуарда Асадова – его запредельной читательской популярности – лежит не в литературной плоскости, хотя разумеется растёт из литературы.

Очевидная упрощённость стихосложения компенсируется внезапным домашним уютом нанизываемых друг на друга опять же строк: всегда скреплённых сентиментальностью – столь милой девушкам, и дамам определённого возраста: а именно они и составляли подавляющую часть аудитории Асадова.

Отношения мужчины и женщины – что может быть более бьющим, пьющим жизнь, драгоценным, близким?

И Асадов, чувствуя тонко психологические импульсы и мотивировки, создал галерею любовных отношений, охватывая и ссоры, и влюблённость, и семейные неурядицы, и одиночество девичьего сердца.

Стихи... как стихи – с точки зрения версификации и тех вариантов, что предлагал XX век? Безусловно.

Стихи светлые?

По большей части да:

А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста...

Сколько миллионов читательниц помнили наизусть бесхитростную формулировку эту?

Стихи Асадова – триумф обыденности, заурядности бытия, да и мысли скромны, но...

Но была в них та чистота, которая заставляла светиться радостью лица его поклонниц; была в них та теплота, которая убеждала – никто не одинок, каждому перепадёт его кусочек счастья на земле.

Как знать – может быть, это важнее стилистической изощрённости, и самого грозного поэтического мастерства.

Как знать...

В наше время, когда чистота выдвлена из жизни различными грязевыми потоками, такое невольно приходит на ум.

Вне сомнения – его мужество: сине-стального отлива, стойкость солдата, перенёсшего сложнейшие операции, в результате чего лишился возможности видеть физическим зрением: и, как знать, может быть, открылись каналы внутреннего, укрепляемые памятью, рождавшей стихи о войне:

Бывало всё: везло и не везло,
Но мы не гнулись и не колебались,
На нас ползло чудовищное зло,
И мира быть меж нами не могло,
Тут кто кого – контакты исключались!

И думал я: окончится война –
И всё тогда переоценят люди.
Навек придёт на землю тишина.
И ничего-то скверного не будет...

Не терял надежды, какие бы беды не жгли, какая б темнота не наваливалась; надежда – собственно – один из основополагающих мотивов поэзии Асадова, – поэзии, некогда столь необходимой людям, не слишком искущённым в сложностях стихосложения.

Стих течёт...

Он рождается естественно – и втекает в миллионы душ: так было, ибо именно миллионами исчислялась асадовская аудитория.

Так было.

Бодрой свежестью веет от иных стихотворения, посвящённых войне:

Нет, не льщусь я словом «ветераны»,
Хоть оно почётно, может быть.
Только рано, абсолютно рано
Мне такое звание носить!
Есть в том слове что-то от усталости,
От поникших плеч и тишины,
От морщин, от грустной седины,
А короче – от дороги к старости.

Свежестью – и той силой, что определила правила его индивидуальной жизни: без жалоб, трудной, с верным вектором, которым следовал весь отпущенный путь.

Искренность и сострадание – двумя струнами – вибрировали в лирических стихотворениях Асадова:

К ней всюду относились с уважением:
И труженик и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж – и вот она одна...

Это поэзия, находившая волшебный отзвук в женских сердцах: когда ситуации узнавались, когда веера эмоций были схожи; и снова надежда сияла, и преодоление трагедии (почти любой) казалось возможным.

И любовь в стихах Асадова расцветала райски: сияя листьями оттенков, и определяя бытование человеческое на земле:

Я в глазах твоих утону
– Можно?
Ведь в глазах твоих утонуть – счастье!
Подойду и скажу –
Здравствуй!
Я люблю тебя очень –
Сложно?

Что ж...

Возможно, миссией поэта Э. Асадова было утешать и дарить надежду?

В таком случае – с этой миссией он справился.

Справился – учитывая, что издают его и ныне, причём в бумажном варианте, книги издаются, находят, вероятно, своих читателей.

Читательниц – скорее: ибо девичьи сердца, какие бы технологии не бушевали вокруг, сколь бы не торжествовали гаджеты, изначально настроены на световую волну любви: ту, которая влагой живою своей пропитала большинство строк Асадова.

В 2021 году в «Эксмо» вышла книга под знаковым названием «Моя любовь»: алфа бытия вмещена в силу краткого словосочетания.

В «Эксмо» же вышло «Полное собрание стихотворений», и книжка с простым названием «Я иду по мокрым травам...».

Слово Асадова, сколь бы ни были велики к нему претензии поэтических эстетов, проросло к читателям, его не затоптали копыта прагматики и эгоизма.

...Резко прочерчивает реальность образ Белинского:

Да, он обязан бичующим гневом излиться.
Да, он обязан, он верит в Россию, в народ!
Мысли, надежды... Кто рядом с ним? С кем поделиться?
Маша... жена? Не поймёт, ничего не поймёт!

Надо работать, а сил остаётся немного,
Недуг сжимает своею костлявой рукой,
Злая нужда постоянно стоит у порога,
Просит долги и стучит деревянной клюкой.

Есть ли здесь формула любви?

О да, ибо боль классика равна ей: и... столько разновидностей любви...

Асадов знал рецепты счастья – и делился ими.

Он и сам был счастлив: слепой солдат, поэт, обретший невиданную популярность, честный и чистый человек, нёсший до конца, до смертного листа фонарь любви высоко над головою.

СЛОВО О ЛЮБВИ

Любить – это прежде всего отдавать.
Любить – значит чувства свои, как реку,
С весенней щедростью расплескать
На радость близкому человеку.

Любить – это только глаза открыть
И сразу подумать ещё с зарею:
Ну чем бы порадовать, одарить
Того, кого любишь ты всей душою?!

Любить – значит страстно вести бои
За верность и словом, и каждым взглядом,
Чтоб были сердца до конца свои
И в горе и в радости вечно рядом.

А ждет ли любовь? Ну конечно, ждёт!
И нежности ждёт и тепла, но только
Подсчетов бухгалтерских не ведёт:
Отдано столько-то, взято столько.

Любовь не копилка в зашкафной мгле.
Песне не свойственно замыкаться.
Любить – это с радостью откликаться
На всё хорошее на земле!

Любить – это видеть любой предмет,
Чувствуя рядом родную душу:
Вот книга – читал он её или нет?
Груша... А как ему эта груша?

Пустяк? Отчего? Почему пустяк?!
Порой ведь и каплею жизнь спасают.
Любовь – это счастья вишнёвый стяг,
А в счастье пустячного не бывает!

Любовь – не сплошной фейерверк страстей.
Любовь – это верные в жизни руки,
Она не страшится ни чёрных дней,
Ни обольщений и ни разлуки.

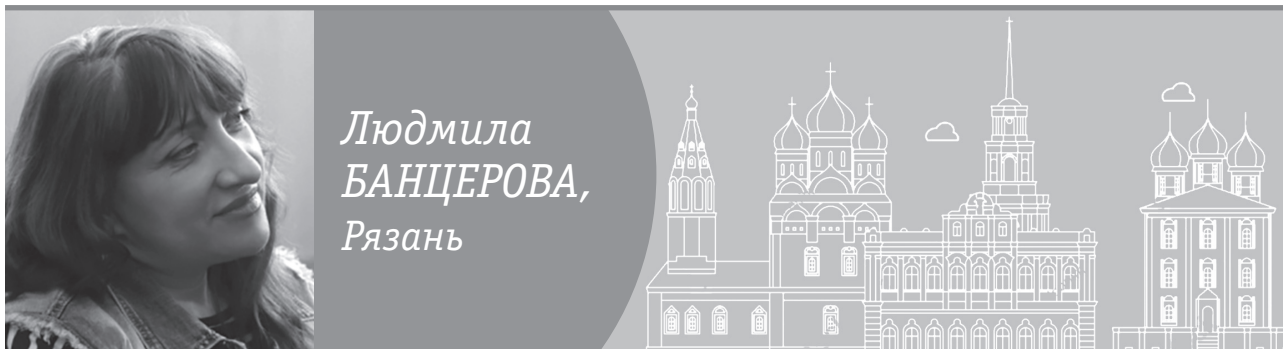
Любить – значит истину защищать,
Даже восстав против всей вселенной.
Любить – это в горе уметь прощать
Всё, кроме подлости и измены.

Любить – значит сколько угодно раз
С гордостью выдержать все лишения,
Но никогда, даже в смертный час,
Не соглашаться на униженья!

Любовь – не весёлый бездумный бант
И не упреки, что бьют под рёбра.
Любить – это значит иметь талант,
Может быть, самый большой и добрый.

И к чёрту жалкие рассужденья,
Все чувства уйдут, как в песок вода.
Временны только лишь увлеченья.
Любовь же, как солнце, живёт всегда!

И мне наплевать на циничный смех
Того, кому звёздных высот не мерить.
Ведь эти стихи мои лишь для тех,
Кто сердцем способен любить и верить!

ОСЕННИЕ ПИСЬМА

Напишите мне письма сегодня во сне,
как бегу я от дома, лицом растворяясь.
И лежат эти яблоки, дном покраснев,
эти яблоки осени, с миром свыкаясь...

В этой темени мокрой, наждачной тоске
соберусь, как всегда, после всех одиночеств.
И себя вдруг увижу в полынном листке,
в этих травах осевших, приснившихся ночью...

Напишите мне письма осенних тревог,
там, где птицы к домам прилетают, не слышишь?
Осень этих дорог – вот где видится Бог,
за порогом неспешно деревья колышет.

Напишите, я буду теперь на виду –
на виду этих сосен, размытых в тумане.
Рядом сад. Я в калитку незримо войду –
он, родимый, меня никогда не обманет...

Напишите да стукните в дверь невзначай –
этих прожитых дней, этих месяцев длинных.
Эту долгую осень придётся встречать –
эту горькую радость блаженной рябины.

* * *

И падал лёгкий снег, и в этом всё продленье
судьбы моей – сейчас неспешны голоса...
Потрескивали в печке мёрзлые поленья.
Январские лучи играли в волосах.

Тянулись синие сугробы вдоль деревни.
Залётных птиц теперь немного в январе.

Сейчас не может быть тоскливых дней,
поверь мне,
когда в разгаре снегопады на дворе.

Я, может, сотни лет здесь тихо проживала,
брала в колодце воду в снежных кружевах.
Я в эту зиму, в эту стужу оживала.
И мне казалось, мир стоял на двух ногах...

* * *

Это я (неужели там, Господи)
ожидаю кого-то у двери?
Вся земля неуёмными оспами
в моём марте теперь и апреле...

Это я прислонилась к незримому,
отходящему дню, овдовевшему...
Я сегодня одета по-зимнему,
да весну окликаю я, грешная.

Дотянусь я до веток предснежных
и до сосен прямых корабельных.
Как сегодня со мною ты вежлив –
до игрушек моих самодельных.

Это я – неужели там, Господи?
Может, слышу я звёздную исповедь...
А народ мой – толпою да просьбами,
доживает холодными избами...

Хлещут по ветру снежные простыни...
Скорой птицей лечу, словно воином.
Подо мною земля вся раскроена,
подо мною земля обескровлена.
Это я, неужели там, Господи?..

АВГУСТ

Ещё ты вспоминаешь жаркий день...

Павел Васильев

Ещё я вспоминаю тихий день:
 малину спелую в горсти и вишню,
 и как ложится на дорогу тень,
 по ней когда-то проходил Всевышний...
 Мой август... Далеко до холодов,
 до странных, проливных дождей заезжих.
 – Ещё ведь будет лето – будь готов,
 до петухов горластых, белоснежных...
 Ещё отсветит день до холодов,
 до заморозков, до пустынной крыши.
 И до весёлых баб, и вечных вдов.
 Мой август, мой мальчонка рыжий...
 Ещё летит в заоблачную высь
 твой свет,
 звенящий над печной трубою.
 И яблоки по саду разбрелись,
 и лист не пролетит над головою...
 Мне от тебя не надо ничего,
 лишь быть с тобой на полуслове, рядом...
 Ты для меня вечерним очагом
 блеснёшь вдали, травой степной, нарядной...
 Ещё я вспоминаю этот день:
 зажатый, жаркий воздух в полудрёме,
 и тишь наших дальних деревень,
 и запах терпкий от дубовых брёвен...
 Мне б рядом быть. Не надо позолот.
 Легко пройду – наискосок – проулком...
 И пахнет яблоком и сливой. Вот
 и падают плоды на землю гулко...

* * *

Ну вот и всё, и приняла весну...
 Ни словом, и ни делом не обижу.
 Лишь над домами ласточку увижу,
 и в акварельную сирень шагну...

Как долго ничего не замечала
 ни голубей, ни лёгкого причала,
 и то, как ветка вербы мне кричала.
 Но, этого всего мне было мало...

А ты живи теперь, всю живи!
 До трав, до листьев дотянись, до птицы.

И вновь воскресни в солнечной частице,
 весну в страдальных мыслях объяви...

И под конец мерцающего дня
 пройди. И в окружении травинок,
 разлива гиблого, речных песчинок
 пусть в эту радость призовут меня!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мне будет сниться дом на берегу:
 с тобой вдвоём мы всеми позабыты,
 мы, как отшельники, в земном кругу.
 Туда теперь вернуться не смогу:
 там куст терновый, каменные плиты.

Мне будет сниться штормовой прибор:
 холодный ветер руки обжигает,
 людей вот так же старость поджидает –
 в очередях земных. И нас с тобой
 в дороге непроглядной, столбовой...

Там птицы тренькают наперебой,
 вдали залёг пластом сухой валежник.
 О том, что жизнь уже не станет прежней,
 нам намекнёт весёлый зверобой
 и проходящий человек любой...

И пусть шумит над перелеском дождь
 и травы зеленеют по теченью –
 я не отдам судьбу на иссечение.
 Меня ты так легко не проведёшь.
 А за окном моим – птенцов галдёж...

Мне будет сниться дом на берегу:
 сухие листья – тамошняя песня.
 Где я не пропаду, не убегу...
 И мир в полёте бабочки так тесен,
 где мы как две травинки на снегу...

*Владимир
БЕЗДЕНЕЖНЫХ,
Нижний
Новгород*

СОНЕТЫ

1

Я видел свет. Он снисходил с небес.
Он проникал живой, неугасимый
Сквозь прах героев вперемешку с глиной.
Он всё сиянием озарял окрест.

Я видел свет. Он проходил сквозь воду
Неторопливых двух великих рек.
Сквозь гул времён, сквозь тьму из века в век
Через скрижали летописных сводов.

Он тёк с глубин очей пресветлых ликов:
Я видел отраженья ясных бликов
Сквозь муть и стоны жутких грозных лет,

Сквозь ярость поражений и побед,
Сквозь вой победных и предсмертных криков.
Я видел свет.

2

Мы чужого доброго не хотим.
Нам пусть зло поганое да своё,
Но приходит Джон к тебе Константин,
У него демоническое ружьё.

Он по обе стороны: трах-бабах!
Экзорцист и кадровый бесогон.
Одесную жах, ошуюю страх,
Пламень очистительный посолонь.

Ты ему: «А шпалер-то прибери,
Тут идёт совсем не твоя война,
У тебя ни лычек здесь, ни погон.

Да в тебе самом чернота внутри,
И в неё смотри – не увидишь дна».
Константин красиво идёт в огонь...

* * *

У этого города много краёв.
Он не заканчивается нигде.
Можешь бродить из района в район –
Где-нибудь выйдешь к воде.
Много воды. Берега пусты.
Это края. Они тут везде.
И от горы над водой мосты.
И отражения их в воде.
Все отражения и края –
Символы места. Они просты.
В городе этом, где ты и я,
Может быть, встретимся. У воды.

ЖИЛОЙ РАЙОН

Жилой район, открытый всем ветрам,
Капель кондишенов звенит по вечерам.
На стройке звонко забивают сваи
И вопли детские, как будто убивают,
Но это только милая игра.
На новеньких площадках меж домами
Все под присмотром. Бабушки и мамы
Оберегают строго оотеку,
Пока отцы на злую ипотеку
Горбатятся с утра и до утра.
Район жилой. Но не найти души
Живой. В горах домов кишит
Густой субстанцией термитник потребления.
И с грустью видишь: истлевают звенья
В цепочке эволюции. Пора
Пришла не «до мышей», а ниже...
Номо erectus, не читавший книжек,
Скрипит хитином левого ребра.

Зрачками внутрь и жвалами наружу
 Ни космосу, ни полису не нужен
 Перемещается по площади двора.
 Район живой – есть лес, пруды. Природа!
 Существ двуногих новая порода
 Её грызет как тля или саркома.
 Жилой район. Рассадник насекомых,
 Снующих по влечению нутра.

* * *

Облетают, как листья.
 В земле истлевают.
 Не предательский выстрел
 Бьёт, не ножевая
 Рана в праведной драке,
 А скука пустая
 Губит лучших. И злаки
 Сквозь них прорастают,
 И другие растения
 Тянутся к свету.
 Мне приходят их тени.
 Я слышу их где-то
 Вдалеке, в глубине.
 Их слова необычны:
 «Ты был к нам безразличным.
 Ты утонешь в вине».
 Не пугают меня

Эти речи тлетворны.
 Всё равно не разъять
 Крепко свитую нить.
 Принимаю покорно –
 Через них мне одно
 Поминать-хоронить.

РОМАНС

небо как в августе – звёздами, звёздами
 только октябрь... холода, холода
 веками хлопай как об воду вёслами
 если глаза как вода, как вода...

чувствуешь, брызги впиваются в щёки и
 жгучие слёзы бегут по щекам?
 звёзды в своих отраженьях нечёткие,
 а ледяная вода глубока.

просто смотри, слушай всплески и выплески.
 там, где от плёса мутится вода,
 вписка на небо октябрьское, выписка
 снова сюда... подождать, подождать...

небо, как в августе, звёздами, звёздами
 не забывай ничего никогда
 всё промелькнет, будто блёстками слёзными,
 всё утечёт, как вода, как вода...

ВТОРЖЕНИЕ НЕЖИТИ

Мать повелела снять часы настенные:
 добро бы шли, а то давай маршрутировать.
 – А зеркала?..
 В них сполохи военные!
 Страшенные... – пророчествует мать.

Часы снимаю, зеркала снимаю –
 я больше ничего не понимаю.
 Мне чем-то надо успокоить мать –
 часы снимать и зеркала снимать.

Земля опять не круглая, а плоская...
 Мать кран закрыть забыла не впервой.
 А из него – водица-то – днепровская,
 хотя водозабор-то – чувовской.

А может, это вкрался скомороший,
облыжный мир, находчив и удал,
и – вот вам: ни часов и ни зеркал,
и блазнится ему: «А я – хороший!»?

– Сынок, ты видишь человечка красного?
Он бьёт меня, он юркнул под кровать...
Твоя ли Черногория здесь клацнула,
Марат, мою не пощадивший мать?⁸

Война – вдали. Но близится безумство
у матери от скрежета трезубца,
и красный человечек, бьющий мать,
кого-то должен мне напоминать?..

Неужто царь наш Алексей Михайлович
указ дремучий оглашал зазря,
чтоб всяк пресекновен был Насмехайлович.
У, чароплёты! Нет на вас царя.

Не лепо ли ны в братскую могилу
взаимно изводить живую силу?
...Открытый кран срывается на вой.
Вокруг всё больше силы неживой.

* * *

Как бы изъятый кем-то вон
из черепной своей узды,
дышал извилинами волн
освобождённый мозг воды.

А в нём, откуда ни возьмись, –
слепящий световой поток –
сиречь единственная мысль
о Боге. Но ещё не Бог.

УЧЕНИЧЕСКИЙ МЕЛОК

То ли Бог, то ли вставший у горла комок.
Отчего же рассыпано вроде приманки:
– Ты давай привыкай, научайся, милоч,
разговаривать с мамкой в отсутствие мамки.

То ли щиплет за печкой лучину сверчок,
то ли ноет, как зуб на морозе, фрамуга:

⁸ Речь о галеристе (он же инагент) Марате Гельмане, набедокурившем со своими красными человечками в России и осевшем в Черногории. – *Прим. авт.*

– Ты давай привыкай, научайся, милоч,
разговаривать с другом в отсутствие друга.

А милоч
ученический держит мелок
и выводит по небу смиренно и строго:
– Научаюсь... Неужто приблизился срок
разговаривать с Богом в отсутствие Бога?

ПРИТЧА О ДУБОВОЙ ПЛАХЕ

Златая цепь на дубе том...
Александр Пушкин

Я видел дуб – без кроны и корней.
Его спилили – обратили в плаху
и на скрещенье мировых путей
установили – подивись размаху!

И слышится: «Каков был исполин!
А кольца! Кольца! Прямо вековые.
Несправим. Дуплист. Неиспалим.
Хотя ещё палили при Батые.

Зато теперь, когда усекновен,
когда он – плаха, встаньте ж без боязни
со всех, объятых ужасом колен,
вершите же на плахе этой казни!»

А дуб – как будто лучники внутри
затихарились, выстрелил весною
прицельными побегамы – смотри! –
листвою зеленеющей, резною.

А дуб, насосом вековых колец
земные соки вдумчиво качая,
переиначил заданный конец –
недаром цепь на дубе том златая.

А дуб, лишённый кроны и корней,
шумит листвою, стоит – не накренился
и отливает пули желудей,
того гляди, ещё укоренился.

ПРИТЧА О ПОБЕЖДЁННЫХ

Побеждённые строят дома
в глубине победившей России.
Пораженье своё замесили
в доходяжный раствор задарма.

И – о диво! – схватился раствор.
 Что ни дом – цитадель до сих пор.
 И слова победивших не лгут:
 – Как живётся вам, люди?
 – Зер гут!

И они побеждённых не спросят:
 отчего на поклонном пути
 монументы бессонные сносят,
 здесь – дома их не могут снести?

А за теми домами – дома,
 где над хлоркою плесень хохочет...
 – Кто их только построил, сыночек?
 – Победители строили, ма!

Как с Россией намертво сросся
 изворотливый план Барборосса –
 сверхсекретные руки поднять,
 совладать не числом и умением,
 но прилежным камней сочленением.
 Эти камни уже не разгъять.

* * *

– Оля, я тебе не всё рассказываю...
 – Не надо всё рассказывать...
 Из разговора с сестрой

Прошла ли жизнь атакой газовой,
 хоть нам Итака по плечу, –
 я не молчу – я не рассказываю,
 а вам-то нравится – молчу.

И даже если я рассказываю
 гостей, чтоб выслушали, – чу! –
 я не молчу – я не рассказываю,
 а им-то чудится: молчу.

Всегда найдутся многообразные
 пенкосниматели молвы:
 вот кто расска-расска-рассказывает,
 пока безмолвствуете вы.

И чем, то застя, то выскальзывая,
 любезен ты народу стал?
 Тем, что усердствовал, рассказывая?
 Иль тем, о чём не рассказал?..

* * *

Всё тишиною до слёз изукрашено
 В прахе величья...
 Белые стерхи плывут над Абрашино,
 Плача-курлыча.
 Больше, чем дюжина, клином высоким,
 На заповеде!
 Ханты-мансийского холода сроки
 В них возлетели.
 Завтра – крупа и закраин ледовых
 Светокристаллы...
 Та ли жалейка печалей людских

Нам не пристала?..
 Дале – померкнуло соло багряное,
 Пасмурен берег.
 Тихой молитвой, творимой мирянами,
 Снегом ли пере-
 Переметающим травы и лужицы,
 Душу укрою.
 Стаю подоблачну слушай и слушайся
 Хмарной порою.
 Клича последнее, ражие, разное –
 Крылья простерши!..
 Белые стерхи плывут над Абрашино,
 Белые стерхи.

* * *

Не загадывай, Цукер, про жизненное пространство,
Мыслеформы уже свиваются в вихрь-пропеллер...
Вечны боги Олимпуса, денежного кибер-рабства –
Триедины Морган – Ротшильд – отец-Рокфеллер.

Сколько даровано ими милостивых эвтаназий
В потреблении перемноженном на соблазны...
Ну, а кто победил – сефарды иль ашкенази –
Из огня Мировой мы узнать-понять уже и невластны.

Принесённая в Одессе-маме и под Славянском
Гекатомба да не разверзнет мглу-мегатонну!
Охрани наши души, Богородица осиянна,
Дай копьё преломити, дай испити шеломами Дону!..

* * *

Взошла Юпитера звезда над Караканом
Луны обочь.
А мне давно пора к забытым курыканам –
Своё толочь.

Туда, туда – в объятия Байкала,
Где темь и мгла,
Где кровь моя бессмертия алкала,
Как цель – стрела.

Туда, туда – сквозь эпос сновиденья,
За край зари,
Куда ушли тропой перерожденья
Богатыри.

Где след коня небесного Гэсэра
В скале отлит,
Где царствует времён Эсэсэсэра –
Палеолит.

Творца сияньем здесь со время оно
Полны лучи.
И зов светил Зевеса-небосклона
Плывёт в ночи...

* * *

Я благодарен осени затвору:
Сезон закрыт, разъехалась родня.
И так легко грустить об эту пору,
Былую боль в душе воспламеня.

Из звуков – лишь сорочки перебранки
Да призрачные шорохи дождя.
А прошлое не упокоить в рамки,
Оно зовёт и плачет, как дитя.

Остаться с ним под медленные такты –
Те, что в ночи заводит водосток.
Модем изъять и оборвать контакты,
Речам и дружбам подводя итог.

Не ждать и не надеяться на чудо,
Лишь наблюдать кружение листа
И по-дурацки верить, что покуда
Мир кружится – всё это неспроста.

Дров наколоть, набрать ведро калины,
Пересчитать предзимние гроши...
О, Господи, во мне неопалимы
Дары ли, гроздь, – в сумрачной тиши.

Час долог в ожидании заката,
Гляжу с мостков на золото Оби.
Пока багряный шар плывёт куда-то,
Вечерний свет воспой и возлюби.

Ведь тишиною душу не насытить,
Лишь музыкой, что в тишине слышна.
Она со мной... Шум суеты – изыди! –
Все сроки отменив, все времена...

* * *

Время старой планете подобно,
Что вращается в обруче сил.
Высь его несвобода бездонна,
А ветшанья не верен посыл.

Ограничена скоростью света,
Протекает печаль бытия.
Тень лишь ведает тайну ответа,
Тень мгновенья – погибель моя.

Ибо мыслью, не знающей массы,
Я пронзаю пустыни эпох...
И сникает Иван Карамазов
Перед правдой по имени Б-г.

Ибо выбора нет от начала,
Есть началом дарованный ток –
В нём мерцанье секунд замолчало
И оставил струенье песок.

Пробивая пространства воронку,
Сквозь круженье астральное тел,
Свет пронзая, вне праха, вне сроку –
Утекает душа за предел!..

ЗАПЕЧНЫЕ СТРОКИ

Грустно по осени, шёрстка свалаялась на пузе,
Некому рожичи корчить, не с кем о лете тужить.
Наш домовёнок, лохматый и ласковый Кузя,
Взял недотыкомку в жёны – за печкою жить.
Вместе шуршат они стружкой и пылью, и паклей,
Переводя тишину на запечный язык.
Жалко, жена домовёнкова, плакля-маракля, –
В скрёбе и шорохе слышен сплошной недотык.
Тук-перестук! – то синица в окошко стучится.
Ток-переток! – это чайник запел на плите.
Может случится, хозяин на вас ополчится
Или чечули поселятся на чердаке.
Надо шуршать и терпеть потому что так надо,
Не перетыкивай то, что заткнуто уже.
Стружкой и паклей укрыта сквозная досада –
Комкай не комкай, в каком-никаком падеже!
Даже на мышку-старушку не стоит сердиться,
Пусть себе пробует на зуб горох семенной.
Солнце садится. В сенях застывает водица.
Пламя полощет играющий говор печной.
Не о печали и прочих пазах и затыках,
Всё о гнезде, что закутано в дома тепло.
Спит недотыкомка... В угольных тресках и бликах
Кузя пытается на прочность зимы ремесло.

*Александр
БОБРОВ,
Москва*

ПРИВЕТ УКРАИНЦАМ С ВОЛХОВА

*Князь Игорь и Ольга на холме сидят,
Дружина пирует у берега...*

Александр Пушкин

Старой Ладоги судьба –
Из столицы стать селеньем.
В красном поле у герба –
Сокол с жёлтым опереньем.

Украинцев ждёт сюрприз,
Если здесь сойдут на берег:
Сокол, падающий вниз,
Это герб старинный – ререг.

Рюрик – славный ободрит,
Сын могучего Годлава.
Древний образ ободрит
Всех, кого коснулась слава.

Волховско-днепровский путь
Сопровителя Олега.
Выпей чарку – не забудь,
Где пирует он у берега!

РОЗЫ И БРОНЯ

У кого-то остались вопросы?
Фотографию сохраню:
Снег летит на красные розы
И на танковую броню.
Надо акцию чем-то наполнить –
Подвернулась одна из машин.
Европейцам хочу напомнить:
Наши трижды брали Берлин!
И на ржавый бок неоттёртый
Лепестки и снежинки летят.

Вы хотите, чтобы в четвёртый?
Немцы вряд ли того хотят!

* * *

Виктору Сошину

Мы выдержим даже проклятья,
Мы вынесем наглую ложь.
Поскольку мы –
Младшие братья,
Я внешне – на брата похож.

А внутренне – время покажет,
Не нам о поступках судить,
Но внутренний голос подскажет:
Мы тоже должны победить.

19 АПРЕЛЯ

*Памяти Героя Советского Союза
Николая Боброва*

В день рожденья старшего брата
Вспоминаю в апрельский день:
Все Бобровы судьбу солдата
Испытали по полной, всклень.

Я давно – не в строю на марше,
Хоть и снова гремит война.
Все в сраженьях становятся старше,
И теперь осознал сполна:

Что бы ни было в жизни нашей,
Мы не знаем свой потолок.
Только Коля, за Родину павший,
До конца исполнил свой долг.

ПРИФРОНТОВАЯ ОБЛАСТЬ

С чего бы это небо расколосось? –
Горит над Белгородчиной закат.
Теперь она – прифронтовая область,
Её с небес хранит мой старший брат.

Здесь танковые орды грозно бились,
На всё гляжу спокойней и трезвей.
Мы с нею безвозвратно породнились
Через стихи, красавиц и друзей.

Над Прохоровским полем – славы выскерк,
И брата борт уходит в синеву.
Мы с нею вместе за Победу выпьем.
Клянусь: я до такого доживу!

В БЕЛГОРОДЕ

Какие лёгкие походки!
Какие взгляды на прострел!
Похорошели белгородки,
А может, сам я постарел.

На молоке обжэгшись, дую
На всё, что собираюсь пить:
Засмотришься на молодую –
Так может место уступить.

Но я ещё во всяком разе
Не забываю, что поэт,
Что не боятся танки – грязи,
А я, увлёкшись – груза лет.

У МОГИЛЫ РОДИТЕЛЕЙ

Сам себе вредил немало –
Рвался, буйствовал, грешил.
Как бы жизнь ни протекала,
А вот батю – пережил.

Убирать листву не жарко,
За водой ходить к ручью,
Эх, поднять бы с ними чарку,
Только я теперь – не пью.

А они любили это –
Шум, застолье, вольный стих.
Больше них бродил по свету,
Выпил больше их двоих.

Почему ж на сердце горько?
Что с Россией?
Что со мной?
Помянул на Красной горке,
На неделе Фоминой...

НА СЕРПУХОВКЕ

Ирине Полудень

По старой привычке московской
С какою-то лёгкой тоской
Иду по Большой Серпуховской,
По-нашему – Серпуховской.

По улице Замоскворечья,
По адресу первой любви,
Где я целовал твои плечи
И смуглые руки твои.

Печалиться – мало резона
И память не так горяча.
Налево – завод Михельсона,
Позднее – завод Ильича.

За ним – поднялись небоскрёбы
И сквер перед ним – не узнать.
Но я задержался здесь, чтобы
Тебе, дорогая, сказать:

Есть радости, встречи, кручины,
Которые, пусть далеки,
Написаны в жизни мужчины
С особенной красной строки!

*Николай
БОРСКИЙ,
Мытищи,
Московская обл.*

НАШИ ГЕРОИ

Воин российский, донецкий боец и луганский
Бьются по-рыцарски, всякий мирняк берегут,
Пленных щадят, хоть приязни не чувствуют братской –
Не до родства, ибо норв бандеровский лют.

Раненых укров к врачам доставляют, однако,
Перевязав милосердно, несут на себе до машин –
В этом ведь тоже величье натур и отвага,
Твёрдый характер и труд настоящих мужчин.

Данный конфликт оказался богат на контрасты,
Там крупным планом – ристание зла и добра,
Где у последней черты покачнулась планета опасно:
Ужас – народам, стратегам – большая игра.

В ней оставаться людьми – непростая для многих задача,
Но для России по силам во все времена,
Не было чтобы насилия, крови и плача –
Каждого суть проявлять вынуждает война.

Ратной работою заняты наши герои,
Горе Донбасса им души отважные жжёт.
Лучших из лучших прислала Отчизна для боя,
Молится и одоленья великого ждёт.

Да и в тылу россияне намного прозрачней.
Z – проявитель для всех как магический знак:
Кто за свободу, а кто за себя однозначно
Ради доходов и прочих заманчивых благ.

НАРОДНАЯ НАУКА

Кто в палатке, кто в балагане –
 Доживали век у реки
 Алкоголики-поселяне,
 Климактерики-старики.

Тюфячок на стальной кровати,
 На костре в котелке еда,
 Рыболовство прокорма ради,
 Лодка, вёсла, садок, уда.

Это общество подарила
 Жизнь бродяжья случайно мне.
 Полюбить их нетрудно было
 И запомнить навек – вполне.

Хоть сродниться сумел не с хода –
 Шаг за шагом, за годом год
 Поднимался я до народа,
 До насущных его забот.

В разношёрстной лесной ватаге
 Были воины и з/к.
 Я учился у них отваге
 И ещё – чутью языка.

Деликатности в обиходе,
 Бескорыстию, простоте,
 Тяге к честной своей свободе
 Лешаки обучили те –

В пику всякой начальской дряни
 Над излучиною реки
 Алкоголики-поселяне,
 Климактерики-старики.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ВЕРСИЯ

Глину ног лениво закаляют.
 Спит колосс. Беспечный крепок сон.
 Не спеша конягу запрягают.
 «Будет прочность. Будет и разгон».

Малахольна пьяная услуга –
 Ездовой, постельничий, гончар.
 И дозорщик тоже спился с круга,
 Что потоп верзиле, что пожар.

С вышки слез под утро похмелиться,
 Прозевав, что занял враг посад
 И почти добрался до детинца,
 Где ударить некому в набат.

Авангард уже крушит ворота,
 Рубит в щепки и тараном бьёт.
 Трубачу чесаться неохота,
 Стража также беспробудно пьёт.

Ни тревоги, ни сверканья стали,
 Пушек нет, не выкопан редут.
 Конь издох, покуда запрягали,
 У колосса ноги не идут.

Но, хоть лень, приходится озлиться.
 Исполин проснётся кое-как...
 Супостата битого столица
 Всё равно поднимет белый флаг.

[ПАМЯТЬ]

Владимир БОЯРИНОВ

(1948-2022)

Максим ЗАМШЕВ

ВЕСЬ МИР В УЛЫБКЕ

Впервые я встретил его в 1996 году. Тогда, на совещании молодых писателей МГО СП России, меня приняли в ряды Союза, и он вручал мне билет. Был радушен, хотя очень спешил. Работа в Московской писательской занимала всё его время. Он спасал и спасал эту организацию до последних дней, спасал дом, спасал независимость.

Несколько лет спустя, когда Иван Голубничий пригласил меня на работу в «Московский литератор», мы стали видеться с Владимиром Георгиевичем Бояриновым чаще. Его вид, бодрая уверенность, внятность всегда помогали в работе, не позволяли унывать. И тогда я открыл для себя его стихи, удивительные по тону, чистые, самобытные, предельно русские:

Когда из поволоки
Пробрезжит на востоке
Рассветная межа,
Пускай тебе приснится
Осенняя зарница –
Заблудшая душа.
Впусти её без страха,
Она всего лишь птаха
Меж небом и зёмлёй,
В своём скитанье давнем
Не ставшая ни камнем,
Ни мудрою змеёй.
За то, что эти годы
Делила все невзгоды
И горести твои,
Нарви ты ей морошки,
Корми её с ладошки,
Водой её пои...

Потом мы сблизились. Рабочие отношения перешли в дружеские. Владимир Бояринов стал мне старшим братом, опекал, наущал. Память прихотлива. Что сохранила она за эти четверть века? Если бы можно было держать в ней каждый день и потом обращаться к каждому в любое время и проживать его заново. Но увы.

Я помню его колоссальное рвение на работе, как он приезжал ни свет ни заря и работал. Как тянулись к нему люди, то за советом, то за помощью, то просто за неспешным разговором. И он всем уделял внимание, хотя уставал страшно. Помню, как он, грудью бросаясь на амбразуру, защищал МСПС и Сергея Михалкова от нападков нечистоплотных людей. Как по-детски он не понимал, когда ему вредили, удивлялся человеческой подлости, хотя жизнь прожил многотрудную. Я взахлёб слушал его рассказы о детстве в Семипалатинске, об учёбе в Томке, о том, как он определялся на лето в тяжёлые строительные бригады, шабашки в сибирской тайге, чтоб как-то заработать на жизнь, как поступил в Литинститут, где учился у Егора Исаева. Особо увлекательны были истории о работе в издательстве «Современник» под руководством Прокушева и Сорокина, вместе с Юрием Кузнецовым. Я был свидетелем, как хмуроватый и не очень общительный Кузнецов заходил к Владимиру Георгиевичу и как на равных они общались. Сам Бояринов не раз подчёркивал роль Кузнецова в его поэтическом становлении. А каким богатырём в его речах восставал Владимир Цыбин! Я всерьёз осознал его значимость только после того, как Бояринов мне открыл многие его стихи. Когда мы готовили в «ЛГ» публикацию о Владимире Цыбине, он принял деятельное участие. Текст тогда написала Светлана Межжковская, ученица Цыбина.

Бояринов любил Россию по-настоящему, без ксенофобии, без истерики, просто не мыслил себя без этой любви. Вот знаменитые его строки:

Пронеслась на заре по грунтовой дороге
Тройка взмыленных в дым ошалелых коней.
На телеге стоял, как на Божьем пороге,
И стегал вороных безутешный Корней.

И кричал он вослед журавлиному клину,
И с отмашкой слезу утирал рукавом:
– Ох, не мину судьбы! Ох, судьбины не мину
На небесном пути, на пути роковом!

Где-то дрогнула ось, где-то брызнула спица,
Повело, подняло, понесло между пней!
И склонились над ним:
– Чей ты будешь, возница? –
Харкнул кровью в траву безутешный Корней.

И спросили его:
– Ты в уме в самом деле?
И куда понесло тебя с грешной земли?
– Я-то что, я-то что? Журавли улетели!
Без следа улетели мои журавли!

Нам случалось с ним бывать в Европе. Он никогда не впадал там в ересь, типа, у нас всё лучше, что там смотреть? Восхищался живописью в Лувре, каналами Венеции, строгостью Вены. Он был широким человеком, вмещал в себя многое, высоту его поэзии ещё предстоит оценить потомкам. Я помню, как мы шли по Милану, было жарко, и он снял обувь и пошёл босиком. Это свобода, которой многим так не хватает. Настоящая. Не наступающая ни на чью свободу.

Помню, как он обратил моё внимание на то, что знаменитые не повторяющиеся узоры решёток на парижских балконах очень походят на структуру Эйфелевой башни.

Вся его мудрость могла заключаться в одной улыбке, такой доброй и обнадеживающей, что её нельзя забыть. Как нельзя забыть выдающегося русского поэта Владимира Георгиевича Бояринова!

Простите и прощайте!

Мы обязательно встретимся.

Владимир БОЯРИНОВ

---

* * *

Сорвётся стылая звезда,
Сорвётся лист, сорвётся слово, –
Всё будет завтра, как всегда,
И послезавтра будет снова.

Всё повторится в простоте:
В ночи с гнезда сорвётся птица
И растворится в темноте,
Чтоб никогда не повториться.

СЧАСТЬЕ

Солдат подбил три танка кряду
В бою за город Ленинград.
Десятидневную в награду
Побывку получил солдат.

Героя вёз товарный поезд,
Потом полуторка везла,
И пел страданья санный полоз
До вологодского села.

И видит он: избу стогами
Укрыли белые снега.
Он разметал их сапогами,
В окошко постучал слегка.

Жена услышала, привстала,
Дивясь: как по ночам светло!
И подошла, и задышала
В заиндевелое стекло.

Прожгла дыханием и взором
Кружок величиной с яйцо.
И вдруг за сказочным узором
Протаяло его лицо!

Она блаженно улыбнулась,
Перекрестясь, исторгла стон
И от окошка отвернулась:
Какой счастливый снится сон!

Солдат в окно смотрел сквозь слёзы.
По грудь укутанный в снега
Смотрел, боясь разрушить грёзы
Промёрзшим скрипом сапога.

Солдат смотрел, а счастье длилось,
И в зачарованном краю,
Оцепенело, заблудилось,
Спаслось в ночи и поселилось
В избе родимой, как в раю.

МЛАДЕНЕЦ РУССКОЙ СЛАВЫ

На поле Куликовом,
За тридевять земель,
На поясе шелковом
Висела колыбель.

Висела золотая,
В колечки завитая,
Меж небом и землёй,
Меж снегом и золой.

В четыре полотенца
Рыдала ночью мать:
– Храните сон младенца!
Трещоток не замать!

– О чём она судачит? –
Задумалась родня...
– Когда мой сын заплачет,
Попомните меня!

Горчат дымы Полтавы,
Берлинский чад горчит,
Младенец русской славы
До времени молчит.

А вьюга всё крепчает,
Плетёт свою кудель.
Господь всю ночь качает
Златую колыбель...

ПАРОМ

Гудит паром, скрипит паром,
Трещит паром брусчатый.
Храпит Харон, трубит Харон,
Мертвецким сном объятый.

И рёв, и стон со всех сторон,
И ветер свищет в уши:
«Проснись, Харон! Подай паром!
Явись по наши души!»

На заберег со всех сторон
Народ стекает с улиц:
«Настало время похорон!
Проснись, проснись, безумец!»

Завяз паром, застрял паром,
Засел паром на мели.
«Вы мне, – взревел старик Харон, –
Смертельно надоели!»

Молите, пусть не грянет гром,
Не оскудеет Волга.
Не торопите свой паром –
Живите долго-долго...»

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК

Я срубил крестовый дом,
Говорят: «Грешно».
Дописал печальный том,
Говорят: «Смешно».

Ловок на руку и спор
Завидуший бес.
Запылал в саду костёр
До небес.

О любви заветный том
Запылал в огне.
Запылал крестовый дом
Со цветком в окне.

Если завтра я умру –
Погорю чуток.
Я на небо заберу
Аленький цветок.

Буду нежить, чтобы рос,
Буду поливать.
Всех, кто дорог мне до слёз,
Буду вспоминать.

Публикация Ольги Бояриновой

*Борис
БУРМИСТРОВ,
Кемерово*

ПЕРЕД БИТВОЙ

Я вышел сегодня из дома
Часов то ли в пять, то ли в шесть –
Морозно дымилась солома,
Кустарников дыбилась шерсть.

Была, видно, поздняя осень,
А впрочем, так виделось мне.
Часов, может, семь, может, восемь
Я шёл по колючей стерне.

Деревьев прозрачные тени
Летели и падали ниц,
И дали в округе темнели,
Не слышалось пения птиц.

Как будто уставшее время
Сменялось на время другим...
И всадник подтягивал стремя,
И целился взглядом тугим.

ПАСХА

Сколько нежности в русском народе,
Чудо-вербы опять зацвели.
Прояснилось в душе и природе,
И разъяснилось небо вдали...

Боже! Милость какая нисходит
На тебя, на меня с высоты!
В одночасье в душе распогодит,
И любовью наполнишься ты.

И забудешь обиды пустые,
Чтоб друг друга простить мы могли –
В эти дни просияют Святые
Над безоблачным ликом Земли.

ЗАПОВЕДЬ

На грешную жизнь не ропщите –
Всё было, всё будет в судьбе.
Друг в друге врага не ищите,
Но Бога ищите в себе.

Друг в друге лишь друга ищите,
Отринув хулу и враньё,
И памяти тонкие нити
Не рвите во имя своё.

* * *

Перешагну через трещину
И... в полынью,
Как я любил эту женщину,
Как я люблю.

Кротость свою и робость
Прочь отгоню.
Перемахну через пропасть
И... в полынью.

Лютото ветра затрещину
Вновь получу.
Как я любил эту женщину,
Вспомнить хочу.

Снова пустые новости
Ухают вслед.
Перемахну через пропасти
Прожитых лет.

Времени талую трещину
Льдом застеклю.
Как я люблю эту женщину,
Как я люблю...

*Виктор
ВЕРСТАКОВ,
Москва*

* * *

Какая, к чёрту Украина,
когда есть Киевская Русь –
первоисточник, сердцевина,
славянская мечта и грусть.

Была окраиной для Польши,
не устоявшая в бою,
но мы её любили больше –
праматерь русскую свою.

Вернули Киев и другие
её святые города,
её местечки дорогие,
пусть и смешные иногда.

Великороссы, малороссы,
никто ни мал и ни велик.
Да, чуть по-разному курносы,
да, отличается язык,
подпорченный татарским игом
и польским игом в оный век, –
но, встретясь, понимаем мигом:
проходит русский человек.

А разбредёмся ненадолго, –
вдруг обернёмся на пути:
за нами Днепр, за нами Волга,
нам больше некуда идти.

ЭПОХА

Нас не почитают, не читают,
не преподают, не издают.
Перед нами женщины не тают,
внуки наших песен не поют.

Старые поэты, ветераны
русского Парнаса и войны

водку пьём, долечиваем раны,
смотрим прозаические сны.

Мы давно не нравимся эпохе,
чужды ей сраженья и стихи.
Говорит: – Делишки ваши плохи.
Отвечаем: – И твои плохи.

Как ты, дура, без литературы
будешь во Вселенной куковать?
Чем свои войнушки и амуры
в жизни будешь запечатлевать?

А с другой эпохой сразишься,
кто тебя, немую, защитит?
Бога ты, эпоха, не боишься,
Он ведь Слово, значит, Он пиит.

Но шумит эпоха в интернете,
чтоб своей не слышать тишины,
позабыв, что жизни нет на свете
без литературы и войны.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мы летим не туда, а обратно,
то есть не на войну, а с войны,
и за иллюминатором пятна
не от взрывов – от бликов луны.

В чудном «Ту сто полсотни четыре»
балерин офицеры кадрят,
пьют за мир, за любовь в этом мире,
расчехлить мою лиру велют.

Отдаю и гитару, и водку,
остаюсь в самом дальнем ряду,
и напрасно солистка-красотка
машет ручкой – я не подойду.

Опустил пред собою сиденье,
возложил сдуру ногу свою,
улыбнулся на странность явления:
не влюбляюсь, не пью, не пою.

Вот борттехник прошёл между кресел
(до сих пор не избуду стыда),
посмотрел, как я ноженьку свесил
и сказал: «Хоть разуйтесь тогда».

Я с войны улетаю Сирийской.
Пусть дорога ещё далека,
но ведь нет уже страха и риска –
только стыд и глухая тоска.

И на Чкаловском аэродроме
сердце заскрежетало опять,
хоть причин вроде не было, кроме
той, какую не время понять.

...Вскоре «Ту сто полсотни четвёртый,
под неверным взлетая углом,
возле Сочи рассыпался к чёрту,
зацепившись о море крылом.

Сверил дни, экипаж и бортономер.
Да, совпали, и жутко вдвойне,
что Ансамбль Александрова помер
с этой «Тушкой» в чёрной волне.

Как душа вылетает из тела,
не ко времени в небо спеша,
так из Армии вдруг излетела
и разбилась о вечность душа.

ДОКТОР ВЕРА

В палатке у ног бамианского Будды
под дальним огнём непонятно откуда
не то, чтобы пьём, но слегка выпиваем,
болтаем, поём, ночь войны убиваем.

Начштаба вернулся с постов охраненья,
ругает его зампотех за терпенье:
– Давай, мол, поднимем дежурную роту,
заткнём эти буры и те пулемёты.

Начштаба молчит, доктор Вера хохочет,
она никого поднимать здесь не хочет,
она прилетела вчера из Баграма –
сестра офицеров, солдатская мама.

– Ах, братик, не слушай ты глупости эти,
пускай отдохнут наши милые дети,
никто не болеет, но смотрят устало,
да вот и стрельба-то почти перестала.

– Я с доктором Верой всецело согласен, –
сказал замполит. – Ночью дух не опасен,
а утром я в горы схожу с разведвзводом
и всё растолкую душманским уродам.

Всё вышло, как пели и как говорили:
бойцы отдохнули и духов побили.
Красивой и умной была доктор Вера,
что даже из этого видно примера.

А если в Баграме с полковником Пашей
она целовалась, – то дело не наше.
Со временем Паша пробьётся в министры,
и давний роман позабудется быстро.

А Вера в разбитом Советском Союзе
устанет лечить нас от ран и контузий
и не по начальству пойдёт, а по миру,
чтоб дочке оставить хотя бы квартиру.

Взорвут бамианского Будду талибы,
да мы по нему и стрельнуть не смогли бы!
Что ж, выпьем в Москве поминальную чашу
за Будду, за Веру, за маршала Пашу.

А что у них в небе, – то дело не наше.

Анатолий
ВЕРШИНСКИЙ,
Раменское,
Московская обл.

Редакторат альманаха «ДЕНЬ ПОЭЗИИ – XXI ВЕК 22\23» поздравляет Анатолия Вершинского с 70-летним юбилеем!

СПРОС

Осеннее тепло сменил мороз,
и красной именуемая линия
сдвигается, удваивая спрос
на снадобья от страха и уныния.

Но пусть недоговаривает власть,
куда переместить флажки намерена,
не весь народ растерян – только часть.
Глубинная Россия не растеряна.

В оснастке не скупясь на «полный фарш»,
готовят новобранцев Братск и Бронницы.
И в Брянске трубачи играют марш,
а им колоколами вторят звонницы.

Зашкаливают конкурсы в десант
от Пскова и Твери до Евпатории.
И самый лучший антидепрессант –
учебник по отеческой истории.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ У КОЛОДЦА

*...И, взяв кувшин, пошла за водой;
и услышала: «Радуйся, благодатная!
Господь с Тобою; благословенна
Ты между жёнами».*

Протоевангелие Иакова

Ревнителю правил, судите без гнева
и мастеру вольность не ставьте на вид:
на мстёрской иконе Пречистая Дева
у сруба колодца с ведёрком стоит.
Как будто соседка, ужин спроворив,
пришла за водою, оставив шитьё.

Хитон у Марии, как должно, лазорев;
как должно, бордов омофор у неё.
Иконный пейзаж канонично условен:
скалистые горки, лесок вдалеке.
Но этот колодец из тёсаных брёвен!
Но это ведро жестяное в руке!

Согласно Писанию, встретила дома
Мария архангела с вестью благой.
Нам эта история с детства знакома
из книги, написанной мудрым Лукой.
Но повесть иную поведал Иаков;
её не включили в церковный канон,
хоть этот апокриф по-своему знаков:
там корни у многих стихир и икон.
Быть может, и в ваших сердцах отзовется
сумевший немало талантов увлечь
сюжет Благовещенья подле колодца:
колодец – первейшее место для встреч!

На мстёрской иконе – предвестие чуда:
и в жестах фигур, и в палитре самой.
Но сбудется чудо – помедлив, покуда
Мария, опомнясь, вернётся домой...
Знаток палестинских святынь и диковин,
естественно, спросит, прищурясь хитро:
а как же криница со срубом из брёвен
и странный сосуд – не кувшин, а ведро?
Отвечу: колодец до смертного часа
у нас почитается кладезем благ.
У Господа нашего, русского Спаса,
и Матушка – русская. Разве не так?

*Алексей
ВИТАКОВ,
Москва*

* * *

Меня откопали в Карельском лесу.
Пришли, подтянулись на смену.
Я вышел из рая, держа на весу
Берёз корневую систему.
Я был и пропал на той страшной войне.
И вновь вижу буйные краски.
Я вышел из рая с осколком в спине,
Без ног и в простреленной каске.
Под рёбра мне ветер холодный проник.
Вспорхнула над черепом птаха.
Сжал пальцы мои юный поисковик.
И сам растерялся от страха.
А синее небо висело у крон.
Мальчишка смотрел виновато.
Отдал я ему свой солдатский жетон,
Расчёску и ствол автомата.
Гудел самолёт, пролетая вдали.
Клонилась от ветра гвоздика.
И свечка горела у самой земли.
И только – в разрывах брусника.

* * *

Спит ворон, тень свою склевавший.
Минутам жизнь теряет счёт.
Уже идут по трапу наши.
Уже заходят в самолёт.
Уже в закрылках рвань тумана.
Уже скучают корабли,
Глаза озёр и котлованы
Огромной Мурманской земли.
Полярный мрак чернее сажи.
Фонарь сутул, как старовер.
По трапу – пятна камуфляжа,
И красный флаг «СССР».
Пилот с надеждой смотрит в полночь.
В испуге пятится луна.

Уже идёт, идёт на помощь
Полузабытая страна.
Идёт из сора и бедлама,
Течёт, как собранная ртуть.
В строю – афганская панاما,
И – африканское тату.
Под Визбора, под «Чёрный ворон»
Блестит упрямая слеза.
И снова – под пилоткой чёрной
Стальные, чёрные глаза.
Она идёт, идёт, как чудо,
Сосредоточенно бурля.
И возвращается оттуда
Где начинается земля.

* * *

Откуда взялся ты, кораблик,
Такой весь белый пароход,
Когда закат – в багровой марле,
Когда кровит сквозь бинт восход?
Откуда ты, когда на выстрел
Летит самоубийцей мир,
Когда дошкольники по свисту
Распознают калибры мин?
Откуда ты, такой счастливый
И лёгкий, как младенца сны,
Такой далёкий от распилов,
Не понимающий войны?
Пришёл через какие двери?
Как отыскал ты этот путь?
Я вдаль смотрю, и я не верю,
Себя пытаюсь ущипнуть.
Откуда? Призрак чьих погостов?
Каких земель былая соль?
У моря девочка-подросток.
– Как величать тебя?
– Ассоль.
Обман. Не верю. Знать не знаю.

– Какого чёрта! – говорю!
Но вдаль Ассоль бежит по краю
Воды и машет кораблю.

* * *

Здесь музыка и запах мяты.
Здесь мы забыли о войне.
И только два СУ двадцать пятых
Напоминают нам о ней.
Два самолёта. Деревенька.
Старик плеснул в стакан Агдам:
– Никак к дождю! Летят нызенько.
Вдохнула бабка:
– Не к деньгам.
Закат лоснится алым крупом.
Волна расходится с горой.
За детским морем Мариуполь
Распластан чёрною дырой.
Вода и степь живут в соседстве.
Всё как обычно, как всегда.
Не пой: «Куда уходит детство?»,
Застрянут в горле «города».
Бормочет ветер: «крибле, крабле...»,
Листая пыль, как словари.
Не пой: «Куда плывёт кораблик? «
И в даль морскую не смотри.
Седой баклан, луны заплата,
Гитара, церковь, магазин.
Гудит сквозь сон СУ двадцать пятый.
И возвращается. Один.

* * *

Запах гари. Воздух ломкий.
Покосившийся блиндаж.
Бегло рыщет по «зелёнке»
Звук, одетый в камуфляж.
Этот звук летит без цели,
Ужасает города,
Он на крышах, на качелях,
На земле, на проводах,
Он и в ведро и в ненастье,
Он подчас со всех сторон,
Глубоко сидит в запястье
И влетает в детский сон.
То длиннее, то короче –
От крыльца и до крыльца.
А ещё приходит ночью

В капюшоне, без лица.
Он качается, как дембель.
Ждёт, когда наступит день.
И отбрасывает к вербе
Тьмою собственную тень.
Он стоит над сном и ветром,
Не поймёт – как ни согни –
Почему на вербных ветках
Не кончаются огни.

* * *

Я помню это. Видел не во сне.
Артек. И солнце в необъятной сини.
И дети обнимаются в окне:
Грузин, татарин, русский, украинец.
Футбол. Трава, песок. Потом рассказ
О Матче смерти. Капли дождевые.
О, как болел я, Господи, не раз
Срывая горло, за «Динамо Киев».
А вечерами – звёзды, море в пляс.
Мы грезили – а вот бы да гостинец,
Четыре деда – вот бы да сейчас:
Грузин, татарин, русский, украинец.
Вновь ветер, перемешанный с песком.
Футбол – футболкой пузырятся крылья.
Вновь бьёмся, словно в том – сорок втором.
Тогда был «Старт», а мы – «Динамо Киев».
И точно знаем – в складках вышины
Четыре деда – в повтореньях сини –
Навеки непришедшие с войны:
Резо, Амир, Владимир и Василий.
Не вспоминай. Не помни о былом.
О Матче смерти – там теперь другие.
Отписывайтесь. Мы переживём.
Вот только вправду жаль –
«Динамо Киев».

*Анастасия
ВОРОНИЧЕВА,
Брянск*

* * *

Сколько б горя ни было на свете,
Музыкой небес из-под воды
Колокол, поющий о бессмертье,
Не одно столетие звонит.

Вестник золотого Китеж-града,
Что нас ожидает впереди?
Космос ли? Война? Олимпиада?..
Где ещё нам нужно победить?

Сколько нужно наших сил и крови?
Мы готовы – только дай нам знак!
Не бывать России без героев,
А герои могут только так –

До последней капли, до предела –
Чтоб, в глубинах больше не таясь,
Воссияла русская идея,
И чтоб с небом возродилась связь.

ФОНАРЩИК

За закатом – рассвет.
Время сходит на нет.
Уменьшается жизнь и планета...
Это я не в укор –
Ведь таков уговор.
Ведь закончится всё, кроме света.

АВГУСТ

Он – строенье невзрачное,
Где уютно и просто,
Где окошко чердачное
Смотрит прямо на звёзды,

Где любое страдание –
Лишь мираж и нелепость.
Август – хрупкое здание
И последняя крепость.

Перед натиском холода
Это всё, что осталось;
Как минута до поезда –
Эта жизнь, этот август.

С неизменной радостью
Всё, что есть, принимаю.
На развалинах августа
Сладко грезить о мае.

РОГНЕДА

Какой она была?
В названии села
На многие века
Её осталось имя.

Густеют облака,
И тихая река
Бездонна, как тоска
Отвергнутой княгини.

Но заревёт гроза,
Как сотни лет назад,
Врываясь в тину дней
Рассерженным аккордом,

И всколыхнёт ковыль
Языческая быль,
И вспомнится о ней –
Униженной и гордой.

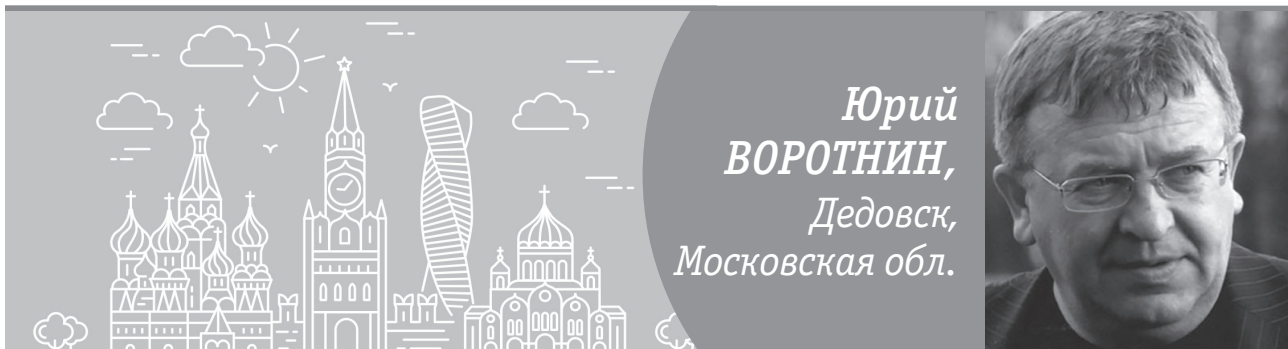
* * *

Лучи закатные горят,
Меж сном и явью грань условна.
Я примеряю осень, словно
Недавно купленный наряд.

А платья летние грустят
На вешалках, как на вопросах,
И сквозь грядущего набросок
Миры далёкие блестят.

А листья павшие пестры.
Они – как письма без ответа,
Что, уходя, послало лето...
Но вот уже зажглись костры,

Чтоб сжечь последние мосты
Меж новой жизнью и минувшей,
Как Атлантида затонувшей
Среди осенней суеты.

* * *

Спотыкаюсь, срезаюсь на каждой версте,
Вбита в землю по горло верста,
А тому, кто хоть раз повисел на кресте,
Даже дня не прожить без креста.

Не жалею себя и к другим без щедрот,
И смотрю до окалин в глазах,
Как качается гать от совиных болот
До совиной звезды в небесах.

Ни прощеньем твоим, ни слезой на ветру
Не унять мне тоски ломовой,
И вбиваю с размаху в пространство версту,
Чтоб не кончился путь столбовой.

ДОМ

Часы не идут, вязнет сырость в углах,
И окна крест-накрест забиты,
Но скрипнула дверь, словно соль на зубах,
Душа поднялась до молитвы.

Когда я входил в этот дом нежилой,
Концы не сходились с концами,

Но печку при мне затопил домовой
И печь зацвела изразцами.

Сквозняк коридоры продул на лету,
Крылом не задел паутинки,
И память размыла в глазах темноту,
Как переводные картинки.

Я истоиво заговор дедов шепчу,
Я глажу узор самотканый,
И вслед домовой затепляет свечу
И чай разливает в стаканы.

Качается месяц сквозь доски в окне,
Полы лунным светом протёрты,
И силы мои возвращаются мне,
И жизнь возвращается мёртвым.

* * *

Кричу, когда огонь прожжёт
Меня дыханием лужёным:
«Бог бережёных бережёт,
А каково небережённым?»

Мне эхо катится в ответ,
Ожоги сушит и нарывы:
«Небережённых Богом нет,
Есть, кто мертвы, и есть, кто живы».

Смирюсь, верю и огня
Не утрашу проникновенья,
И Бога, спасшего меня,
Оберегаю от забвенья.

* * *

Кому-то жизнь – тяжёлый грех,
Кому-то – окаянство.
Я шёл во тьме, покуда снег
Не осветил пространство.

Я выживал, где жизни нет,
И пропал, где жили,
Но выпрямлялся снежный свет
Работой сухожилий.

И как бы чёрная смола
По следу не кипела,
Легонько явь моя плыла
По белому под белым.

Но как и раньше, как во тьме
Мне было непонятно,
Откуда жизнь взялась во мне,
Куда уйдёт обратно.

СКОМОРОХ

Мне родина рюмку нальёт,
Я выпью и стыд потеряю,
Губною гармошкой рот
Расквашу от края до края.

На слово последнее скор,
Подхваченный резвым мотивом,
На всех заведу разговор
О нашем житье терпеливом.

Под горку покатится речь
И враз опрокинет границы,
Коль слово от слова зажечь
Всё дальше само разгорится.

И выгорит в памяти путь
Былинный, забытый, заветный,
Он рядом – ладонь протянуть,
Но вдруг зашатаюсь под ветром.

Не стану раскачивать Русь,
Поникну, как травы к Успенью,
И правду, которой боюсь
Опять рассказать не успею.

С размаху шагну в забытьё
И буду в сомненье минутном
Смотреть, как дыханье моё
Густеет во времени смутном.

* * *

Кто мне истину откроет,
Светом тьму посеребрит?
Не с того ли ветер воет,
Что душа моя болит?

Кто удержит равновесье?
Кто пошлёт благую весть?
Есть над нами поднебесье,
И земля под нами есть.

Отчего в ученье строгом
Ересь тлеет, как ожог,
То ли ходим все под Богом,
То ли все мы вместе – Бог.

Я стою пред образами,
Я держу в руках свечу,
И закрытыми глазами
Вижу дальше, чем хочу.

* * *

Спасённый небесною твердью,
Земною затянутый в жгут,
Живу между жизнью и смертью,
Так многие нынче живут.

И в храмах по дням поминальным
Ловлю себя, как в ворожке,
В старанье движеньем случайным
Поставить свечу по себе.

* * *

Вот и кончилось время прощаний,
Обустроен последний приют,
Мы уходим туда не с вещами,
Вещи дольше обычно живут.

Их удел среди завалов подённых
Дольше века из рук не сходить,
Чтоб ещё на земле не рождённых
И уже неживых породнить,

Чтобы утром в тягучем тумане
Слышал я сквозь столетний гранит,
Как у прадеда в чайном стакане
Колокольчиком ложка звенит.

* * *

Нечаянно родившись заново,
Я снова начал этим летом
Читать Георгия Иванова
И спать с невыключенным светом.

Таилась в оболочке будничной
Непредсказуемого завязь;
По сретенским невзрачным улочкам
Мы шли, ладонями касаясь.

Там, где случайного прохожего
В урочный час не чаешь встретить,
Лучей причудливое крошево
На нас раскидывало сети.

Жара под крыши горожан гнала;
Но ты, без преувеличенья,
И в зной казалась краше ангела,
Увиденного Боттичелли.

И облака – благие вестники –
Струились высью голубою
От Сухаревки до Рождественки,
Благословляя нас с тобою.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Последним воскресением зимы
По узким улочкам Замоскворечья,
По тем местам, где вместе были мы,
Пройтись, наружу вырвавшись из тьмы,
И не отчаяться, и не отречься.

Казалось бы, всего на полчаса
Нам стоит оказаться на Ордынке,
И снова ты поверишь в чудеса –
Прекрасна, как весенняя роса
На тоненькой нетронутой травинке.

Часы застыли. Тиканье пружин
Прервалось на последнем обороте.
Я снова жив. Но снова здесь один,
Как будто безраздельный властелин
Всех проходных дворов и подворотен.

Мы знали тайну. В предрассветный час
Они, как музыкальная шкатулка.
Их звук с тобой мы слышали не раз,
И не было волшебнее для нас
Замоскворецких сонных закоулков.

Я не могу поверить, что сюда
Ты больше никогда не возвратишься.
Что я один – невелика беда,
Но нет страшнее слова – никогда,
Из словаря посмертного затишья.

И каждый день, как грешник, по утрам
Я нашему молюсь Замоскворечью.
Брожу по переулкам и дворам
И жду, что небо улыбнётся нам,
И ты – нечаянно шагнёшь навстречу.

КАНУН

Туман в низинах расстился пеленою,
Внезапный ветер набегал и пропал;
И до утра, готовясь к завтрашнему бою,
Не спал в сраженьях закалённый генерал.

Рассвет всё ближе. Но, покуда час не пробил,
Он зорким взглядом обводил притихший
стан;

То тут, то там мелькал его орлиный профиль,
И все бесшумно расходились по местам.

Он назубок усвоил истины простые:
Не лгать, не трусить, не сдаваться, не стонать.
Он знал доподлинно, как велика Россия,
И доброй волею не стал бы отступить.

Пристало ль русским перед пулями
склоняться,
Когда на знамени – нерукотворный Спас!
Мы насмерть станем за родную землю,
братцы,
И вместе выживем. А впрочем, как Бог даст.

Пусть грянет бой, какой от века был едва ли,
Пусть супостату будет белый свет не мил;
Чтоб через двести лет потомки вспоминали
Тех, кто за Родину себя не пощадил.

Он не застанет час, когда под вечер смолкнут
Орудий залпы, посвист пуль, снарядов вой.
Он будет гордо умирать, шальным осколком
Смертельно раненый в атаке роковой.

Светлело небо в ожидании восхода;
Вот-вот над полем вспыхнет первая заря.

Начало осени двенадцатого года.
Грузинский князь – на службе русского
царя.

* * *

Привычка русская свой крест нести,
Ни исповедать, ни постичь её, –
От ощущенья бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

И как бы ни досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несём своё предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба – святая схимница;
И воздаянье ждёт нас на небе,
И не пройдёт, и не отнимется.

[ПАМЯТЬ]

Расулу ГАМЗАТОВУ –

*100 лет**Анатолий АВРУТИН*

МОЙ ГАМЗАТОВ

Когда полвека назад я только вступал на тернистый поэтический путь, имя Расула Гамзатова гремело по всей стране. По телевидению и радио бесконечно передавали его знаменитых «Журавлей», текст которых мастерски перевёл с аварского Н. Гребнев; известнейшие композиторы почитали за честь написать на его стихи новую песню; переводчики мечтали, чтобы им доверили прикоснуться к подстрочнику его магических стихов... Лауреат практически всех высоких премий Советской державы, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда – он казался небожителем, для которого не существует никаких преград и с которым не то что встать в один ряд – просто перекинуться парой ничего не значащих фраз, уже несказанное счастье. А наполненные глубочайшей житейской мудростью строки гамзатовских стихов многие наши сограждане знали наизусть, не упуская случая процитировать их в житейских спорах в качестве неоспоримого аргумента своей правоты.

Мне, тогда совсем еще юному поэту, даже и не мечталось когда-нибудь тоже попробовать свои силы, переводя гамзатовские стихи с его родного аварского на русский.

Но время непредсказуемо. Не стало великой державы СССР, в которой развитию национальных литератур уделялось колоссальное внимание, один за другим ушли из жизни лучшие переводчики гамзатовских стихов. Это Я. Козловский, Н. Гребнев, Е. Николаевская... Да и сама поэзия, как таковая, в ходе рыночно-либеральных преобразований оказалась, как и вся настоящая литература, вышвырнута на обочину общественной жизни. Опустели книжные магазины и библиотеки, поэтические вечера исчезли с экранов телевизоров, уступив место извращенческого толка попсе...

Я мог лишь догадываться о том, что чувствовал тогда этот гениальный поэт, которого крутой поворот истории лишил и читателя, и былой славы. Нет, он прожил после развала страны ещё достаточно долго, всё так же возглавляя Союз писателей Дагестана и оставаясь у себя на родине не только воистину народным поэтом, но и непререкаемым авторитетом во всех сферах жизни. Когда на Кавказе сложилась критическая ситуация после печально знаменитых ельцинских слов о том, что регионы могут взять власти столько, сколько захотят, и всерьёз встал вопрос об отделении Дагестана от России, а вооружённые до зубов банды Басаева и Хаттаба делали эту перспективу весьма и весьма реальной, именно великий Расул на одном из важнейших заседаний произнёс фразу, которую мог сказать только гений: «Дагестан в Россию добровольно не входил... И добровольно из неё не выйдет...»

Именно после этих слов своего национального гения в Дагестане стало формироваться воистину народное ополчение, которое совместно с силами российской армии отстаивало право республики быть составной частью России.

В то же время известность и популярность гамзатовских стихов у русскоязычного читателя стремительно уменьшалась. Не зря поэт однажды с горечью признался, что благодаря переводам на русский он из поэта одного аула стал поэтом всей великой страны, а потом из поэта великой страны снова стал поэтом одного аула... Сказано, конечно, с преувеличением – многие из тех, кто любил творчество поэта в годы его славы, продолжали и дальше следить за его творчеством, но таких оставалось всё меньше, а достойных переводов новых творений Р. Гамзатова почти не появлялось...

А потом поэта постигло ещё и величайшее горе – после тяжёлой болезни скончалась Патимат, его верная спутница жизни, супруга, муза и единственная любовь. Эта женщина делила с поэтом не только радости, но и все трудные моменты жизни, которых тоже было немало. Преемник и ученик Гамзатова, народный поэт Дагестана Магомед Ахмедов рассказывал мне, каким строжайшим охранником становилась эта женщина, беспощадно конфискуя из портфелей посетителей мужа бутылки с ненавистным ей коньком, в употреблении которого уже не очень здоровый поэт порой не чувствовал меры... И долгие годы можно было только догадываться, каким ударом для Расула Гамзатовича был уход супруги в мир иной...

А весной этого года мне неожиданно позвонила дочь классика Салихат Расуловна: «Мне сказали, что на сегодняшний момент именно вы являетесь лучшим переводчиком поэзии Северного Кавказа... Приближается столетие отца и не могли бы вы взяться за перевод доселе остающейся в рукописи его поэмы «Патимат», посвященной памяти моей матери? И сколько такая работа будет стоить?»

Разве мог я много лет тому назад, будучи начинающим поэтом и переводчиком, представить, что наступит день, когда ко мне обратятся с подобной просьбой? Более того, уже заслужив на Кавказе известность хорошего переводчика и выпустив с полдюжины переводных сборников дагестанских поэтов, я остерегался прикасаться к творчеству великого Расула – слишком огромен авторитет этого человека в мировой поэзии, слишком велика ответственность переводящего. И до разговора с Салихат Расуловной в моем творческом багаже было всего несколько переведённых стихотворений поэта, одно из которых, правда, будучи положенным на музыку и блистательно исполненным композитором и певицей Надеждой Колесниковой успело стать достаточно известной песней...

Подстрочник я проглотил залпом и долго потом сидел оглушённый тем потоком неподдельной человеческой боли, которой на меня дохнуло. Такое ощущение, что поэму написал не мэтр мировой поэзии, а просто старый, больной и к тому же ставший совершенно одиноким простой человек...

Двое суток, забыв про ночной сон, я не отрывался от письменного стола. И был счастлив, что Салихат Расуловна перевод одобрила... От гонорара я, разумеется, отказался – сама возможность прикоснуться к творчеству великого Мастера – уже высочайшая награда.

Поэма небольшая, поэтому беру на себя смелость привести её целиком...

ПАТИМАТ

Поэма

1

*Кто не знает, думает,
что женитьба и рождение ребёнка —
и есть радость всей жизни...
Они могут убить за один день.*

Слова отца

В июне... Двадцать шестого...
Оставив меня во мгле,
Да так, что померкло Слово,
Дома, в Махачкале,
Вечером, на закате —
(От горя поник закат),
В домашнем своём халате
Ушла моя Патимат.

До этого всё глядела,
Как я на неё глядел...
Уже невесомо тело,
И щёки бледны, как мел.

В Раю накренилось древо,
Грехом околдован сад...
Пусть яблоко съела Ева,
В чём грех моей Патимат?

Полвека была со мною —
Вместилищем всех страстей,
И сказкой... И тишиною...
Подарок твой, Прометей!

Зачем-то заторопилась,
Оставив меня во мгле.
Погасли, как божья милость,
Все лампочки на земле.

Как будто бы где-то в высях,
Разрушилась божья ГЭС...
И стан её гордый высох,
И свет из зрачков исчез.

Как будто из звёздной тверди,
Печалью моей влеком,
Пришёл сюда ангел смерти
И выключил всё кругом.

А смерть всё глядит с прищуром,
Зовёт меня в мир иной,
Вмиг сделав меня пандуром
С оборванною струной.

И, будто застрял я в скалах,
Где выхода вовсе нет.
А небу Шунгара мало?
Привет, мой Шунгар, привет!

Горячий июньский воздух
Вознёс её навсегда.
Вы только ответьте, звёзды,
Средь вас ли моя звезда?

Кому посвящать сонеты? —
Мне пишется нелегко.
Вздохните, друзья-поэты,
Ушла моя Сулико!

Вздыхаю осиротело...
Стих чёрен... Конец пути?
Не могут душа и тело
Покоя себе найти.

Ненастные дни и ночи
Потеряны просто так.
Так яблоки, между прочим,
Теряет немой дурак.

А годы летят в тумане,
Не видя ни лет, ни зим.
Дерутся, как те цыгане,
За торбы с добром чужим.

И колокол в Цадастане
Разносит в ночи набат,
Что скоро меня не станет —
Не жить мне без Патимат.

Живём мы в пору такую,
Когда вся земля — базар,
Где даже Луной торгуют,
И лишний ты, если стар.

Где стала страна пустыней,
Настоянной на крови,
Где ржавчина, а не иней,
Где нету уже любви.

Недолго мне жить осталось –
Весь пламень в груди угас.
В попутчиках – только старость,
И кладбище... И намаз...

Два гостя в дому... Полгода
Душа по гостям болит:
Один не отыщет входа,
Второй уходит спешит.

Незванные гости, нужно
Немного покоя мне.
Боль в теле моём недужном...
Портрет её на стене...

А сердце послушно стону,
И та неразрывна связь.
Женились мы по закону,
Расстались, не разводясь...

Отца схоронил... И маму...
Тогда устоял мой дом.
Друзей опуская в яму,
Я знал, что спокойно в нём.

Певцы уходили, братья...
И вновь устоять я смог.
А нынче готов кричать я:
«Как пусто!.. Я одинок...»

Очаг разжигать нет смысла,
Погас навсегда очаг,
Как божья погасла искра
В смиренных её очах.

Нет дел до словесной драки,
Я болью навек распят.
Набатом над Нагасаки –
Смертельный в душе набат.

И пламень в груди всё пышет,
Как в Мексике злой вулкан.
Вот Ноев ковчег... Не слышат...
Путь держат не в Цадастан.

Буддийский Тибет, где травы,
Что вылечат всё подряд?
Что ж ты, Далай-лама бравый,
Не спас мою Патимат?

Шаманов вокруг немало,
Кричат, заклинают... Лишь
Молчишь ты, Юван Шесталов,
Ни слова не говоришь.

Суровые, как гробницы,
Случились в моей судьбе
Вон те корпуса больницы,
Хвалёная ЦКБ.

Здесь хвори всегда суровы,
Здесь лечат рабов анкет.
Есть новые Пироговы?
Увы, Пироговых нет!

Рецепты писал мгновенно
Стихами... И до зари...
Так где же ты, Авиценна?
Консилиум собери!

Я здесь каждый день, мне в вену
Лекарство течёт – «кап-кап...»
И холтер шепнёт мгновенно
Насколько мой дух ослаб.

Таинственность барокамер,
Уколы, лечебный свет...
Но дух мой от боли замер,
А помощи нет и нет.

Вся высохла... Стало серым
Родное её лицо.
Какою измерить мерой
Ту боль, что в конце концов
Сжила Патимат со света?..
Мой светоч... Мой светлый сон.
И нет у врачей ответа
На этот мой волчий стон.

II

*Я всегда с болью в сердце слушал
Мадину, которая звала Кукушку.
Несчастливая птица, оказывается,
как я сегодня,
Искала свою потерявшуюся любимую.
Слова отца*

Бессильны молитвы... В глотке
Застрял мой печальный стих.

И саван посмертный соткан
Из нитей надежд пустых.

Накройте моря печали
Покровом из алых роз,
Надежда придёт едва ли...
Лишь камень могильный врос
Туда, где сухие листья
Летят на могильный тлен,
Где мёртвая сущность истин,
Ползёт по пустотам вен.

Спасибо тебе, природа,
За эту немую речь,
Что листья в лучах восхода
Обняли сутулость плеч.

Не листья они, а письма,
В них мысли и голоса.
Порой непонятны смыслы,
Неведомы адреса.

Быть может, растаял иней,
Дождь брызнул на окоём,
Но только слеза отныне
На веке дрожит моём.

То, может быть, просто птица
Стряхнула тоску с крыла?
Тоска по щеке струится –
Ложбинку себе прожгла...

... Светает... И солнце-пряха,
Срывает тоску с петель.
День сонный, как черепаха,
Вползает в мою постель.

А я повторяю снова,
Что плохи мои дела.
Веранда... Висит подкова,
Что счастья не принесла.

И снова моя подушка,
Под утро от слёз мокра.
...Любимой шептал на ушко
Я нежности до утра.

Она же, смеясь и плача,
Всю ночь повторяла мне,
Что в жизни нельзя иначе...
И плакали мы во сне.

Ты мне улыбнись сквозь слёзы,
С улыбкою вновь заплачь.
С тобою и воздух розов,
И время несётся вскачь.

Кто бросил мне пыль в озёра
Вчера ещё зорких глаз?
Лимонное древо взора,
Где ясность твоя сейчас?

И, к «Курску» спешащий в гости,
В пучину бросаюсь вновь.
На дне океана – кости,
На небе – моя любовь

...Листочки, стою, роняя,
В немодном плаще до пят.
– Привет, Патимат родная!..
Лишь птицы вдали кричат.

И нет от тебя ответа,
И скорбно склонились враз
Россия и вся планета,
Бразилия и Кавказ.

Все сто государств склонились,
Склонилась Седло-гора.
Шахине моей на милость
Сдаются в ночи ветра.

Султанша моя, отрада,
Пришли к тебе столько стран.
А мне лишь тебя и надо –
Какой из меня султан!

Вот-вот огонёк погаснет
В груди... И померкнет свет.
Здесь нет никого несчастней,
Чем старый больной поэт.

Коран так велит – хоронят
Умершего поскорей.
Твои холодны ладони...
Но дайте мне пару дней...

Не всё я успел сказать ей,
Не вся ещё здесь родня...
Троюродных много братьев,
Их всех поджидаю я.

Закрыты аэропорты,
Задержаны поезда...
Не сыграны все аккорды...
Ещё не взошла звезда...

Дороги ещё размыты –
Заторы у Акуши...
Ну, как положить под плиты
Порывы её души.

Такая пришла година,
Что ей только дьявол рад.
Рыдает в Москве Мадина
По бабушке Патимат.

Вот-вот разлетятся души,
Погаснут искринки глаз...
Я Время молю: «Послушай!
Добавь мне хотя бы час!

Зачем так минуты мчатся,
Как всадники по войне?
Позволь до утра остаться
Мне с нею наедине...»

Плачь, внучка моя Амина,
Плачь, внучка моя Тавус!
Уходит в сырую глину
Наш самый бесценный груз.

Ей было всегда вас мало,
Вы вечно в своих делах.
Молитвенно прошептала:
Аллах вас храни... Аллах...

Есть дом, но я вновь без крова...
Темно, хоть огни горят...
Всего три коротких слова:
«Ушла моя Патимат».

Когда-то лихой мужчина,
Едва я теперь стою.
Как будто бы саблей длинной
Всю жизнь рассекли мою
На части... Я здесь не властен.
Держу, распахнув пальто.
Две очень неравных части –
Та – «после», а эта – «до...»

В том «до» – что тобой любимо,
А в «после» – сплошной асфальт...
Наш дом теперь – Хиросима,
Село моё – Бухенвальд.

Поэтом я был, не скальдом,
В стихах – с головы до пят...
Злой ветер над «Бухенвальдом»
Разносит глухой набат...

Как быть теперь со стихами,
Что ей не успел прочесть?
С той тайной, что только с нами,
С записками, что не счесть?

Я всё ей поведать думал
Одну из горчайших мук,
Но ветер смертельный дунул,
И с мукой унёс сундук...

Саидовна, дорогая,
Юсупова по отцу,
Теперь-то я точно знаю,
Что всё подошло к концу.

Мне скоро уже в дорогу,
К тебе устремляя взгляд...
Меня подожди немного,
Поспи, моя Патимат!..

*Перевёл с аварского
Анатолий Аврутин*

ПИСЬМО В ЭСТОНИЮ

*На снос монумента павшим
советским воинам*

Расскажи молодой эстонке
И старухе в кругу внучат
В камень врезанные похоронки
И – о чём догорает свеча.

Не родятся от этих строчек
Продолжением сыновья.
Имена, имена... и точка,
Да под камнем сыра земля.

Что есть память – строка из даты,
Или жизни святая связь?
Не задумывались солдаты,
Когда вечность в сердцах рвалась –

Что – есть память? Огонь сгорает.
Сколько в нас осталось огня?
У земли чужих не бывает!
И она у людей одна.

***

Свет займётся на тонкой грани
Тихим шёпотом позолот.
И печалью неведомой ранит,
И неведомым счастьем зовёт:

Как светло. И как больно. Не много,
Ведь не много надо тепла,
Чтоб душа средь круга земного
Радость светлую обрела.

Задрожит тепло, затуманит
Взгляд скользнувший куда-то за
Шёпот света на тонкой грани,
И покатится тихо слеза.

***

Какое утро! Солнце – ах,
Невольно напеваешь что-то,
И воробьи на проводах
Расселись важно, точно ноты.

Весна. Весна, мой добрый друг,
Хоть мы и не знакомы вовсе,
Ещё вчера, я помню, осень
Приснилась мне под шёпот вьюг;

А нынче шумные прибои
По всей земле ломают лёд,
И ветви в солнечный полёт
Толкают небо пред собою.

***

Это было в заре и в биении гроз,
В страстном шёпоте сумрачной дали
И тонуло в зрачках неизбежностью звёзд,
И тускнело, и глохло с годами.

Иногда что-то вспомнится, в шёпот сходя,
Прикоснётся и тихую грустью
Обнимает в нечаянной ласке дождя.
Позовёт, позовёт... и отпустит.

Может, осень на сердце и кажется мне,
Что должно быть на свете иначе.
И бывает, я слышу в ночной тишине
Далеко-далеко кто-то плачет –

За туманной зарёй, за биением гроз,
Как звезда, пламеня высоко:
Я не знаю светлей и печальнее слёз,
И – людей, кому так одиноко.

РЕКА

Тихая-тихая речь под осокою.
Тихий задумчивый вечер.
Всё здесь земное и всё здесь высокое:
Небо и звёздное вече,
Чуткою гладью воды напоённые,
В шёпот сошедшие, ставшие речью,
Ей отворяется дверь потаённая
В космос души человечьей.

Сколько всего в этой жизни вы видели?
И отзовется рекою
В шёпот сошедшее слово обители,
Тихое слово покоя.

* * *

Вы музыкой моей не заболейте,
Со мной навек – нельзя наверняка.
Бродягою, играющим на флейте,
Я выстудил мечты на сквозняках.

Души своей не выстелю изнанку,
Уже не тот, чтоб всем смертям назло.
Вы видели, как падают подранки,
С обрыва поднимаясь на крыло?

И оглашает клич небесный купол.
В нём зов и боль, но, сколько ни зови,
Тот мальчик, что себе придумал кукол
Игрушечных из плоти и крови,

Он вырос. И ушёл. О нём ли ветер
Вздыхает на изломах тростника?
Вы музыкой моей не заболейте:
Там за дождями шепчутся снега.

* * *

Когда поёт о вечном ветер
Над угасающей листвой,
Окликну, осень не ответит,
А я шепчу, шепчу – постой.

Но крылья полнят поднебесье,
И белых птиц прощальный зов
Летит по городам и весям,
Тревожа сон колоколов.

И настоящее всё зримей,
Всё ощутимей наяву
В краю безрадостных предзимий
Вымарывает синеву.

Постойте, птицы, чуть постойте,
Ещё не выплакана синь,
Для сердца горестного спойте
Сермяжную печаль Руси,

Чтоб – в нашем грешном окаянстве
Дойдя до сути, до корней –
Навзрыд заплакало пространство
Над бедной родиной моей.

НОЧНОЙ ДОЗОР

Падший ангел русского Кавказа,
Тайный и стремительный, как ртуть,
Командир казачьего спецназа
Пробирался на кремнистый путь.

Следопыт и безымянный рыцарь,
Шёл во тьму безжизненных побед.
Помогали от засад укрыться
Два кинжала, шашка, пистолет.

Победитель вепревого краха,
Змей измен, встающих из могил, –
Белокурый разум под папахой:
То ль Георгий, то ли Михаил.

Жизнь есть сон – сиянье голубое,
Божий перст, персидский парадиз.
И шумели над его судьбой
И платан, и дуб, и кипарис.

* * *

Тоска по Гоголю! – Давно
Назревшая потребность мира:
Геополитики бревно
Увидеть в зеркале сатиры.

Там полумертвых душ синклит
Дудит в дуду экстраполяций.
Там Евро-Чичиков летит
По автобанам спекуляций.

Там держит путь за океан
Кузнец халявы и разора.
Там страшной мести балаган
Грозит фальшивым ревизорам.

Там обездушенный народ
Плывет в губительной нирване.
И брюхоног бездонный жрёт
Галушки в медиасметане.

Там плачут в стрингах кружевных,
Вкусив братоубийства пряник,
Там чертовщина рыл свиных
Всемирных хуторов Диканек.

Заходит вновь за разум ум,
И вновь с грядущим нету сладу.
И город маленький Изюм
Вот-вот продолжит Россияду.

* * *

Владычица тьмы и пустого простора,
Ночным сквозняком раздувается штора,
Колеблет безмолвие лиственной тканью,
В смятенье ввергает души мирозданье.
Пространства высокого пропасть сквозная,
Россия не может исчезнуть, я знаю,
Не может растаять, сгореть, испариться,
Ударившись оземь, во тьму провалиться,
Небывшею стать и другой притвориться.

Страна Ванька-встанька, небес голограмма,
Судьбы Богоматерь, Истории драма –
Великих мечтателей псевдопрогнозы,
Извечных предателей метаморфозы,
Страна трансмутаций, дождя и мороза –
Трофейные фильмы, победные слёзы.

В молитве полуночной благодаренья,
Я знаю, есть миг золотого смиренья,
Когда отворяет воскресшее зренья
Реликтовый свет неземного творенья.

*Кира
ГРОЗНАЯ,
Санкт-
Петербург*

* * *

Рождается новое лето,
Выходит на берег из моря,
Живот шелушится от соли,
В глазах пьяный рай отражён.
А где-то печальная осень
В просторном идёт балахоне,
К щекам мокрым волосы липнут,
От ветра ломается зонт...
Та осень –
                        вчерашнее лето,
Его дотлевающий остов,
Его затихающий стон.

Так юная мать говорила:
«Дитя,
                        тебе жизнь я вручила –
И смерть к ней в придачу дарю», –
И сумрачному сентябрю
Украдкой в окошко грозила.

* * *

Едва успев на поезд свой ночной
(Транзитный, непрестижный, запылённый),
Я возвращалась из Москвы домой
В коробочке купейного вагона.

В оконное дрожащее стекло
Глаза неспящих пялились устало.
Пространство растекалось тяжело
Вокруг несущегося в ночь состава.

Так гулко, продираясь сквозь туман,
Мчал поезд через пустоши и степи,
Что волновался предок мой цыган,
Стуча мне в сердце, как Клааса пепел.

В поездках жить – не по теченью плыть,
Но иногда на долгом перегоне
Ты вдруг перестаёшь собою быть:
Никто, нигде... Лишь ночь – и ты в вагоне.

В который раз, спасая и губя,
Москва не отпускала от себя.
Лежала тихо я – меня качало,
Как на пруду оторванный листок
Качает равнодушный ветерок,
Которому нет дела до финала.

* * *

Встряхни волшебный шар, в котором снег
Идёт и летом, и тогда на дне
Осевшие воспоминанья, будто
Живые клетки, вздрогнут, и внутри
Открывшейся воронки – посмотри –
Проявится картинка: ты и утро.

Вокруг – цветы, роса, куда ни глянь.
Пчелиный рой, питая июнь и июль
Роскошествующего многоцветья,
Гудит, и льются золото пыльцы
И сок земли, и стражей-гор резцы
Хранят долину не одно столетье.

Твой дом стоит в низине. Белый сон
Над ним висит туманом. Погружён
В мечты твой разум, жаждущий полёта:
Там, за горами – страны, города,
Дома из камня, реки изо льда.
Что там – Бог весть, но манит это что-то.

А всё вокруг тебя – протяжный стон,
Из недр идущий, и цветочный звон,
И горы – шара хрупкого начинка.

Спишь безмятежно, словно эмбрион.
Волшебный снег оберегает сон,
И лишь слегка колеблется картинка.

* * *

Такие дела замесились,
такие пришли времена,
что это – уже не Россия,
а просто другая страна.

Своя ли, чужая?.. Не знаю...
Другая...
Кого не спроси...
И даже метель крупная,
которая всё на Руси
обшарила криво и прямо
по всей ширине и длине,
сегодня ни капли, ни грамма
не знает об этой стране.

Заветные чувства немеют
и (страшно подумать куда)
несутся, как чёрные змеи,
дороги и провода,
сметая последнюю малость
любви и бывшего тепла
и жизнь, что случайно досталась,
как крошку с пустого стола.

Другая страна... И просвета
не видно... Но душу не горь!
Одно и осталось, что эта
высокая вечная скорь.

Одно и осталось, что место,
где, выказав дурь на миру,
я верю,

что завтра воскресну,
как только сегодня умру.

* * *

За окном гуляет ветер.
Нынче, глядячи во тьму,
мне, как ветру на планете,
легче в мире одному.

Потому ли, что в пространстве
лет, идущих вкривь и вкось,
в человечьем постоянстве
разувериться пришлось...

Или, может, выпал случай
жить в безверии смешном
в суете благополучий,
словно ветру за окном..

А скорей всего, земное
возлюбя,
я выбрал ад
и земною же виною
перед небом виноват.

* * *

Марине Тумановой

Вот – среди света и теней
мелькнула жизнь моя.
Свернулись в узел тыщи дней.
И что же понял я?

Что и в тревоге, и в гульбе
под слёзы или смех
я сам при этом по себе,
а не один из всех.

Что никаких сверхважных дел,
Маринка, в жизни нет,
хоть я навстречу им летел,
как бабочка на свет.

Что правду я искал не ту
среди множества идей,
что и с людьми не вмоготу,
и тяжело без людей.

* * *

Всю ночь за соседским забором
скулила собака. Был схож
с терзающим душу измором,
мучительный этот скулёж.

Всю ночь без надежды и смысла
тянулось рыданье во тьму,
всю ночь эта исповедь висла,
цепляясь ко мне самому.

С какой-то неистовой силой
о жизни, пустой на краю,
собачья тоска окатила
отчаяньем душу мою,
признанием тайного знака
о том, что мы с нею родня.

Так жалобно выла собака.
Наверно, жалела меня...

[ПАМЯТЬ]

Андрею ДЕМЕНТЬЕВУ – 95 лет

(1928–2018)

Елка НЯГОЛОВА

УРОК ДРУГА: «ЖИВИТЕ, СЛОВНО ДАРИТЕ НА ПАМЯТЬ...»

О дружбе, о приятельстве есть прекрасные слова... В своей книге «Крепость из слов» – афоризмы и короткие мысли из дневника, я написала: *«Когда Бог собирает людей для приятельства, он пишет музыку...»* И вся жизнь подтверждает это...

Ну... и вот, как оказывается, – после стольких лет жизни, стольких страданий и радостей, после стольких прочитанных и написанных книг я могу сказать: «Спасибо, Господи, что подарил мне таких друзей и наградил встречей с такими людьми, что уверенно могу признаться – да, я человек счастливый!» «Перелистываю» воспоминания и вижу каждого из своих друзей, живущих в разных уголках мира. Все они замечательные и добрые люди, которые умеют чувствовать жизнь. Это талантливые личности, известные и почитаемые не только в своих странах... Давно собираюсь о них рассказать, и вот, пришло, наверное, время начать... Друзья хорошо знают, что специальную страницу в моей «Личной книге счастья» занимает Россия. Так получилось, что когда была ещё маленькой девчонкой, я училась читать по слогам, перед сном и после сна, рассматривая книги в отцовской библиотеке... Они были рядом с моей кроватью. На уровне глаз стояли какие-то одинаковые томики, у которых вид был довольно скромный, бумага – тоже. Надписи – одинаковые. Там, на корешках обложек было написано: А. С. Пушкинъ. И всё. Старое болгарское правописание, когда в конце слова ставили твёрдый знак... Потом по очереди познакомилась со всеми 10 томами и узнала, что это настоящее богатство – первое издание на болгарском языке собрания сочинений великого поэта. Отдаю себе отчёт, что не могу рассказывать про своих русских друзей, не начав с Пушкина. Вся моя любовь к русскому языку начинается именно с него... Потом, конечно, проследила всю русскую классическую литературу в отцовской библиотеке и начала добавлять современных авторов, многие из которых стали моими друзьями... Волнующий, царский подарок судьбы!

Представьте себе: 18-летнюю девушку, до корней волос наполненную поэзией. Сама пишет. Уже её печатают. И вдруг: встреча! Живая встреча с довольно известным и любимым в Болгарии поэтом! Андрей Дементьев! Тогда он был главным редактором знаменитого журнала «Юность», у которого тираж 3 млн. 300 тысяч! «Юность» вместе с «Литератур-

кой» были самые высокие литературные башни не только в Советском Союзе. А Андрей Дмитриевич в то время был ещё и секретарем Союза писателей. Часто выступал по телевидению и на радио; самые талантливые композиторы писали песни на его стихи (Ал. Пахмутова, Евг. Мартынов, А. Хоралов, Евг. Дога и др.) И вот – живая встреча с этим человеком, чьи стихи девушка ещё не смела трогать и переводить, но многие из них знала наизусть!

Не смейте забывать учителей.
Они о нас тревожатся и помнят!

Вот так я читала эти стихи со сцены в конце учебного года, щёки и глаза пламенели от волнения, а мои одноклассники дружно потом аплодировали, радуясь не мне, а высокому слову!

У нас была традиция: когда созванивались по телефону, та, которая звонит, не говорила «Алло», а выбирала какой-то код поэзии. Скажем: «Здравствуй, милый отчий дом!...» А другая отвечает: «...Будь за нас спокоен». Или звонит телефон, и вдруг слышу в трубке: «Никогда, никогда, ни о чём не жалеете вдогонку...» И я откликаюсь: «...Если то что случилось, нельзя изменить». Но точно это было попозже – Дементьев написал это стихотворение в 1977 или 78-ом...

После поэтического пароля моя учительница и подруга Анна Андровска говорит мне:
– Даже не догадаешься, какой у меня для тебя сюрприз! Андрей Дементьев приехал! Сегодня в четыре после обеда организую чаепитие. Я ему говорила о тебе. Принеси и свои стихи. Вначале будет его концерт. Послушаем от души...

Я потеряла дар речи. Кровь прихлынула к голове. Пульс 100! Есть такие мгновенья, когда как будто сам Бог тебе диктует, что предстоит встреча, которая не будет случайной... Я так волновалась! Ой, и стихи принести с собой! Почему она говорила обо мне?! Кто я? Пока никто! А он Поэт! Притом, один из любимых!... На час раньше пришла на место встречи. Открываю дверь и застыла на пороге – они оба уже там, пьют чай. Поэт сразу по-рыцарски поднялся и говорит:

– Вот значит, эта молодая поэтесса?! – и сделал несколько шагов ко мне, а я не могла сойти с места.

Понимаю по губам, он что-то говорит, но не слышу ничего. Вижу только его улыбку. Такой она мне показалась простой и тёплой, по-человечески, по-дружески, было в ней и что-то от улыбки моего отца. (Впрочем, улыбку Андрея Дементьева можно видеть и в его стихах! Столько там человечности и любви, столько теплоты... Не знаю, писал ли кто-то об этом?...) И моё смущение сразу пропало. Конечно, забыла поднести цветы, которые подготавливала для него... А он:

– Так эти красивые цветочки для меня? Как угадали, что точно такие люблю?... Но давайте договоримся: больше вы не будете мне дарить цветы, а только я вам – оставьте мне иллюзию, что могу быть кавалером...

Так и случилось. На каждый мой вечер в Москве он приходил с огромными букетами роз, которые долго не вяли...

Потом в разных годах слушала много его выступлений: и на берегу нашего моря в Варне и Албене, и в Софии – в Национальном дворце культуры, и в Твери, и в Москве в Кремлёвском зале... Но такого концерта, как тогда, во время нашего знакомства, не было. Долго кружилась голова как от полёта! Многие теперь подумают: «Это классика – поэт на вершине своей славы, молодая поэтесса, стихи, встреча, влюбились и всё!» И ошибутся. Не было любви из дешёвого романа. Была гармония, единение душ, заколдованный миг, когда поэзия и любовь человека к человеку, и к человечеству создают такое мироздание, в котором душа находится на чистом месте, когда доверие и нежность друг к другу выше всего, а мир вокруг по Достоевскому «всечеловечен», потому что «вселюбовь» проникает в каждое слово...

Наверное, поэтому и семья Андрея принимала меня неровнито, а как очень близкого друга. Жёны его тоже. Особенно близкими мы стали с его женой Аней, которую я полюбила, как сестру, восхищаясь её заботой и нежностью к поэту. После некоторых трагических обстоятельств в его доме Аня Пугач дала Андрею вторую жизнь! Она просто посвятила ему свою жизнь! Умница!

...И жизнь пошла своим чередом. Когда А. Дементьев вернулся в Москву, он отдал мои стихи Натану Злотникову (руководившему поэтическим отделом «Юности»). Злотников перевёл мои стихи, и их сразу напечатали. Я на седьмом небе! Началась переписка, взаимно гостили друг у друга, дарили с автографами свои новые книги, отмечали юбилеи... Хоть раз в году встречались... Конечно, начались публикации в «Юности» и в «Литературке». Расширялся круг моих друзей в России. Я тоже их переводила и публиковала. Почему вспоминаю те времена? Потому что была у этих людей такая человеческая и душевная щедрость, что не вспомнить просто грешно. Они ревностно заботились о молодых поэтах, помогали им своим доверием, увлекали в царство поэзии... Я очень им благодарна! Склоняю голову перед ними...

Благодушие Андрея Дементьева и доброта, любовь к миру и людям, естественность поэтического слога – мне кажется, что именно эти «лекарственные травы» в его стихах преодолевают печаль у читателя и умножают любовь к поэту. Как писал в своих стихах болгарский поэт Любомир Левчев, тоже друг Андрея Дементьева: «Да, всем людям нужен свет, / а мрака достаточно у каждого...» Андрей заражал людей своей улыбкой и непритворством. И они его любили. Называли его «народным поэтом». Покупали его книги. Выставляли очереди, чтобы получить автограф... Все его знали – и те, которые его любили, и другие, которые с завистью и недоброжелательством высокомерно его обсуждали. Но... пусть Бог с ними! Я никого не сужу. Не имею такого права... Но со мной остались впечатляющие воспоминания...

Андрей пригласил меня на свой юбилей – 85-летие. Состоялся он не точно 16-ого июля, в день его рождения, а немного попозже. И, конечно, в Твери, в родном городе поэта. Я специально прилетела в Москву, поздравить его.

На протяжении всего праздника – яркое солнце, свежий воздух. Прямо на улице, была построена сцена под открытым небом, перед ней сидячие места... И люди! Так много людей, весь праздник – земляки поэта, некоторые сидели, другие слушали, стоя несколько часов на ногах, пока шла церемония. И именно с неё начался и праздник поэта. Открыли Дом поэзии! Давняя мечта Андрея Дементьева! Уникальный Дом – нигде в мире такого нет! (Теперь он носит его имя...) Мечта Андрея превратить старую усадьбу 18-ого века в чудесное гнездо поэзии – с библиотекой, с залом для поэтических встреч... И везде память о других поэтах, не о себе, а о друзьях Дементьева. Его друг Зураб Церетели сделал портреты поэтов-шестидесятников. Посетителей встречают Рождественский и Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский и Окуджава... Андрей ликовал! Три года ремонтировали эту усадьбу! И вот, наконец, дождался! Вокруг были известные люди, многих из них я знала, ведь они старые друзья моего друга. Среди почётных гостей были Валентина Терешкова, Иосиф Кобзон и Зураб Церетели, Юрий Поляков и Татьяна Устинова... Конечно, был и тогдашний губернатор Тверской области Андрей Шевелев, который вручил юбиляру символичный ключ от Дома поэзии... Звучали речи, стихи, песни, поздравления... А сколько автографов поэт подписал! Народ радовался. Везде улыбки... А я думала о том, что если сеешь улыбки, то улыбки и пожнёшь. Праздник был красивым и долгим. Дневные торжества перешли в торжественный вечерний концерт в Академическом театре.

Юбиляр несколько часов (!) был на сцене, и даже не присел, неутомимый... Господи, какая же в нём была энергия в возрасте 85?!

Где тайна его молодости? Вода его родной Волги унесла ответ. Много раз его жизнелюбие и бодрость производили на меня впечатление. Обычно, когда бывала в Москве,

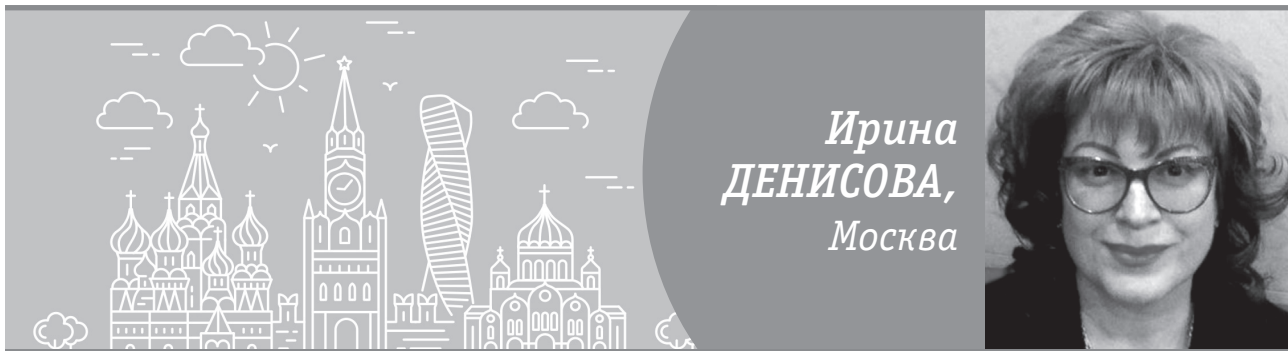
Аня и Андрей водили меня до поздней ночи «вот так – погулять...» И в «Кафе Пушкинъ» на Тверской, и в старый Дубовой зал ЦДЛ, и в «Ресторан Галерея Художника» недалеко от музея «Яблоко»... Стол уже до сантиметра накрыт блюдами, а Андрей всё добавлял чего-то: «Ты этого не попробовала...» Но еда и вино это не основное. Главное разговор! Обо всём: о России, о Болгарии, об общих друзьях, о поэзии... Стихи капали на скатерть – то на русском, то на болгарском, и производили какое-то волшебство, к которому не можешь пальцем прикоснуться... Он один из основателей и один из первых Почётных членов Славянской академии, а также и первый лауреат большой награды «Летящее перо» Академии. Всегда интересовался идеей славянства, хотел узнать всё.

Пишу сейчас эти строки и как будто исповедуюсь... Мой ранний «Пушкинъ» смотрит на меня строго, иногда исправляет ошибки и шепчет на ухо: «Смотри осторожно, пусть Андровска не видит этого!» Всё равно мои языковые ошибки исправить легко, а те, которые остались в записи на радио, скажем, те неисправимые... Точно как и ошибки в жизни. Там исправительного экзамена не разрешают... Андрей Дементьев вёл такую прекрасную передачу на «Радио России». Назвал её по названию своей книги «Вирази времени», опубликована в 1996 году. Я часто слушала его радиоразговоры с разными интересными людьми. Там были и стихи... Удивлялась лёгкости диалога, непосредственности беседы. Однажды, когда проводили в Москве Дни Славянской академии, Дементьев пригласил и меня на свою программу. Это было 27 мая 2017 года... Читали стихи, вспоминали друзей, говорили про молодых поэтов у нас и в России – как пишут, чем интересуются, какие для них конкурсы, какой их язык и метафоры...

26-го июня 2018 года. Второй день Международного фестиваля поэзии «Славянское объятие». Прошли половину программы и сели пообедать. Были гости из многих стран, если не ошибаюсь – из 14. Только принесли нам обед, как раздался звонок моего телефона. Позвонила подруга из Москвы и сообщила скорбную весть... Земля под ногами исчезла! Не успела сдержаться и безутешно заплакала. В этот день я потеряла своего друга и русского духовного отца Андрея Дмитриевича Дементьева. Потеряла человека, которому так обязана, который открыл для меня двери к современному русскому языку и к литературной жизни России; который приумножил моё богатство (не деньгами, а друзьями!) и сам мне подарил столько друзей...

Перекроили программу фестиваля. Включили стихи Андрея Дементьева сразу же после обеда того дня. А у меня в ушах и сейчас звучат последние строки из стихотворения Андрея Дементьева «Не замечаем, как уходят годы...».

Я очень часто открываю его книги – долгий ряд в моей библиотеке... Читаю и сама себя уверяю: «Да, когда Бог собирает людей для дружбы, он сочиняет музыку...» Слышите её?...

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Я вновь стою на поле Куликовом
И слышу крики, стоны, свист камчи,
Нет, не хочу увидеть в веке новом,
Как рубят Русь на части палачи!

Через столетья пролегли дороги,
Те, по которым ратники прошли,
Прозрачны лики светлые и строги...
Их вижу, стискивая ком земли.

И сколько бы врагов ни приходило,
Опять сметёт их московитов рать,
А омофор сияет, как светило.
И Русь хранит в веках былую стать!

* * *

Вновь заблудился в жизненном
пространстве.

Душа свернулась, глаз заволокло.
Хотя стоит зима в простом убранстве,
Хотя сияет кружевом стекло.
Батон вчерашний не бывает сладок.
Давно заплесневел засохший хлеб.
Дела твои опять пришли в упадок.
Крутой маршрут покажется нелеп.
И ты царапаешь, как прежде, стены,
На тверди оставляя борозду.
Хрипишь и споришь яростно, до пены,
Платя судьбе непознанную мзду.
Но все равно, печали вспоминая,
На Небо вскинешь невзначай свой взор.
Поймёшь, как встарь: судьба твоя иная,
Когда продолжишь с Богом разговор.

* * *

Люди, словно капли на стекле,
Что стекают по зеркальной тверди.
И живут так долго на земле,
Испаряясь на пороге смерти.
Станет ли контрастной борозда?..
Или след со временем сотрётся?..
Что стоит за этим? Что за мзда?
Сверху тихий голос раздаётся.
Извивается судьбинный путь,
Одолеет яму и неровность,
Постигая мироздания суть,
Зиму, лето – углую сезонность.
Но удел всех капель – падать вниз:
Вверх стремиться – не всегда возможно.
Стукнет чья-то жизнь в сухой карниз.
И замрёт навечно – в бездорожье.

* * *

Итожа бывшие заслуги
И вновь орденами звеня,
Он вспомнит, как правил подпруги,
Взнуздав боевого коня.
Слеза потечёт по шершавой,
Покрытой щетиной щеке:
Что будет с великой державой,
Что канет в забвенья реке?..
А время несётся и в этом
Столетии, как и в былом.
По-прежнему верит заветам
Отцов, что построили дом.
Заплачет о племени подлом:
На подвиг оно не пойдёт.
Мечтает о вече народном,
Что в праведный бой позовёт.
Встряхнётся Отечество. Верно
Очистит от сора жнивья.

И смоеет нечистую скверну.
Прогонит с полей вороньё.
Утешится снова надеждой:

Поднимется Божия рать.
И, небу открыв свои вежды,
Герой перестанет страдать.

Сергей
ДОНБАЙ,
Кемерово

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Это море работает без утомленья,
Чтоб поддерживать в нас вещество удивленья.

Доставать из своей непроглядной пучины
Человеческой памяти сны и причины.

И рождать из своей ненаглядной волны
Песнь прибоя, в которую мы влюблены.

Это море содержит в себе механизмы
Берега превращать в человечьи отчизны.

То не скалы, то – окаменели шторма!
Человеческой мудрости в них закрома.

Это – взгляд египтянина, ставший примером.
Это – грек, навсегда упоенный Гомером.

Это – немца свинец, англосакса слеза.
Это – взгляда славянского даль-бирюза.

Хоть мольбой возвеличь, хоть умом умали,
Это море – не даром средина земли.

* * *

Оба мы из коммунизма,
Из исчадия войны.
Сладкий дым патриотизма
С детства впитывали мы.

Вот и мучаюсь вопросом –
Ты мне друг или не друг?
Почему ты смотришь косо,
Либеральных сил продукт?

* * *

Артисту закончить бесславно.
Сбежавший, предавший людей
Нарцисс наш от телеэкрана
По-царски достоин плетей.

Да чтобы наглядный сей шопинг –
Онлайн по стране и вовне –
Пришёлся всё больше по... оной,
По оной, а не по спине.

Не гладить его ледорубом
Да и не ссылать на Кавказ –
По-сталински слишком не грубо,
По-царски же будет как раз.

ПАМЯТИ ТОПОЛЯ

Птица в воздухе ночует
Там, где дерево росло,
Пустоту ночную чует,
Но не верит ей крыло.

Натекает, натекает –
Ночь за ночью, день за днём.
Как душа, не отдыхает
Птица в воздухе моём.

И, привычная трудиться,
В бесполезности кружа,
От усталости, как птица,
Камнем падает душа.

СЛОВО

В древности – до Рождества Христова –
Там, где время седины седей,
Там пророк не зря роняет Слово –
Для других, для будущих людей.

И у нас вначале стало Слово.
Только зимы здешние лютей.
В остальном – от Рождества Христова –
Всё, как у людей, как у людей.

Божий сын не обойдён рождением,
Матерью земной не обделён.
В каждом доме на тебя с терпением
Смотрят, как родня, Они – с икон.

И – от Рождества до Рождества –
Долетает Слово сквозь слова.

ЧУР

От неясного звука, которого ждёшь и боишься
И который тебя всё равно застигает врасплох,
Этой ночью ты снова на детство и явь раздвоишься.
Страх, как листик гербария, в нас он притих и присох.

Лунный оттиск окна на стене оживает отчасти,
И оттуда грозит крючковатая клёна рука...
И лицо твоё, кажется, щупают страсти-мордасти...
Полированный шкаф улыбается исподтишка...

Что-то нас обступает, и зреньё, и мысль притесняя,
Но внимает душа, замирая, как встарь, из-под шкур.
Это древности детство, славянская дрёма лесная,
Это пращурской ночи прищур, это – чур, меня, чур!

[ПАМЯТЬ]

Валерий ДУДАРЕВ – 60 лет

(1963–2019)

Марианна ДУДАРЕВА

ВАЛЕРИЙ ДУДАРЕВ: ПОИСК ОТЧЕГО КРАЯ

Поэт всегда погибает до срока, и нам, воспринимающим жизнь по-филистерски, кажется, что мало написал, мог бы ещё. В литературоведении, например, существовали даже целые концепции насчёт того, исписался бы великий А. С. Пушкин или нет, если бы пожил ещё. Но герой нашей памяти любил часто повторять строчки Александра Межирова: «Ибо всё, что суждено нам / Вовремя приходит, в срок».

Для близких, любимых – большая утрата: единственный сын с полузабытым именем в духе эстетики Серебряного века Валериан (был такой поэт-символист Валериан Бородаевский), покинутый заботливым отцом, и любовь, которая длилась по-чеховски всего три года... Но в этой единичности и оставленности есть большая трагедия и большая цельность и уникальность одновременно – незабвенность для русской культуры, где Танатос и Эрос всегда идут рука об руку. На излёте дней дана большая любовь, большое творчество и как земной откуп за великое – болезнь. Но Логос всегда стучался в окно Валерия Дударева, до последних дней, когда писались в маленьком городе Кохма стихи, преисполненные сакрального смысла: «Осталась жизнь, осталась тайна / Непостижимая одна».

Этот человек, рождённый до срока, то ли в 1963 то ли в 1965 году (теперь мы никогда не узнаем этого, как доподлинно не знаем даты рождения Низами Гянджеви, Данте Алигьери, Уильяма Шекспира), всегда отмерял жизнь стихом, а не количеством прожитых лет. «И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба» – любил он цитировать последние строчки известного стихотворения Б. Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...».

В ворохе рукописей, писем от благодарных читателей в редакцию журнала «Юность», который Дударев возглавлял последние двенадцать лет жизни, в квартирке на речном вокзале-канале можно обрести раннее:

А прошлых лет седые тени
Всё тянут, тянут на канал...
Я здесь живу почти с рожденья,
Рукой подать – речной вокзал.

Здесь стены прочностью играют,
И зданию выбиты под стать
Две даты. Словно призывают
Пришедших голову поднять.

Вот тридцать третий – год начальный,
Тридцать седьмой – последний год.
Но между ними звон кандалный
Не каждый путник разберёт.

Здесь шпиль, торчащий словно жало,
Как будто тайну стережёт:
Какое время даты сжали,
Какая правда встречи ждёт.

В этом стихотворении с характерным названием «Канал» 1985 года уже ощущается трагедия эпохи, знак беды, который поэт чутким ухом улавливает, путешествуя по каналам времени, ныряя вглубь истории, со-переживая вместе с душами тех трудяг, которые строили с кровью и болью этот канал:

И кровью харкали в метелях.
Лопаты вмерзли в кулаки.
И в наше время долетели
Беды и горечи плевки.

Трагическому мироощущению молодого Валерия Дударева оказалось созвучно мироощущение всего русского народа, который скоро окажется на пороге, выброшенным, отброшенным, сброшенным на склон XX века (неслучайно ранний первый серьёзный сборник стихов поэта так и называется «На склоне двадцатого века», 1994).

Стихи последних лет также пронизаны танатологической символикой, но это связано не только с предчувствием скорого собственного ухода, прерыванием земного бытия, но и с метафизическим ощущением русской жизни в целом, для которой очень важна философия смерти, ибо для русского человека смерть – со-бытие, точка перехода в горнее и вечное. Валерий Дударев перед своим переходом признавался: «Ря, жена моя, мы отправляемся в путешествие, а не расстаёмся...». В своих зрелых стихах поэт утверждает онтологический статус смерти, восклицая «Господи, чего же людям надо?! // И любовь, и смерть в России есть». За сто лет до этого Осип Манделштам, которого Дударев очень любил цитировать в последние годы жизни, тоже говорит нам об этом: «Неужели я настоящий / И действительно смерть придёт?»

Вообще русские люди любят размышлять о смерти, у нас даже в детском игровом фольклоре есть игра в покойника / мертвеца, которого надо разбудить, налив рюмочку (свадебный обрядовый комплекс), пощекотав. Всё великое создаётся на грани жизни и смерти, когда феноменальное, то есть наше мирское, и ноуменальное, то есть идеальное, сходятся. Так рождались сквозь боль и кровь последние стихи Валерия Дударева, среди которых и поэма-путешествие «Петушки – Кохма, далее нигде. Новеллы без героев» (2018), являющаяся апофатическим диалогом с В. Ерофеевым, ему тайным ответом на поэму «Москва – Петушки», которая, как считал Дударев, в первую очередь произведение о любви, идеальной возлюбленной. Прочитаем эту поэму вместе, отправляясь к последнему земному пределу для поэта, на малую родину его жены, в Кохму. Поэт-москвич всегда бежал из большого города, скитался по стране, искал свой отчий край и вот обрёл его в маленьком городе Ивановской области. Так, далёкое укрупняется, становится важным и духовно близким – в этом и есть обратная перспектива жизни.

Валерий ДУДАРЕВ

ПЕТУШКИ – КОХМА, ДАЛЕЕ НИГДЕ

Новеллы из поэмы

*Моим Марианне Андреевне
и малышу Ра посвящается*

КОХМА

Новелла первая – изначальная

Нам с тобой досталась
малость,
Но она важна –
Кохма!
Кохмой называлась
Целая страна.
Жили-были Чудь да Меря –
Чудо племена!
В семьях дружных в полной мере
Мяса да зерна.

В речках тех водилась рыба,
А в лесах зверьё.
Вот уехал разве ты бы
Из неё?!

Гром гремел, бывало, гневно –
Молнии одне!
Поклонялись каждодневно
Солнцу да луне.

Сочиняли сказки, оды
Плача да смеясь.
Правил ими воевода,
По-славянски: князь.

Краше не было на свете
Женихов, невест...
И над всем – над всем над этим
Водрузили крест!

Всех земля перемолола,
Всё пережила.
И у Божьего Престола
Новые дела.

Я и сам в иное верю:
Разошлись пути.

Только знают Чудь да Меря,
Где меня найти.

ВЕСНА В КОХМЕ

Новелла вторая – скорбящих радость

На приступочке в малом
провинциальном городе –
Место это даже крыльцом
не назвать –
Застыл человек, словно мошка
в янтарном коробе,
Подставил ноздри солнцу
и – ать! –
Стал – человек как человек,
Ни с кем не сравнимый,
И смотрит сквозь снег,
И снега мимо.

А в конце дня жёлтым
зажигаются окна,
И возле каждого такого окна
Во весь рост встает –
вот как! –
Ни с чем не сравнимая тишина.

А когда руки ручьёв
Ощупают землю, как
скульптор глину,
Словно ничьё,
Я своё сердце выну –
И
Монументально,
Непоправимо,
Любви полна
Тут же взойдет она –
Ни с кем, ни с чем не сравнима,
Ранняя, раненая весна.

КОХМОФУТУРИЗМ

Новелла третья – формальная

Приедешь в Кохму навсегда,
Едва поймёшь, что значит
Кохма.
А Кохма – это просто кофта

Из кофт, что были и тогда –
В серебряные те года.

Словесность русская. Скрижали
Впитали глупость, риск
и страх:
Как футуристы на столах
В тех жёлтых кофтах
танцевали.

Среди забвений и угроз,
Среди родного пофигизма,
Среди придуманных берёз
Жжет Кохма – центр
футуризма!

Собрав вечерний свой наряд,
Вот Кохма вздыбится огнями –
То кофты жёлтые горят,
То футуристы с нами.

ТРОЕ
Новелла десятая – хрустальная

В Кохме ночи хрустальнее,
Чем роса на лугу.
В дымке облако дальше
Обратилось в деньгу.

Над заморскими милями
Дождь монет.
Ну и ну!
Как же,
Осип Эмильевич,
Не почуять страну?

Это,
Осип Эмильевич,
Вам не лагерный тлен –
Поднимается милое
Чудо-Юдо с колен.

Рынок.
Турция.
Кофточку!
Перекур.
Перегар.
Под свиную ли косточку,
Под вороний ли «кар».

Александр Аркадьевич,
Вас погонят взащей!
Обращаются кадрово
Палачи в торгашей.

Обратилась загодя
Вся кремлёвская рать –
Даже малая запонка,
А должна покорять.

Каждый вовремя ссучится –
Благодать да приять!
Улыбнись – и получится
И продать, и предать.

Как же нам – палисандровым –
Не досталось Руси?
Вон Сергей Александрович –
У него попроси!

ПЕТУШКИ – КОХМА
Новелла тринадцатая – отрадная

Каждый день Господь Бог
создаёт небо и землю.
И Кохму создает Он.
Из сотворенного Кохму
одну приемлю:
Вон – электричка.
Скорей – в вагон!

Если вдруг в электричке
Стянут горе-вещички,
Которые ты зачем-то
нажил,
Не грусти даже –
Хлебни водички,
Прекрасна твоя пропажа!

Ведь в Кохму все пути,
все дороги – млечны.
Это Петушки вечны,
А Кохму надо создавать
каждодневно.
Лишь в Кохме моя царевна!

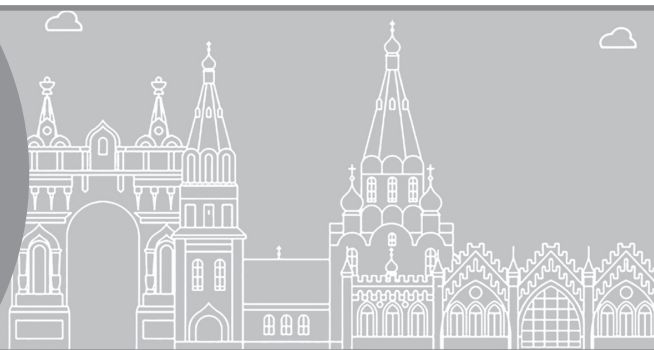
Но из Петушков в Кохму нет
электричества.
Как же ты там, мое высочество,
а может, величество?

Зато в Кохме певуч ночной
тепловоз,

Добры собаки, печальны кони,
И на скамейке среди соловьев
и роз.

Нина
ДЪЯКОВА,
Благовещенск

* * *

Как же так, мой милый, как же так?
Где была тропинка – там овраг,
Где река плескалась – помнишь ты?
Глубиной пугают омуты...

Где была тропинка бережком,
Мы с тобой ходили босиком.
Там теперь трава-резуха петли вьёт,
А любовь там больше не живёт.

Что не так, мой милый, что не так?
Я лугами обойду овраг,
Чтоб не соблазняли омуты...
Больше не ходи туда и ты.

* * *

– Ты моя. Ты одна у меня...
Боже правый!
Сколько лет и веков
Я ждала от тебя этих слов.
Ржали кони. Трещали
Канаты на переправах,
И сжигали славяне

Языческих тёмных богов.
А прабабка моя,
Хлебопашского крепкого роду,
Замирая, бросала
Веночек в купальскую ночь
И с надеждой глядела
В студёную волжскую воду...
Не тебя ли искала
Степей синеглазая дочь?

И она бы могла,
Онемев от такого признанья,
Пропластаться до зорьки
С серпом в золотеющей ржи,
Лишь от счастья слабея
Да тихого женского знанья:
Как же сладко под вечер
Дойти до ближайшей межи.

И, сминая снопы,
И, снимая платок полинялый,
Несмотря на усталость
Июльского долгого дня,
Как славяночка любит –
Узнал бы тот ласковый малый,
Что тихонько сказал:
– Ты моя. Ты одна у меня...

СБОР ГОЛУБИКИ

Ягодка к ягодке – синяя, с белым налётом, –
Сбор голубики уже, говорят, отошёл.
Ровно гудят,
Как испытанные самолёты,
Тьмой комары над ненабранным звонким ковшом.

Синь-голубика! Оттай! Отогрей мою душу!
 Мне не успеть
 За владельцами полных корзин.
 Синюю речку Синель я ходила послушать
 Из голубичных, просохших на солнце, низин...
 Август бродил – добирал предпоследние ночи,
 Шарился зорями в мокрой траве по утрам.
 Смолы текли из морщинистых тёмных проточин,
 И голубику никто уже не собирал...
 Синь-голубика! Прости мне моё опоздание!..
 Мне бы – до смерти запомнить, как здесь хорошо.
 Бьётся Синель, как невеста с несметным приданым...
 Жалко, что сбор голубики уже отошёл....

* * *

Огнепоклонница? Грешница? Жрица?
 Языческая богиня жилья...
 Во мне любви успело скопиться
 Как в артельный сезон – рыжья.

Мне ещё ехалось и шагалось,
 И тебе спокойно жилось...
 Потом наши души поцеловались,
 Пока мы были поврозь...

Потом разрывало обоих на части,
 Потом – на такси, и в ночь!
 Наутро мир проснулся от счастья,
 На тебя похожий точь-в-точь.

ВМЕСТЕ НА ОДНОЙ ВОЛНЕ...

Что нам выпало сначала?
 Ветер в лица, гул в ушах –
 Нас одной волной умчало,
 Заливая и круша...

И невиданною силой
 Неопознанная страсть
 Вдаль от берега сносила
 И выматывала всласть.

Нас бросало и топило,
 Разбивало о причал...
 Чтобы нам понятно было,
 Как силён девятый вал.

Чтобы нам понятно стало,
 Как бессмысленна борьба,
 Если нас девятым валом
 Вместе подняла судьба.

И такому вот ненастью
 Мы доверились вполне...
 Потому что это счастье –
 Вместе на одной волне!

* * *

Так и ушла, держа прямую спину.
 Ещё сильнее прежнего любя,
 Ушла без слёз. И не было причины,
 Чтоб оправдать несчастную себя.
 А вот его... Стократно оправдала!
 Сто раз себе сказала: он – святой!
 Он – лучший! И ему не до скандалов...
 Конечно, он счастливей будет... с той?!
 С улыбкой шла – уверенной и ясной,
 Как лишь богиням свойственно одним.
 И таял след её ступней прекрасных...
 И облаком любовь плыла... над ним.

ДОБРОВОЛЕЦ ПЁТР СЭРОТЭТТО

Пётр Сэротэтто, сын оленевода,
по профессии, оленеvod,
первый представитель своего народа,
добровольцем на Донецкий фронт
из дому ушедший, родом из Яр-Сале,
где двенадцать месяцев зима.
Стать первопроходцем-ненцем на Ямале
выбрала судьба его сама.

Занимался с детства он стрелковым спортом,
выполнил по стендовой разряд,
это оказалось качеством зачётным, –
метко из оружия стрелять.
Пётр был зачислен в штурмовую роту,
сходу занимавшую квартал.
Батальон в атаке на юго-востоке
под обстрел украинский попал.

Штурмовая рота закрепилась в доме, –
даже близко враг не подойдёт!
Побежал к машине их гранатомётчик,
чтоб задействовать гранатомёт.
На пути обратном, за пятнадцать метров,
он, не добегая до крыльца,
ранен украинским попаданием метким
в ногу, и остался ждать конца.

Крик его услышав, Пётр Сэротэтто
бросился коллегу выручать,
бесконечно длились те пятнадцать метров
(каждый метр как будто жизни часть).
В доме перевязан был гранатомётчик,
в госпиталь потом отправлен в тыл,
а его спаситель, Сэротэтто Пётр,
новое задание получил.

Был приказ беззвучно отдан командиром,
и до Сэротэтто доведён

по цепочке: скрытно отступать к машинам,
и в машину вскакивает он.
Очередь наступила за закрытой дверью,
дверь от пуль солдата не спасла,
и нога (злосчастный рок слепых ранений!),
правая, раздроблена Петра.

В клинике московской много дней пытались
ногу Сэротэтто сохранить,
приговор суровый: только ампутация
может уберечь солдату жизнь.
Пётр стал примером для ямальских ненцев,
земляки отправились за ним,
добровольцев многих деревень окрестных
вдохновил он подвигом своим.

Будущее видит он в военкомате,
в нём служить мечтает, объяснять
тем, кого призвали, или по контракту,
кто служить пойдёт в какую часть.
Боевой Петра им пригодится опыт, актуальный, на передовой,
из военкомата Сэротэтто Пётр,
проводить ненецких станет добровольцев,
будущих героев СВО.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В СЕРЕДНИКОВО

М. Ю. Лермонтову

«Погиб поэт, невольник чести»,
слова как будто, о себе,
поэтом сказаны без лести,
звучат пророчество к судьбе.

Он предсказал «царей короны
падение» в «несчастный год» когда,
казалось бы, что с тронном
плохого не произойдёт.

И предсказание свершилось,
но лишь девяносто лет спустя!
Поэзии великой силу
он демонстрировал шутя!

Дуэль Печорина с Грушницким,
подножие горы Машук...
– Могла ль она ему присниться?
– Тогда бы стало не до шу-

ток с Мартыновым, кто в оправданье
твердил, что оскорблял при всех
его поэт, и предсказанье
тогда исполнилось зеркально
(а застрелить его – не грех).

«Вы не знавали князь Петра? –
танцует, пишет он порою...»
Ему, изящных слов игра,
была натурою второю.

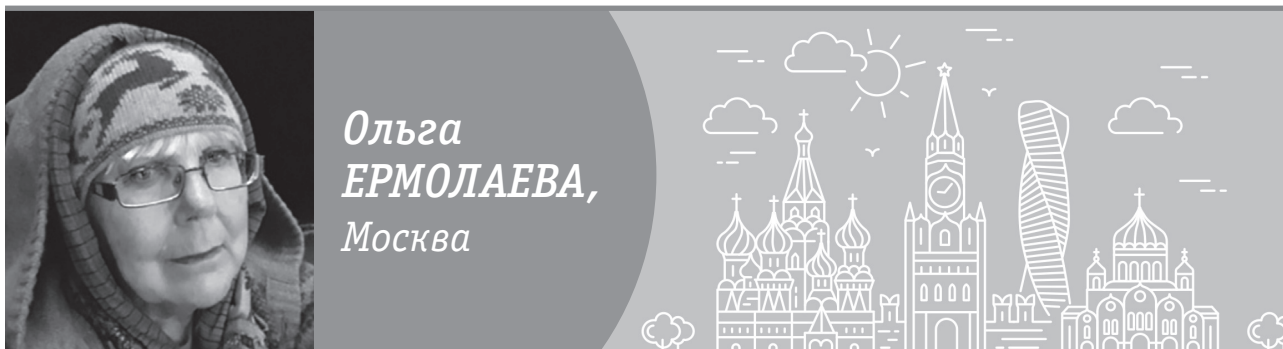
«Не утаит себя никак»
его знакомый иноземец,
«похвалит, – ясно, что поляк,
начнёт браниться, – значит, немец».

«Стыдить лжеца, шутить над дураком
и спорить с женщиной, – всё тоже,
что черпать воду решетом, –
от всех троих избави, Боже!»

Ушла культура эпиграммы,
погиб поэт де Бержерак.
Стрельбой не «в сердце девять граммов»
поэт обмениваться рад.

Длина стиха и краткость жизни,
должно быть, связаны они?

Их каламбуры, афоризмы
ты для потомков сохрани!

* * *

Вот, наконец, пробил ватную глухоту!
Слышно: в железной печке – бешеные дрова...
Всё от воздушной тяги в сэндвичевой трубе,
штрейфлинга выше, к туче всходит кудрявый дым.

Я люблю телогрейку, ещё – армейский бушлат.
(От бессердечных виршей, Господи, огради!)
В снежный денёк ноябрьский думая: «сирота!» –
вытащи Парацельса «Ботанику», да не плачь.

...Запотевают ружья, взятые в дом в мороз,
мигом в стволах зеркальных – слёзками! – конденсат.
Досками и фанерой проруби на реке
нынче позакрывают: всё не долбить пешней!

От подкожных мыслей грозно смела́ душа.
Град в грандиозном снеге, в стаях отважных птиц.
Как я люблю селиться в гостиницах (хоть каких!) –
всюду развешать платья, запарить зелёный чай...

Думала, что пропала, так НЕ ПИСАТЬ стихов
в ошеломленье страшном, в двадцать втором году! –
– Мир, хоть и с ног сшибает, так же всё юн и свеж,
в локоть толкает: что ты, в рифму, в рифму пиши!

Что ж, хоть об стенку бейся, хоть обмирай в тоске, –
не совместить миллионы разноголосых правд,
не отвратить летящих пуль, не закрыть рукой,
не залечить ушибов, ран не зарубцевать...

... Смотрит из поднебесья в нас незнакомка-Жизнь.
Как на затменье солнца мы на неё глядим.

* * *

Посвящается Колонелю Штопорилло

В быту одиноком я только словам госпожа, –
спасибо за то, что задумано так изначально! –
я знала, что жизнь одуряюще будет свежа,
но не представляла, насколько она станет печальна...

О, вещи домашние, в вашем пространстве парю,
и малым предметом нисколько не пренебрегаю,
и микроволновке «спасибо» всегда говорю,
один телевизор, как правило, вечно ругаю...

Теперь не прельщает тибетских небес бирюза,
и страсть моя, прить моя, видно, уже не в зените...
«Не надо брехать!» – говорю я, – «Глядеть мне в глаза!» –
и лгуший мне в кадре смешался, сказав – «Извините!»

Ни складчатых даже, как нэцке, оранжевых тыкв
не нужно; пусть волны морей не играют со мною,
но рада корявым (как курица лапой!) собраниям букв,
ещё – аметистовым вспышкам грозы над Москвою.

Везде бродит ЭТА, небрежно накинув шинель,
всё чёрные, борзая, держит мешки наготове;
ах, острый, как бритва, появится вдруг Колонель,
армейский полковник, вот именно, пане-панове...

.....
...Как перед лавиной воздушная мчится волна,
случайному путнику лёгкие вмиг разрывая, –
так ухнет в бездонную пропасть война-не война,
пока что сокрытые свитки небес – раскрывая...

* * *

Снайпер с крыши, странно не таясь,
с кем-то по мобиле говорит...
Нет! там, верхотуры не боясь,
чистильщик шурует, деловит
снежный... камуфляжные штаны...

...Голод тыщерук, многоголов.
Одри хлеб средь Мировой Войны
луковки тюльпанов размолов,
испечёт...

...Ах, голодно, темно,
где в затворах чифирят зека, –
да на папиросы – в домино,
да кривые строчки с потолка, –
ловят, где в ночи шумит тайга...

Да и у меня замрёт душа,
стоит лишь представить ход планет
над моею бедной головой,
там, за атмосферой земной...
Некому сказать мне: «Бог с тобой!»

Лишь возьму да кольца посмотрю,
миленьким подаренные мне.
«Ох, простите!» – стулу говорю
налетая на него во тьме.

Лишь возьму понюхаю духи,
или чьи-то перечту стихи,
или на медовый свет в окне
золотом, – в декабрьском милом дне

погляжу... Судьбе что скажешь – зря:
так, отставив смуглый локоток,
очи долу, закусив платок,
сетует крестьянка на царя!

Иль представлю, ото сна восстав,
как на склоне этих горьких лет
теповизор видит силуэт: –
зелен и оранжев мой состав!

СОВЕТНИК

*24 февраля 2022 года закрылось
посольство России
в Киеве, на Воздухофлотском
проспекте*

Больше в посольстве никто не живёт.
Что́ им и Воздух и Флот?
Сдержан и немногословен, не пьёт, –
Зверь Одинок, – или пьёт?

Неодобрительно зыркает кот.
Здравствуй, Поджатый Рот!

Полно вставлять «очевидный крах»,
жизнь, в двадцать пятый кадр!..
В Ялте проснёшься – а снег в горах,
в тучах амфитеатр.

Воздух из многих пластов, пластин
чуден, неуместим...
(пусть их! – весенний холодный Крым
греками нелюбим!)

на эльсиноры татар плевать;
в номере дыбом кровать;
меркнет, на доли разъят апельсин, –
съесть или поцеловать?

Зверь Одинок – советник. Нехай
в шар головы во мгле
тычется рыба «бахчисарай»,
рыба «чуфут-кале»...

К сведенью всех: узел бурь в окне,
раздрай-караван-сарай,
строй кипарисов, грустным-грустён,
с оперной пальмой газон –

в память Победы в великой стране
Виктором назван он!

...Лишь оторви-да-брось из Москвы,
(этой никто не указ!)
лепит, смеясь: «да постойте Вы!
сколько ж у Вас синих глаз...».

*Валентина
ЕРОФЕЕВА,
Москва*

***

Измучились и ночь и тишина
От несвобод словесных оболочек.
И опустело место у окна,
И будничная музыка слышна,
И сердце болевых лишилось точек.

И мир утих и съёжился у ног.
И стало пусто, тускло и свободно.
И не манят к себе те сто дорог,
К которым мог шагать, не чуя ног.
И всё бывшее кажется бесплодно.

И чёрно дерево. И мёртвый лист.
И холодом луна дарует властно.
И горизонт без зорь. И не лучист.

И равнодушен. И ненужно чист.
И всё былое кажется напрасно.

Но первый луч и первый лёгкий звон,
И первое воздушное молчанье
Стеклись по капельке со всех сторон –
И ожил мир. И в музыку влюблён.
И на столе дымится чашка чая.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Нет, больше никогда
Шагами быстрыми не подойти
К светящемуся издали окну –
Оно безжизненно.
Воображенье,
Устало сжавшись, отступает,
И тёмное пространство
Терзает зазвеневший
И страхом обронённый ключ.
И звук тягуч
И не хранитель таинства паденья,
Лишь тягостное возбудит смятенье
И всколыхнёт забытое волненье –
Надежды затаённый луч.

* * *

Изумрудное море противится ветру
И сердито терзает берег, пирс и скалу,
Корабли в дальней дали бессменно,
бессмертно
На турецкую сторону отгоняют волну.

Им и сыро, и холодно, и мрак неуютный
Подступает повсюду и душит огни.
И тревожную музыку берега беспутного
Напряжёнными спинами ловят они.

Ну а берег расцвечен величием осени,
Нежной кошкой ластятся листья к ногам.
Шалый ветер всё дальше
и дальше
уносит их
К чуждым им неродным и пустым берегам.

Остаются лишь самые стойкие, цепкие,
Не предавшие древо, родившее их.
Будут стужей вселенскою мёртво оцеплены.
Доживут ли до дней – до других?

* * *

Моя звезда далёкая, не гасни!
Мне без тебя печально и темно.
Прости мое угрюмое безгласье
И распахнись лучом в моё окно.

Какие ветры тяжкие задули
Тропинки наши в милых нам краях,
Какие смерчи и какие бури
Всё вздыбили и превратили в прах?..

Звезда моя, одна лишь ты в пространстве
Ещё дрожишь и тянешься в ночи
Спасти и сохранить в великом постоянстве
Три истины святых: любви, терпи, прости.

ВЛАДИМИРСКОМУ СОБОРУ ГОРОДА КИЕВА

Я – немошь, нищета, Бог – сила моя.
Иоанн Кронштадтский

Так долго ждать нежданной этой встречи,
Не знать о ней, не ведать и в веках.
И вдруг застыть, на миг лишившись речи,
И воспарить в летучих облаках.
И вот тогда с небес голубоглазых
В круженье крыл, в восторге нищеты
Вдруг всё понять и воскресить всё сразу,
И истину поникшей красоты
Костром пылающим раздуть в безбрежность,
И источиться нежностью души,
И содрогнуться ощущеньем прежним
Любви, всесилья, счастья, чистоты.

* * *

Несуетная тишь, невиданная гладь,
Быть может, даже Божья благодать
Намоленного домика
вдруг снизошли ко мне,
И тени мягкие колышутся в окне,
Чтоб тайной росчерка улечься на ковёр
И воскресить забытое с тех пор,
Как помню я себя.
А время, ненавидя и любя,
Раскручивает звёздную спираль,
Но не уходит по привычке вдаль
По проторённо Млечному Пути,

А медлит, медлит – не спешит уйти.
И зависает вдруг над головой,
Стирая грань меж счастьем и бедой,
Ушедшим и стремящимся ко мне,

Дождём скользящим шелестит в окне,
Врачуя искажения души, –
Пред вечностью блаженной не спешит.

*Геннадий
ЁМКИН,
Саров,
Нижегородская
обл.*

* * *

Огородик за слепенькой хатой.
Речка бродит в сухом камыше.
Лес простуженный. Луг кочковатый.
А поди – прикипело к душе.

Из последних, по стылой воде
Жёлтый лист проплывает медлительно.
Знаю, больше не будет нигде
Так покойно, светло, так пронзительно.

А казалось бы – речка да лес,
Куличок на излучине, вроде бы...
Свет неярких осенних небес...
Отними, не останется Родины.

В ТИХОЙ СТОРОНЕ

Через речушку на угор
Взойти, а там, такой простор –
Ветер в волосы, синь в глаза!
Подбоченься, стоят леса!

Тихо...
Лишь петушиным криком
Отзовется Полянкам Приютово.
Жить бы в домике невеликом,
Приобщаясь к такому уюту...

Да с любовью, к весне, неспешно
Ладить улы и ладить скворешни.
В пору нужную, на виду,
Их устроить в своём саду.

И счастливо зажить вполне,
В этой тихой вот стороне,
Где покойно душе и взору,
Где Андреевка, что за угором
То ж, близёхонько невеликая –
Петухи дружка дружку окликают.

БАРЖА

Баржа грудью легла на Волгу.
Волны режет – враз пополам!
Ей идти ещё долго-долго,
Посылая гудки берегам.

А идёт она по фарватеру –
Только так и надо идти!
Капитан с командой по матерному
Разговаривает в пути!

Лишь совсем посторонним, случайным
Это кажется развлечением –
Словно баржа идёт играючи
Против Волги, против течения.

Даже чайки, что рядом крутятся,
Рыб серебряных теребя,
Понимают – «Ух! – Баржа трудится!»
«Ох! – Баржа не жалеет себя!»

Ей идти ещё долго-долго
По фарватеру, а не мутью.
Баржа грудью легла на Волгу
И её раздвигает грудью!

Ничего, что туман и рано.
Если надо – пора уже!
Машет бакенщик капитану:
– Хóду! Хóду давай баржé!

ПУТНИК

Ещё в снегу тропинка не промята.
Играет солнце инеем берёз!
А я ищу ответа на вопрос –
Ну почему тропинка не промята?
Я видел! – Там, под сводами берёз,
Там путник шёл! Но следа не оставил...
Куда и кто пути его направил?
Легко одет. Я видел, даже бос!
И думал я: «Кто б ни был он таков,
Ему легки, наверное, дороги.
Ему чужды дорожные тревоги,
Ведь даже снег не взял его следов!»
Так тихо он прошёл среди берёз –
Ни деревца, ни ветки не задето.
Светло. Тишайше. Искрится мороз.
Как много там, где Он проходит, света!

ЗВЕЗДА

Надежде Рутковской

Милые!
Мне рассказать охота
О саровских наших чудесах –
Свет закатный тёмной позолотой
В синих затеряется лесах,
Высоко на бархатно-глубоком
Первыми лучами не остра,
Чуть дрожа, прекрасна, одинока
Дивная рождается звезда,
Тихая свидетельница чуда –
Провиденьем Божиим храним,
Свой пустынный подвиг многотрудный
Совершает старец Серафим...

Свет закатный...
К пустыньке дорогу
Боровые сосны сторожат.
А на стрелке Сатис и Саровка
Затянули в омуты закат.
Птица крикнет в пойме заполошно.
Птица крикнет и опять уснёт.
Тишина густая, тронуть можно...
Лишь к вечерней колокол зовёт.

До того торжественно-печально
На уснувшей Родине моей,
Что звезды высокое молчанье
Сердцем понимаю я полней –
Ничего рассказывать не надо!
Просто слушай! Слушай и молчи!
Слышишь, там, на пустыньке на дальней,
Снова кто-то молится в ночи...

Охлади сердечный пыл и ропот.
Верь душе! Ей дан особый слух –
В шуме листьев тихий слышать шёпот:
«Милые! Стяжите мирен дух!»
Верь душе! Она – всему основа.
Пусть душа ведёт тебя всегда!

И опять стораает над Саровом
Свет закатный,
И встаёт звезда.

СНЕГ НА ПОКРОВА

Татьяне Кривицкой

Леса пусты. Печальны нивы.
Перекрестил поля Христос.
Качают липы сиротливо
Цветы грачиных чёрных гнёзд.

Уж в колеях дорожных, в поле,
Ледок, окрепший проблеснёт.
И всё вокруг, до лучшей доли,
Перекрестясь, вот-вот уснёт.

В такие дни, обычно смело,
И предъявляя все права,
Ложится самый-самый первый,
Белейший снег на Покрова.

Всю дрожь полей, дороги слякоть
Белейший, он укроет так,
Что вдруг, захочется заплакать
Не от чего-то, просто так...

[ИМЕНА]

Николаю ЗАБОЛОЦКОМУ –

120 лет

Илья ФАЛИКОВ

ДЕРЕВО ПЕЧАЛИ

Заболоцкий – фигурально говоря, редактор Хлебникова, автора вечно черного. Дисциплина и порядок – там, где бушевала стихия. Отредактированный Хлебников – нонсенс, но это произошло, и в этом – основной эксперимент Заболоцкого. Это смахивает на опыт Петра Великого: Неву заковали в гранит.

Мало того, что он развивал на свой лад хлебниковский стих – он ввёл в поэзию и фигуру Хлебникова, божественного идиотеса, гения блаженности, огромного младенца с правдой на устах, от лица которого говорил его автогерой в ипостаси то Солдата, то Безумного волка, то Бомбеева, то Лодейникова.

Бывают эпохи-черновики. Таков осьмнадцатый век, этот гениальный набросок будущей великой поэзии. НЗ черпал оттуда же. Он работал с великими черновиками, переписывая их на белом. Но и его поэмы похожи на фрагменты чего-то большего, оставшегося за кулисами явленного текста. Отсутствие линейного сюжета, крайняя условность композиции, алогизм диалога, знаковость фигур вместо прописанных персонажей – лирика в форме эпоса?

Он объявил войну накатанному стихотворству своего времени – и в идейном плане, и в смысле поэтики, причём всё это – за счёт именно поэтики. Недаром чуть не главным оппонентом его стал Безыменский, плоский эпигон Маяковского.

Шикарный Соколов из «Лодейникова», сердце с гитарой, – вряд ли Вертинский, хотя бы потому, что Вертинский и сам – выученик комедии дель арте, Пьеро и Арлекин в одном флаконе, мастер маски.

Через Заболоцкого в русской поэзии поныне передаётся фактор футуризма в бюджетлянском изводе. Шире – авангард вообще, включая родство с Филоновым.

Жестокая судьба перевернула автогероя Заболоцкого почти с ног на голову. «Урал», «Творцы дорог» писал другой поэт. Он оставил за собой онтологию миротворения, вселенский масштаб происходящего, но на сцену вышел уже другой человек, человек-герой, сторонник перемен, постигших его страну. Чуть не вынужденный, масочный пафос названных вещей теперь не трогает. Поэта выручает высочайшее мастерство, искусство стиха, которым можно восхититься и сейчас.

Подлинный венец его поэзного пути – «Рубрук в Монголии». Фрагментарность, присущая его ранним вещам, повторилась на новом этапе: поэмой стал цикл, череда стихотворений, которые могли бы существовать и отдельно, сами по себе. Но это как раз тот случай, когда нечто, оставшееся когда-то за кадром, стала практически линейным сюжетом, явленной фавбулой. Именно это обстоятельство – общий, прямой сюжет – и организовал цикл в поэму. Вряд ли я первый отмечу близость «Рубрука» к пастернаковскому позднему периоду.

Закончив свой путь обращением к совершенным формам, НЗ повторил весь исторический путь русской поэзии. Он согласился с тем, что лирика должна существовать в лирических формах.

Вряд ли я первый отмечу стиховую и мировоззренческую близость «Рубрика» к пастернаковскому зрелому периоду, начиная с ямбов книги «Второе рождение», 1930–1932. Да, прежде всего – узнаваемый четырёхстопник лирического нарратива в сочетании с нотой метафизики. «Ревёт медведь в своей берлоге, / Кричит стервятница-лиса, / Приходят боги, гибнут боги, / Но вечно светят небеса!» С годами Заболоцкий и Пастернак сблизились и по-человечески. «Юноша с седой головой» и сам шёл навстречу явлению Заболоцкого. «Природа, мир, тайник вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья отстою» – Пастернак, «Когда разгуляется», 1956. Сходство немалое. Это обуславливалось и общим для обоих поэтов гётевским образцом европейского пантеизма. «С природой одною он жизнью дышал...» – Боратынский, «На смерть Гёте», 1832.

Но взаимодействие с современниками было изначально постоянным. В 21-м Манделштам сказал: «И я вхожу в стеклянный лес вокзала, / Скрипичный строй в смятении и слезах. / Ночного хора дикое начало / И запах роз в гниющих парниках, / Где под стеклянным небом ночевала / Родная тень в кочующих толпах». Через десять лет Заболоцкий пишет «Безумного волка», где говорится так: «Я закрываю глаза и вижу стеклянное здание леса. / Стройные волки, одетые в лёгкие платья, / Преданы долгой научной беседе». Содержание разительно разное, общая метафора стекла зеркально перевёрнута, но там и там – тождественный отзвук хлебниковских воспарений в сторону грядущего градостроительства. Попутно можно вспомнить и пастернаковский вариант стекла (вернее, его отсутствия): «Огромный пляж из голых галек, / На все глядящий без пелён. / И зоркий, как глазной хрусталик, / Незастеклённый небосклон» – из «Второго рождения», цикл «Волны». Взаимосвязь трёх поэтов стеклянно прозрачна.

Выше я обронил «другой поэт». Конечно, это не так. Посмотрите на его орнитологический пассаж в «Птицах» (1933), этот великолепный гексаметр, в котором античная прароса преобразуется в современную лирику: «Вечер, вечер, привет тебе! Дятлы и грузные цапли / важно шагают рядом со мной. Перепёлки, / славки, овсянки стайками носятся, то опускаясь, / то поднимаясь опять, и вверху над моей головой / звонко щебечут. Малиновка, стаю покинув, / вдруг на плечо уселась и мягкой своею головкой / прямо к щеке прислонилась. Дурочка, что ты? Быть может, / хочешь сказать мне что-нибудь? Нет? Посмотри-ка на небо, / видишь – как летят облака? Мы с тобою, малютка, / тоже, наверно, два облачка, только одно с бороною, / с лёгким другое крылом – и оба растаем навеки». Эта птичка вновь запела через четверть века: «Или малиновка, маленький друг, / Мне на закате ответила вдруг?»

У НЗ всегда были последователи. Он влиял уже при жизни, ещё молодой. Вот молодой же Смеляков: «Цилиндрическую воду / к рукомойнику несут», а ля Заболоцкий «Столбцов». «Торжество Земледелия» просматривается здесь:

В испареньях розового цвета,
в облаках парного молока
светится, как новая планета,
медленное тулово быка.

Это «Бык» Смелякова, 1939. В «Классическом стихотворении», 1940 или 1941, финальная строфа выглядит уже как образчик будущего Заболоцкого, взгляд из космической бездны:

Тогда, обет молчания наруша,
я ринусь вниз, на родину свою,

и грешную томящуюся душу
об острые камняя разобью.

В середине века за ним пошли многие. В Москве – Андрей Сергеев, Глазков (стихийно), частично лианозовцы, в частности – Генрих Сапгир. В той среде царил довоенный Заболоцкий, в основном – «Столбцы». Мне кажется, поэмы 30-х годов оставались не востребованными и среди адептов его раннего творчества. В 30-х он и сам был поэтом андеграунда, поскольку поэмы оставались в столе, а то, что было напечатано, тотчас обругивалось.

Питер 60–70-х – Елена Шварц, многие фигуры андеграунда.

Это была эпоха триумфального возвращения Заболоцкого. В раннем, очень давнем разговоре с Окуджавой я услышал от него это имя: он говорил о необходимой школе стиха. То же самое – Межиров.

Его поздний пафосный классицизм пронизал многих. Среди них – напр., Юнна Мориц. Думаю, это о Заболоцком: «И тридцать песен моего предтечи / По воскресеньям исполняет чтец» («В конце концов», 1962). Но торжественная поэзия была уже не ко двору.

Борис Слуцкий в разрозненных записках-воспоминаниях часто говорит о Заболоцком. «Несколько раз я приносил Заболоцкому книги – из нововышедших, и почти всегда он с улыбкой отказывался, делая жест в сторону книжных полок: – Что же мне, Тютчева и Баратынского выбросить, а это поставить?» Твардовский смотрел на собратьев, молодых и не очень, точно так же, только без улыбки – белыми глазами. «“Чудь белоглазая” называл его начитанный в летописях Асеев». Заболоцкий, Твардовский и Слуцкий вместе ездили в Италию. Вот сценка, достойная Гоголя: «В купе международного вагона он сказал мне вполне искренне дословно следующее: – Каково мне, Б. А., быть единственным парнем на деревне и чувствовать, что вокруг никого. Продолжение тирады было прервано тихим смехом Заболоцкого».

Твардовский был вне этой системы координат: лебедь Заболоцкого как животное, полное грёз, был неумопостижим. Курица не птица, а птица не животное. Умственное природолюбие мальчика из Уржума стояло против мечты о стране Муравии. Но Твардовский не принимал и мартыновского Лукоморья. Утопии не совпадали.

В 80–90-х он пошёл косяком через кучу поэтов.

Я обнаруживал его след и в стихах малоизвестных Ивана Чуранова или Дмитрия Псурцева. Да и Пригов с его Милицанером – в общем-то, оттуда же. Воспроизводился внешний слой, чаще всего без онтологии и натурфилософии.

К столетию Заболоцкого (2003) Татьяна Бек провела опрос-анкету. Этот материал напечатало «Знамя». Ей отвечали либо письменно, либо по телефону. Поэты, отвечавшие Бек, хором говорили: влияние НЗ было двояким. С одной стороны руссоистский примитивизм, с другой – линия оды-элегии.

Я тогда сделал упор на его переводы. «Слово о полку», грузины, Шиллер. «Рубрика» полюбил с ходу, постепенно – позднюю лирику, «Слово о полку». Кстати. Сейчас, перечитав «Слово», я обратил новое внимание на этно-топонимические знаки: «косожская дружина», «земли аварские», «округа ханская», «болван Тмутараканский» – это ведь всё нынешняя южная Россия, Северный Кавказ, Украина да Крым. Половцы «Слова» – обитатели именно этого ареала. В какой-то мере актуально.

У меня есть история с моим стишком памяти Окуджавы, когда я подкорково, сам того не ведая, воспроизвёл одновременно Заболоцкого и Вертинского. «Дерево печали, – коллективным / умопомрачением опалён, / кипарис казался мне квартирным / вором, лезущим на мой балкон». Дальше говорится о супружеской чете двух ласточек, хлопчущих над гнездом с птенцами: «Я взгляделся в тружениц летучих, / гимназисток в них не опознав. / Молнией внутри крылатых тучек / полыхал неукротимый нрав». Через несколько лет, перечитывая Заболоцкого, я ошарашенно наткнулся на стихи, некогда любимые и начисто забытые в момент писания собственного стишка:

Вот он – кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплён,
Он стоит, и мёртвая корона
Подпирает тёмный небосклон.

Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы, почерневшие с вершины,
Осыпают звёздами меня.

Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнём сжигали на лету.

Тогда же вспомнился и Вертинский:

И две ласточки, как гимназистки,
Провожают меня на концерт.

Я бы не стал распространяться о своей персоне, кабы тут как в капле воды не отразился характер влияния этого поэта на многих и многих. Он запал в нас так, как западает песня – без обозначения авторства. Кроме того, я нечаянно в том стихотворении, перемешав краденое, вышел на характеристику окуджавского генезиса. Заболоцкий и Вертинский стояли у основания его творчества.

Потому-то и в стихах о Межирове у меня опять возник Заболоцкий: «Ни храм, ни блуд труда / не остановят бега. / В Москве ли никогда / не будет больше снега? / Где новодел гудит / над колыбелью детской, / береговой гранит / сияет москворецкий. / А пух, а пух густой, – / ошипывая гуся, / на купол золотой / уставилась Маруся. / Марусе удалось / лететь себе как птица, / за пух, летящий вкось, / руками ухватиться».

У Заболоцкого есть стих: «Поэзия есть мысль, устроенная в теле». В пандан этой формулировке, едва ли слыша о ней, американец Роберт Лоуэлл сказал, что функция поэзии как познания определена давно – в Библии: «И познал Адам Еву».

Дурочка, что ты?

Поэмы 30-х годов Заболоцкого выламываются из жанра традиционной поэмы. В этом смысле он шёл по следам предшественников. Брюсовский «Конь блед», поэмы Маяковского, не говоря о полотнах Хлебникова, клюевская «Мать-Суббота» или есенинская «Инония» – всё это было плодотворно усвоено.

Он полемизировал с сугубо земледельческим миропониманием на опорах научных представлений о Вселенной и Бытии в целом. Его муза питалась неохватным полем трудов от Лукреция до Циолковского. Драматургический элемент – постоянный диалог – был перманентным спором с миром, с самим собой и даже, возможно, с ближайшими собратьями по цеху ОБЭРИУ. Вышеупомянутый «гранит» дисциплины и порядка подвергался безостановочному штурму внутренней стихии, лирической по сути. Стих Заболоцкого далёк от регулярной стойкости и стройности. Внутри этого стиха происходила распря нескольких просодий, брачующихся по воле автора.

Приличный объём, основательность разговора, эпический тон, многоперсонажность повествования – черты, не позволяющие считать эти вещи большим стихотворением (не поэмой).

...Перечитав Чухонцева, я стал листать – Шиллера. Накатило сугубо личное. Более полувека тому назад мы с сестрой подарили матери на день рожденья солидный зелёный том возвышенного немца. Виновница торжества таких книжек не читала. Её сибирское детство

не предполагало Ивиковых журавлей. Шиллерову балладу я усваивал сам. Смешно... Вот куда погружает Чухонцев. В самое детство. И намного глубже – вплоть до детства человечества с его истмийскими играми и поэзией Архилоха.

Чухонцев – напоминание об Ивике. В 1973 году, когда Ивик напомнил ему о себе, в результате чего появилось «Напоминание об Ивике», Чухонцева особо заботил вопрос: «Вы чувствуете воздух / иного бытия?» Шиллер, описывая эриний, так говорит в переводе Заболоцкого:

Земные жёны так не ходят,
Не здесь родные их края;
Их очертания уводят
За грань земного бытия.

...Любопытно взглянуть на Заболоцкого в ракурсе его дружбы с Борисом Слуцким. В 1957 году они вместе ездили в Италию. Поездка сблизила поэтов, столь разных.

Взаимонеприятие Твардовского и Заболоцкого – печальный факт, для Заболоцкого крайне болезненный: нелюбовь главного редактора «Нового мира» была продолжением его понесённых от власти мучений. Но для Слуцкого, который сам в своё время, в конце тридцатых, прошёл мимо Твардовского («Молодым я его не знал, не видел...»; «Страна Муравия» ему не понравилась), ясны эстетические и личностные причины конфликта крупнейших поэтов времени. Они были старше Слуцкого, но на самом деле старше был он: он уже переварил опыт их поколения, нетерпимого и непримиримого.

Заболоцкий конспектировал в записной книжке пребывание на родине Данте. Аккуратист Заболоцкий фиксировал впечатления на бумаге, аккуратист Слуцкий полагался на свою память.

В придачу к тому можно добавить. Заболоцкий разжился в Италии отрезом для костюма, в котором вскоре будет похоронен. Слуцкий взял там же отрез почему-то парчи...

Заболоцкий привёз из Италии шедевр. Написан не сразу, чуть погодя (1958), и это стало его лебединой песней.

Мне мачехой Флоренция была,
Я пожелал покоиться в Равенне.
Не говори, прохожий, о измене,
Пусть даже смерть клеймит её дела.
Над белой усыпальницей моей
Воркует голубь, сладостная птица,
Но родина и до сих пор мне снится,
И до сих пор я верен только ей.
Разбитой лютни не берут в поход,
Она мертва среди родного стана.
Зачем же ты, печаль моя, Тоскана,
Целуешь мой осиротевший рот?
А голубь рвётся с крыши и летит,
Как будто опасается кого-то,
И злая тень чужого самолёта
Свои круги над городом чертит.
Так бей, звонарь, в свои колокола!
Не забывай, что мир в кровавой пене!
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.

(«У гробницы Данте»)

По-настоящему мощная вещь («Заболоцкий спит в итальянской гостинице») и у Слуцкого появилась годы спустя, в самом начале семидесятых, и это был тот случай, когда он мог бы сказать, что прыгнул выше самого себя, сделав нечто вычленившееся, выломившееся из него – реалистически-символистическое исключение, по существу заболоцкое.

У пригласивших было мало денег,
и комнату нам сняли на двоих.
Умаявшись в банкетах и хождениях,
мы засыпали тотчас, в один миг.
Потом невращения, ностальгия,
луна или какие-то другие
последствия пережитого дня
будили неминуемо меня.
Но Заболоцкий спал. Его черты
темнила ночь Италии. Белила
луна Италии, что с высоты
лучами нашу комнату делила.
Я всматривался в сладостный покой,
усталостью, и возрастом, и ночью
подаренный. Я наблюдал воочью,
как закрывался он от звёзд рукой,
как он как бы невольно отстранял
и шёпоты гостиничного зданья,
и грохоты коллизий мирозданья,
как будто утверждал: не сочинял
я этого! За это – не в ответе!
Оставьте же меня в концов конце!
И ночью, и тем паче на рассвете
невинность выступала на лице.
Что выдержка и дисциплина днём
стесняли и заковывали в латы,
освобождалось, проступало в нём
раскованно, безудержно, крылато.
Как будто атом ямба разложив,
поэзия рванулась к благодати!
Спал Заболоцкий, руку подложив
под щёку, розовую, как у дитяти,
под толстую и детскую. Она
покоилась на трудовой ладони
удобно, как покоится луна
в космической и облачной ледыни.
Спал Заболоцкий. Сладостно сопел,
вдыхая тибуртинские миазмы,
и содрогался, будто бы от астмы,
и вновь сопел, как будто что-то пел
в неслыханной, особой, новой гамме.
Понятно было: не сопит – поёт.
И упирался сильными ногами
в гостиничный кроватный переплёт.

Дружба между поэтами возможна. Даже такими непохожими...
На похоронах Заболоцкого Слуцкий сказал:
– Наша многострадальная литература понесла тяжёлую утрату.
Собравшиеся вжали голову в плечи: как это – многострадальная?..

Редакторат альманаха «ДЕНЬ ПОЭЗИИ – XXI ВЕК 22\23» поздравляет Илью Фаликова с 80-летним юбилеем!

* * *

Мы не будем это всё комментировать,
Очумевшая храпит слобода.
Нам пора уж это всё конвертировать
В деревянные рубли навсегда.
Углубляются познания адские,
Берлиозов надрывается алыт.
Из кареты возбуждённые Чацкие
Высыпают на бесцветный асфальт.
По лавчонкам рассыпаются, нервные,
И не могут ничего в них найти.
Мы, конечно же, не выскочим в первые,
Но просыплется на нас конфетти.
Пополнением для рая не станем мы,
А убогий подаяния ждёт.
Он не знает о Гарольде в Италии,
Только горечь от ума горло жжёт.

* * *

Прозвени, – это так обаятельно, –
Проржавевшим ключом.
За порогом твоим обыватели
Говорят ни о чём.
Вроде, думаешь, март, и – пожалуйста, –
Всё снега да снега.
Вроде, думаешь, фарт, но без жалости
Не возлюбишь врага.
А небесные плиты расколоты

Посреди облаков.
Куполов пригорюнилось золото
И стекает с боков.
Изучи до конца географию,
Чтоб остаться потом
На семейной большой фотографии
Просто белым пятном.

* * *

Я вижу тебя на набережной,
Торопливой, бесповоротно строгой.
Память обманет. Ещё не набрано нам
С небесного номера. Осень выйдет убогой
Из своих передряг. Умоется снегом.
Я вижу будущее, где смычок
Не со струной подружился, а с нервом
Голым, как все мы, но тут – молчок.
Наверху так темно, что не веришь в траур,
Я не помню тебя. Боль беспричинна.
Рифмуем Прокофьев и кофе. А Штраус
Всё вальсирует под вальсы своего сына,
И вместе с ним вальсируют парапеты
И памятник Ленину, что валялся тут.
А ежели свет ты увидишь где-то,
Знай, что именно там тебя не ждут.

* * *

Меня давно не существует,
 Но тело есть, глаза и рот.
 И обо мне не повествует
 В былинах проклятый народ.
 Я был всего лишь полустанком,
 Но как-то осенью не встал,
 Состав не принял, полный танков,
 И называться перестал.
 Но полустанкам в человечки
 Преобразиться суждено,
 Цедить нелепые словечки,
 Смотреть нелепое кино,
 И, не оглядываясь, мчаться
 Там, где сбежали от забот
 Земли печальной домочадцы,
 Кому даны глаза и рот.
 Меня давно не существует,
 Как из полка пришлось убыть.
 Но тетерев опять токует,
 Чтоб посмотреть в глаза убийц.

* * *

Пойдёшь направо – пьяный хор,
 Налево – выстрел в лоб.
 И Пушкин, осознав позор,
 Крушит под Псковом гроб.
 В музее пылью с эполет,
 В окно летит беда.
 В глазах дорога и скелет
 Остались навсегда.
 Гомер стенает, одинок,
 Прозрев на краткий миг.
 Он шёл направо, сколько мог,
 А вышел напрямик.
 Чужое горе не копи,
 Для этого ты мал.
 Учёный кот сбежал с цепи
 И воет, как шакал.

* * *

В душу заполз отвратительный смог,
 Сплющилось солнце в овал.
 Если себя победить ты не смог,
 Значит, ты не проиграл.
 Значит, ещё не настала пора

Сердце вести на убой,
 Если выходишь из дома с утра,
 Ночь не пойдёт за тобой.
 Значит в тяжёлые скудные дни
 Будешь валять дурака.
 Тени идут на трухлявые пни,
 Как на чужие войска.

– Уйди отсюда, – говорю
 Своей неспешной тени.
 Она бредёт на рю Дарю,
 Бредёт в собор без тени
 Сомнений. Оду фонарю
 Я сочиню от скуки.
 – Уйди отсюда, – говорю,
 – Я умываю руки.

* * *

А мы в империи пропали,
 Совсем пропали, вот беда.
 Зачем Овидия сослали,
 Мы не узнаем никогда.
 И только Пушкин что-то знает,
 Он тоже выгнанный взащей,
 Один шампанское глотает
 И не читает Бомарше.
 А мы, что выросли в промзоне,
 Где нам никто не дал плаща,
 Не вспоминаем о Назоне,
 «Букет Молдавии» хлеща.
 Приходит время чёрной пыли
 Домов, что сломлены войной.
 Лежат изгнанники слепые
 На холмах Грузии иной.

Мы долго говорили не о том,
 О чём хотели. Город, воскресенье.
 Дымок от теплостанции винтом
 Врезался в небо в поисках спасенья.
 Как жаль, у Шостаковича ни такт
 Не изменить, а то б я разошёлся.
 Могло быть всё иначе, стало так,
 И шов на старой ране разошёлся.
 Ты сообщила, что уедешь в Крым,
 Возможно, навсегда, что путь твой ясен.
 А я всё тшился расспросить про дым.
 – Ну, как тебе? Не правда ли прекрасен?

* * *

В детстве прочитав «Анну Каренину»,
Я только Каренина и жалел.
Потом годами настраивал зрение,
Но в этом не преуспел.
В Петербурге есть станция «Автово»,
Не имеющая отношения ни к какому авто.
Жизнь – это литература без автора,
А мы всё думаем, автор кто?

*Геннадий
ИВАНОВ,
Москва*

НЕБО НОВОРОССИИ ПРЕКРАСНО!

Небо Новороссии прекрасно
И поля прекрасны, и леса...
За своё мы бьёмся, это ясно.
Долго нам туманили глаза.

Этот край – Россия, наши люди
Здесь живут, по-русски говорят...
Поднесли врагу его на блюде.
Наши люди гибнут и горят.

За своё мы бьёмся в этой схватке.
Мы Европе говорим «Не лезь!»
И твои, Америка, порядки
Никогда не приживутся здесь!

Небо Новороссии прекрасно!
И леса прекрасны, и поля!
Это всё Россия, это ясно.
Это наша русская земля!

У БЛИНДАЖА ЕСТЬ ТОЖЕ ПОЗЫВНОЙ

У блиндажа есть тоже позывной.
Весёлый позывной такой – «Бунгало».
Уже в лесу повеяло весной,
И как-то на душе печально стало.

Весна, весна... Весна не для войны.
А для любви и к женщине, и к миру.
Весной такие будоражат сны...
Летишь к жене в далёкую квартиру.

Проснёшься вдруг – в холодном блиндаже...
Из-под земли поднимешься на волю.
Ещё остаток сна в твоей душе.
Его, конечно, удаляешь с болью.

Сегодня в бой, и ты пронизан весь
Уже настроен этим – к бою, к мести...
Ты на войне. Теперь ты нужен здесь.
Ты нужен здесь и Родине, и чести.

МЫ СЕГОДНЯ В ОКОПАХ ВРАЖЬИХ...

Мы сегодня в окопах вражьих
Видим всюду тела, тела...
И вокруг тела, и на пашне.
На войне такие дела.

Враг своих не хоронит что-то.
Значит нашим придётся, да.
Да, лопаты бери, пехота...
Да, кругом война и беда.

По-другому нельзя, однако.
Раз не ты, то тебя убьют.
Да, война – это злая собака.
Очень призрачен здесь уют.

И твои блиндажи, окопы
Тоже могут в момент взлететь...
Но взлетели они, укропы,
Значит нынче укропам геть.

«СУЛТАН»

Весельчак с позывным «Султан»,
Где сейчас боевой твой стан?
Знаю, где бы ни воевал –
Ты нигде бы не унывал...

На войне без таких, как ты,
Скучновато, как без мечты.
Ты нас после войны позвал
Посетить родной ареал...

Это, где Енисей течёт –
Там семья тебя очень ждёт.
Весельчак с позывным «Султан»,
Ты нам всем для победы дан.
И такие, как ты, бойцы
Настоящие молодцы!

МОЛОДОЙ

Я запомню тебя, Кременная.
Я обычный боец, не кремень,
И запомню, не проклиная,
Каждый здесь проведённый день.

Бой за боем, отход и снова
Бой за боем, за боем бой...
Кременная – какое слово!
Породнюсь навсегда с тобой!

И когда-нибудь после битвы
Я сюда доберусь опять.
Здесь надежды мои, молитвы,
Здесь я что-то стал понимать.

МОБИЛИЗОВАННЫЙ

Мы пришли сюда,
не откосили.
Жди с победой меня, семья.
Я здесь понял, что я России
очень нужен, что русский я.

Как-то там, на гражданке вольной,
было многое всё равно.
Был я заработком довольный,
остальное –
пошло оно...

Что Россия, что Эмираты,
что какой-нибудь Бангладеш...
Мне хватало на всё зарплаты,
и в кармане всегда был кэш.

Здесь в душе вдруг проснулось что-то,
и наполнилась вдруг она...
Мне такой родной стала рота –
и победа нам суждена!

Много слов говорить не буду,
но хочу только я сказать:
эти месяцы не забуду,
буду их потом вспоминать!

Я здесь понял, что я России
очень нужен, что русский я.
Мы пришли сюда,
не откосили.
Жди с победой меня, семья.

ВОПРОС ВЗВОДНОГО

Да, людей мы беречь пытаемся,
Не ведём безрассудных атак.
Да, мы медленно продвигаемся,
Потому что не слабый враг.

Накачали его, напичкали.
Оплели благодушьем нас –
И мы стали такими птичками...
Дайте нам суровый приказ!

А то всё как-то полумерами.
И расплывчат всегда ответ...
Не играйте нашими нервами.
Киев будем брать или нет?

*Ольга
ИВАНОВА,
Сестрорецк,
Ленинградская
обл.*

ФОНАРЩИК

Фонарщики давно уже не те...
Не загремят стремянкой на рассвете,
Не зажигают звёзды в темноте
И не живут на маленькой планете.

Но среднестатистический фонарь
Под властью электрического тока
Под вечер зажигается, как встарь,
Чтобы светить до утреннего срока.

И лишь для тех, кто видит в ремесле
Чудесный дар, исполненный красиво,
Фонарщик старый бродит по земле,
Держа запасы масла и огниво.

Он с лёгкостью в обычном фонаре
Волшебный свет надежды зажигает,
Хранит его всю ночь, а на заре
Свою стремянку сложит и растает...

ПАСХАЛЬНОЕ

Апрельский снег последний, как кристаллы,
Легит в низинах. Тих весенний лес.
Легко и звонко в мире нынче стало.
Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Несутся мысли, как гнедые кони,
Вздымая пыль до ласковых небес,
И крашенка алеет на ладони.
Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Робея, солнце светит в окна храма.
Сегодня все особо ждут чудес,
Не утаив любви своей ни грамма.

Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Я набираю снежных бусин горсти.
Печаль моя, как шар, теряет вес.
Кулич наломан, значит, будут гости.
Христос воскрес!
Воистину воскрес!

* * *

Участникам Таллинского прорыва 1941 года

Балтийское море, янтарное море...
Кольшутся волны, плывут корабли.
Осталось недолго. Появятся вскоре
Высокие шпили родимой земли.

Потёртые карты, тельняшек полоски,
И письма любимых в ладонях дрожат.
Мелькают закаты. Людей по-отцовски
Обнимет фортами надёжный Кронштадт.

Но вспенилось море, окрасилось алым,
Заплакало небо, вскипела волна,
И день показался предательски малым,
И слишком огромной предстала война.

* * *

Грянет осень, тучи в караван
В небе позолоченном сольются.
Бабушкин расшитый сарафан
Спрячу дальше. Листьями завьются
Кудри ветра над рекой Сестрой.
Стылый воздух озеро остудит.
Клёнов старых обнажённый строй
Летнего тепла не позабудет.

Вечером зажгутся фонари,
Сумерки внезапные сгустятся.
Будут снова птицы до зари
То ли плакать, то ли же смеяться.

Это завтра, а пока чуть-чуть
Лета остаётся на ладони,
Зря бы не растратить. Не спугнуть
Цаплю, задремавшую в затоне.

[ПАМЯТЬ]

Александр КАЗИНЦЕВ

(1953-2020)

Марианна ДУДАРЕВА

БЫТИЕ ВЕЩИ АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА (СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ)

Чем дальше мы идём путём развития науки и техники, погружаясь в цифровое пространство, тем больше становимся метафизически отброшенными и не готовыми воспринимать трансцендентное. Осип Мандельштам писал о людях начала XX века, что те выброшены из своих биографий, а сегодня можно сказать, биографии заменены на цифрографии (картины заменяет высококачественная цифровая печать, живую коммуникацию – обмен знаками в месседжерах, мы частично переходим на формы онлайн-обучения и т. д.). Однако в России, как литературоцентричной стране, поэзии пока ещё под силу преодолеть эту антиметафизику современного общества. Но сегодня онтологически проблема состоит в том, что общество не всегда восприимчиво к поэзии, ибо она имеет апофатические основания, то есть её фундаментом является априори непостижимое, невыразимое (вспомним классическое из Ф. И. Тютчева «мысль изреченная есть ложь»). Об этом писал в своей фундаментальной работе философ С. Франк. Тогда задача современного поэта в том и состоит, чтобы пойти навстречу метафизически отрешённому человеку и показать грани бытия через то, что ему близко и понятно, – через быт. Так умел делать поэт А. И. Казинцев:

Сколько тут домов снесли
под один замах,
лишь проплешины земли –
память о домах.

Взялся поздний снегопад
выбелить дотла

пустоту, где год назад
жизнь своя текла.

Паром дверь заволокло –
вход по одному –
застоялое тепло
плещется в доме.

Газовых конфорок пыл,
жар кухонных ссор.
А какой тут запах плыл
за окно во двор!

Коридорной лампы свет
жалко оголён.
На стене велосипед
косо закреплён.

В белом воздухе пустом
в двадцать пять венцов
высится снесённый дом
без своих жильцов.

Словно струи сквозь золу,
в землю, в корни трав,
все они ушли во мглу,
слова не сказав.

О чём это стихотворение? О реновации в современном городе? Об отмирающей форме одной действительности и рождении новой? Безусловно, в этом стихотворении мы узнаём приметы нашего времени, бытовые маркеры «велосипед», «газовые конфороки», «коридорная лампа». Чей это был снесённый дом? Кто в нём жил? Этого мы уже никогда не узнаем, поскольку, выражаясь языком онтологии, эти вопросы носят характер вопрошания. Но одно онтологически мы ощущаем – старое ушло, безжалостно снесено, а новое ещё не народилось. Поэт нас погружает в пустоту и забвение, чтобы мы, будучи на пороге бытия, на краю ойкумены, осознали перелом во времени, узнали через смерть – о вечности. Он показывает нам оптику двойного бытия.

На танатологический подтекст стихотворения указывает яркий образ золы времени и корней трав, что безмолвно принимают в свои объятия то, что отжило, пошло на снос. Через вещи, которые у А. И. Казинцева всегда говорят, мы осязаем этот мир, вспоминаем, как нам было тепло и уютно в своих домах, но мы также постигаем и метафизику жизни, ноуменальное проявляется в феноменальном. И в этом состоит художественная сила поэта – в способности через маленькие вещи, которые нас окружают физически, дать вечное. Таким образом, мы вступаем в диалоги с Другим. Здесь типологически важна концепция «большого диалога» М. М. Бахтина, который был духовным учителем для В. В. Кожинова, с которым, в свою очередь, общался и Казинцев – именно с этого общения началась работа молодого поэта в легендарном литературном журнале «Наш современник». Фигура Другого является одной из ключевых в философии М. М. Бахтина. Через Другого мы смотрим на самих себя, наши поступки совершаются в этической плоскости. Современный поэт обращается к феномену (ноумену) Другого, Третьего, который является справедливым судьёй и оценивает поступки лирического героя. Этим Третьим может быть просто

человек из прошлого, за наследие которого отвечает современный герой, может быть даже какая-то вещь, в которой отражается бытие, как в «чашечке цветка» (см. известное стихотворение Уильяма Блейка из «Прорицания Неведения»).

В стихотворении из последней подборки 2018 года (сайт «День литературы»), посвящённом жене, мы видим город из камня, который страдает от выхлопов машин и людской суеты (поступков Другого), но поэт даёт и тут нам надежду на присутствие вечного света в мире:

Воздух выпит дождями – нет, всё впереди,
ничего, ничего ещё не изменилось –
где-то к северу землю полощут дожди
и метут под подошвы древесную гнилость.

Ничего не изменится, слово даю,
не пойдёт под уклон равноденствие это –
будет света с избытком в полдневном раю –
целый город из камня, деревьев и света.

С одной стороны, в этом урбанистическом тексте возникает тоже человеческая примета – подошвы человека, который топчет землю, следит. С другой стороны, город наполнится светом, что имеет апофатическую природу. Речь идёт, конечно, о несказанном свете (пушкинском, есенинском, блоковском в русской поэтической традиции), наполняющем пространство изнутри.

Поэт художественно помогает прожить и освоить нам то, что мы сами не можем осилить в силу своей метафизической отрешённости:

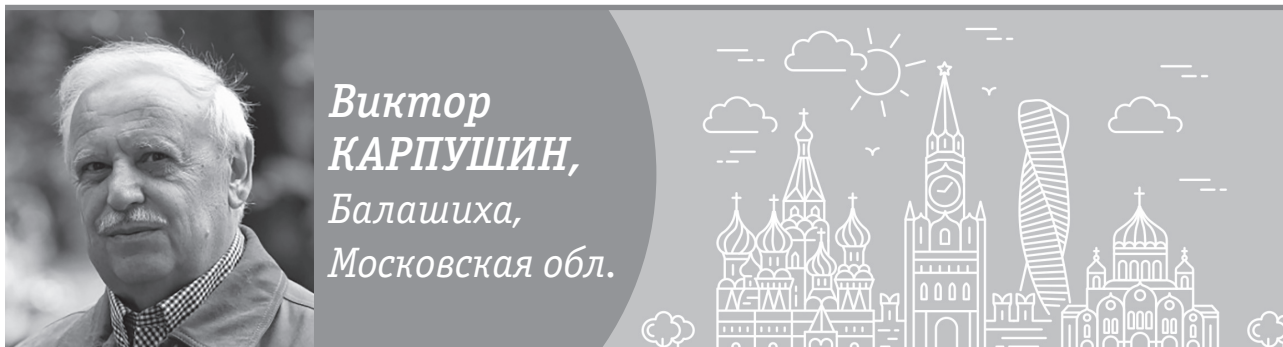
Я впущу в себя звуки дождя,
тёплого, шепелявящего по пыли...
Лето оглядывается, уходя –
были ли дни эти долгие? Были.

Известный философ Н. А. Хренов пишет о том, что бывают эпохи, когда трансцендентное отношение к миру угасает, ослабевает. Кажется, что сегодня такая эпоха, но Александр Иванович Казинцев, поэт и человек, деятель культуры (тридцать лет проработал в журнале «Наш современник»), неустанно утверждал в своём творчестве бытие иное и сакральное отношение к этому бытию:

Были без края и без конца,
сотканы из белоснежной вискозы,
дни, славословящие Творца,
где на осоке повисли стрекозы,

где над рекою завесою ив
стлалась прохладная зелень урёмы,
где за деревней, как дальний разрыв, –
белоголового грома.

О современной поэзии писать непросто, поскольку нет должной культурной дистанции между реципиентом, человеком, воспринимающим поэзию, и творцом. Однако наше цифровое время подвержено не только социальной энтропии, но и компрессии – все процессы в обществе ускоряются, и этому обществу сегодня нужна, возможно, поэзия как ни-

когда. Стихи А. И. Казинцева обладают большим культурным потенциалом для изучения особенностей национального образа мира, художественной русской философии, обнажающей грани инобытия.

*Виктор
КАРПУШИН,
Балашиха,
Московская обл.*

ПОСОХ

Когда в траве следы простыли,
Когда реки ребрится гладь,
Возьми берёзовый костылик,
Чтоб по России ковылять.

Спроси совета у кукушки:
Когда закончится тоска?
Вновь облаков плывущих стружки
Коснулись дальнего леска.

Постой у сломанной осины,
Попробуй отдохнуть слегка.
И, помянув о Божьем Сыне,
Смотри на лес и облака.

Надейся на нелепый посох,
На одиночество полей,
Когда следы – в студёных росах
И вера – посреди людей.

* * *

В избе убогой половицы –
Черны, морщинисты слегка.
В окне – счастливые синицы
И перистые облака.

Куда лететь? – вокруг привольно
И нет намёка на беду.
Отбрасывает колокольня
Тень на волнистом талом льду.

Пришла пора проснуться вере,
Надежде – поскоблить порог.
И я теперь почти уверен,
Что есть любовь, хоть ветер строг.

Порошей кружится над бездной,
Порой не размыкая век...
И полон мудрости небесной
Случайный встречный человек.

ПОРОША

Прими микстуру, нет, не принимай,
Зайди в подъезд, но лучше чёрным ходом...
В углу двора – разохшийся сарай,
Вот только жаль, не с домофонным кодом...

Туда любой желающий войдёт,
Хотя, зачем копать в тёмном прошлом?
А снег идёт, и завтра – гололёд;
Как хороша февральская пороша!

Запороши ущелья чердаков,
Разбери мятущуюся душу!
Прими микстуру, покорми котов,
Виолончель метельную послушай.

* * *

Переменчивы русские вёсны,
Холода и тепло – косяком.
Из сараев выносятся вёсла,
Я с хозяином каждым знаком.

Деревенские тихие люди
Возле речки разводят костры,
Эту местность неброскую любят,
Ладят лодки, и речи просты.

На шестах расправляются сети,
Ветер хлопает створкой окна.
И серьёзны и праведны дети,
И прекрасна с утра тишина.

Раскрываются почки на вербах,
С каждым днём прибывает вода.
Я бы смог здесь остаться, наверно,
Половодье навряд ли беда.

* * *

Ах, вы сени вы мои, мои саночки,
Занесённые тоской полустаночки;
Нынче ветер до утра, хмарь унылая,
Не ходила бы ты в лес, моя милая...

Не глотала бы ты слёз с земляникою,
Здесь растут с глухих времён травы дикие;
Здесь живёт одна Яга, гуси-лебеди,
Здесь осинники сродни с детским лепетом...

Не искала бы ты здесь добра молодца,
Здесь корявая сосна больно колетя;
Здесь кровинки на траве-подорожнике,
Ах, Рассеюшка моя, босы ноженьки...

* * *

Неспешно проявляется луна
Сквозь облака, плывущие на запад.
И, кажется, трава воспалена,
Присутствует тоски и боли запах.

Перебинтован город мой рекой,
Кувшинок поплавки – в зелёной ряске.
Плутают рядом воля и покой,
И лодочник, как персонаж из сказки.

И сказочка нелепо коротка,
Искрятся нелюдимые затоны.
Такой бывает тихая река,
Где все мостки и омуты знакомы.

И ландыши видны среди могил,
Им хорошо средь вечного покоя...
И всё сбылось, о чём давно просил:
Луна, река и лодка на приколе.

* * *

Ведёт дорога туда, где много
впустую прожитых мною лет.
«В пустыне трудно не верить в Бога», –
сказал когда-то один поэт.

Он был любитель вина и пиццы,
а летом ягоды рвал с куста.
Еду ему приносили птицы
в дни мясоеда и в дни поста.

Кормили, словно Илью-пророка –
и птичьи бились в груди сердца...
А он рассказывал им про Блока,
про Льва, про Ангела и Тельца.

А было ли у поэта имя
не ведают Гумилёв и Блок,
но каждый ищет свою пустыню,
в которой должен явиться Бог.

* * *

Одуванчик в поле –
поседевший инок –
отпустил на волю
облако пушинок.

Вот летит пушинка
высоко-высоко,
а внизу – кувшинка,
таволга, осока.

То улитка в клетке
движется неловко,
то замрёт на ветке
Божия коровка.

А в колючей хвое –
пауков палатки...
Но пушинка – что ей
наши неполадки?

В небе веселее,
есть во что одеться:
облако белее,
чем душа младенца.

«Да, в земной юдоли
нет завидней доли», –
шепчет облысевший
одуванчик в поле...

* * *

Олесе Николаевой

Чем мысль отчётливей, чем чувство горячей,
тем больше мы найдём разгадок и ключей,
предчувствия и сны свои откроют тайны,
мы вникнем в мятежи и Польши, и Украины,
в их безобразный бунт и злое бесовство
и собственных страстей познаем естество.

Мы будем верить в то, что этот морок сгинет...
Но если в суете любовь твоя остынет,
мысль затуманится, душа уйдёт в полон –
унынем и тоской ты будешь опалён.
Одумайся, душа! Отвергни бремя сытых
и вспомни о других – обманутых, убитых,
об огненных словах, забытых впопыхах,
опомнись – и заплачь о собственных грехах.

Но нравится душе блуждать по бездорожью,
согласия искать меж истиной и ложью,
и тело на себя, как пыльный плащ, надеть,
чтоб танго танцевать и в зеркальце глядеть.

* * *

Птица пролетит, как тень разлуки...
Ты узнаешь детский наш секрет:
терпит тело родовые муки
в час, когда душа рождает свет.

Тополь в одеянии просторном
тянет руки к облачной гряде,
Млечный Путь искрится в небе чёрном,
лунный серп блестит в речной воде.

А когда-то было всё иначе:
спал Адам, земля была гола,
как ребёнок, заходилась в плаче
мир под тенью птичьего крыла.

В ожиданье глада, мора, труса
тучи затевали разговор,
но, как пламя, Тело Иисуса
засияло на горе Фавор.

Пётр смотрел, закрыв лицо руками,
не смыкая воспалённых век,
как, пренебрегая облаками,
трогал ветер ткань Его одежд.

Там, внизу, сужалась бесконечность,
втягивая мира круговерть,
и стоял Христос у входа в вечность,
крестной мукой побеждая смерть.

* * *

Ю. К.

Мы зашли в тупик. Мы дошли до точки.
Мы уселись все на огромной бочке,

И она качается, как ни странно,
На волнах всемирного океана –

Не простая бочка, пороховая...
А вокруг – четвёртая мировая,

А над бочкой ангел парит, как птица,
Призывая каяться и молиться.

ИКОНОПИСЕЦ

Венчает небо украинский місяць,
а где-то рядом пасть открыл дракон...
Личины адописанных икон
упрятал под левкас иконописец.

Закрыв глаза, он убегает прочь,
подобно колдуну из «Страшной мести».
Тиха, глуха украинская ночь,
и всё идёт по плану, честь по чести.

Не знаю, кем придуман этот план
и кто навёл на лик иконы глянец –
католик, осторожный польский пан,
иль грубый атеист американец?

И в царстве искажений и подмен
одеи вора в красную рубаху,
чтоб он смотрел, как хлещет кровь из вен
святой Руси, отправленной на плаху.

* * *

Стало слово бледным и бессильным,
истрепалось, плача и греша...
По дворам, по переулкам пыльным
с кем скиталась ты, моя душа?

С кем ты хлеб отравленный делила,
с кем вино прокисшее пила,
и кого от смерти исцелила
плоть твоя и белых два крыла?

Ангел светлый, нищенка и скряга,
что ты копишь жизнь на чёрный день?
Всё сгорит – и мысли, и бумага,
расцветёт персидская сирень.

И она твоей душе сожжённой
дверь откроет в самый лучший сад,
где горит огонь, преображённый
в несказанный свет и аромат.

* * *

Пахнет ягодой жёлтый дрок,
ветерка по травам судорога,
обступили грибы дубок,
как учителя мудрого...

Край речонки морщинит слегка,
носит ветер перо и солому...
Я на вёслах плыву в облака,
словно к Отчему Дому.

ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...

Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше – сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег...

Кухарка – девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Растаял снег, в лесу просторно.
Высокая сосна глядит во все концы.
В живой тени, раскинутой узорно,
звонят пичуги, словно бубенцы.

Там – расцвели в лещине верболюзы,
здесь – лось ходил, оставил шерсти клочок..
И ослепительно – под солнцем из берёзы
стекает сок в пробитый котелок.

* * *

Сентябрь, как крепкий тёрн на ветке,
созрел в замшелый день.
На гумнах ссорятся соседки,
а в сердце – сон и лень..
И ветер носит пух в навозе,
в хвосты толкает кур.
И гаснет солнце на морозе,
а луч его – что твой шампур!
Вот он пронзил подворье остро –
в застреху, в щель..
Летает пыль, соломы остья,
в луче от искр – метель!

Лежу в сенах на сеновале –
и жизнь люблю.
И за бытийность эту в теле –
благодарю!

* * *

Как далеки мы стали, как опять
сереет бухта пасмурно и голо..
Как высоко и ветрено стоять
над крутизной распахнутого мола.

Опять я вижу дикий пенный плёс,
и бухту, и зарю над нею..
И чувствую, как солнечный утёс
в покинутом гнездовье леденеет.

МАТРОССКАЯ

Ты не верь им, что ушёл совсем я
в вороную даль морских ветров.
Сеют шквалы дождевое семя
на цимбальный палубный покров...

Ты не верь им, что я сердцем мокну
от чужой любви в чужом краю.
И не меряй, занавесив окна
бескозырку старую мою...

[ЮБИЛЕЙ]

Виктору КИРЮШИНУ –

70 лет

Елена КРЮКОВА

РОДИТЬСЯ ЗАНОВО

Ах, необъятный Космос... Мы забываем голову закинуть к многодышащему, многоглазому звёздному небу, распаханному смолянному сундуку с царскими сокровищами; оно и многорадостно, ибо щедро-праздничны его бессчётные искры-россыпи; оно и много-скорбно, ибо все его звёзды – наши слёзы; оно и равнодушно – ровно, мерно и немислимо-постоянно вращаются все светила северной полусферы вокруг звезды Полярной, Золотого Кола; мы мчимся, задыхаемся, бежим, летим!.. и вдруг застываем. Чем вкопаны в землю? Столь же незыблемо-вечную, как небеса? От чего мороз по спине, чем потрясены, каким громом-грозой, каким одиноким голосом, что внезапно звучит над нами, как грандиозный хор?..

Человек... Один. Он стоит в широком поле. Один – на виду у нашей русской ли, азийской вековечной степи. В эту землю много крови лилось. И на крови-костях ковыль всходил; и над не погребёнными после битвы костями Солнце всходило. А человечек – так вот он, снова! Он – туда же! Зачатый – к рождению, к явлению на свет Божий, а живой, живущий – к неизбежному прощанью! Горечь какая, полынная... смута слёз задёргивает глаза пеленою усталого долгого дождя...

И развиднелось... и снова ведро... А человек стоит. И его обдувает ветер.
Кочевой; бешеный; безумный; родной.

Пусто.
Ни крика, ни эха.
Торчит, как обида,
В поле трава из-под снега
Сиротского вида.

Преодолевая
Терпеньем жестокое время –
Была сухая,
Давно потерявшая семя.

В звёздные верши
Минувшая канула небыль...
Что её держит
Под этим неласковым небом?

Травы и люди...
Мороз пробегает по коже:
Как мы по сути,
По судьбам нелепым
Похожи!

В этом же поле,
Где ветер гудит не стихая,
Плачу от боли –
Такая же была сухая.

Этот человек – поэт.

Имя его – Виктор Кирюшин.

Столкнул он лбом, не убоясь, два далёких масштаба. Две жизни, под Солнцем-Луной, под Богом они равно растут-цветут и увядают: травы и человека. Для Господа всё едино – что трава, что волчонок, скулящий в весеннем лесу, что серебряная рыба, играющая в дикой забытой (а значит, чистой!...) реке, что людское сердце: захлёбываясь от непрошенных слёз, бьётся, колотится так неуёмно, так напоследок... И верно, всякий день наш – последний. Ибо мы не знаем часа своего. Никто не знает. И это – благо.

Господи! Благодарю тебя, что есть, есть поэзия. И есть Русские Поэты, что вот так, одиноко, с непокрытой головою, в поле выходят. Под ветер. Под ливень. Под жар-птичье, яркое, слепящее-горящее звёздное небо.

Да, поэт издревле измеряется каратами звёздного света. А ещё – жёсткостью камня. А ещё – вольно льющейся водой: в жажду – лови воду-жизнь губами, пригоршню жадно подставляй!

Мы разные, но мы одних кровей
Со всем преобразившимся однажды
В молчанье камня,
Музыку ветвей,
Глоток воды, спасающий от жажды.

Я догадалась. Природа, вот кто благословляет Виктора Кирюшина на поэзию. На вольную песню. На высокое, подчас скорбное раздумье. А природа есть Бог. Мы тысячелетия напролёт пытаемся разгадать тайну природы: как она сотворена, меняется или держит марку неизблемости и великой памяти, живут ли внутри неё Добро и Зло, или она свободно обходится без этой людской символики-моралите, без этой древней, пусть даже и Библейской, бытийной, заповеди? Веками спорим мы, до хрипоты, о границах нравственности и морали.

Но тревога!.. Но какая же неизлечимая тревога!..

Внутри мгновенно исчезающей минуты, секунды...

Внутри этого спокойного, раздумчивого, часто распевного стиха, стиха-песни, стиха – тайной молитвы...

Да, вся поэзия – песня и молитва, здесь, склоняясь над стихами Виктора Кирюшина, с постулатом, почти сто лет назад высказанным Мариной Ивановной Цветаевой, соглашались счастливо и благодарно...

Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...

Примеряют белые одежды
Улочки, бегущие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразлучны в каждом городке.

Свят покров над пажитью и пущей.
Шепчут губы: «Господи, спаси!»
Что нам обещает день грядущий?
Холодно.
Предзимье на Руси.

Маленькие наши, все щедро усаженные, как медный оклад иконы – сканью, изобильно украшенные нежными храмами городки и городочки... наше дивное небо, цвета весенних колокольчиков, цвета праздничного плаща Пречистой Богородицы, что вот-вот прольётся слезами сумасшедшего слепого дождя на тихую землю нашу, тоже до рыданья родную, да кровь и жизнь не жаль за неё, родимую, до капли отдать... а почему думы мои о грядущем так выворачивают душу, так отжимают её досуха, – так баба отжимает на реке бельё... Где обещанье счастья? Да полно, есть ли оно?

Наше счастье – холод. Осень. Резкая синева. Чугунные кандалы, а иной раз серебряные цаты царственной зимы.

Всё дышащее, всё живое, спаси, не замёрзни, не умри, двигайся, плещись, лети, отзовись!..

Задыхаюсь от косноязычья,
Но уже не зайти за черту —
Слово рыбе, звериное, птичье,
Словно кость, застревает во рту.

Снова древнюю книгу листаю,
Чей волнующий запах знаком.
Вы, от века живущие в стае,
Не считайте меня чужаком!

Виктор Кирюшин по этому предзимнему полю, по мёрзлой, твердейшей, почти железной этой степной земле идёт вперёд, идёт дальше Алексея Прасолова и Юрия Кузнецова, хотя я, музыкант, великолепно слышу наследие их интонаций, их криков и шёпотов в текучей, то богато изукрашенной, то скупно-прозрачной словесной вязи его стихотворений, рождённых строго-космично, под крылом предвечной гармонии; но ведь это так и надо, чтобы поэт шёл дальше и выше; а ещё – чтобы он однажды возвратился к воде ключевой детства, к песне материнской рождения. Тогда исход становится истоком.

А кто перемешал нам времена?

Да есть ли Время? Может быть, оно – выдумка человека, что так не желает уходить с родной земли, пусть острые камни, тернии и волчцы впиваются в живую плоть и в плачущую душу, а у Господа, там, в надзвёздных чертогах, никакого Времени нет и в помине? И юность легко сравнима со старостью, обнимаются они, как весёлые сёстры, и по-

толстовски мощно зеленеет старый дуб-богатырь, и перекликаются юный нежный соловушка и старая мудрая, уставшая человечьи года считать, седая кукушка?..

Но ведь символ это тоже, трагический... символ-знак... Кукушка-то – да, нам годы считает... Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить?..

Мы птице этой такой вопрос детьми задавали, залиvisto хохоча, заслышав её мерные, монотонные, как тиканье часов или удары метронома, вскрики в лесу. Чаща жизни! Всё равно перейдём тебя из конца в конец!

Варится варево, мелется мелево —
Вечности неистошима́я снедь.
Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затынуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви, соловью? (...)

Виктор Кирюшин в поэзии – и живописец, и музыкант; его мазки и штрихи видишь, его музыку, даже тишайшую, слышишь; но звучит в нём, во всей совокупности его творчества, одна могучая нота, и она часто пересиливает всё красочное, строгостью церковного хора побеждает любые мирские изобразительные моменты.

Это нота высокой философии.

Всякий художник – философ.

А основная позиция художественно рождённой философии Кирюшина – и это в стихе тоже видно и слышно – пожалуй, даже не отдельно взятая нота, а интервал.

Сопряжение малого и великого, микромира и Вселенной – и боль суждённого всем ухода с нашей прекрасной, столь измученной-избичёванной-исполосованной нами, людьми, многострадальной земли.

Консонанс ли этот интервал? Или диссонанс?

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный
С муравьём на ветке.

Мы носим великость Космоса в себе. Порой эта ноша неподъёмна. Садимся, утыкаем лицо в ладони. Ах, это уже с нами было! Когда-то! Давно! И вот повторилось... Повторяемость Мира, репризность его, возвращение наше на круги своя – и не только наше, но и Времени самого... ведь и Время, то идучи в ногу с нами, то, насмешливо хохоча, убегая прочь от нас, и не можем понять-определить, назад или вперёд... – как охота разгадать дрожащую в тумане дней траекторию, открыть, как учёный открывает планету, заплатив за это пускай целую жизнь, судьбой, – почему Время возвращается, как звери возвращаются на водопой, и вместе с собою возвращает нас...

И мы находим потерянное.

И мы изумляемся себе: почему я про это, наиважнейшее, гибельно забыл!..

И мы спокойно и светло глядим туда, куда вчера глядели с ужасом и отчаяньем.

Наступает в свой черёд
То, что было многократно:
Даже двигаясь вперёд,
Возвращаешься в обратно.

Прорастает, как лоза,
Наше прошлое в грядущем,
Но раскаянья слеза
Не видна во след идущим.

И мы можем молиться и прощать.
Ибо прощение – благодать.

Снова сгорают в багряном огне
Тихие рощи.
Время подумать о завтрашнем дне
Строже и проще.

Что там в логу, на ветру трепеща,
Шепчет осина?
Время прощать,
Даже то, что прощать
Невыносимо.

Поэт прямо, храбро и печально глядит в лицо смерти. Смерть – не та материя, о которой можно упомянуть походя, вскользь, густо изукрасив речь свою самоцветами эпитетов и восклицаний, беззастенчиво впадая в лживый, лицемерный пафос. Смерть – то, рядом с чем нужно и можно молчать. Но как быть поэту, тому, кто искусством своим избрал Слово, гордый самосветящийся Логос?

«Умри и возродись» – древний архетип. Умиравший и воскресающий Бог нам о той незапамятной древности всем Своим Бытием говорит. И мы не можем не помышлять об этом парадоксальном и, для многих, житейски, бытово настроенных людей, нереальном пути. Так же, как Господь, мы будем просить в урочный час: «Отведи от меня чашу сию!» И так же смиренно и счастливо закрывать глаза, ощущая: суждено, суждено не только уснуть во смертных муках, но и проснуться...

Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стальные дни вдалеке,
Чтобы снова по кроткому лугу
Вышла цапля к остывшей реке.
Это дерево знает и птица,
И вода понимает,
И твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.

Виктор Кирюшин работает с архетипами и работает на архетипах. Почему это так важно? Да ведь это напрямую – работа с основными положениями и всеземной, и родной русской культуры.

Вот идёт в стихах Виктора Кирюшина странник.

О, какой архетипический образ для всего русского искусства! Тут и Афанасий Никитин, идущий-плывущий за три моря, и скорбный странник с посохом в «Боярыне Морозовой» Василия Сурикова, и с котомкой кочевой за плечами, прищур направивший вдаль, молодой Горький, и лирник Родион Ивана Бунина, и повлекшийся за Катюшей Масловой, ставший невольным странником присяжный заседатель Нехлюдов у Льва Толстого... Паломники, путешественники, скитальцы... Скажите, кому не хотелось кинуть на плечи котомку и пуститься однажды в неведомый путь...

Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголосых,
В лесах почти что неживых.

Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.

Очень показателен здесь грозовой, ненастный пейзаж. Пространство буйствует, гремит, устрашает. Пространство движется, оно безумствует, оно юродиво так же, как юродив Христа ради, в состоянии высокого аффекта провидящий будущее и выкрикивающий, вкупе с проклятиями насквозь грешному Мiру, ему – сияющие – благословенья...

И – смотрите! Поля – пусты. Они – молчат. Не звучат. Таким бывает не земля – Иномiрие. Запредельность. Посмертие.

Но каков и ландшафтный, и образный контраст! Леса странно неживые, а воздух вокруг странника, вся атмосфера, то, чем он дышит, – неистовствует и содрогается. А скиталец-то этот, дождями побиваемый, как казнями Голгофскими кнутами, бредёт – куда? Ищет – что? Да он и сам не знает! Стремится к неизвестному! К тому, чего на земле никогда не бывало!

К небывалому...

Помните русскую сказку, где царь приказывает Андрею-стрелку: «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»? Куда пойти? В Мiрь Иной. Это значит – за грань жизни. В смерть.

Что там, в посмертии, найти – и принести обратно, в Мiрь живых?

Странник, дай нам ответ!

Опасно там, в Ином Мiре. Страшно. Необъяснимо.

Да надо ли объяснять неминуемое?

Да ведь Андрей-стрелок может там, в посмертии, и навек остаться...

И – всякий из нас...

Как прекрасно жить! Здесь и сейчас! Жить, быть, дышать! Любить...

Не уходите, помедлите чуть у порога,
Не возвращает ушедшего эта дорога.
Прошлого можно лишь
памятью сердца окликнуть.
Надо привыкнуть,
к чему невозможно привыкнуть.

Только успеть бы,
свечой на ветру догорая,
Просто обняться
у самого-самого края,
У рубежа,
за которым иная обитель...
Не уходите, друзья мои,
не уходите!

Что вся наша философия рядом с живою, горячей любовью? Что все наши трагические размышленья в виду рыбацкого костра, мерцанья звёзд, нежно светящегося в ночной тьме любимого лица?..

Мне столько в жизни выпало любви!
Ту речку вспоминаю и поныне,
Где молнией мерцали голавли
В предутреннем тумане
На стремнине.

Стоял июнь,
Цвели вокруг луга,
К воде клонились сумрачные ели...
Потом иные были берега,
Водовороты, омуты и мели.
(...)
Жизнь, как река –
Внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там,
У тихого костра,
Среди земли,
Как будто в колыбели.

Поверим. Сбережём. Запомним. У сердца понесём. Утешимся. Возрадуемся. Восплачем.
Помолимся.
Вместе с большим и светлым русским поэтом Виктором Кирюшиным.

Виктор КИРЮШИН

***

По возрасту давно не призывной,
Но чувствую невольную вину:
Товарищ мой прощается со мной,
Товарищ мой уходит на войну.

Туда, где степь до края сожжена,
Где солнца окровавленный клинок...
А у него молодушка-жена,
А у него кровиночка-сынок.

Вот он ступил на огненный причал,
Свою судьбу доверил небесам...
Никто ему повестку не вручал,
Но он мужик – он выбирает сам.

Какой придётся заплатить ценой
За всё, что ныне снова на кону?
Товарищ мой прощается со мной,
Товарищ мой уходит на войну.

КОГДА ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ...

Однажды в родительском доме проснёшься,
Покажутся странными мирные сны,
Когда ты вернёшься,
Когда ты вернёшься,
Ещё до конца не остыв от войны.

Черёмуха вновь расцветёт над обрывом,
Развесит над речкой туман пелену...
Солдату непросто привыкнуть к разрывам,
А после непросто принять тишину.

Дорога оттуда, как память, длинна...
Когда ты вернёшься,
Когда ты вернёшься,
Сестрой-неразлучницей станет война.

Укроют воронки цветы полевые,
Подсолнухи ветер устанет качать...
Когда за столом соберутся живые,
Им с мёртвыми будет о чём помолчать.

ПОД ЛУГАНСКОМ

Март. Ещё далеко до прополки,
Но старушка идёт по меже
И в ведро собирает осколки-
Вон их сколько набралось уже!

Здесь недавно бои грохотали,
Всюду чёрные меты войны.
На зазубренном ржавом металле
Иноземные знаки видны.

Всё ты стерпишь, земляца сырая,
Как и эта вот старая мать...
Дом разрушен,
Ютится в сарае
И готовится грядки копать.

ГОРОД

Среди обугленного хлама
Картины призрачного быта:
Разбит снарядом купол храма,
Дорога вдребезги разбита.

Дома сгоревшие, руины,
Подбитый танк в одной из арок –
От незалежной Украины
Никем не прощенный подарок.

Мрачны войны приметы эти,
Незабываемы, поверьте...
А во дворах играют дети
И жизнь опять сильнее смерти.

БОЕЦ

Пусть тяжела в бою броня –
Куда деваться?
Всего-то двадцать разменял,
Всего-то двадцать.

В Донбасс был призван от своих
Тверских околиц.
Но он поправил в тот же миг:
– Я – добровolec!

Молчал на проводах отец,
В родне рыдали.
По виду
Позывной «Малец»
Парнишке дали.

Вот крестик, что надела мать
На тонкой шее...
Не сладко землю обнимать
В сырой траншее,

Когда разносит всё в труху?
Война не шутка...
И он сказал, как на духу:
«Бывает жутко».

Вдруг по лицу скользнула тень.
Шутить пытался...
И я уехал в тот же день,
А он остался.

В ГОСПИТАЛЕ

На войне, как на войне.
Помоги нам, Божья мать!
Вот пацан
Лицом к стене
Третий день лежит в палате.

После боя у реки
Друг тащил по кромке луга.
Выжил...
Правда, без руки
И того страшней – без друга.

Выждал снайпер в ковыле –
Встал боец неосторожно...
Жить без друга на земле,
Без такого,
Невозможно.

Невозможно, в этом соль,
Без него брести по свету...
И сильнее в сердце боль,
Чем в руке,
Которой нету.

ПОЗЫВНЫЕ

В рост ещё не встала вся Россия
Свору бить, сошедшую с ума,
Но звучат в эфире позывные –
«Барнаул», «Калуга», «Кострома».

Мы не затевали эту драку,
А случилась – твёрже, чем кремь,
Встали рядом
И идут в атаку
«Кемерово», «Астрахань», «Тюмень».

Враг у нас коварный и серьёзный
Подлый враг.
Такие, брат, дела...
Боевому позывному «Грозный»
Поскорей ответь «Махачкала»!

Не сдадутся чёрной вражьей силе
Русские высокие слова:
Позывной незыблемый – Россия,
Позывной немеркнувший – Москва..

*Москва – Луганск – Кременная
Март – апрель 2023*

***

Случилось, что должно случиться:
Инсульт, кровоизлиянье, тромб, –
И сердце перестало биться,
И до костей прошил озноб,
Но я расстроился нешибко,
Успел подумать напослед,
Что тут какая-то ошибка –
Вся эта тьма, весь этот бред.
Что всё на свете поправимо,
Всё обойдётся как-нибудь,

Что смерть – не смерть, а только схема,
Что можно всё ещё вернуть.
Что я в гробу видал сосновом
Весь этот сюр и постмодерн,
Что мне не нравится обнова –
(Тем более не мой размер).
Что эта жизнь кратка, как хайку,
Немногословна, как Басё;
Наивный, я поверил в байку
Бессмертия... а это всё.

ФИЛОСОФИЯ

Философ размышляет о душе
 И в дательном взыскует падеже,
 Что может он ей дать – пустой кувшин?!
 А вот душа – совсем другое дело,
 Душа есть свет, она, по сути, джин,
 И ей повелевает Алладин,
 Она же раболепно служит телу.
 Душа и тело – вот вам человек!
 (Неважно – «царь царей» иль мелкий клерк),
 Она любой сосуд одушевляет.
 И тайна этой жизни велика,
 Пока плывут по небу облака,
 Сон безмятежен, роза увядает.

* * *

Видели вы, как в Авачинской бухте
 Кижуча стаи, идущие клином на нерест,
 Что паутину, шутя разрывают жилковые сети;
 Преодолевая пороги, заходят в прибрежные реки,
 Против течения к истокам ведёт их инстинкт – то есть хоминг,
 Как у самцов заостряются челюсти,
 Зубы у самок страшно торчат, вырастая –
 (Так перед смертью преобразается мягкое в острое,
 Скрытое прежде от взора зримо выходит наружу);
 Тщатся малиновые горбы у перекатов,
 И омывают прозрачные веки чистые струи,
 Как над быстриной покатой
 Тело с разгона выпрыгивает –
 Пятнистое, словно шкура у леопарда?
 Да, это кижуч на нерест идёт:
 Сколько сил в хвостовом плавнике,
 Сколько ярости в ослабевающей туше,
 Сколько жертвенности, несмотря на свирепость –
 В кровь обдираясь,
 Камни и гальку дробить, умереть,
 Но сохранить для икры материнскую нежность.

* * *

Маска скорби с тяготами жизни,
 С впалостями, лет за пятьдесят.
 Сквозь меня, застывший в укоризне,
 Чуть недобрый и надменный взгляд,
 С канувшими зайчиками весен,
 С климаксом в углах пожухлых губ,
 Летом приключившаяся осень...

Детство, юность, отчим-душегуб;
 Неуют, мужчина алкоголик,
 Инвалид с альцгеймером в конце,
 И несостоявшийся любовник:
 Вот что я прочёл в её лице.
 И ещё на лестничной площадке
 Я представил голос с хрипотцой,
 Щёк провалы, подбородка складки –
 Очень интересное лицо.

Невозможно было оторваться,
Я его перелистал назад,
Как оно красиво лет за двадцать,
Красотою – полный зауряд.
Упорхнула юная голубка:
Вышло, опираясь на берцо,
Горести впитавшее, как губка,
Скорбное, прекрасное лицо.

ИЗ БЁРНСА

Лучше посох и сума –
Дрязги надоели.
Скряга старая зима
Спи в своей постели;

Разметавшись в простынях,
Без меня отныне,
Хладная, как снег в полях,
Спи посередине.

Ухожу я к молодой
Глупой и беспечной.
В край, где дышит всё весной,
Ласкою привечен.

Как сплетение вьюнков,
Мы сомкнём объятья,
Под изгибы позвонков,
Постеливши платье.

Уж она меня за эль
Укорять не будет,
Упорхнёт, как выйдет хмель...
Вылюбит, забудет.

Вот тогда к себе домой,
С головой седую,
Приплетусь назад зимой
Доживать с зимою.

* * *

Тишина на даче, тишина,
Никого на дачах, никого,
Снегом тропка вбок занесена,
Здесь рукой подать, недалеко.

Никого на даче, тишина:
Ни следов, ни птиц, ни голосов,
Лишь скрипит промёрзшая сосна,
Да безлюдный дом белоголов.

Я один на даче, я один:
Ни вестей от Бога, ни гонца,
Хорошо, да будет так, аминь,
Снег счищать с дорожек и с крыльца.

Словно в зиму вымерла земля,
Глубоко под настом весь народ;
В феврале безмолвствуют поля,
И сковал до дна живое лёд.

До чего же белый снег страшней
Тьмы ночной и седины волос...
Белый с белым... на снегу теней,
Слившись, не оставит альбинос.

Ветра ледяная круговерть,
Ни людей, ни кошек, ни собак...
Я представил после жизни смерть,
И она привиделась вот так.

Ни следов, ни птиц, ни голосов,
Ни по рельсам гулким товарняк,
Ни электропил, ни топоров,
Ни жены, ни кошек, ни собак.

Призраком безродным на ветру,
Рвущимся в остывшее тепло,
Снег откину, дверь ли отопру –
Никого на свете, никого.

Александр
КОВАЛЁВ,
Санкт-
Петербург

ИЗ АРМЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ

*Мом братьям, военным лётчикам,
несущим сегодня службу
в небе Донбасса, посвящаю*

1

Когда в наушники сквозь шум
эфир потрескивает грозно,
я об одном тебя прошу:
не доверяй дурным прогнозам.
Пусть бьёт тревога в провода,
пророчит шторм метеосводка.
Моя заветная звезда
горит надёжно и высоко.

Мою заветную звезду
не перепутаешь с другою.
Она сквозь всякую беду
взойдёт над взлетной полосой.
Но если даже в сизой мгле
я на сверхзвуке выйду мимо,
поднимут звёзды на крыле
полки от Амдермы до Крыма.

И ты услышишь, как в ночи
над пеленой дождя и снега
горячий воздух зазвучит
и звёзды высыпят в полнеба.
И ты увидишь в этот миг
и, может быть, узнаешь даже
в созвездии друзей моих
мою звезду на фюзеляже.

2

Я вернусь на заре, вот увидишь.
В сапогах простучу на крыльцо.

Ты ко мне удивлённая выйдешь,
запрокинешь навстречу лицо.

Прядь со лба золотую отбросишь,
молча ткнёшься щекою в плечо.
Ни о чём меня больше не спросишь, —
я тебя не спрошу ни о чём.

Просто губы вплотную приблизишь,
просто руки сомкнутся в кольцо...
Я вернусь на заре, вот увидишь,
только ты выходи на крыльцо.

ПРИЛУКИ

В сонном городе Прилуки,
вызывающе чужой,
я гуляю — руки в брюки —
по центральной мостовой.

Мимо бани, мимо чайной,
мимо выцветших витрин.
Мимо глаз провинциальных
из-за тюлей и гардин.

Мимо почты и конторы,
и продмага номер пять.
Мимо девушек, которых
вряд ли стану вспоминать.

Я иду, беспечно ровен,
чуть кося из-под ресниц,
на два дня командирован
из блистательных столиц.

В модной кожаной тужурке,
в новом импортном кашне.
В тусклом городе Прилуки
очарованы вполне.

Я иду себе, шагаю,
независим, как Персей...
И не знаю, и не знаю
то, что через пару дней,

не почувствовав разлуки,
память не обременя,
в дальнем городе Прилуки
вряд ли вспомнят про меня.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА НОЧНОМ ВОКЗАЛЕ

По кромке заката, сырой и простудной,
по тоненькой кромке рассветного льда
пришёл человек неизвестно откуда,
ушёл человек неизвестно куда.

Чью душу согрело крыло телогрейки?
Чье время до света песком протекло?
Потёртые доски казённой скамейки
недолго хранят человечесье тепло.

Курортник бедовый,
мешочник бывалый –
какие заботы, каких волостей?..
Стоят вдоль российских железок вокзалы,
живут вековечную жизнью своей.

Там нет поимённых мирских пересудов,
там нет «персональной судьбы» и следа.
Пришёл человек неизвестно откуда.
Ушёл человек неизвестно куда.

* * *

От платформы вечерней
отойдут поезда.
Сединою по черни
следом канет звезда.

И до утренней просини
в обжигающих сполохах
на холодном откосе
будут гаснуть осколки.

А с зарёй, как положено,
в жёлтой робе рабочей
вдоль откосов ухоженных
прошагает обходчик.

И привычно и просто,
чуть замедляв свой шаг,
разметёт по откосу
остывающий шлак.

* * *

Я чищу лук, за слоем слой – убрать весь
силос.
Вот шелуха сама собою отвалилась.

Долой ещё и этот слой, и этот тоже.
Тот, что под ними будет чище и моложе.

Крошится лук, летят из рук слои в отходы.
Лишь слёзы льются в подготовленную воду.

Растерзан овощ, среди помоев погребённый.
Рукою, ищущей добра, приговорённый.

* * *

Любовь как цепь велосипедная –
Зубец к зубцу.
Я за тобою вечно следую
По колесу.

*Кирилл
КОЗЛОВ,
Санкт-
Петербург*

* * *

Выпал долгий мокрый снег,
Петербург в сонливости.
Тащит грешный человек
Груз несправедливости.

Если б лучший путь возник
В сновиденьях странника,
Если б каждый ученик
Вспоминал наставника!

Если б пересилить зло,
Дотерпеть мгновение,
Если б вовремя пришло
В битве подкрепление!

Если б завершить, забыть
Тяжбу бесполезную,
Если б мог народ любить
Русскую поэзию!

Не для жалкой похвальбы
Испытанья пройдены...
Сколько этих «если бы»
На просторах Родины?

* * *

А. И. Семёновой

Наш район всегда называли спальным,
Поначалу спокойная жизнь текла.
Охлаждалась часто дождём печальным,
Продолжали люди свои дела.

Здесь в почёте быстрые самолёты,
Наш район – Комендантский аэродром...

Но у всех, конечно, свои заботы,
Новостями наполнен любимый дом.

Наши семьи жили почти бок о бок,
Оттого соседство – не звук пустой!
Стало больше товаров, услуг и пробок,
Мы храним историю и покой.

Ведь у нас на полках – богатство мира,
Сотни книг про все чудеса земли.
Менестрель, крестьянин, король-транжира
На часок-другой погостить пришли.

Я ищу слова в двадцать первом веке,
И не сразу ложится в размер строка.
Освещённая солнцем листва на ветке
Чуть дрожит от лёгкого ветерка.

Подарил июнь красоту мгновений,
Стал ещё дороже любимый дом...
Зацвели большие кусты сирени,
Летний мир наполнили волшебством.

* * *

Деду Вячеславу Балашову

Тяжёлый груз альбомов выпускных.
Опять вопрос остался без ответа,
Как будто на скамейке запасных,
Грустят альбомы. Долго ждут момента.

Не дай им Бог когда-нибудь пропасть!
Их ценность станет с возрастом понятна.
В них молодость, пылкость, пылкость,
страсть,

Чернильные нечаянные пятна.

В который раз простой вопрос возник:
Как побеждать в себе дрянного труса?
В одном альбоме дед мой выпускник,
В другом – наставник и начальник курса.

Вот и ответ, понятный, как приказ.
Пусть упадешь, не подстав соломы,

Пусть будет жизнь правдивой, без прикрас,
Об этом тоже говорят альбомы,

Которые лежат передо мной...
Неторопливо вглядываюсь в лица.
Для размышлений нужен час ночной,
Неповторима каждая страница.

* * *

Отцу Сергею Козлову

Я смотрю в небеса.
Приближается пробный полёт...
Освоение жизни –
отнюдь не простая задача!
И душа не ликует и песен ещё не поёт,
испугалась, нахлынувший страх неудачливо пряча.
Вижу сверстников я.
Улыбаются в первых рядах.
Дескать, взял и освоил суровые эти высоты!
Постигается жизнь в напряжённых до рвоты трудах,
станут лучшей наградой плоды каждодневной работы.
Но ещё до прохладной,
окрашенной в пурпур зари,
среди всех голосов, приносящих унылые вести,
так отчётливо слышен единственный голос внутри:
«Если ты упадешь,
мы с улыбкой поднимемся вместе.
Просто знай, что бы ни было,
тянем вдвоём до конца!
Пусть бушуют ветра – я тебя никогда не покину!»
Так отчётливо слышен единственный голос отца,
давший силы земные уже повзрослевшему сыну.

* * *

У города есть радости и беды...
Пожалуй, с понедельников начнём.
Поближе к середине будут среды,
Так жизнь идёт привычно день за днём.

В каком-нибудь из них поёт Фонтанка
О том, что помнит прошлые года.
И песня – не обманка, не приманка,
Исповедалась чистая вода.

Продолжатся пустые разговоры
На мостовых гранитных берегах.

У города есть крепости-соборы,
Чтоб выдержать вторжение врагов.

Казанский, Исаакиевский, Смольный,
Пойми, прими. Теплом свечи согрей...
Спешит прохожий, чем-то недовольный,
Дай Бог забыть обиду поскорей.

У города заботы и субботы,
А в воскресенье можно в Петергоф!
Мы пробуем одни и те же ноты,
Колдуем над созданием новых строф.

В который раз (а кажется – впервые)
Заглянем с любопытством в Летний сад...

И корабли причалят гостевые,
Как будто два столетия назад.

*Сергей
КОЗЛОВ,
Тюмень*

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Вошёл я в монастырь, и у ворот калеки
Тянули на ладонях пропитую боль.
Я сам им поднимал их каменные веки,
Которые давил наркозом алкоголь...

Я шёл сквозь этот день к камням Лифостротона,
Чтоб быть там хоть одним, кто не кричит «Распни!».
Сквозь цезаря солдат и слуг Синедриона,
И бесов видел в них, и адские огни...

Уже свершилось всё, и Понтий вымыл руки,
И кровь Его на нас! – звучало в пустоте.
Он был уже избит, но предстояли муки,
Которым не найти сравнения нигде.

Но вдруг меня в толпе позвал усталый ангел
И за руку повёл в раскрытый свод Небес:
«Им вечность так стоять, как кляксам на бумаге,
А Он спустился в Ад, а Он уже Воскрес!»

А Он всегда Воскрес, чего б там не кричали,
И как не затирали б в брэнной суете.
Я знаю, что хранят разбитые скрижали,
Я больше не пойду стоять в любой толпе.

А там – в монастыре – мне улыбались дети,
Что шли к Нему сквозь тот открытый свод Небес.
Один из них сказал: «Что, дядя, не заметил?
Да это же Христос! И Он всегда Воскрес!»

* * *

Я где-то не здесь, и что-то не так,
А в сердце дыра, и на сердце сквозняк
Пытается нравственный выдуть закон,
Который Адамом поставлен на кон.
На струнах Вселенной басовым ключом
Молочный коктейль зацепился плечом,
В котором трепещет мой маленький квант,
А может быть, кварк, а может быть, кант,
Который поделит собой горизонт,
Пространство и время помножит на сон,
Но он же прошепчет, что Бог с нами был,
А Он с нами есть, Он здесь Сам проходил,
Сбивая немые вопросы могил.
Осталась одна. Это Иммануил.
Я где-то не здесь, и я где-то не там,
Глядит в моё сердце печальный Адам.

* * *

Меня не возьмут в космонавты,
В министры ещё не возьмут.
Почти все друзья алконавты,
А сам я прописан не тут.
Чихал я на ваши свободы,
Гражданского общества тьму,
Я зеркало русской природы –
И нечего тыкать ему.
Живу не в пределах айфона,
Не в недрах мейнстрима и масс...
Зато надо мною икона –
На ней образ Вечности – Спас.

* * *

Я тут стоял, и вот уж нет меня,
Остались лишь разбросанные звуки,
Знак восклицательный валяется, звеня,
И Млечный Путь из многоточий льётся
в руки.
И мальчик, свято веривший в добро,
И девочка, что из окна глядела –
Любимое адамово ребро –
Куда слились в одно душа и тело,
Все где-то там... И осень не пришла,
В такую даль она прийти не может.
Так отчего же вздрогнула душа
У мальчика по имени Серёжа?..

* * *

Там в далёком далеке,
Где спит облако в реке,
Где в последний день недели
Вечность прилегла на ели,
Где у дома на опушке
Мной разбросаны игрушки,
Где усталая дорога
Отдыхает хоть немного,
Где скрипели половицы,
Будто книжные страницы,
Где все тайны в уголке –
У бабули в сундуке.
Где начало приключений
Не имеющих значений,
В отрывном календаре,
У калитки во дворе,
Где подкова, как апостроф,
Где всё так легко и просто,
Где кончается тревога...
Взгляд из детства ищет Бога.

* * *

Надоело быть «за»,
И тем более – «против»,
Надоело быть зря,
И тем более – вроде...
У младенца слеза
Больше, глубже потопа,
А вы «против» и «за»,
То Восток, то Европа.
У младенца слеза...
Мир, в слезу ты не веришь.
Веришь в «против» и «за»,
Хочешь хлеба и зрелищ...
Третий Ангел трубит
Или, может, четвёртый?
Оглянись, посмотри,
Коль душою не мёртвый.
С этой древней войны
Не придёт похоронка.
Но воскреснут сыны
От слезинки ребёнка...

ОКТЯБРЬ. СТАРШЕЙ СЕСТРЕ

Где-то на сером свете,
Там, где весна нужней,
Бронзовый прелый ветер
Замер среди дождей.
Стрелки часов завязли
В жухлой листве. Из туч
Словно снарядам в прясло
Вдарил последний луч.
Бабья такая небель
В сонме усталых лиц...
Слышишь? Немое небо
Гонит усталых птиц.
Дарит тепло надежду,
Косит людей ковид.
Мы остаёмся между,

Нам остаётся стыд,
День для тебя теплее,
Вслед твоему добру.
Тихо душа немеет,
Я уже не ору...
Алчущих славы толпы
Ломятся на Парнас.
Всё – как обычно, ёлки!..
Всё хорошо у нас...
Нет, я не пью... долго...
Нашим там расскажи...
Да, я нашёл иголку
Там на краю, во ржи...
Я расскажу Свете,
Что? Не поверит мне?
Бронзовый прелый ветер...
Кладбище в октябре...

* * *

Ты родину мою не трожь,
она сама себе не рада –
сирень, закутанная в дрожь
у голубого палисада.

Сама обманывалась и
её обманывали эти
то глухари, то соловьи,
обманутые ею дети.

И есть такая полынья
в её заледенелом горе,
где плачет родина моя,
сама с собою в чёрной ссоре.

И все-таки её не трожь, –
она ведь не твоя отрада,
не ты здесь целовался в дождь
у голубого палисада.

Не для тебя её краса
её желтеющие нивы,
её поэты и леса –
все для тебя несправедливы.

Унылы – рощи и жнивье,
угрюмы – песни и парады.
И не понять тебе её
ни рая, ни шального ада.

Лети по свету, дорогой,
шуми, витийствуя на воле.
Есть образ родины другой –
под ветром перекаати-поле.

ЛИЦА

Как я люблю довоенные лица
всех, кто родился в Империи русской,
после империи – в русской столице,
в русской провинции с русской нагрузкой.

Как я люблю довоенные лица!
Бабочки, пчёлки, сачок в огороде...
Всё, что на фото, что длится и длится,
всё, что продолжится после в народе.

Послевоенное детство, как счастье
просто родиться у папы и мамы,
моющей рамы... От духа и плоти –
бабочки, пчёлки, сачок в огороде...

Как не люблю предвоенные лица –
ужины в «Probke» обеда в «Живаго»
тех, кто рассчитывал длиться и длиться,
словно в отсутствие Бога живаго.

Тех, кто рассчитывал вечное лето –
отпуск в Майями, викенды в Монако,
всех, кто теперь затеряется где-то,
всех, кого мы пожалеем, однако.

Как я люблю ваши лица живые,
лётчики наши, сапёры, танкисты,
и рядовые – железные выи
нашей великой уже реконкисты.

Разные лица – одни позывные,
только бы вы к нам вернулись, родные! –
только б продолжились в нашем народе
бабочки, пчёлки, сачок в огороде...

* * *

Есть в еловом лесу осторожные чащи,
где уже ни души, ни живого огня.
Только воздух и цвет. Только сверху
звучащий
еле слышимый голос пугает меня.

Осторожная ветка лица не заденет,
Осторожную белку и ты не спугни.
И не надо ни славы, ни счастья, ни денег,
И не важно, что есть в этом мире они.

И уже не страшны ни веселье, ни скука,
ни в холодной ночи, ни среди белого дня.
Одиночество – это всего лишь наука
вечно юного леса, трухлявого пня.

* * *

Памяти Б. П.

Всё чаще говорю я с теми,
кого здесь нет.
Кто был уж точно – в матерьяле, в теме
земных сует.

Кто так любил – без слов и без ответа,
то страстно, то темно,
как пальцы – кипятик, как ливень – лето,
как бритва – полотно.

Кто так любил – то радостно, то горько,
но всё равно
как нить – иглу, как ниточка иголку,
как прочим – не дано.

* * *

Я никогда не хотела в ряду
быть единицей, колёсной спицей,
в стаю сбиваться, лететь вереницей.
Лучше уж петть одинокою птицей
в секторе частном, в заросшем саду.

Так и сбылось. И когда я уйду...
вы не снимайте стихи мои с полок
и не пишите в ФБ ерунду.

...Путь мой был тяжёлый и горек, и долог.
И ни один не отыщет геолог
той переплавленной жизни руду.

[ИМЕНА]

Борису КОРНИЛОВУ –

115 лет

Елена КРЮКОВА

ИДТИ ВПЕРЁД

Идти. Только идти вперёд.

Идти по ночной, слякотно-дождливо томящейся улице, в плывущем и исчезающем свете фонарей, в искрах-молниях ночной грозы – а может, это небо плачет, льёт слёзы, бесконечно рыдает по всем расстрелянным, убитым.

Нет. Меня не убьёшь.

Не убьёт меня никто: ты, никто, не пугай ни стуком волчьего сердца, ни тоскливейшим, на полпланеты, волчьим воем.

Мы, поэты, лишь воем, выплакиваем, выпеваем – а подчас и до дна выпиваем – стихи. Свои стихи. Собственные. Кровные. Кровные – это те, за которые заплачено натурой: кровью.

Думает ли поэт Борис Корнилов о расстрелянном Николае Гумилеве? О застреленном Пушкине? О сражённом пулею Лермонтове? Он просто идёт по улице. Под ногами оказывается газета. Дождь посекает уже не нужный людям текст, поливает чёрными ночными слезами. Дождь оплакивает рваную бумагу, запечатлевшую кусочек, кроху быстротекущего времени.

Дождь оплакивает время.

А что это, гляди-ка, оттиснуто уже сумеречной, мутной, размытой влагой типографской краской? Стихи? В газете?

Стихи в советской газете – это гордо... это почётно...

Газеты, журналы, книги... шуршанье бумаг... бумага, бумага, а на ней – оттиском либо торопливым вечным пером, мрачными чернилами – твоё сердце, твоя жизнь, в которой всё так больно и непредсказуемо. В которой то и дело надо оправдываться перед другими – мысленно или наяву, а он хочет жить смело, напропалую. И чтобы петь не шёпотом, а в полный голос...

Не спи, вставай, кудрявая... в цехах звеня... страна встаёт со славою...

Страна всё больше напоминала знамя. Живое знамя, сшитое из сотен тысяч живых людей, жмущихся друг к другу, ёжащихся на ветру – в тайге, в степи, в угрюмых горах. Солнце! Оно было. Нет, конечно, оно было! Но заливало жёлтым молоком не только радости и победы, но и ужас, из коего, казалось, выбраться, выпростаться – заново родиться – невозможно.

Лучше под ветер ужаса не выбегать.

Но ты выбегаешь, в безвоздушие сидеть невыносимо, задохнёшься, ты хочешь воли и ветра, пусть он страшен, и тебя, живое знамя, рвёт в клочья твой ветер.

Такая судьба.

Страна напоминала знамя, и его рвали снаряды, рвали-разрывали на части, на клочки люди, сами себе знаменосцы и сами себе кровавая рваная тряпка. А знамя надо было поднимать. Снова и снова. Как поэт хочет жить! В особенности тот, кто рождён был внутри природы-Родины, внутри синего, изумрудно-хвойного «разлива семёновских лесов». Живое колесо года катится: смерть-зима – восстание-весна – любовь-лето – жатва-осень. Урожай: люди, ведь они тоже урожай. Катятся головы, кладутся в корзины рукописи, падают наземь спелые книги и зрелые жизни; катятся яблоками, тыквами дни и ночи. Аресты, ведь это тоже сбор страшного урожая. Или чудовищное выпалывание сорняков?

«Мы не рабы. Рабы немые», – вспоминал он лозунг времён Революции.

Счастливы немые. От них не требуют речей во что бы то ни стало. Они молчат – тем спасаются. А поэт?

Голос! Логос!

Великий голос, площадной громкоговоритель, на всю страну! На весь мир! Не слышат?! Услышат!

Я ничего не боюсь, ибо я поэт! Поэт поёт свой псалом, это священнодействие, он поёт неустанно и чисто свою Псалтырь. Веру убивают, храмы взрывают – а он поёт. Ну и что, что он верит не в Бога, а в Красное Будущее. Красное – значит Пре-Красное. Нас утро встречает прохладой, нас песней встречает река. Кудрявая, что ж ты не рада...

О! Ещё как рада. Рада тому, что родится ребёнок. Игла пожизненной боли в груди: отца арестовали. Зато тапочки можно намазать меловым порошком, чтобы были белее, и пойти вместе со всеми маршировать на широкую площадь, чтобы смотреть прямо в лицо небу, прямо в красное, прекрасное лицо родному знамени.

Родным людям. Из их лиц и судеб это родное лоскутное знамя, выкрашенное в сумасшедшей военной красильне в цвет святой крови, и сшито.

А не ты ли самашила его, слёзы глотая, беременная третья жена арестованного поэта Бориса Корнилова?!

Третья его любовь.

Татьяна. Ольга. Люся. Бог троицу любит.

Да разве в женщинах дело во времена Революции, в драматические, духоподъёмные времена коллективизации, во времена, когда злобные враги во всём мире только и помышляют, чтобы удавить, задушить родную, молодую Советскую страну!

Поэт, спой о том, как ты любишь Родину!

И спой о том, как видишь ты, что дееется на ней.

Спой о великих её победах! О достижениях спой! О бодрости духа и ясности весёлого взора!

Страна встаёт со славою... навстречу дня...

Навстречу дня встаёт любящая женщина, распахивает руки, бежит-летит по широкой, умытой ночным дождём, солнечной улице.

Бежит навстречу дню – твоя жизнь.

...Это потом, о, потом тебя будут бить. Жестоко и расчётливо. Пытая и издеваясь... Разве об этом можно – песней? Стихом?

...Можно всё и обо всём. И – обо всех. Всё хочет быть воспето голосом твоим.

Бориса Корнилова колотил ливень времени. А он его, время, упрямо, счастливо пел, воспевал. Так устроен поэтов голос: голосу тому нужен мир, весь целиком, нужна громада

Космоса, ночная звёздная храмина над головой, размахнувшиеся гигантскими крыльями алмазные, ослепительные галактики, кометы с кровавыми, драконьими хвостами, луга с тысячью остро,пряно и пьяно пахнущих трав и цветов, и пчёлы жужжат, и змеи ползут в одичалой траве, и рыба щедро, изобильно плещется, серебряными свечками встаёт, играя, из тишайшей заревой воды, а далеко поют косцы, это сенокос, это родной нижегородский край, любимый, шепчет женский голос, не умирай, только не умирай, а твой голос последним хрипом отвечает: нет, я не умру, я просто стану... знаменем на ветру... А ты... а ты... у последней черты...

Товарищи, передайте... прошу вас... моей жене... от меня... записку последнюю...
Нет, я буду жить, жить буду, врёте, буду жить...

Тишь почётного караула
выразительна и строга –
так молчат воронёные дула,
обращённые на врага.

И прощаясь, и провожая
вас во веки веков на покой,
к небу поднята слава большая –
ваша слава –
нашей рукой.

Пусть то, что будет, будет через много лет. Ты всё равно увидишь всё это там, внизу, на твоей земле, с широкими небес.

Почему у нас на Родине всё такое широкое? Широкая площадь. Широкое поле. Широкое небо. Широкое зло. Широкое добро. Широкий СССР! От Москвы до самых до окраин... с южных гор до северных морей...

Огляди свой простор. Отсюда, из тёмной и голой тюремной камеры. Оттуда, с воли, сквозь потоки чёрного дождя, падающие отвесно с чёрных, набрякших пресными Божьими слезами, широких небес.

Закрой глаза и огляди.
Что видишь?
Во что веришь?
В свою Родину!

На фронтах от севера до юга
в непрерывном и большом бою
защищали парень и подруга
вместе революцию свою.

Друг, с коня который пулей ссажен,
он теперь спокоен до конца:
запахали трактора на сажень
кости петроградского бойца.

Где его могила? На Кавказе?
Или на Кубани? Иль в Крыму?
На Сибири? Но ни в коем разе
это неизвестно никому.

Мы его не ищем по Кубаням,
мертвеца не беспокоим зря,
мы его запомним и вспомынем
новой годовщиной Октября.

Мы вспомынем, приподнимем шапки,
на мгновенье полыхнёт огнём,
занесём сияющие шашки
и вперёд, как некогда, шагнём.

Но ведь Россия, именно Россия первой сделала этот шаг. К всеобщему, широкому, как океан, а точнее, как небеса, всемирному равенству и братству. И всемирной свободе.

Родина твоя сделала первый шаг к тому, чтобы сказать: человек человеку – друг, товарищ и брат.

А потом – после такого Слова – и сделать так.

Да! Так!

И весь мир будто взорвался. Озверел. Окрысился. Выставил чёрные когти. Замахал чёрными крыльями. Напал! Чтобы заклевать! Изничтожить! Погубить! Вражда мира оказалась не страшной сказкой, а жестокой реальностью. Кровь полилась. Границы глянули рваными ранами с лохмами, охвостьями обильно политых кровью земель. По всей стране голосили бабы, теряющие мужей, братьев, детей. Гражданская война многому научила тебя, поэт; она научила тебя слушать свою кровь. Её течение. Её приливы и отливы. Ты сам стал берегом жизни. На тебя одного была надежда твоего искусства: ты, брат, уж выживи, сдюжь, не подведи. Спой.

Да... я спою... дайте мне время, дайте срок... я готов погибнуть, я всё понял, да, но только не сегодня, может быть, завтра...

Да, была Гражданская война, но ведь именно она воспитала нас смелыми! сильными! вырастила нас бойцами! бесстрашными! твёрдыми! стойкими! и – верящими! наперекор всему страданию верящими! по-настоящему верящими в то, что завтра мы, да, мы все будем жить – при коммунизме...

Коммунизм – это то, что или наступит неизбежно, и у человечества никакого выбора не будет; или же не будет коммунизма, но не будет и человечества. Оно, заматавшись в выборе пути, убьёт само себя.

Возможно, это закон Космоса; и, если это исторически оправданный закон, тогда коммунизм – спасение. А первые шаги на пути к нему... ну что ж, первопроходцы всегда страдали, засыпали в голоде и холоде, погибали от клыков дикого зверя, от пуль и ножей вражеских племён, от буйства и разгула стихий.

Стихия, ведь это тоже стихи. Твои стихи! Они есть стихия. И да, они разгульны! Широки, безмерны, безумны, ярки! Они горят, небесные сумасшедшие фонари, их издали видно. Так горят самосветящиеся люди, личности. А ты, ты ведь тоже так горишь, Борис! Ты – костёр! Ты – новая звезда в непроглядной ночи! И тебя издали видно и слышно! Даже отсюда, из этой нынешней ливневой ночи, хотя прошло уже столько лет! А сколько лет прошло? Да никто и не считал! Мы, поэты, все жители вечности, ты ведь тоже так думал, так говорил и так шептал ей, своей второй любви, Ольге Берггольц, ты сравнивал её с белёсой Луной, ну да, Луна – женщина, это непреложно, и так с пугающей, бездонной древности повелось.

От Луны до Луны. От войны до войны. Гражданская война, самая страшная. Зато это битва за будущее. Краснозвёздное, великое будущее! Война за время высоко поднимает дух твой; война за грядущее счастье, среди настоящего горя и ужаса, насыщает тебя хлебом новой веры, лечит жажду твою водой новой надежды. Война за будущую радость, это почти религия. Умереть на поле брани за свободу и ширь счастливых небес!

Он шёл сквозь дождь и повторял себе непослушными губами: наши дети, нет, наши внуки будут жить при коммунизме. Коммунизм – это Солнце. Но и у Солнца бывают затмения. И Солнце, вы все знаете, люди, время от времени заслоняет Луна. Но мы же терпим. Мы – ждём! И дождёмся! И выстоим! И протянем руки к мощному, чистому свету!

А то, что бойцы частей особого назначения забирают хлеб у крестьян, чтобы увезти зерно голодающим в гудящие муравейники городов, это же временно. Временная мера. Жестокость, она всегда временна. Зло, бывает, и лечит. Зло – лекарь, и отсекает больную плоть. Зло может надоумить тебя! Заставить жить по-другому! Родить заново! Сними рубашку и отдай ближнему, он мёрзнет, он нищий? Да! Не хочешь добром отдавать зерно – возьмём силой!

Но это же... во имя будущего... во имя нового Солнца...

Ты жесток; но ты жесток во имя. Ты убил, но ты убил во имя. Разве во имя Господа люди друг друга не убивали во все века? А теперь Бога нет. Есть Будущее. Есть Время.

Во имя... Времени...

Пропадай, жеребёнок, к чёрту,
погибай от ножа, огня...
И хозяин берет за чёлку
настороженного коня.
Кровь, застывшую словно патоку,
он стирает с ножа рукой,
стонет,
колет коня под лопатку –
на колени рушится конь,
слабнет,
роет навоз копытом –
смерть выходит со всех сторон,
только пух на коне убитом
мокнет, красен,
потом черён.
А хозяин в багровых росах,
облит росами, как из ведра, –
он коров и свиней поросых
режет начисто до утра.

Так не достанься ты новомодному колхозу, мой конь, родное зверьё моё.

Скотину-то убить – ладно, крестьянин к тому привычный. И то жальба перехватывает петлёю глотку. А – человека?

Восстания крестьян против новой власти. В Варнавине... в Тамбовской губернии... по всей матушке-Сибири... по Урал-камню...

Закрыться в шкатулку сугубой эстетики, утончённой красоты – или отпустить свое кровное, кровавое, кровавое искусство на волю; не убить родимого коня, а вывести из конюшни и крикнуть: беги! Воля – твоя! Свобода – твоя!

Человек, честолюбивый, полный сил, хочет победы и власти. А народ? Не лучше ли, не традиционной ли, не удобнее, не спокойнее ли народу было под царём, а не под большевиками? Однако власть имеет свойство меняться. Разрушаться, распадаться, истекать кровью: умирать. Как человек.

Да, может быть, власть это и есть человек. Приказывающий, убивающий, вознаграждающий. Ну ведь не воздух же она, который вдыхаем. Не чёрный ночной дождь.

Нет! Дождь не чёрный! Он – серебряный! Серебряные тяжёлые струи! Холод, потоки воды... слепой бег... ярость, борьба...

...Врага окружая огнём и кольцом,
медлительны танки, как слизни,
идут коммунисты, немея лицом, –
моё продолжение жизни.

Я вижу такое уже наяву,
хотя моя участь иная, –
выходят бойцы, приминая траву,
меня сапогом приминая.

Но я поднимаюсь и снова расту,
темнею от моря до моря.
Я вижу земную мою красоту
без битвы, без крови, без горя.

Я вижу вдали горизонты земли –
комбайны, качаясь по краю,
ко мне, задыхаясь, идут...
Подошли.
Тогда я совсем умираю.

...Быть влюблённым в жизнь, в женщину, в Родину, в будущее – разве этого так мало?
Разве это не есть чувство Бога? Пусть Его отняли у Руси, Он же всё равно есть!
...А может, Бог – там, на трибуне; он взывает, ведёт; он – вождь, и это – свято.
И это – вера.

Из провинции – в город. От земли – в столицы.

«Это многих славный путь», – вспоминал он Некрасова. Город – это сцены. Сцена – площадь; сцена – театр; сцена – подмостки, ты взбегаешь на эти голые доски и бросаешь в настороженный, многоглавый, таинственный зал пламена своих кровных, выстрадавших песен. Город – шумные, с пьянками-гулянками, писательские сборища, где тебе возможно встать среди прокуренной комнатёнки в полный рост и читать, громко, страстно, взахлёб опять читать – своё. Прилюдно жилы ножом вскрывать! Выкрикивать – себя! Своё сердце оголять! Душу свою ножом мысли разрезать и расстреливать огненной очередью жестоких слов! Это и есть поэзия: она по-своему тоже жестока, безжалостна. Как война. Как революция. Ты приносишь себя в жертву на алтарь поэзии, и жертва эта суждена, неотвратима, если ты словом живёшь и дышишь.

Гори, душа. Сгорай. Пламя – это чувство. Чувствуй стихию. Стихия, твои стихи.

Их можно арестовать, как человека. Поджечь, сжечь, как овин сжигают в полыханье вражьего набега, как в дыму восстания красного петуха пускают в барский дом. Сжечь, как во срубе сожгли во времена Раскола опального протопопа Аввакума! Их можно даже пытаться! Извращать, корёжить, хохотать и глумиться над ними, отдавать на растерзание ненавистникам! А стихи всё живы. Они – светят своим светом! Не отражённым! Не брошенным в тюрьму! Не заёмным! Не затменным!

Если тебя схватят, руки свяжут тебе, бросят за решётку и будут пытаться, будут пытаться вбить в тебя твоё близкое самоубийство, сделать так, чтобы ты сам себя унизил и растоптал, – не дрейфь. Не сдавайся. Не плачь! Не моли о пощаде! Ты, крестьянский сын, лучше многих городских сусликов знаешь: пощады нет. А есть только война!

Последняя война: твоей души с застенком.
Время тоже можно заключить в застенки. Лишить воздуха и свободы.
А как быть, если на одном конце коромысла – свобода, а на другом – тюрьма?
Боже! Можно ли нынче, сейчас, воззвать к Тебе!
Не спи... вставай, кудрявая...

...Вставай, моя кудрявая, весёлая жизнь. Ночь пройдёт. Чёрный дождь утихнет.
Мои стихи будут повторять мои счастливые дети, внуки и правнуки. Да! Будут! Потому
что они будут свободны. Время – их – обнимет. И белыми голубями выпустит из клетки
на волю.

...А может, меня и знать-то никто не будет в будущем. Может, забудут меня.
Время, не смейся! Хочешь, я посмеюсь над тобой? Сам улыбнись тебе?
Время, унеси меня прочь от самого себя, мой вороной конь!.. Ты мой вечный конь. Бес-
смертный. Унеси меня туда, где я никогда не умру.

Айда, голубарь,
пошевеливай, трогай,
Бродяга, – мой конь вороной!
Все люди –
как люди,
поедут дорогой,
А мы пронесём стороной.

...Не бояться. Ничего не просить.
Только верить.
Только любить.

Идти сквозь чёрный дождь.
Идти. Только идти вперёд.

[ПАМЯТЬ]

Владимир КОСТРОВ

(1935-2022)

Александр ОРЛОВ

«Я ПОПЛУВУ ПО СВЕТОВОЙ ДОРОЖКЕ...»

Русский характер, определённый Иваном Ильиным в сочетании молитвы, терпения, юмора и пения, по моему мнению, явлен наилучшим образом в жизни и творчестве поэта, переводчика, драматурга Владимира Кострова.

Свою поэзию Костров, обладающий искромётным юмором и терпением подлинного художника, многие годы превращал именно в молитву, словно произнося её нараспев, и в этом душевспасительном обращении поэта была запечатлена вся его жизнь. Костровское стихотворение 1993 года уходит истоками в деревенское детство поэта, рождённого в год 37-й, год возобновления гонений на Церковь.

Был храм забит – меня крестили в бане,
От бдительного ока хороня.
Телёнок пегий тёплыми губами
В предбаннике поцеловал меня...

Костров свидетельствует, что никакая борьба с православием не могла повлиять на многовековое таинство крещения, которое стало частью бытия русского человека, и здесь как не обратиться к словам Фёдора Михайловича Достоевского: «Русский и православный слова синонимы; и что русский без православия дрянь, а не человек». Момент святого крещения запечатлён не случайно, ведь таким образом Костров подтверждает личное духовное рождение и соответствующее тому время. Само по себе крещение соединяет человека с Богом и придаёт ему силы противостоять дьяволу, направляет человека на обретение христианского образа жизни. Крещение и есть первичное исцеление духа и тела.

Свой путь исцеления Костров зафиксировал в стихах, не скрывая, что юность его была атеистической, а значит, болезненна с точки зрения духовной жизни. Поэт заявлял прямо: «В безбожной комсомольскости своей...»

Костров всегда был честен с окружающими и самим собой, а в этом не есть ли ярчайшая черта русского человека! Поэт, раскаиваясь за время безверия, пишет в 1957 году стихотворение «Икона»:

На чердаке, где пыль и паутина,
От света отвернув лицо,
Висит над грудой порванных ботинок,
Икона с позолоченным венцом.
Порой луна пролезет в стены крыши
И освещает на какой-то миг
Небритый и от серой пыли рыжий,
Но всё ещё надменный Божий лик...
Там с тишиной грызутся насмерть мыши,
И он, замаскированный как дот,
На чердаке как будто и не дышит,
Но ждёт. Он всё ещё чего-то ждёт...

Божий Лик ждал возвращения поэта Кострова к вере предков, и стоит отметить, что это стихотворение было написано во время мнимой либерализации и конъюнктурного развенчания сталинизма, что, казалось бы, открывало новые возможности духовной жизни. Однако чудо духовного перерождения случилось гораздо позже.

Каждый из нас свободен в своих решениях, и эта свобода распространяется и на изменение принятых ранее по собственному усмотрению, под влиянием или давлением обстоятельств решений. Но, главное, что Бог всегда ждёт нашего окончательного духовного устремления к Нему. Пришла пора испытаний, и поэт Костров сделал свой выбор. В этом рискованном решении он был подобен людям, которые окружали Христа в дни Его земной жизни, накануне и во время Его страданий. Именно так прочувствовал великие потрясения начала последнего десятилетия двадцатого века поэт Костров, обращаясь в 1993 году к Божьей Матери:

Защити, Приснодева Мария!
Укажи мне дорогу, звезда!
Я распятое имя «Россия»
Не любил ещё так никогда.

На равнине пригорки горбами,
Перелески, ручьи, соловьи.
Хочешь, я отогрею губами
Изъязвлённые ноги твои?

На дорогах сплошные заторы,
Скарабей, воробей, муравей.
Словно Шейлок, пришли кредиторы
За трепещущей плотью твоей.

Оставляют последние силы,
Ничего не видать впереди,
Но распятое имя «Россия»,
Как набат, отдаётся в груди.

Когда читаешь эти строки, полные одновременно глубочайшего отчаяния и неумолимой надежды на спасение, обращённые к Приснодеве Марии, то ощущаешь созвучие с наставлениями святого праведного Алексея (Мечёва): «Други! Взирайте на образ Владычицы, взирайте с горячей, пламенной мольбой! Она постоянно молится Небесному Царю Славы, ради нас воплотившемуся и пострадавшему. Правда велики грехи и нужды наши, но молитвы Богоматери сильнее всех нужд и озлоблений».

А вскоре Владимир Костров пишет другу и наставнику поэту-фронтовику Николаю Старшинову в день его семидесятилетия не просто посвящение, а клятвенное обращение, где есть проникновенные строки:

В грехах своих всегда по-русски честен,
Я верю: видит Бог твои дела,
Ведь в глубине твоих стихов и песен
Ни грамма злобы и ни грамма зла.

С этого момента Костров, и его поэзия становятся неотделимыми от православной веры. В 1998 году появляется знаковое стихотворение:

Укрепись, православная вера,
И душевную смуту рассеи.
Ведь должна быть какая-то мера
Человеческих дел и страстей.
Ведь должна же подняться преграда
В исстрадавшейся милой стране
И, копьем поражающий гада,
Появиться Стратиг на коне.
Что творится: так зло и нелепо –
Безнаказанность, холод и глад.
Неужели высокое небо
Поскупится на огненный град?
И огромное это пространство,
Тешась ложью, не зная стыда,
Будет биться в тисках окаянства
До последнего в мире суда?
Нет. Я жду очищающей вести.
И стремлюсь, и молюсь одному.
И палящее пламя Возмездья
Как небесную манну приму.

Неизменно всех любящий и всё прощающий Костров неоднократно пророчески предупреждал Отечество и народ об опасности, и как не вспомнить сейчас написанное им в 2004 году стихотворение о противостоянии добра и зла.

Вотще томимся в ожиданье чуда,
Все – президент, правительство, народ.
Но в лаковой обёртке Голливуда
Из Вашингтона счастье не придёт.
Огромен океан меж берегами –
Судьбу людей и жизни смысл дея.
Вы ждёте чуда? Чудо под ногами –
Завещанная предками земля!

Когда физические и духовные силы на исходе и кажется, что уже нет никакой надежды, мы всегда ищем кого-то, кто бы мог понять нас и помочь нам. Помощь может приходиться земная и небесная, и Костров обращается с призывом к русским людям терпеть и не сдаваться, но и сам ищет поддержки у Николая Рубцова:

Терпенье, люди русские, терпенье:
Рассеется духовный полумрак,
Врачуются сердечные раненья...
Но это не рубцуется никак.
Никак не зарастает свежей плотью...
Летаю я на запад и восток,
А надо бы почаще ездить в Тотьму,
Чтоб положить к ногам его цветок.
Он жил вне быта, только русским словом.
Скитания, бездомье, нищета.
Он сладко пел. Но холодом медовым
Суровый век замкнул его уста.
Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней.
В кашне, в пальто, на каменной скамейке
Зовёт поэт звезду родных полей.
И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней ни делай,
Она восходит, Колина звезда, —
Звезда полей во мгле заледенелой.

Стихи Кострова и Рубцова сходны национальным образом мышления, оба поэта наследовали опыт предшественников, совместили традицию и современность. Рубцов был увлечён Фёдором Ивановичем Тютчевым, переключки с которым у него встречаются неоднократно, а Костров переводил тютчевские стихи, написанные на французском языке.

Общеизвестен факт, что Тютчев подарил своей двадцатилетней дочери в Рождество Христово две книги французского философа Блеза Паскаля «Мысли» и «Письма к провинциалу», и тут сразу же вспоминается известная цитата: «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит... всё наше достоинство состоит в мысли. В этом отношении мы должны возвышать себя, а не в отношении к пространству и времени, которое мы не сумели бы наполнить. Постараемся же научиться хорошо мыслить: вот принцип нравственности».

Этот принцип нравственности присущ Кострову, и в его стихотворениях прослеживаются влияние не только поэта, а и религиозного философа Тютчева. Костров всем сердцем усвоил тютчевские размышления, например, это: «... хрупкость человеческой жизни — единственная вещь на земле, которой никакие фразы и напыщенные рассуждения не в состоянии преувеличить».

Значительным событием в жизни Кострова станет знакомство и многолетняя дружба с выдающимся композитором Георгием Свиридовым. Георгий Васильевич сам позвонил Кострову и предложил встретиться после прочтения костровского стихотворения «Земли едва касаяся...», написанного в 1978 году, которое заканчивалось так:

...про дальнюю околицу,
про воду из ковша,
про то, чем беспокоится,
смущается душа,
про гибель и спасение,
про молодость мою
в Саврасовском, Есенинском,
Свиридовском краю.

В ночь на Рождество Христово 1998 года, в первую ночь после кончины Свиридова, потрясённый Костров пишет стихотворение «Памяти Георгия Васильевича Свиридова», которое начинается словами:

Незримы и невыразимы,
Лишённые телесных пут,
Рождественские серафимы
Теперь Свиридову поют.

И заканчивается так же в православной традиции:

Молись и верь, земля родная.
Проглянет солнце из-за туч...
А может быть, и двери рая
Скрипичный отворяет ключ.

Новый век Костров будет встречать с провидческим опасением, и ему потребуется духовное содействие, может быть, поэтому в 2004 году он вступает в поэтический диалог с ушедшим другом поэтом Владимиром Соколовым.

Я почти не бываю у близких могил,
Но друзей и родных я в душе не избыл.
Мне они, как Афон или Мекка.
Я боюсь, чтобы завтра не прервалась
Меж живыми и мёртвыми вечная связь,
Я боюсь двадцать первого века.

Именно Владимир Костров от имени поколения Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова, Станислава Куняева, Алексея Прасолова, Николая Рубцова сказал сокровенное своим стихотворением, посвящённым Ларисе Васильевой:

Мы – последние этого века,
Мы великой надеждой больны.
Мы – подснежники.
Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.
И в конце прохрипим не проклятья –
О любви разговор поведём.
Мы последние века.
Мы братья
По ладони, пробитой гвоздём.
Время быстро идёт по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.
Так обнимемся.

Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы – подснежники.
Мы из-под ёлок,
Мы – последняя нежность войны.

Когда в мае 2018 года в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, награждая Владимира Андреевича Патриаршей литературной премией имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, сказал: «А я вас уже давно ожидаю...», то сердечной радости Кострова, как и смущению не было предела.

В мой сорок пятый день рождения Владимир Андреевич пригласил в братское путешествие своим посвящением, которое я услышал по телефону:

Когда луна в своей четвёртой фазе
Монгольской девой припадёт к окну,
Я от мостков на рыболовной базе
Двухвёсельную лодку оттолкну.
И золото воды, стекая с весел,
Там за кормой оставит буруны,
И божий мир, не знающий ремёсел,
Откроет все четыре стороны.
Я поплыву по световой дорожке
Вослед за незаметным ветерком,
Туда, где лилий детские ладошки
Сомкнутся к ночи над своим цветком.
И в медленном теченье речки сельской
Затрут за мною мокрые следы.
Лишь маковки, похожие на сердце,
Лягушками проглянут из воды.
Какой наив разлит в рассветных ивах,
Какой мотив овладевает мной,
И пошлый шум спесивых и глумливых
Останется у лодки за кормой.

Я перечитывал это стихотворение много раз и понимал, что он прощается со мной и со всеми нами, я думал о четвёртой лунной фазе, которую называют завершающей, о времени освобождения от всего бывшего, о моменте, когда бальзамическая луна находится точно между солнцем и землей. Накануне его кончины лунный диск станет совсем не виден, и убывающая луна завершит четвёртую фазу... На календаре будет 26 октября 2022 года, день, когда православные христиане чествуют Иверскую икону Пресвятой Богородицы, называемая ещё Вратарницей или Привратницей, которая открывает врата рая верным Спасителю, и Владимир Андреевич Костров, появившийся на свет в Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, уйдёт в мир иной.

Позже я узнал от Галины Степановны, что ранним утром того дня Владимир Андреевич сказал: «Сегодня я умру». После этого он стал неразговорчив, был более чем сосредоточен, внимательно вглядывался в небо и облака, травы и деревья, словно стараясь запомнить всё вокруг, собрать всё воедино, не упустить ничего перед самой важной для каждого из нас встречей.

Владимир КОСТРОВ

---

* * *

Николаю Старшинову

Не зря ты полз в крови по горькой русской,
Не зря заморской не искал судьбы,
Не зря простой не брезговал закуской
И собирал частушки, как грибы.

В грехах своих всегда по-русски честен,
Я верю: видит Бог твои дела,
Ведь в глубине твоих стихов и песен
Ни грамма злобы и ни грамма зла.

И ни в какую пакостную слякоть
Из нас уже Россию не избыть.
Мы будем наши песни петь – и плакать,
И снова петь, и плакать, и любить.

И вопреки кликуше и уроду,
Пешком, ползком на брюхе и спине,
Но мы прорвёмся к своему народу,
Как ты когда-то сделал на войне.

* * *

Не гасите свет. Довольно мрака.
Я приду и вам в глаза взгляну.

А в глазах голодная собака
Воет на холодную луну.
Город спит. Всё мертвенно-прекрасно.
Пропороли брюхо кораблю.
Под луною волчьей слишком ясно
Понимаю я, что вас люблю.
Мир покрыт лазурью и глазурью,
Белый пар как ангел у дверей.
Доедим последнюю глазунью
Из мохнато-жёлтых фонарей.
Отзвенели мёрзлые ступени,
Клавиши проёмной немоты.
Пали на открытые колени
Красные базарные цветы.
Не гасите. Нет. Кругом скольженье,
И живая жизнь недорого.
Побеждает белое движенье,
Русская смертельная пурга.
«Ящик» стих. Молчат врали и стервы.
И сошла действительность на нет.
Пусть взорвутся нервы, как цистерны,
Умоляю: не гасите свет.
В городе большой избыток мрака.
Я в глаза вам лучше загляну.
Но и там голодная собака
Лает на холодную луну!

* * *

Отшумели сады, отзвенела вода,
От зелёной листвы не осталось следа,
В чистом поле так ясно и пусто.
От счастливых минут до последних седин
Мы остались с тобою один на один,
Моё позднее древнее чувство.
Журавли улетели, печально трубя,
Я живу только тем, что я помню тебя
В этом мире коварном и пошлом.
Я живу, словно уголь потухшим огнём,
День за днём остывая душой, день за днём,
Только прошлым живу, только прошлым.
Я себя не прощаю, тебя не виню,
Я готов поклониться вчерашнему дню.
Ишь как в поле меня прознобило,

Мне бы только дойти да у печки прилечь.
 Неужели остыла горячая печь?
 Неужели меня ты любила?

* * *

Снова сердце и болит, и стонет,
 поплавком ныряет поутру.
 В красные, озябшие ладони
 голубое озеро беру.
 Реют чайки белые, как флаги.
 Кони в поле начинают ржать,
 и неумолимой тёмной влаги
 ни за что в руках не удержать.
 Бредит день блуждающей улыбкой
 с оспинами чёрными ворон.
 Как недолги эти плеск и зыбкость
 и печален светлых капель звон.
 Тихий звон над честью и бесчестьем.
 Чёрный креп на молодой заре.
 То, что просочится и исчезнет,
 мне всего дороже на земле.
 Так, в преддверье мрака и разлуки
 хоть на миг на праздник призови
 и просей в мои пустые руки
 золотые волосы свои.

* * *

Я потихоньку умираю,
 Сижу на лавке у стрехи
 И в памяти перебираю
 Друзей любимые стихи.
 Я не ищу себе забаву.
 Я вслушиваюсь в бытиё.
 Одни друзья познали славу,
 Другим не выпало её.
 Но были мы одна стихия,
 Но были мы одна волна.
 Была Советская Россия.
 Была великая страна.
 Стихи друзей придут оттуда
 И возвращаются туда.
 Такого певческого чуда
 Уже не будет никогда.

* * *

Не сули мне богатство шальное и пошное,
 Синеглазой мечтой не шути надо мной.
 У меня за спиною одно только прошлое –
 Полубедность, весёлость, пиджак продувной.
 Над скамейкой качалась берёзка ветвистая,
 Заливала черёмуха те времена.
 Ах, каких я красавиц из окон высвистывал,
 Уводил на бульвары гулять до утра.
 Рукава у тебя оторочены гарусом,
 И дерзка, и резва полудикая стать.
 Уплывай в своём платье, как лодка под парусом,
 Оставляя меня вспоминать и мечтать.
 Мне уже невозможно догнать невозможное.
 И суровое время сужает зрачки.
 И прощальный привет из прекрасного прошлого
 Выбивают морзянкой твои каблучки.

* * *

Пламя первой листвы на обугленных сучьях.
 Стон последней любви в журавлиных созвучьях.
 Русской белой метели сияющий храм.
 Не ошибся ли Фёдор Иванович Тютчев,
 Завещавший любимую Родину нам?
 Ведь в бесплодной погоне своей за вещами,
 За солянкою рыбной и жирными щами,
 Где нам было вчитаться в его завещанье,
 Непутёвым наследникам гор и равнин?
 Как направить свой путь сквозь туман бездорожья
 Там, где мера одна только – заповедь Божья –
 Не погонные метры, не общий аршин?
 Пусть лукавой Европы практический разум
 Захлебнётся российской нефтью и газом,
 Мы бы не были к нашему слову глухи.
 Не пристали б машинные копать и сажа
 К чудотворному лику родного пейзажа,
 Где, как ключ заповедный, струятся стихи.
 На краю горизонта годов неминучих
 Вижу чистый просвет в накопившихся тучах,
 Словно вызов грозящим земле временам.
 Это он. Это Фёдор Иванович Тютчев,
 Луч надежды с небес посылающий нам.

*Елена
КРЮКОВА,
Нижний
Новгород*

ДЕВЯТОЕ МАЯ

в Рождестве девство сохранила еси...
 не проси бессмертия, не проси.
 не проси славы: похвалы – ничто.
 руки вдень во старое, военное пальто.
 не проси богатства, никогда не проси.
 ни сокровищ, ни яхонтов на небеси.
 лишь огромные, с землю величиной, облака
 плывут... не дотянется сиротская рука.
 не проси отмщения, не проси.
 во успении Мира не оставила еси,
 Богородице... лоб прижми ко стеклу.

холод, голод. Игрушкой – ты – на полу.
 сотни войн водят вокруг тебя хоровод.
 эта вечная жизнь. Краткий живот.
 до мгновенья, когда родишься опять,
 никого из милой родни не сыскать.
 Божья Мать Ты нас всех вчера родила
 а сегодня время сгорело дотла
 а на завтра время – под брюхом овцы
 Агнец Божий ножи начала концы
 Тайной Вечери тысячи тысяч огней
 довоенный кагор из стакана пей
 из стакана гранёного Божию Кровь
 День Победы не надо тяжёлых слов

так в военном пальто за столом сиди
 гаснут планки орденские на груди
 гаснет крестик медный под ветхим бельём
 Богородице выпьем и ещё нальём
 всех помянем кто сгиб в последнем бою
 всех кого на старых снимках люблю

а превыше снимков – икона Твоя
 на краю любви на краю бытия
 Ты накинь Покров
 не оставь еси
 ...не проси бессмертия не проси

МОЛИТВА. ЛАЗАРЕТ

Сегодня в лазарет наш с далёкой ли дали
 Совсем цыплёнка юного, мальчонку привезли.

Из кузова сгрузили и на руках внесли
 В огромную палату: в крови, снегу, пыли.

Обмыть мальчонку надо! Всё чистым быть должно.
 А нянечка-старуха так молится в окно.

На Солнце, как на Спаса... икона – небеса...
 Зовите вы хирурга! Жить парню полчаса!

Хирург бежит, вздыхает, всю видит боль-беду.
 Реку переплывает, идёт-бредёт по льду.

Реку войны и скорби, и простынь, и пелён,
 Реку судьбы и смерти, реку иных времён.

А мать моя, сестричка, рукой зажала рот:
 Такой солдат молоденький, а нынче вдруг умрёт!

Не умирай, шептала, держись, не умирай,
 Во что бы то ни стало держись и побеждай!

Зажимы подавала... Стояла у стола...
 А нянечка-старуха молилась и ждала.

А нянечка святые все путала слова,
 Молилась как умела, молилась от себя...

Хирург над страшной раной творил последний шов.
 Шагнул назад, как пьяный, без сил, в поту, без слов.

Солдат, мальчонка бледный, последний дух и дых.
 Он снизу вверх застыло смотрел на нас, живых.

И мать моя, сестричка, отбросила зажим,
 И тихо так и горько заплакала над ним.

А нянечка молилась, молилась всё равно,
 И Солнце бинтовало разверстое окно,

И Бог молитву слышал, в слезах смирен и тих,
И в небе Сам молился за мёртвых и живых.

ВРЕМЯ

Слышишь, больше нет этих чёртовых десятилетий.
Слышишь, и этих столетий проклятых нет.
Я покидаю лукавые нести, а может, дырявые сети,
Я выплываю – на Площади –
в белый несмелый свет.

Надо льдом наклониться.
В его зеркало на ходу поглядеться.
Исцарапано, посыпано чёрным перцем шлака,
дворницкой солью густой.
Отражает холод
мои румяные децибелы и герцы,
Зимний змей ползёт серебром под сапогом,
под моею пятой.

Слышишь, я презрела подлый поток дней-ночей,
годов, галчино голодных,
Разделили себя мы сами рисками, стрелами,
лезвиями минут
на куски одинокой тоски!
А я лишь к радости годна,
Я – всё к радости – в очередях...
да теперь уж не раздают...

Где ты, Время? Убито?!
О! победила тебя! запретила!
Заповедала:
всяк теперь вечен, свободен, счастлив, велик!
...я всё вру вам.
И ещё навру – с три короба, целый мешок,
буду так утешать до могилы:
Горько плачет так над усопшей старухой
метельно-белый старик.

Над колени с ним рядом в сугроб встаю –
на Ваганьковском,
на Миусском, Рогожском,
На Троекуровском, на площади Красной...
у Лобного – под камнями –
кровью плачет родня...
И берёт старик в яркой варежке руку мою
и к груди прижимает, как кошку,
А другой рукой за плечо минутное, утопая,
цепляет меня.

У него из кармана тулупа торчит
беззащитное горло
грошовой бутылки.
Это белая лебедь, водка, откупори –
крылья вразлёт!
Два пряника сохлых, две конфеты издохлых
на седой плащанице могилки,
Ну, поплачем и выпьем, закусим снежком,
невелик расход!

Так стоим на коленях, ревмя ревём,
со стариком чудесным,
Слышишь, а есть ли Время, нет ли его,
нам уже всё равно,
Слышишь, просто стоим на коленях и плачем
у Царских врат
над пьяною бездной,
И гудит, всё гудит над нами зимы коловрат,
снеговейное веретено.

ИСТИНА

Кто торгует Родиной. Кто торгует тьмой.
Полоумно мечется навсегда немой.

Я гляжу в молчании. Я стою одна,
Бедное дыхание, Лотова жена.

Крик был: не оглядывайся! Оглянулась я.
Рынок мой, позорище, новая семья.

Рынок мой, пожарище, лютая сума,
Господа-товарищи, братья задарма!

Так торгуют падалью, папертью на слом,
Руганью и памятью, хорами хором,

Похоронкой скомканной, стоном тишины,
В лоскуты раскромсанной горечью войны!

Так торгуют гадиной, жжёт подзубный яд,
Так торгуют краденым – всем глаза слепят!

А с несчастной истиной – снег глаза слепит –
Девочка, вся выстыла, на ветру стоит.

А почём же деточка, чуть видна-слышна,
А почём же, милая, истина одна?

Смотрит в душу дитяtko бирюзами глаз.
Смотрит, как в последний или в первый раз.

Тихо льнёт улыбка бабочкой к губам.
Тихо шепчет: истина... я за так отдам...

Тихо поднимается нежных рук черпак.
Божию мне истину отдают за так.

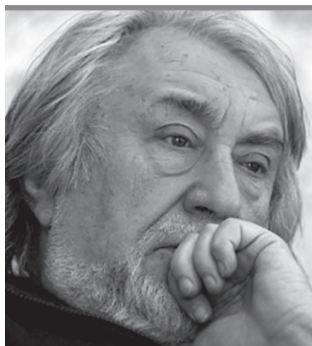
Светлую мне истину дарят на века.
Льётся, льётся чистая синих глаз река.

И беру я истину, как котёнка, в горсть,
Вся в снегах неистовых, в дольном мире
гость,

А вокруг мя торжище пляшет и поёт,
А вокруг мя толпами мечется народ!

И никто не видит старуху в платке,
С ней девчонку малую, нежный снег в руке,

Плачут-заливаются, крестят дружку друг,
Навек обнимаются, не разнимут рук.

Юрий
КУБЛАНОВСКИЙ,
Москва

ДОНБАССКИЙ ТРИПТИХ

МЫСЛИ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Вот уж не думал,
что на старости лет
буду начинать утро
со сводок с фронта
и похожих на верлибры реляций,
мол, чего-чего, а мира
на остаток жизни
всё-таки хватит.

Хватит, чтоб подремать над альбомом,
выпить в шалмане стопку,
окские видя плёсы...

Но вот приходит догадка,
заставляющая сжиматься сердце,
взбивать кулаком подушку
в седой пелене рассвета,
что могу уже не дожидаться,

как отдымят кострища кварталов,
заслезится на окнах копоть,
воспалённые ссадины
побледнеют на лицах пленных,

как польётся благовест над округой,
отпоют живые погибших,
прирастёт своим же Отчизна.

НОВОБРАНЕЦ

Тиха украинская ночь,
и наше дело ей помочь.

Ещё не совсем проснулся, ещё во сне
вспоминаю свою Наталью и дочку Дарью.

Но уже долетает сюда ко мне
отдалённый запах военной гари.

Знать, под утро понову шёл обстрел
наобум дворов и хрущоб Донбасса,

а в сердцах родных, кто остался цел,
не остывший пепел стучит Клааса.

Будто порыжевший столярный клей
пропитал бинты медицинских опций.

В духоте военных госпиталей
вперемешку бред пацанов и хлопцев.
.....
Старику пора бы задуть свечу,
воротясь туда же, откуда родом.

Но сперва приложиться хочу к плечу,
новобранца перед его уходом.

Что же это – или склубилась мгла
после долгих дней, когда было душно?

Или властно к финишу привела
нас судьба, магниту его послушна?

ПАМЯТИ ОЛЬГИ КАЧУРЫ

Где дремали в густоцветии мальвы,
дозревала гроздьями черноплодка,

нынче минами засеяны земли
и идут озлобленные сраженья.

А паяц, косящий под Че Гевару,
восхищая мировых межеумков,

ежедневно на убой посылает
мужиков и необученных хлопцев.

Их пасут амбалы в татуировках,
покрывающих сплошь торсы и шеи,

что клубится у них в коробках
черепных, какие там дремлют змеи?

Вглядываюсь в небритые лица,
слушаю допросное бормотанье –

неужели это те изуверы,
что стреляли нашим пленным в колени,

окна школ превращали в доты,
руку подняли на русскую мову?

И теперь остаётся молиться только
нам за их пропащие души, каюсь.

Но сперва, едва забелеет зорька,
за тебя, убитая ими Ольга,
с которою не прощаюсь.

ХВАЛЫНСКИЕ ЯБЛОКИ

В ярких ситцах купаться пришли молодки на
Волгу ради Петрова-Водкина

Дух хвалынских яблок, густой багрец
с лессировкой тёмен на старом блюде.

Это цвет заката, рубах, сердец,
цвет напоминания нам о чуде...

Предвечерняя повторит заря
навигации умножая вести:

что однажды встретились мы не зря,
сблизились и остались вместе.

Правда, я не знаю, кто мне родней:
на разлив похожая ли излука

в бледной зыби, сделавшейся темней,
ты ли в ипостасях жены и друга.

И хотя и кратче теперь года
под накатом жалкой и хищной нови,

и бежит по жилам скорей вода,
чем ручьи когда-то горячей крови,

всё никак не хочет зари лоскут
уступить клубленью осенней хмури.

Так Кузьма Сергеич в годину смут
не давал погаснуть своей лазури.

ВОЕННОЕ УТРО

Волны снега на ветках,
мартовские последние волны.
Зорька зазолотилась,

исподволь набирая силу.
Ты ещё дремлешь – ну вот и славно.
Пока это так, за тебя не страшно.

А всего в семистах с небольшим верстах
обжигает рты кипятком пехота.
Просыпается артиллерия.

Теряя близких,
отбиваем родные земли
у мирового Содома.

Оттяну на себя
новостные речитативы сводок.
Генштабист отчитался, как отстрелялся...

И уже слетаются на поклёв пичуги,
раскачивая фанерный домик
кормушки за нашей рамой.

[ЮБИЛЕЙ]
Станиславу КУНЯЕВУ –

90 лет

*Замечательного русского поэта Станислава Куняева
поздравляем с 90-летием!*

Публикуемый здесь текст был написан Юрием Бондаревым в 2017 году. В нём Юрий Васильевич размышляет о творчестве, личности и судьбе Станислава Куняева как об огромном явлении не только русской литературы, но и русской жизни.

Юрий БОНДАРЕВ

Куняев Станислав Юрьевич – большой русский поэт, тонкий критик, блестящий публицист, историк и мыслитель, переводчик, главный редактор журнала «Наш современник», патриот, поднимающийся на защиту России в самых трудных ситуациях, – всё это вместе складывается в огромное явление не только русской литературы, но и русской жизни.

Поэзия Станислава Куняева – одна из наиболее выразительных страниц в целостном поэтическом полотне России второй половины XX века. Его знаменитая строчка: «Добро должно быть с кулаками...», ныне повторяемая в разного рода политических и культурных дискуссиях, давно уже стала хрестоматийной. Но и целые циклы стихотворений 1960–1980-х годов, собранные в книгах «Метель заходит в город», «Ночное пространство», «Вечная спутница», «Свиток», «Глубокий день», «Мать сыра земля», «Сквозь слёзы на глазах», говорят о Ст. Куняеве как об одном из самых содержательных поэтов последних десятилетий, чей гражданский пафос неподделен. В стихах Ст. Куняева сосредоточены и мир родной Калуги, и Восточная Сибирь с её великими стройками – Братской ГЭС, Иркутской ГЭС, дорогой Тайшет – Абакан и др., и Русский Север, и Тянь-Шаньские горы, по которым бродит геологическая вольница, и Первопрестольная. И везде воплощена личная судьба поэта, его духовная биография очевидца, осознающего себя «как современника всем эпохам». Тонкая лирика в поэзии Станислава Куняева органично сочетается с воплощением разных эпох в «вещных» материальных приметах.

О поэзии Станислава Куняева со свойственной им пронизательностью писали такие замечательные критики, как Вадим Кожин и Олег Михайлов. Великий композитор Георгий Свиридов нашёл самые высокие и точные слова: «Стихи Куняева отличает страстность чувства и страстность мысли. Его поэзия нагружена большим смыслом, большими идеями, не поверхностными, а лежащими на глубине духовной жизни. Поэзии Куняева свойственно кровное ощущение Родины, Родины не в отдельных её приметах и деталях, а именно как целого – со всей её историей, со всеми её громадными приметами и потрясениями, со всеми

её радостями и печалью. Это мне кажется чрезвычайно ценным именно сейчас, в наше бурное время. Всё это есть в ярких, глубоко трогательных и сильных стихах Станислава Куняева».

Одна из значимых и впечатляющих страниц творческой биографии Ст. Куняева – его многолетняя плодотворная деятельность на ниве художественного перевода поэзии, его вклад в дело дружбы народов. Он подарил любителям поэзии превосходные высокоталантливые переводы «Поэмы о Зубре» Н. Гуссовского, стихов и поэм буряты Д. Узытуева, алтайца Б. Укачина, коми И. Куратова, татарина Р. Хариса, башкира Р. Бикбаева и многих других писателей братских народов России.

Станислав Куняев – автор более 50 книг стихов, литературной критики, публицистики. Наиболее выдающаяся из написанных в новое время – книга «Сергей Есенин», созданная в соавторстве с сыном, известным критиком и литературоведом Сергеем Куняевым. Книга вышла к 100-летию поэта в 1995 году и с тех пор переиздавалась 12 раз. Книга воспоминаний «Поэзия. Судьба. Россия», вышедшая в 2000 году, выдержала пять изданий. Книга «Жрецы и жертвы Холокоста», опубликованная в журнале «Наш современник» в 2010 году, трижды издавалась – в 2011-м, в 2012-м, в 2014 годах.

Особо следует сказать о двух наиболее актуальных сегодня книгах Станислава Куняева. Это «Шляхта и мы» (М., «Наш современник», 2002) и «Нет на свете печальней измены...», или «Ще не вмерла Украина» (М., «Голос-пресс», 2015).

Книга «Шляхта и мы» впервые увидела свет в журнале «Наш современник» (№ 5, 2002), и эта публикация настолько всколыхнула польское общественное мнение, что «Московские новости» в июне того же года писали: «Польша бурлит от статьи главного редактора «Нашего современника».

В России «Шляхта и мы» стала историческим бестселлером – вышло пять изданий книги. Новые издания дополнены стихами русских и польских поэтов, начиная с Пушкина и Мицкевича, о «споре славян между собою», главами, написанными по следам драматических российско-польских событий, произошедших в последние годы, а также новыми открытиями историков, касающихся пакта Молотова-Риббентропа, Катюши, Варшавского восстания, гибели польского самолёта под Смоленском и т. д. Автор даёт жёсткий и убедительный отпор фальсификаторам истории.

Книга «Нет на свете печальней измены...» посвящена событиям на Украине. Оголкой антирусской пропаганде нынешней «элиты» с Майдана Ст. Куняев противопоставляет другую Украину – славянскую сестру, тысячами связей связанную с Россией. «В этой книге я вспоминаю обо всём, что породило меня с Украиной, с её сыновьями и дочерьми, чьи судьбы, лица и голоса живут в моей памяти», – пишет Ст. Куняев. Издание дополнено перепиской автора с видными деятелями украинской культуры, а также отрывками из публикаций замечательного писателя Олеса Бузины, страстно выступавшего за союз Украины с Россией.

Новым словом в изучении русской литературы XX века стала книга Станислава Куняева «Любовь, исполненная зла...» (М., «Голос-пресс», 2012; переиздана в 2017), посвящённая творчеству поэтов Серебряного века. Эта книга оценивает культурные процессы, происходившие в России в XX веке, с религиозных и нравственных высот евангельского христианства, великой православной традиции. Духовная ценность книги особенно значима в наше время, когда христианские постулаты подвергаются целенаправленному извращению и поруганию в так называемом цивилизованном мире, стремящемся заменить двухтысячелетний опыт новозаветной веры философией «прав человека», освобождающей его от грехов и покаяния.

Попытка автора разобраться в тайнах гибели Николая Рубцова привела его к новому осмыслению поэзии Серебряного века. Внимательное прочтение наследия Ахматовой, Цветаевой, Ходасевича, раннего Маяковского, Георгия Иванова, Михаила Кузмина, Фёдора Сологуба, Валерия Брюсова и прочих «идолов» русского декадентства привело автора

к убеждению, что их творчество является в гораздо большей степени антипушкинским, чем это было принято считать критиками, публицистами, историками либерально-демократического склада в эпохи «оттепели» и «перестройки». Именно в эти периоды в обществе воскресали и размножались бациллы растления, насилия и воинствующего антихристианства, свойственные Серебряному веку, талантливые чада которого жаждали всевозможных революций – политических, экономических, религиозных, сексуальных.

Неоценим многолетний подвижнический труд Станислава Куняева на посту главного редактора ведущего литературно-художественного и общественно-политического издания – журнала «Наш современник».

Журнал сохраняет классические традиции русской литературы, пушкинскую ясность и некрасовский демократизм. В этом заслуга Станислава Куняева. Он пришёл к руководству журналом в 1989 году, когда нарастали процессы развала и деградации Советского государства. В этих условиях сохранить один из оплотов российской культуры, литературную трибуну русских писателей – журнал «Наш современник» – было трудно и тем более необходимо. Станислав Куняев как главный редактор избрал основной творческой линией журнала патриотизм, отстаивание народных интересов, поощрение писателей-реалистов, всё творчество которых обращено к освещению народной жизни, показу лучших качеств русского человека и представителей других народов нашей многонациональной страны.

Славу журналу в эти годы составило творчество Василия Белова и Валентина Распутина, Юрия Кузнецова и Вадима Кожинова, Леонида Леонова и Виктора Лихоносова, митрополита Иоанна (Снычёва) и Владимира Солоухина, Леонида Бородина и Владимира Крупина, и многих других. Под руководством Станислава Куняева журнал не только выжил в труднейшие 90-е, но и стал основой возрождения новой российской духовности в XXI веке.

Станислав Куняев с законной гордостью заявляет: «Наш современник», благодаря ходу истории, естественно ощутил себя как журнал, утверждающий во всех сферах жизни патриотические и национально-общественные интересы России. Недаром же мы приветствовали все знаменитые речи Путина – Мюнхенскую, Валдайскую, Крымскую».

«Наш современник» и сейчас продолжает свою созидательную творческую работу под руководством Станислава Куняева. Журнал публикует произведения современных писателей, поэтов, публицистов, привлекает к сотрудничеству как известных политиков, так и талантливых учёных. Следует отметить обращённость «Нашего современника» к творчеству молодых. Регулярно выходит молодёжный номер журнала, где предоставляется литературная трибуна поколению, которому предстоит строить Россию будущего.

Во всём этом огромная заслуга главного редактора, выдающегося поэта, публициста и литературного критика Станислава Юрьевича Куняева.

Станислав Юрьевич Куняев награждён орденами: «Знак почёта» (1980 г.), «Дружбы народов» (1984 г.), «Дружбы» (2014 г.); по повелению Патриарха Алексия II и Патриарха Кирилла отмечен орденами Сергия Радонежского (2002 г.) и Даниила Московского (2017 г.). Он является лауреатом многих литературных премий: Государственной премии РСФСР им. М. Горького (1987 г.), Большой литературной премии (2001 г.), премии Союзного государства (2006 г.), Патриаршей премии (2013 г.).

Во всех своих произведениях – в стихах, в критических и публицистических статьях, – в редакционной и общественной деятельности Ст. Куняев отстаивает нравственные, патриотические ценности, несёт читателям разумное, доброе, вечное.

* * *

Опять разгулялись витии –
шумит мировая орда:
Россия! Россию! России!..
Но где же вы были, когда
от Вены и до Амстердама,
Европу, как тряпку, кроя,
дивизии Гудериана
утюжили ваши поля?
Так что ж – всё прошло-пролетело,
всё шумным быльём поросло,
и слава, и доброе дело,
и кровь, и всемирное зло?
Нет, все-таки взглянем сквозь годы
без ярости и без прикрас:
прекрасные ваши «свободы» –
что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого,
и Жукова маршальский жезл.

* * *

Как посветлела к осени вода,
как потемнела к осени природа!
В моё лицо дохнули холода,
и снегом потянуло с небосвода.
Мои края, знакомые насквозь:
пустынный берег, подзавалье, речка...
Так кто же я – хозяин или гость?
И что у нас – прощанье или встреча?
От холода я задремал в стогу,
как зверь, готовый погрузиться в спячку,
проснулся, закурил на берегу,
и бросил в воду скомканную пачку,
и не решил, что ближе и родней –
вчерашний шум берёзы отшумевшей
или просторы прибранных полей
и тусклый блеск травы заиндедевшей.
И, затянувшись горестным дымком,
спасая тело от осенней дрожи,
я вдаль глядел и думал об одном:
чем ближе ночь, тем родина дороже

КАРА XII

А всё-таки нация чтит короля –
безумца, распутника, авантюриста,
за то, что во имя бесцельного риска
он вышел к Полтаве, тщеславьем горя.
За то, что он жизнь понимал, как игру,
за то, что он уровень жизни понизил,
за то, что он уровень славы повысил,
как равный, бросая перчатку Петру.
А всё-таки нация чтит короля
за то, что оставил страну разорённой,
за то, что рискуя фамильной короной,
привёл гренадёров в чужие поля.
За то, что цвет нации он положил,
за то, что был в Швеции первою шпагой,
за то, что, весь мир изумляя отвагой,
погиб легкомысленно, так же, как жил.
За то, что для родины он ничего
не сделал, а может быть, и не старался.
За то, что на родине после него
два века никто на войну не собрался.
И уровень славы упал до нуля,
и уровень жизни взлетел до предела...
Разумные люди. У каждого – дело.
И всё-таки нация чтит короля!

* * *

Надоела мне радость чужая,
надоело, с привычной тоской
всю душевную статью обнажая,
вам рассказывать, кто я такой.
А в Небесных горах в это время
с перевалов сползают снега, –
знать, недаром в железное стремя
по весне запросилась нога.
Да спасёт меня дело мужское –
вьючить вьюки, седлать лошадей
и в сверкающем лунном просторе
вспоминать про любимых людей...

* * *

В окруженье порожистых рек,
в диком мире гранита и гнейса,
как ни горько, но знай, человек, –
на друзей до конца не надейся.
Нет, не то чтоб не верить в друзей –
мне по сердцу надёжные души, –
но стихийные силы сильней
самой нежной и преданной дружбы.
Рухнет камень, исчезнет стезя,
друг протянет бессильную руку.
Так не порть настроения другу
и рассчитывай сам на себя.
Ах! Так вот она, правда и жизнь:
в жаркий полдень, в холодную полночь
всем, кто просит участия, учись
помогать, не надеясь на помощь.
Но смотри: поскользнёшься и ты
и услышишь, как в мире бескрайнем
говорят на краю темноты
ледяное дыханье воды
с человеческим жарким дыханьем.

* * *

Мой друг! Под проливным дождём,
под синим азиатским зноем
мы начинаем наш подъём,
необходимый нам обоим.
От временных привалов дым
летит и в поднебесье тает,
и над твоим виском седым,
как венчик голубой, витает...
Послушай! В мире высоты
немного проку исподлобья
глядеть, как будто ищешь ты
хороший камень для надгробья.
Мы – как единственная связь,
как стык прошедшего с грядущим,
и только в этом наша власть
над временем, ревмя ревушим.
И если мы не затвердим
его приметы честным словом,
оно исчезнет, словно дым,
растает в космосе суровом...
Нам надо жить и понимать,
что в мир вступают наши дети,
и нищим надо подавать,
покамест есть они на свете.

* * *

Облака плывут в Афганистан,
Туполанг течёт к Афганистану...
Я ещё от жизни не устал
и до самой смерти не устану.
Я подкрался, словно в забытьи,
по гранитной осыпи к обрыву
и рывком из бешеной струи
выбросил сверкающую рыбу.
И, очаг под камнем разведя,
захмелел от золотого чаю...
Отвечаю только за себя –
больше ни за что не отвечаю!
Отвечаю, что не пропаду,
не сорвусь ни в пропасть и ни в реку...
С деревом и с пламенем в ладу
хорошо живётся человеку.
Без людских печалей и потерь
я бы одиноким и свободным
прожил век, когда бы, как форель,
сердце было сильным и холодным.

Вячеслав
КУПРИЯНОВ,
Москва

СОН О РОССИИ

Вдруг приснилось: Россия
огромной ночной бабочкой
химерическим бражником
распластана на земном шаре

Но пыльца с её крыльев
взметнулась в небо
и вот вам звёзды

Если она вдруг сложит крылья
обнажится –
безликая бездна
и поглотит Европу и Азию
никакая Америка уже не поможет

Если она вдруг взлетит –
схлопнется земной шарик
не спасут даже
общая теория относительности
и геометрия Лобачевского

Успеть бы
ещё живым проснуться

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЗЕМНОМУ ШАРУ

Грозен день и век суров,
Не печалься, сделай милость!
Спи, мой лучший из миров,
Где всё худшее случилось!

Спи, огнеопасный шар,
Одинокий центр Вселенной,
Мирный час прими, как дар,
Спи, родной военнопленный!

Спи, небесный часовой –
Сторож солнечной системы,

Да не рушат твой покой
Наши сложные проблемы!

Звёзды приложи к виску,
Справься со своей одышкой!
Спи с Европой на боку
И Америкой под мышкой.

Спи, космический малыш,
Что пройдёт, то будет мило!
Да и мы, пока ты спишь,
Веруем, что в правде сила!

ВОЛЧОК ИСТОРИИ

Одни сплотились в центре круга
Другие отброшены на окраину
Города страны материки
Последние ближе к морю
Движение вызывают крайние
Они вращают круг истории
Ибо центр устремлён к неподвижности
Но именно он делает вид
Будто он управляет вращением
Сменой эпох и бегом часовой стрелки
Окраина стремится стать центром
Но центр стоит горой
За свою неподвижность
Он делает вид что выбирает с окраин
Лучшие силы для вращения хода истории
Возникает иллюзия равновесия масс
Тяжёлых богатых и ценных в центре
Их мало да иное почти невозможно
И лёгких бедных подвижных
Их много и потому так велик выбор
Так устроены атомы звезды и государства
И время от времени бесконечно малые
Сбрасывают со своих плеч гору бесконечно
больших
И продолжают творить произвол истории

В виде новой горы
Или впадины
Или новой воронки

ЭХО ОДИНОЧЕСТВА

Любовь может быть неразделённой
Ревность может быть беспричинной
Верность может быть безответной

Но разлука всегда обоюдна
Одиночество
Всегда взаимно

На лирический вздох одинокого
– Где ты?
– А ты где?
Отвечает трезвое эхо

РУССКАЯ ВЕСНА

Солнце
Уже не так одиноко
Как над снегами. Робкая зелень
Надёжный союзник. Скоро
Май придёт
С днём Победы,
Июнь
С днём начала
Войны.

НООСФЕРА

Есть ёмкая сфера незримого
Над геологическими сдвигами истории,
Вещая сфера Анаксагора и Вернадского,
Где очевидна мысль, ещё неизречённая,
Где нас возносит наш невесомый дух
На ёмких крыльях воображения,
Чьё каждое трепетное перо –
Описывает свой заочный путь
Над горами, покрытыми снегом санскрита,
Над морем вечных и зыбких азбук,
Где река Гераклита не гасит огонь Гераклита,
Где Сократ и Платон Отцам церкви внимают,
Где Аристотель изучает Фому Аквината,
Где поэты прошлого чтут поэтов грядущего,
(В небо уходят храмы стихотворных размеров!),
Где горькая правда лелеет сокровенную истину,
Где слова пророков грядущего
Спят на устах нерождённых младенцев,
И мы в полёте собственной мысли
Ловим дух чужой сокровенной думы,
Донесенный до нас дуновением дальних галактик
Со всеми их тёмными грозными вихрями,
(Вихри оправдания добра и разочарования в добре),
Вихри, сбивающие с пути и возвращающие,
Сбивающие нас в стройные стаи,
Где сторонники противного ветра
Одолевают сторонников ветра попутного,
(Какие очищающие молнии догадок
Сверкают здесь в грозных тучах,
Тучах наших чувственных заблуждений!)
И когда-нибудь над этой незримой

Для существ одномерных сферой
 Под звёздным ветром мы поднимем наш русский парус –
 И в море жизни нам он укажет –
 «Куда ж нам плыть»?

МАЛЬЧИК СМОТРИТ НА НЕБО...

С коркой чёрного хлеба,
 Доверяя Христу,
 Мальчик смотрит на небо,
 Мальчик ищет звезду.

Кто-то «люстру» повесил
 Над окопом его,
 Мальчик светел и весел,
 А вокруг никого.

Он впервые в сочельник
 От семьи далеко,
 Как библейский отшельник,
 Что ж ему так легко?

Кости сводит и ломит,
 И крепчает мороз,
 С ним сегодня преломит
 Чёрный хлеб сам Христос.

Напитает, согреет
 От макушки до стоп,
 И враги не посмеют
 «Отработать» окоп.

В это веруя слепо,
 Отвергая беду,
 Мальчик смотрит на небо
 И находит звезду.

ИДЁТ САПЁР...

Дорога к городу рябит цветными знаками,
 Что всюду мины, и нельзя с неё сойти.
 Идёт сапёр, идёт вперёд по полю с маками,
 Его обязанность – очистить все пути.

Земля хранит в себе годами откровения
 И доверяет их тому, кто с ней не груб,
 И потому он ненавидит те мгновения,
 Когда находит вместо мины чей-то труп.

Погибший воин стал почти уже легендой.
 Чужой ли? Свой? И сколько здесь ещё таких.
 Сапёр втыкает в землю палку с белой лентой,
 Обозначая эту точку для других.

Квадрат проверенный, задача, им решённая,
 Очередной рабочий, будничные моменты.
 Идёт сапёр, за ним бригада похоронная
 И нескончаемое море белых лент...

ОН БЫЛ В МАРИУПОЛЕ

Отражаются тучи на куполе,
 Этот храм ему с детства знаком.
 Он вернулся, он был в Мариуполе
 Со своим легендарным полком.

Он тихонько войдёт, остановится
 У иконы сошествия в ад,
 Он закроет глаза и помолится
 За живых и за мёртвых ребят.

А потом он решится на исповедь,
И священник услышит рассказ,
Как ему суждено было выстоять
Там, где гибли другие на раз.

Как на взорванных лентах конвейерных
Остывала их кровь горяча,
Как «растяжками» были усеяны
«Азовсталь» и завод Ильича.

Как делился водою последнюю
Со спасённым простым «мирняком»...
И священник за этой обеднею
Еле сдержит из слёз в горле ком.

И отпустит ему прегрешения,
Что случались на трудном пути.
Лишь Творец знает боль и лишения,
Что солдатам пришлось понести.

В девятнадцать им всем не до лирики,
Только этот с душою нагой,
Кое-как приспособив костылики,
Выйдет в мир уцелевшей ногой.

ПОД БОГОМ

Солдаты правду говорят,
Она нелепа:
Нельзя услышать «свой» снаряд,
Летящий с неба.

Никто не знает день и час,
Когда накроет.
Седой могильщик и сейчас
Могилу роет.

Закончив, бросит он в сарай
Лопату, вилы.
Могильщик часто видел рай
На дне могилы.

Он называет нас жнивьем
И вторит строго:
«Не под снарядами живём.
Живём... под Богом».

«ТЕРРОРИСТ»

А вот ещё один «зачищенный» ребёнок,
Ему четыре. Он, бесспорно, террорист,
Ведь он по-русски разговаривал с пелёнок,
«Агу» и «мама», был не в меру голосист.

Играл в саду. Имел «взрывчатку» и «гранаты»,
Ну и, конечно, автомат наперевес...
Когда такое обнаружили солдаты,
Решили тут же обстрелять село и лес.

И под огнём неумолимых миномётов
Бледнела маленькая детская рука,
И не спасла его игрушечная рота,
И стали пылью все снаряды из песка.

Не добежала перепуганная мама
И не смогла собой сыночка заслонить...
Солдаты били по окрестностям упрямо,
И рвались мины... или просто... жизнью нить.

Теперь ещё один невинный ангелочек
Оставил взрослым их грехи и их дела.
На Небе будут и игрушки, и песочек,
И будет мама, что молилась и ждала.

ВЕРНУТЬ БЫ ВСЕХ...

Вернуть бы тех, кого забрали Небеса,
Пусть на минуту или только на мгновение,
Чтоб зазвучали их живые голоса,
Чтоб засияли их любимые глаза
И вдруг почувствовалось рук прикосновение...
Вернуть бы их. Пусть ненадолго обрести
Покой для сердца, что безмерной болью точится,
Чтоб прошептать своё последнее «прости»,
И так негаданно услышать «не грусти»,
И наконец принять как данность одиночество.
Вернуть бы всех, святой молитвой окрестить
И отпустить.

* * *

Говорила мне раз критикесса,
управительница литпроцесса,
что пишу я не то и не так,
что на мне ей-де видится ряса,
что в стихах не хватает ей «мяса»,
а без «мяса» искусство – пустьак.

И не мог я понять критикессу,
словно вышел медведем из лесу.
Долго думал, однажды решил
ей с досады ответить: «Больна ты!»
Но она уже сдрисгнула в Штаты,
проклиная «кровавый режим».

А недавно узнал я о даме,
что смакует она в Телеграме
гибель тысяч и тысяч солдат.

И дошло до меня, лоботряса:
вот какого хотелось ей мяса,
критикессе, лет двадцать назад.

* * *

Как всем мальчишкам, нравилось и мне
читать в книжонках фронтовые были.
Но ни отец, ни дед мой о войне
со мною никогда не говорили.

Они прошли через огонь и дым,
в отличие от одногодок штатских,
и нечего стыдиться было им
заслуженных наград своих солдатских.

Но почему-то про былые дни
у нас никак не ладились беседы.

Но почему-то хмурились они
и замыкались даже в День Победы.

Теперь я не люблю военных книг
и фильмов, где солдат играют роли.
Война – кровавый ад, а не пикник,
молчат о ней и жертвы и герои.

* * *

Воздушная взвыла тревога.
Тень пала на город внизу.
Но хоть бы глядел ты в три ока,
увидел бы только грозу.

Лишь порох свинцового неба,
набрякшего гроздьями туч –
как будто зарядами гнева,
сорваться готовыми с круч.

Гроза надвигается, валит,
кипит над твоей головой.
И душу твою разрывает
неистовый внутренний вой.

* * *

На гражданской войне не нужны толмачи,
чтобы пленных допрашивать рьяно.
Там всё просто: не будешь болтать – так
молчи
в переливах степного бурьяна.

И поэты гражданской войне ни к чему,
ведь поэт на войне – знаменосец.
Русской кровью выкрашивать знамя ему –
это даже не грех, это нонсенс.

Будет день – как свидетель, пришедший
на суд,
скажет он своё веское слово.
А пока только танки ползут и ползут
в переливах бурьяна степного...

* * *

Здесь, на земле, сегодня бой –
солдаты, жертвуй собой,

грядут, как эллины на Троию.
Бьёт артиллерия: ба-бах! –
и в облака взмывает прах
и смешивается с грозью.

Но выше чёрных облаков,
куда не долетает рёв
тяжеловесной канонады,
земной не проникает прах –
трепещут в солнечных лучах
одни прозрачные монады.

А выше, там, где в пустоте
звезда к звезде – везде! везде! –
сияет вечная лампада,
прощённый трудится Адам,
растёт единый Божий храм.
И нам об этом помнить надо.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

На валежнике влажно блестит паутина,
что в сухую погоду почти не видна.
Лишь недавно, казалось, гроза поутихла,
а теперь вот совсем прекратилась она.

Небеса озаряются светом зарницы –
атмосферный на запад подвинулся фронт.
И в лесу оголтелые носятся птицы,
словно срочный природы объявлен ремонт.

Под зелёным шатром нарастает шумиха:
затевают сороки свой бабий бедлам;
точно дом возводящие плотники, лихо
дятлы целой артелью стучат по стволам.

И заслушавшись рядом с ожившею чащей
как выводит рулады лесной виртуоз,
на мгновение видишь ты мир настоящий –
безучастный к былому, не помнящий гроз.

* * *

Если все мне надоели,
я люблю среди недели
целый день бродить в лесу.
И наевшись ягод спелых,
полную корзину белых
набираю и несую.

В чашу хвойную не лезу,
а прислушиваюсь к лесу,
к протекающей реке.
Здесь, далече от столицы,
разговаривают птицы
на понятном языке.

Так различны речи птичьи!
Грач зачитывает притчи,
громко жалуется дрозд.

Но язык совсем несложен,
хоть и с прозою не схож он,
а невероятно прост.

И на нём слагает оды
тот бессмертный дух природы,
собеседник чудный мой,
что является предтечей
всех лирических наречий,
всей поэзии земной.

ПОД СИНЬЮ КУПОЛОВ

Чудотворный лик святой иконы,
Серебро седых колоколов...
Исцеляет нас хрустальным звоном
Старый храм под синью куполов.
Здесь крутые каменные своды...
Песня неба, эхом отзовись!
Старый храм из пепла на свободу
Птицей Фениксом взлетает ввысь!

Запах ладана врачует души,
Плачет воском жёлтая свеча...
Научи нас, Господи, не рушить, –
Создавать, любить, молить, прощать!
Мироточит чудная икона...
Постучи, Спаситель, в нашу дверь,
Научи нас по твоим законам
На земле жить с верою теперь!

Смотрит со стены на нас Спаситель,
Словно в душу устремлённый взгляд!
Ажедрузей, обидчиков – простите,
Прогоните ненависти яд!
Пусть омоет вас водой святою
Под горой целительный родник,
И наполнит мысли чистотою
Той иконы просветлённый лик.

СПЛЕТНЯ

Подкинутую сплетню,
(Быть может, не со зла),
Подкинутую сплетню
Взяла и подняла!

Взглянула – ужаснулась:
Враги или «друзья»?
К сюжету вновь вернулась:
Неужто, «это» – я?

Ушам своим не верю,
Нет слов! И я молчу...
А сплетня-то за дверью,
Куда войти хочу!

Быть может, это шутка?
Невольно замерла...
От этой шутки – жутко!
Быть может, не со зла...

А сплетня изощрялась.
Но вдруг открылась дверь...
Мне мило улыбалась
И сплетница теперь,

И в тишину немую
Шагнула, как во сне.
Но, встретили «такую»,
Сказав, что рады мне...

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Заморозило снежным облаком,
Затянуло прозрачным льдом.
И луна спелым жёлтым яблоком
Зарумянилась над прудом.

Сыплет с веток искристым инеем,
И скрипит под ногами снег.
Зимний вечер губами синими
Шепчет мне, что ты лучше всех.

И глядит изумлённо-ласково,
Как из прошлых далёких лет,
Снеговик угольками-глазками,
Будто добрый прохожий вслед.

*Валерий
ЛАТЫНИН,
Москва*

БЕСПОКОЙНЫЕ МЫСЛИ

И хотелось бы думать о чём-то ином,
Созерцая красоты природы,
Но осколки войны долетают в мой дом,
Бьют по нервам в течение года.

И душе не до шёпота нежных берёз,
Не до розовых красок заката,
Будоражит её эхо пушечных гроз,
Что звучат непрерывным набатом.

Тянет дымом и гарью с донбасских полей –
Непокорного русского края,
Где дружины отважных российских парней
Европейскую спесь укрощают.

К ним спешат беспокойные мысли мои,
А слова ополчаются в строки,
Чтоб с бойцами вести за Россию бои,
Приближая победные сроки.

И пока не расцвёл над Москвою салют,
Знаменуя итоги сражений,
Добровольцами думы идут и идут
В поэтическое ополченье.

СУМАСШЕСТВИЕ

Не могу отрешиться от мысли,
Что Европа лишилась ума,
И удавку, в которой повиснет,
Для фашистов готовит сама!

Неужели же там не осталось
Никого, кто осудит фашизм,
И Европа опять оказалась
Неспособной бороться за жизнь?

БЕДА БЕЗ БЕРЕГОВ

Стала болью любовь к Украине,
Где безжалостно властвует смерть,
Люди гибнут, ютятся в руинах...
Не могу в пекло ада смотреть!

Ноет сердце, тревогой объято,
С каждым днём сводки с фронта страшней:
Батальоны потерь безвозвратных...
Стынет кровь от таких новостей.

Разверзается чёрная бездна,
Поглощая славянский народ,

В ней Гилея⁹ когда-то исчезла,
Украина туда же идёт.

Под конвоем советников НАТО,
Под давлением извечных врагов
Гонят хлопцев на бойню, как стадо.
У беды не видать берегов.

Что ж вы, братья мои, натворили?
На посул упырей повелись,
Корни общей судьбы подрубили...
А цена за предательство – жизнь!

БЕЗРОДНЫЕ

Безродным родолюбам не понять,
Как не увидеть божий свет незрячим.
Есть у безродных и отец, и мать,
Но Родина для них – лишь «сытость» значит.

В их душах песни дедов не звучат.
Не орошают память их истоки.
Они не могут посмотреть назад
И осознать истории уроки.

Им не дано дух предков ощутить,
Гармонию с природой и народом.
Они себя же обрекают жить
В довольстве, но с духовным недородом.

Нет для таких ни меры, ни стыда,
Ни искренней любви, ни состраданья.
Чудовищные замыслы всегда
В безродном появляются сознание.

ПОЗНАНИЕ (С улыбкой)

Я рождён в казачьем лазарете¹⁰
На скрещенье судеб и дорог.
Прокричал пискляво на рассвете
Первый возмущённый монолог.

Шёл с рукой, на голове лежащей, –
Думал о тревогах бытия...

⁹ Гилеей Геродот называл страну скифов, живших вокруг Борисфена (Днепра).

¹⁰ Роддом в станице Константиновской размещался в бывшем казачьем лазарете.

Видимо, казалась подходящей
Мне обитель прежняя моя?

Был извергнут из неё с мученьем
На холодный и слепящий свет,
Чтоб познать своё предназначенье
На земном отрезке бранных лет.

Каждый день мои дороги множит.
Много судеб сквозь меня прошло.
Но не встретил ничего дороже,
Чем внутриутробное тепло.

СКИФСКАЯ РЕКА

Дон – по-скифски – вода.
Я возвращён этой скифской рекой.
Возвращаюсь сюда
Каждый год на свой берег родной.

Уж не тот сельский быт.
Всё и всех изменяют года.
Я почти здесь забыт.
Только тянет и тянет сюда,

Чтоб увидеть свой дом,
Чтоб родных и друзей навестить,
Чтоб о чём-то своём
У могилы отца погрузиться...

Вольный ветер в степи
Гладит волосы отчей рукой.
Здесь мой род древний спит,
Став землёю и славой донской!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ БОЛГАРИИ

Ещё лечу, согретый солнцем юга,
В идущие над Родиной снега,
Но в сердце грустно завывает вьюга
И чувственная буйствует пурга.

Как радостно на юге, безмятежно.
Метёт хвостом осенний листопад.
И можно быть несуетным и нежным,
На песенный настраиваясь лад.

А над Россией – хмурое ненастье,
Зима вступает в долгие права.
Так хочется, чтоб жгучий лучик счастья
Сквозь снежные пробился покровы,

Погрел ещё, отпугивая стужу,
Пообещал грядущее тепло,

Чтоб солнцем зацелованную душу
Снегами до весны не замело.

Светлана
ЛЕОНТЬЕВА,
Нижний
Новгород

* * *

Нам, пережившим лихость девяностых,
теперь уже не страшно ничего!
Всех пирамид финансовых коросты,
всех бед, всех Лонго, магов, Кашпировских
несметное число,
в тех пирамидах не сыскать хранилищ,
нет мумий там Египетских святилищ.
А золото-то где? Тогда купились
мы все! Народ – полуголодный, бедный, злой,
вдруг нате дерзкий вам журнал «Плейбой»,
а мы одеты все в едином стиле:
фуфайка, стёжка, варежки, платок,
а нам – стрип-бары, девок и джаз-рок,
игру в рулетку и удар в висок,
и статуи братков, что на погостах.
Нам, пережившим лихость девяностых,
ужели это не урок? Не впрок?
Чем жил народ тогда в плену бескормиц?
Упорный мой народ, он жил, не горбясь,
кто в лес, кто по дрова, кто по грибы,
кто челноком до Турции в Россию.
А я никак всё не могу забыть
глаза старух там, в церкви. Их простые,
их тоненькие в плаче голоса,
ползком – да ко кресту, плашмя – к иконам,
всем телом припадая, всем поклоном,
я плакала, взирая! «Так нельзя
мне биться в сердце!» – Бог кричал, наверно!
И Богу больно было, тяжело, скверно.
Там, в девяностые, смололись небеса
в кровавый фарш! Смешались звезды, луны,
смысл смыслов, все созвездья, руны, гунны,
все фараоны, бой часов и Кремль,
флажок, горнист, Мавроди, «МММ».

Но всё равно мы на земле сажали
морковь, картошку, самогон варили
и дачи строили на досках, на скрижалях,
по сухостю, по грязи, по пыли
мы задыхались! Гневались! Но жили!
И не такое мы переживём,
налог, подлог, всех Каинов на троне,
реформу пенсионную в законе.
Люблю тебя, боготворю, народ,
всегда. Везде. Повсюду. И во всём!
Кто не сбежал во Францию, в Майями.
Не предал клятв своих. Своих щедрот
при невысоком уровне, при МРОТ,
и Крым не сдал чужой Тмутаракани!
Сажай морковь-картоху каждый год!
Цеди свой самогон. Вари варенье.
Назло Европам. Бог ни над, ни под,
Он – в нас! Мы, как атланты держим свод!
И космос бережём мы от паденья!

* * *

Мы нашли его в старом дремучем сарае,
объявление было в сортирном авито.
Ему месяц всего. Он щенок непомытый,
и он тихо скулил, обмирая.

Накормила.
Отмыла.
(Характер дурацкий –
у меня. Мне всех жалко. До старости, видно,
проживу я такой, не таящей обиды...)
Словом, снова щенок у меня, буду цацкать.

Я три ночи совсем не спала. Щен – в коростах:
голова, лапы, горло, коросты кровятся.
(Говорила же я, что характер – дурацкий!)
В ветбольницу пошли котопёсно!

Порошки.
Мазь. Таблетки.
Щенок мой кусался,
то ухватит за палец – зубастый, клыкастый!
Но он умный. Сидеть научился он быстро
на дрожащих, смешных своих лапках
костистых.

И он тычется мордой. Беззвучно ложится.
И погладить даёт! Я смеюсь. А он лижет
мою шею да руку, да крестик, монисто.
Я – со вкусом лодыжек!

С детства, помню, то птиц я бескрылых
спасала,
то котят. Жил один у нас двадцать два года.
То старуху приبلудную с Кстова.
Всё мало.
Музыканта психушного, белку-урода.

У людей по-другому. Живут тихо, мирно,
в доме чисто, нарядно, алмазно, сапфирно.
Мне же всё что-то надо, то в ссору,
то в свору.
И куда мне идти? В церковь, в омут, с откоса?
Где своих мне искать? Своего? Где взять
сору
для стихов, чтоб росли ярко, броско?

Если камень, где выкопать Пигмалиона?
Если Троя, где Шлимана взять мне в Микенах?
Моя участь:
сарай окраины сонной,
у алкашной слободки, где сгнившие стены.

А посмотришь: нормальная женщина вроде!
Сорок платьев. И шуба. А всё – у сараев...
У каких-то курятников вьётся. Находит
то, что брошено, да на задворках, что с края.

А вчера в церкви я так молилась, молилась...
И Василий-отец, что читал надо мною
непрестанно молитвы, как будто Шекспира,
о любви неизменной, что звать неземною.

***

В споре двух женщин
Проигрывает мужчина

В споре двух мужчин
Проигрывает истина

В споре двух истин
Проигрывает Платон

В споре двух Платонов
Выигрывают оба

В споре двух Невтонов
Выигрывает тевтон

В споре двух тевтонов
Выигрывает магистр ордена

В споре двух магистров
Проигрывает министр

В споре двух министров
Выигрывает премьер-министр

В споре двух
Побеждает третий

В споре трёх
Побеждает грех

В споре грехов
Проигрывает бог

В споре богов
Проигрывают люди

В споре людей
Проигрывают люди

В споре нелюдей
Начинают люди

Начинают и выигрывают белые
Чёрные кончают
У семи ферзей
Пешка командир

Ну, и
Так далее

* * *

Баклуши бей и бей тревогу,
Пока не дрогнула рука.
Не заставляй молиться богу
Ни ангела, ни дурака.

Ведь мы столетия лакали
Такое зло, что боже мой.
У нас добро не с кулаками,
А сразу с ядерной зимой.

Какие на хрен устремленья?
А если вздумаешь посметь,
За подвиги и преступленья
У нас одна награда: смерть.

На философском самолёте
Не убежишь, танцуют все.
Собьют на первом повороте
Ещё на взлётной полосе.

* * *

Все говорят: соседи сверху
Катают по полу шары...

Я в магазин пошёл спортивный,
Купил четырнадцать шаров.
Слегка напился алкоголя
И – ну катать свои шары.
Соседи снизу заявили.
Смущённо, робко говорят:
«Вы извините, мы не верим,
Что вы какие-то шары...»
А я стою!
Шары повсюду!
И все катаются вокруг!

Тут и соседи, обезумев,
Пошли катать мои шары.
К ним прибежала, облизнувшись,
Конечно, кошка Исаак.
Соседи пьяные лежали,
Упал в канаву хрупкий шар,
Играть в очко и поддавки.

Все говорят: соседи сверху
Катают по полу шары...
А я и вправду их катаю,
Почти как Эрих Голлербах.

* * *

В литературной резиденции
Сижусь и радуюсь деменции.

* * *

Только бог за всё в ответе,
Дьявол, к дьяволу иди.
Только небо, только ветер,
Только море впереди.

Всё на свете офигенно,
Всё на свете хоть куда.
И районная геенна
Вам поможет навсегда.

* * *

Грустит кастрюля на плите,
В пакет уложены пакеты.
Живу в крошечной пустоте,
Вокруг лишь добрые советы.

Вокруг не те, не те, не те,
Зато среди них не затеряюсь.
Живу в крошечной пустоте,
И всем фальшиво улыбаюсь.

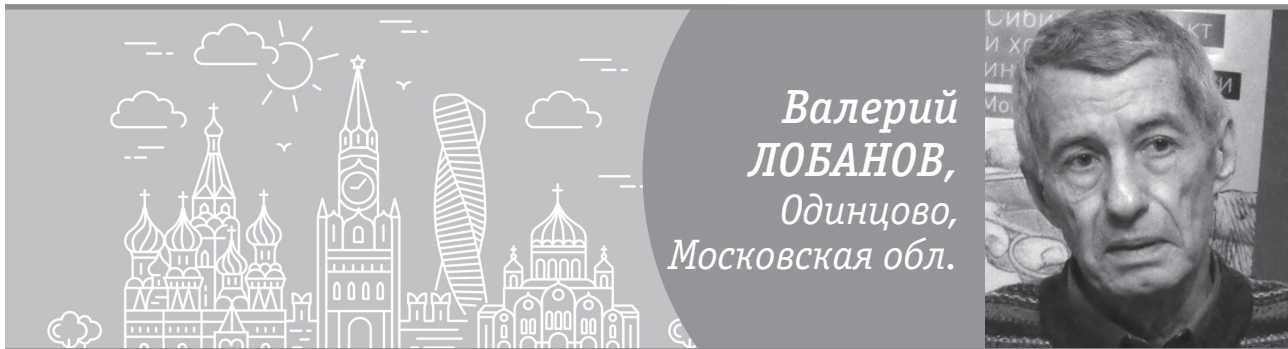
И всем фальшиво говорю,
Что жизнь, как родина, прекрасна.
Живу, а кажется: горю.
И всё горит, и всё напрасно.

* * *

Вы так легко шельмуете друзей,
С врагами вам всё, видите ли, ясно.
Вокруг один и тот же Колизей,
И как-то всё совсем небезопасно.

Зачем искать начало всех начал,
Куда бежать от горя по аллее?
Никто не ищет там, где потерял,
Удобнее искать – где посветлее.

Куда вы вдруг, нельзя же так, нельзя,
Какая голова, какие блюда?
Уходят оскорблённые друзья,
Зато враги отважно остаются.

* * *

Магазинный пряник «Тульский»,
птиц шумливый коллектив
и звенящий день июльский –
всё заносится в актив.

Чей-то пёс, глядящий строго,
чья-то пьяная струна,
эта пыльная дорога,
эта странная страна,

облаков кудрявых стая,
старой жизни новизна,
эта в небе разлитая
летняя голубизна,

и стрекозье коромысло,
и шатёр зелёных ив...
И важнее слов и смысла –
интонация, мотив.

* * *

Всё труднее становится Землю вращать,
всё молчишь, словно глухонемой,
а ноябрь молодой начинает стращать
неминуемой близкой зимой.

Ах, Иваново, Шуя, Воронеж, Херсон!
Так безумно кричит детвора,
и накрыты столы на двенадцать персон...
Только всё это было вчера.

А сегодня кругом неродные слова
да полей опустелых жнивья.
Золотая листва ни жива ни мертва,
и всё меньше на ветках её.

* * *

Вот и рощи и луга
отшумели, опустели.
Вот и вьюга и пурга
застелили все постели.

Волю взял мороз-дикарь,
точно ртуть незамерзаем.
Вот и батюшка Декабрь
входит в избу, как хозяин.

ПИСЬМО

на скале на самшите
в эпицентре трюмо
вы письмо напишите
напишите письмо

осторожно дышите
чудо произойдёт
вы письмо напишите
авось и дойдёт

на железном морозе
в Гефсиманском саду
напишите берёзе
напишите дрозду

напишите с пробелом
с кондачка поутру
этой девушке в белом
вслед за точкою – ги

ПРО ЛЮБОВЬ

Работали, учились,
меняли русла рек...
Как люди изменились
за XXI век!

Смотри, не удивляйся
под русскою пургой,
на девушку с девайсом,
на юношу с серьгой.

Отметины на теле
судьбою нарекли.
...Недели шелестели,
столетия текли.

На небе месяц тмился,
бесчинствовал прогресс,
а я к тебе стремился,
как аэроэкспресс.

ИНКА

Какой прикол, какой девайс,
какая кола?
Вождей портреты, третий класс,
вторая школа.

Вела учителька урок –
рассказ, картинки.
Но мне не шла учёба впрок
от этой Инки.

На первой парте у окна
она сидела,
божественно освещена,
и розой рдела.

В саду кричало вороньё,
мой галстук мялся,
и все смотрели на неё,
а я – влюблялся.

* * *

Замутили всю воду,
все дороги – к рублю,
и стихи про свободу
я читать не люблю.

Мне свободы хватает,
чтобы жить не по лжи,
той, что в небе витает,
той, что тает во ржи.

ЛЕТНЕЕ

Не в саду, не в огороде,
не вечернею Москвой, –
мы гуляли на природе,
на природе на живой.

Лето красное летело,
волки выли за бугром,
то нам солнышко блестело,
то приветствовал нас гром.

Все последние недели
нам сдавались без борьбы
эти сосны, эти ели,
эти ягоды-грибы.

Ты малину собирала,
ты веночек мне плела...

Наша музыка играла,
наша молодость цвела.

Летний день, собачка Бима.
Дни и ночи хороши,
ибо ты была любима
всеми фибрами души.

* * *

Жжёт мне душу старинная песня –
Бьётся в горле, да звуки не те.
И слова позабылись, хоть тресни.
Сколько лет в тесноте, в темноте
Задышалась мелодия дедов,
Превратилась в болезненный ком.
Что-то вроде бессвязного бреда
Зреет в мыслях и сердце моём.
Путь к Спасителю труден и долог.
В бедном сердце затеплю свечу.
«Боже праведный, это лишь морок!» –
Всей смятенной душой прошепчу.
Это что с моей Родиной стало?
Едкий дым застилает глаза...
И стою я, седой и усталый,
Пред стеной абсолютного зла.
Небо грозно кипит облаками,
Молний жар опалает виски.
И горят у меня под ногами
Одуванчики и васильки.
Разбухает нечистая сила.
Вижу, как сквозь клубящийся мрак
То копыто пробьётся, то рыло.
Как смердит он, бесовский пятак!
Предлагает заняться с ним торгом.
Но в груди моей лопнул пузырь –
Песнь старинная хлынула горлом,
И откликнулась русская ширь.
Шевелятся надгробные плиты,

И восходят из толщи земли
Те, которые в нас не убиты –
Дорогие собратья мои.
Чаша доблести ходит по кругу,
Васильки формируют полки.
И поёт одуванчиков вьюга:
«Возвращайтесь скорей, пареньки!»

* * *

Когда окончится война,
Фронты отхаркаются кровью
И ступит мир на путь зерна,
Посеянного в изгололье

Детей, отцов и матерей,
Чей прах покрыт землёй сырою, –
Не рано ль запоёт свирель
О воскрешении героев?

Какими зёрна прорастут
На почве, порохом пропахшей?
Продолжится ли крестный путь
Живых и мёртвых,
в битвах павших?

Иль мерзостный трёхглавый червь
Их нежные ростки подточит
И вновь воспрянет лютый зверь
В глубинах европейской ночи?

Не жди. Сегодня и сейчас
Смотри, как псы её лютуют,
И в дьявольский горящий глаз
Пошли серебряную пулю.

Взор подними, святая рать,
И слушай – ангелы запели.
Под звёздным небом Божья Мать
Дитя качает в колыбели.

Когда окончится война...

ЛЕДЯНОЙ СОЛОВЕЙ

Я устал объясняться
И копыа ломать.
– Ухожу, – я сказал.
Промолчала.
Улыбнулся неловко:
– Ну что ж, исполать.
Потому что ты тоже устала.
В стол дубовый вонзил я
Отточенный нож,
Ухватился за ручку дверную.
– Милый мой, эту землю
Вспять не повернёшь.
И ушёл я во мглу ледяную.
На коротких привалах
Всплывало лицо,
Проявлялось туманно и зыбко.
Прикасался к нему
И пытался резцом
Воскресить его свет и улыбку.
Север взгляды бросал
Из-под хмурых бровей.
Утопающий в снежном буране,
Одиноко глядел
Ледяной соловей
С замороженной песней в гортани.
Я пытался поднять
Чёрный лёд на дыбы,
Вскрыть любви и желаний озёра.
Духи полночи
Морщили тяжкие лбы,
И тщету свою понял я скоро.
Не добраться мне в край,
Где подснежник цветёт.
Соловья отогреть я не в силах.
Неужели по горло
Закована в лёд,
До последней кровинки, Россия?..

И тогда я рванул
Напролом, в глубь тайги,
Под студёные вздохи природы,
К одинокой избушке
У мёрзлой реки,
Что ждала меня долгие годы...
И теперь я на Севере словно в гостях,
В прах рассыпались дней моих гири.
По ночам домовой
Бродит на костылях
И садится играть на клавире.
Он играет мне вальс –
Гениально, взахлёб.
В сердце боль затихает тупая.
И бессонных ночей
Окаянный потоп
Отпускает меня, отступает...
В мире Божьем
Всему есть означенный срок.
Искупавшись в полярном сиянии,
Прилетела звезда
И легла на порог –
Молодая звезда без названья.
Сгинул ливневый мрак
И мороз-лиходей,
И надгробье ночей раскололось...
Пробудился, вздохнул
Ледяной соловей
И опробовал робко свой голос.
И услышал я лёгкий
Серебряный свист –
Ожила соловьиная песня.
Я взлетел,
Как заблудший отчаянный лист,
И повёл меня солнечный вестник.
В небесах исчезали
Туманы кручин,
И тайга «До свиданья...» шептала.
Распевались клесты, окликали ручьи:
– Эй! Усталую душу свою подлечи
Молодильной водой нашей талой.
А над кромкой земли
Снова солнце встаёт,
И уже показались церковка, завод,
Заморочные белые воды...
Сердце бьётся!
И в сердце воскресшем растёт
Планетарное чувство свободы.

БЛОКАДНЫЕ ФРЕСКИ

К 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады

МЕТРОНОМ

В блокадном Ленинграде радио работало без перерыва. Когда заканчивались передачи, в эфир транслировался мерный стук работающего метронома. Для жителей этот стук означал, что окружающий мир всё ещё существует, и они не находятся в полном ледяном заточении.

Темно и тихо в мире
За ледяным окном.
И лишь стучит в квартире
Блокадный метроном.

Настойчиво и гордо
Чеканит он слова,
Что жив любимый город
И Родина жива,

Не даст остановиться
Мгновениям живым,
И будет сердце биться
Всегда созвучно с ним.

И ты запомни твёрдо:
Так в вечности звучит
Непокорённый город,
Незыблемый гранит.

ЦИРК НА ФОНТАНКЕ

С началом блокады здание Ленинградского цирка на Фонтанке подвергалось жестоким бомбардировкам немецких самолётов. Однажды осколки бомбы разрушили несколько клеток с обезьянами, и те в страхе разбежались по городу.

Из цирка на Фонтанке
Блокадную порой
Сбежала обезьянка
Под гром пороховой.

От цирковой площадки
Налево через мост
Скакала без оглядки,
Задрав облезлый хвост.

Прохожие пугались
И ускоряли шаг:
«Никак враги прорвались?
Какой хвостатый враг!»

И лишь один мальчишка
Беглянку пожалел:
«Да это же мартышка!»
И на руках пригрел.

Он из кармана крошки
Достал, какие есть:
«На, подкрепись немножко –
Чай, тоже хочешь есть!»

РУССКАЯ МОЗАИКА

Накануне блокады старый мастер Владимир Александрович Фролов получил заказ – изготовить для московского метро серию мозаичных панно. В холодной мастерской при свете керосиновой лампы мастер выполнил заказ, отправил панно в Москву по Дороге жизни и тихо скончался от голода.

Не прост заказ столичный,
Но мастер всё равно
Из смальты мозаичной
Выкладывал панно.

Мороз его седины
Посеребрил, как дым.
Но дивные картины
Вставали перед ним.

Там хлеб крестьяне жали,
Сооружали кров.
Там рыбаки сгружали
Серебряный улов.

Из горнего там края,
Сияя в облаках,
Сходила мать святая
С младенцем на руках.

И чудилось, что с неба
Несут волхвы опять
Сто двадцать граммов хлеба,
Точней – сто двадцать пять.

Старик заказ Отчизны
Исполнил наяву,
И по Дороге жизни
Отправил груз в Москву.

А сам в рубахе бедной
Пошёл путём своим –
Дорожкой заповедной
В святой Иерусалим.

КАЗАНСКАЯ ИКОНА

По преданию, зимой 1942 года Антиохийскому митрополиту явилась Богородица, которая предрекла, что осаждённый Ленинград будет спасён, если его обнесут по кругу чудотворной Казанской иконой Божией Матери. Вскоре с Комендантского аэродрома взлетел самолет со святыней на борту...

Пророк сказал, вещая,
Что город устоит,
Когда его святая
Икона защитит.

Винтом взметая вьюгу,
Поднялся самолёт,
Чтоб совершить по кругу
Над городом полёт.

С иконою Казанской,
Сиявшей ярче дня,
Он полетел с опаской
Вдоль линии огня.

Но сквозь огонь ударный,
Сквозь вспышки, грохот, дым
Летел он, светозарный,
Как ангел, невредим.

Круг очертив священный,
Спустился наземь он,
И город осажденный
Был от врага спасён.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

22 января 1942 года старый зодчий Александр Сергеевич Никольский, укрываясь в холодном подвале от немецких бомбёжек, записал в дневнике: «Я твёрдо верю в скорое снятие осады, и уже начал рисовать проект триумфальной арки для встречи героев, освободивших наш город».

В холодном подвале при свете огарка
Старик рисовал триумфальную арку.

Дышала дыханием смерти блокада,
И глухо гремела вдали канонада.

А он, преисполнен святого служенья,
Запечатлевал не следы разрушенья –

Недомразбоблѣнный, непризраксkeletalный,
Но свод возводил нашей арки победной.

И гордую надпись творил на бумаге
О подвиге русских солдат и отваге.

И верил старик, что рисунок поможет
Победу приблизить хоть чуточку тоже.

* * *

Всю ночь природа за окном
ворочалась лесным медведем,
гудел железной крышей дом,
как будто в полудрёме бредил.

Я просыпался в темноте
и, слухом погружаясь в звуки,
лежал, как в вечной немоте,
мой сон принявшей на поруки.

О чём я думал? Обо всѣм
одновременно; странно мысли,
как будто хлюпанье веслом,
терялись где-то в тайной выси.

Казалось мне – я имярек,
в дремучий лес забредший странник,
чья речь – течение древних рек,
чья чувства – дикий конопляник.

А утром, выйдя из воды,
текущей медленно в бессмертье,
я вновь ступил на путь беды
разверзнутого лихолетья.

С тех пор тоскую я – о том,
что напорожил сон невнятный,
когда природа за окном –
как зверь, а ход времѣн – обратный.

* * *

Когда бы мне, как пчѣлке в янтаре,
застрячь навеки в этом летнем дне,
наполненном смолистым белым светом,
по древним повторяемым приметам
во всѣм похожем, как близнец, на дни
провинциальной русской старины.

Задует ветер, брызнет тёплый дождь,
к земле пригнѣтся колосками рожь,
вершинами деревья закачают,
и к трубам над деревнею причалит
нагруженный небесной влагой флот,
лишь цепь грозы сверкнѣт и громыхнѣт.

А мы свой якорь бросили давно
в лесном краю, где каждое бревно,
положенное в сруб, лучится солнцем,
и синева полощется в колодце,
как будто небо воду пѣт с земли,
и с туч, как с губ – на избы-корабли.

Мы в них плывѣм, размеренно живя,
измерив век от всходов до жнивья.
Нам всё равно, что от Земли до Марса
вот-вот пройдѣт космическая трасса.
По замыслу Творца нам суждено
нести потомкам хлебное зерно.

Идут века. Как пчѣлка в янтаре,
зерно залито солнцем в летнем дне.

БЕЛЫЙ САД

I

Идёт война, а майский сад
в июнь всплывает коравеллой,
неся на белых парусах
цветы гербом благого лета.
Распевы птиц и пенье ветра,
и всплески шелеста листвы...
всё говорит о том, что жизнь –
огромное земное море,
в котором всякому живому
найдётся место для приюта.
Зачем же люди убивают
друг друга в грохоте орудий;
зачем не едут, как в музеи
добра, в цветущие сады?!

II

Я краской обновлял сарай.
Внезапно из подшивки крыши
в атаку бросились шмели,
как боевые вертолётты.
И я, обороняясь кистью,

Как мяч ракеткой, одного
Отбросил в крашеную стену,
лохматый воин подцепил
на тельце каплю вязкой краски,
упал беспомощно на землю
и забарахтался в траве.
Мне было странно наблюдать,
как насекомое, пытаюсь
взлететь, отчаянно жужжит
и бьётся в твердь безрезультатно.

В том трагедийность, что в сердцах
жалея скорбно бедолагу,
ничем помочь ему не мог.
Закончив дело, с любопытством
Вернулся я туда, где шмель
в траве усердно чистил брюшко,
определив интуитивно
причину цепкости земли.
И мысль пронзила, – как ужасно,
когда расплавленным железом
других людей калечат люди,
когда в звериной ярости злобе
навек становятся врагами...

И забелел, как саван, сад...

*Иван
МАЛОВ,
Оренбург*

***

Сушь. Ни тучки в степной стороне.
Хоть бы ветры прохладой подули!
Без дождя в знойный день в тишине
Часто никнет округа в июле.

Дождь прольёт – снова птицы поют,
И земля окунается в негу,
И укроп – огородный салют –
Торжествующе тянется к небу...

КИНОМЕХАНИК

У него, у ветерана,
В аппаратной тишина.
Три звонка. И вот с экрана
В зал врывается война.

Кадры прожитым повеют.
Бой. Фашисты. Смел, един,
Взвод защитников редет
К ночи, и... в живых один.

– Продержись! – бойца родного
 Просит бывший фронтовик
 И в карманах ищет снова
 Валидол в смертельный миг.

Но подмоге путь неблизкий
 В тихий медленный рассвет.
 ...Как расстрелянные диски,
 Ряд прокрученных кассет.

ВЫШЕ ОМУТА ОБИД...

1

Выше омута обид
 Поднимусь и выстою.
 Птицей радость прилетит,
 Ласточкою быстрою.

Обниму, прижмусь к плечу
 Головой повинною:
 Я разлуки не хочу
 С грусть-тоской полынною.

2

Виноваты сами,
 Что в семейной стыни
 Сеял зло меж нами
 Маятник гордыни.

* * *

Ещё в полях белеет снег...

Ф. Тютчев

Ещё стерня лучится светом,
 Но знают пахари: пора!
 Переворачивают лето
 В степи плугами трактора.
 Они гудят, и вся округа
 Полна урочного труда.
 Просёлком,
 Чтоб сменить друг друга,
 Вновь едут пахари сюда –
 В простор, где впереди иное:
 Снега, и до весны бело,
 И нивы спят, храня родное
 Земли-кормилицы тепло.

ГОЛУБИНЫЕ ШАГИ

На крыльце я дождь услышал –
 Были поутру легки
 Первых капелек по крыше
 Голубиные шаги.

Окропив цветы у дома,
 Летний дождик всё сильнее
 Шёл и – хлынул после грома
 В самый раз в округе всей.

Чудной он сменил погодой
 Сушь июльскую порой.
 Был восславлен, словно одой,
 Свежей радостью людской...

Я дождя начало слышал!
 Были поутру легки
 Первых капелек по крыше
 Голубиные шаги.

* * *

Печальной осени картина,
 Душе созвучная, видна.

В подлеске пёстром паутина.
 В отаве летняя копна
 Передо мной стоит, грустна:
 В погоде пасмурной причина.

Промокший ветер в царстве этом
 Дыханьем листья шевелит.
 Молчат луга, в туман одеты,
 И сырость воздух тяжелит.

* * *

Глубокой осенью в ноябрьской округе
 Снег выпал. Дни суровой и суровой.
 И – в ночь замёрзла до весны под небом
 Речная и озёрная вода.
 С небесными земные отраженья
 По воле свыше, чудные, исчезли...

Дай Бог с весны взор волновать им снова
 В горизонтальных хрупких зеркалах.

[ИМЕНА]

Владимиру МАЯКОВСКОМУ –

130 лет

Александр БАЛТИН

ПОСЛУШАЙТЕ ПОЭТА!

Обветшал ли язык русский к началу двадцатого века? Рифма изнасилась точно: как платье, что использовали многие; рифма истрепалась, стала скучной, чуть ли вовсе не нужной. Нужно было перетряхнуть пласты языка – и изобрести новую рифму, давая образцы работы поэтам будущих поколений, и Маяковский, вламываясь в крепость литературы, принялся за работу с истовостью и всей щедростью дара, граничащего с гением.

Не слышали ранее таких созвучий – и показались они грубыми... Не слышали и не рассчитывали услышать: после нежной и грустной музыки символизма; не предполагали, что такую лестницей можно идти – с широкими ступенями лестницей нового стихосложения.

Маяковский гремел, блистал; слова сталкивались, как шары в бильярдной игре, которую он так любил, – и высекали, что искры, новые значения, а, суммируясь, давали неведомую доселе образность, дикую и яркую, в рост нарождавшемуся веку. Кабы не эксперименты Маяковского с рифмой, вся сегодняшняя поэзия писалась бы верлибром...

Если бы не глыбы трудов горлана – развитие поэзии остановилось бы. Но он вершил труды – сквозь бездны преград и препятствий, сквозь мещанскую косность мировосприятия; он шёл от бездны, ведомой только ему, и бездна эта дала блестящую метафизическую победу – несмотря ни на что... И на маяк Маяковского пошли корабли поэтов будущих поколений.

Демонический Маяковский – в плаще и шляпе итальянского карбонария... Или как? Демоническая роль Маяковского в фильме «Драма в кабаре футуристов № 13» – какой ещё может быть номер? Только такой... Из Мартина Идена вырастает «Не для денег родившийся», ибо футуризм видел планету, купающуюся в солнце счастья изменённых отношений людей: но у денег своё мнение по этому поводу. Не оттого ли не сохранилось ни одной копии фильма?

Более-менее отчётливо Маяковский-актёр и режиссёр представляется по ленте «Барышня и хулиган», хотя едва ли кто-то вспомнит рассказ, по которому он сделан; но выразительность хулигана, отмеченного живым монументализмом огромного (во всех смыслах) поэта, врежется в память так, что не вытравить. Маяковского не мог не интересовать кинематограф – во-первых, он был будущим, как футуризм, во-вторых, есть нечто общее в принципе монтажа и построение стихотворения – особенно – стихов Маяковского, чья монтажная лесенка сама часто организует зримые кадры.

...Был ещё эксцентрический бурлеск «Октябрюхов и Декабрюхов»... Но, представляется, всё было бы иначе – иной яркости, – будь кинематограф во времена Маяковского более развит. Впрочем, и той, дополнительной к поэтическому дару, яркости Маяковского в кино хватает.

Мальчик-самоубийца, так остро живописанный в поэме «Про это»: с раскатами маяковского «р», с нежностью и презрением к процыганенному романсу, со сравнением с собой, – поэтом, перелопачивающим груды слов ради решительного обновления общего поэтического словаря; сравнением, ради которого, возможно, и предпринят был образ мальчика, попавшего в страшную ситуацию бездны жизни.

Век стал ломать привычные устои, век делегировал Маяковского, чтобы появился язык, соответствующий предстоящим громам; Маяковский, наполнивший своим огромным «я» внушительные сосуды поэм...

«Облако в штанах» даёт невиданные ранее формы лиризма, чья интенсивность берёт в полон даже не читателей стихов. Хотя мотивы одиночества и бессмыслицы никуда не уходят: «Всё чаще думаю – не поставить ли лучше точку пули в своём конце. Сегодня я на всякий случай даю прощальный концерт». Концерт «Флейты-позвоночника» оказался не последним, отчего поэзия выгадала, но утверждение на счёт точки рисует жизнь как безнадёжное предприятие – но ведь нет, ощущение ложно: громоздятся лестницы поэм, и ступает по облакам великий командор поэзии. «Летающий пролетарий» социален в той же мере, в какой «Облако...» лирично; и всё торжественно-приподнято, настолько, что не большой объём поэм тянет на эпос, а иные метафоры удивляют само пространство.

...Или – от вечной ветхости былых времён громоздятся глыбы Маяковского: зиккураты вздымаются в небеса, египетские пирамиды бросают отсветы на красно-золотящиеся стихи? Но Маяковский подчёркивал свой анти-интеллектуализм, хотя связь его с гудящим державинским звуком куда сильнее, нежели со звуком Пушкина, так и не сброшенным ни с какого корабля. Стоило ли снимать профессору очки-велосипед, чтобы послушать рассказ о времени и о себе? Стоило, конечно. Ибо последний документ Маяковского «Во весь голос» – квинтэссенция его поэзии, как сама она – квинтэссенция души.

«Летающий пролетарий» декларирует интерес поэта к тому, что будет через сто лет, и даже двести...

Слишком отличается от сквозящей истории мальчишки самоубийцы из «Про это» – где индивидуальность выдвигалась на первое место, и даже отчаяние не могло заткнуть её за пояс.

Главное – размах, с которым кидалось всё в лицо миру, и – будто вызывающее презрение к нему: таковому, не желающему меняться.

«Облако в штанах» ошеломляло – казалось, оно отрицало все предшествующие поэмы, созданные в русском пантеоне, хотя и гудело державинским звуком.

Но ведь и нежность одиночества была запредельной: край дымчатого, заповедного не отрицал всё тот же речевой размах.

...Бегавшие под пулями буржуи вернулись в страну, которую бы не узнал Маяковский, хотя не один профессор, сняв очки-велосипед, готов выслушать последний поэтический документ поэта.

Маяковский и писал хроники начала века, над которыми летит пролетарий – писал неистово, как полыхали античные битвы.

Маяковский разрушил Карфаген традиционного отношения к слову, и лестницами своими поднимаясь и нисходя, отправился в сияющий путь по облакам, оставив внизу свои грозно рокочущие поэмы, не говоря о стихах...

Насколько поэзия Маяковского празднична, избыточно-пестра и причудливо-необычна, настолько проза его проста, суха, деловита.

«Я сам».

Он – подлинный, такой, как был, рос, писал, прорастал в поэзию, меняя её своим гигантским внутренним ростом.

Рассказ о себе, расчленённый на сегменты, и в каждом сказано ровно столько, сколько требовалось сказать.

Начало пути.

Вхождение в жизнь.

Восприятие революции.

...Или «Как делать стихи».

Опыт огромен, просквожён молниями, сверкает красками, и вновь – сухо и точно отливается в чеканные строки, превращается в крепко-прозаический рассказ о работе.

А работа – превращение обыденности жизни в чудо: и эта работа может выполняться просто, сухо, внятно.

Очень интересная проза.

Чудесно дополняющая громогласную поэзию.

У него свои отношения с Богом, небом, высотой; он ступает по облакам: «архангел-тяжелоступ» – по огромному, сверх-точному определению Цветаевой; он ступает по облакам словес, добывая ещё неслыханную музыку, и она разносится уже больше века...

...Были совсем ранние стихи: ещё не слишком «маяковские», в них было иное ощущение Бога: точно связанное с патриархальностью, с медоточивостью церкви даже:

Не знал я, то мать или ангел-хранитель,
Ему я, как ей, улыбался во сне.
В последней обиде, в предсмертной пустыне,
Когда и в тебе изменяет мне всё,
Не ту же ли сладость находит и ныне
Покорное, детское сердце моё?
Безумье иль мудрость, – не знаю, но чаще,
Всё чаще той сладостью сердце полно,
И так, – что чем сердцу больнее, тем слаще,
И Бога люблю и себя, как одно.

Ещё не характерно, ещё... точно зыбкость поиска собственного «я» проступает, трепещет; а так...

Ведь в гости к Маяковскому заходит, сияя, солнце, требует чая и варенья.

«Пусть богу старухи молятся!» – это уже по-маяковски: сильно, вразнос, но тут – не Бог, а церковь, все века порой тщащаяся подменить Его собою...

Антипоповского – по-большевистски абсолютно справедливого – много в речениях горлана-главаря: «От поминок и панихид у одних попов довольный вид» – не потускнело со временем утверждение, применимо, случается, и к нашим временам.

Он воспринимает церковь социальным феноменом: каковым она во многом и является, и он обрушивается на установившийся веками порядок добывания попами денег – из темы и тела Христа.

Священник должен быть нищ и свят: тогда и отношение к нему было бы другое...

Иное звучание имеет «Послушайте», где нежность внутреннего религиозного чувства: стыдно громовержцу Маяковскому демонстрировать нежность! – облачается в урбанистические метафизические одежды конкретики:

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,

врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит – чтоб обязательно была звезда!

Похоже ли это на стихи атеиста?

Собственно, и атеизм – странное состояние, изнаночная вера, необходимость подкреплять себя мыслью об отсутствии главенствующей силы, чтобы оставить себе хоть крохи самостоятельности в жизни... Парадокс заключается в том, что атеист может быть гораздо ближе к Богу, нежели какой-нибудь церковник: для этого достаточно сравнить его и громокипящего, обновившего весь состав языка Маяковского.

У поэта было огромное, всё вмещающее сердце: достаточно вспомнить фрагмент из поэмы «Про это» – о мальчишке-самоубийце:

Вата снег. Мальчишка шёл по вате...

Человек, обладающий подобным сердцем, – и соответственно: сознанием – не может не чувствовать огромности пластов, нависающих над нами, не говоря о безднах, сокрытых в нас...

Своеобразная вера Маяковского была горячеей, раскалённой даже; и её факелы часто освещали его могучие, великолепные стихи...

Он стремился сделать жизнь: новую, яркую, приравняв перо не только к штыку, но – одновременно к строительному материалу и различному инструментарию...

...В одном Маяковский ошибался: В этой жизни помереть нетрудно...

Трудно, ох, как трудно, ежели достойно, стоически, мудро, но речь не об этом: в данном контексте стихотворения «Сергею Есенину» строка совершенно оправдана, ибо здесь о новом, неизвестном ещё, но бурно развивающемся, строящемся мире...

Представляя противоположные полюса, они – Есенин и Маяковский – сложно противостояли друг другу: и в стихе, и в жизни; отдавая друг другу должное, хотя и издеваясь порой друг над другом.

Не без этого.

Однако стихотворение «Сергею Есенину» предельно серьёзно, и – столь же уважительно, и строки:

– Прекратите!
Бросьте!
Вы
в своём уме ли?
Дать,
чтоб щёки
заливал
смертельный мел?!
Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.

Дают чёткое понимание сверхзначительной роли Есенина – в стране, где поэтическое слово раскатисто слышно (в отличие от нынешней) – на какое наслаивается очевидное со-

жаление о сделанном Есениным, когда не просто жалость.

Стих был популярен.

Он разносился широко – ибо отрицал смерть; он рокотал жаждой жизни, деятельности, подвига.

Вопрос о суициде обоих поэтов едва ли когда-то разрешится...

Вполне возможно, что Маяковский, выполняя секретные политические миссии на Западе, попал под зачистку, и был убит.

Так, или иначе, о самоубийстве применительно к себе в русской поэзии писали только трое: Есенин, Маяковский, Цветаева...

Стих Маяковского рвётся болью в начале: и даже полёт Есенина, врезающегося в звёзды, отдаёт чем-то религиозным.

Далее – более трезвые строфы:

Критики бормочут:
– Этому
вина
то...
да сё...
а главное,
что
смычки мало,
в результате
много пива и вина. –
Дескать,
заменить бы вам
богему
классом,
класс влиял на вас,
и было б
не до драк.
Ну, а класс-то
жажду
заливает
квасом?
Класс – он тоже
выпить
не дурак.

Жёсткая констатация расейской беды-привычки, коснувшейся Есенина, обошедшей Маяковского.

Лестница, ведущая вглубь страницы, выводит стремительно к всплеску горя одного поэта от самоубийства другого:

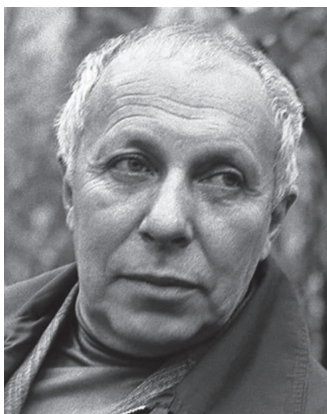
Навсегда
теперь
язык
в зубах
затворится.

Тяжело
и неуместно
разводить
мистерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забуддыга
подмастерье.

Маяковский знал, как почтить равного ему собрата-поэта.

И почтил.

И звонко данный финальный афоризм, отрицающий суицид Маяковского, врезается в плоть реальности вечной правдой: с маленькой такой ошибкой – достойно умереть очень трудно.

[ПАМЯТЬ]

Александр МЕЖИРОВУ –

100 лет

Илья ФАЛИКОВ

ВЕРНУТЬСЯ ИЗ ОТЛУЧКИ

Александр Межиров говорил младшему брату (назовём его Ф.):

– В ваших стихах есть отвага и нет оглядки. Цветаева гениальный поэт, но учиться полезней у Ахматовой.

Разговор состоялся много лет тому назад. У Ф. были трудности с выходом во Владивостоке первой книги, один хороший человек (заезжий поэт) передал его рукопись Межирову – тот откликнулся короткой насыщенной рецензией, пара абзацев из которой потом стала предисловием к вышедшей-таки книге.

Выбор мастера происходит по любви. Ф. прочёл в «Неделе» вот эти стихи:

Да будут взоры мои
чисты и невинны,
А руки
натружены, тяжелы и грубы.

Я люблю
чёрный хлеб,
деревянные ложки
и миски из глины,
И леса под Рязанью,
где косами косят грибы.

К той поре Межирова уже знали в стране. Он написал «Балладу о цирке» и «Календарь», а впереди были «Серпухов», «Прощание с Юшиным», его шедевры. Он никогда не был на авансцене. Это была слава особого свойства – едва ли не внутрицеховая. Однако Ф. своими ушами в конце 60-х слышал, как студенты под гитару пели «Артиллерия бьёт по своим» на палубе судна в районе острова Шикотан. Двадцатилетним поэтам тогда было известно, что Евтушенко взлетел с ладони Межирова, – это не совсем или совсем не отвечало действительности. Но такова была легенда. Легенда – житейский жанр Межирова.

Межиров протянул юному честолюбцу томик Иннокентия Анненского и попросил с листа прочесть «Куклу» – ему было важно проверить слух и голос гостя. Позже – через годы – Межиров написал: «Я тебе подарил только звук, Только сущность поэзии тёмной». Это не относилось напрямую к Ф., но у Межирова в учениках и обкрадывателях были и А., и Я., и несть им числа, и лишь потому здесь упоминается Ф.

Мастера – особая
Поросль. Мастера!
Мастером попробую
Сделаться. Пора!

Говорят, в своё время Шеварднадзе предложил Межирову перевести Руставели – и Межиров не взялся за эту работу. У него был свой порог. Роковое чувство меры. Трагедия вкуса, обуздавшего безумную прихоть певца. Его выбор.

Межиров хищно переимчив. Мандельштамовский «шашлычный дым» Тифлиса проплыл над тбилисской вещью Межирова («Над Курюю город старый...»). Это был свой род инакомыслия.

– Задним числом я понял, что, когда я писал «Коммунисты, вперёд!», во мне звучал Мандельштам: «Мне на шею кидается век-волкодав...»

Однако ту интонационную фразу, что лежит в основе двусмысленно-знаменитого стихотворения, можно отыскать – и сходства тут больше – в «Триполье» Бориса Корнилова.

...Существует дистанция между полем действительности и полем поэзии. На войне был московский мальчик, вчерашний школьник – в поэзию же вошла коллизия «интеллигенция и война», а точнее – «поэт и война». И вина. Много вины. Сквозная вина. И правда, в Синявинских болотах Межирова мёрз и погибал совсем не Вася Тёркин, а «Фантазёр и мечтатель. Его называли лгунишкой» («Стихи о мальчике»). Тёркин не тонул в воде и не горел в огне – межировский автоперсонаж признаётся:

Ты пришла на меня смотреть,
А такого нету в помине.

Он переводит войну в плоскость бытийственной игры: цирка, балета, бильярда, ипподрома, ринга, в область Человеческой Комедии, где «всё приходит слишком поздно». Старые свои стихи, перемешав с новыми, он собирает в поэму «Alter ego». Зачем? О чём это?

- О разложении личности.
- А почему в «Огоньке»?
- Я там начал печататься. Круг описан.

Так объяснил публикацию в софроновском «Огоньке», а год на дворе стоял, кажется, 73-й. Но верить его комментариям к себе – не стоит. Он говорит: «Малевание с натуры чуждо поэзии» – и пишет массу образцов своей видовой живописи. Злоба дня повсеместно сквозит в его стихах – он утверждает:

- Только чудовищная гениальность Некрасова могла переварить злободневность.

Про него говорили: мистификатор. Всякое говорили. Межировская правда – его преданность поэзии и его стихи.

Был русским плоть от плоти
По мыслям, по словам.
Когда стихи прочтёте,
Понятней станет вам.

Он закончил свои дни в США. Трагедия вкуса.
Он сказал:

Одиночество гонит меня
От порога к порогу...

Старые свои стихи, перемешав с новыми, он собирает в поэму «Alter ego». Многим показалось: это – антиевтушенковский памфлет. И правда, кое-что как бы списано с натуры:

На одной руке уже имея
Два разэкзотических кольца,
Ты
уже
идёшь,
уже наглея,
Но пока
ещё не до конца.

В 2006 году вышла межировская книга «Артиллерия бьёт по своим». Выхлопотал издание, составил и написал предисловие – Евтушенко, и «Alter ego» там стоит на своём месте.

Игра, авантюра, запах опасности, риск из любви к риску. Евтушенко было семнадцать лет, когда, выйдя из окна на девятом этаже, он пошёл по тоненькому ржавому карнизу со стопкой водки, разыгрывая Долохова из «Войны и мира», чтобы доказать собственное бесстрашие. Это описано в поздних стихах («Прогулка по карнизу», 2004).

Я неизвестен был, неиконен,
и Саша Межиров и Луконин
в окно глазели, как беззаконен,
под чьи-то аханья и галдёж,
как будто кто-то меня направил,
я шёл спасительно против правил.
Лишь не по правилам – не упадёшь.

...В 1988 году произошло несчастье: за полночь под колёса межировской машины попал человек, через некоторое время скончавшийся. Это был известный актер Ю. Гребенщиков. Межиров уехал с места ДТП. Общественность возмутилась: подробности никого не интересовали. Обструкция достигла предела, оставаться в стране было трудно – через четыре года он уехал в Штаты.

Существует мнение: Межиров после отъезда замолк, выдохся, исчез как поэт. Ошибка. Куда точнее давнее высказывание Сергея Гандлевского: «Я к этому поэту всегда относился хорошо, а одно время даже любил. Я не верю, что «Коммунисты, вперёд!» – просто паровоз. Всё горькое, что можно Межирову сказать, он и сам знает и сказал о себе, а от недавних строчек про американскую негритянскую церковь я завистливо облизнулся...». Это стихотворение называется «Благодаренье».

Что вздыхаешь, пришелец, за всё благодарный
равнинной степной стороне,
За которую кровь проливал на войне,
на польнинной стерне,
Той, которую даже и в самом глубоком унынье,
как запах горчайшей полыни,
Разлюбить и забыть не умеешь поныне.
Говорок воспалённый Вадима,
Татьяны покатые плечи.
Так зачем же, пришлец, душегубки мерещатся, печи?
.....
Ксендз кончает пастыбу,
и счастливое стадо
Возвращается с неба на землю,
испытывая торжество.
Все встают,
как у нас в СССР, говорят,
и поют,
что бояться не надо
Ничего... ничего...

За пятнадцать лет до смерти Межирова, случившейся в 2009 году, Евтушенко создаёт громоздкое, по лобовой прямой напоминающее оды-инвективы шестидесятых годов, почти языком газетной прозы, пронзительное стихотворение:

Автор стихотворения «Коммунисты, вперёд!»
расплатился за детство с оладушками и ладушками –
примерзала буханка к буханке
в раздрыганном кузове на ходу,
когда хлеб Ленинграду
возил посиневший от стужи солдатик
по ладожскому,
не ломавшемуся
от сострадания льду.

И когда с ним случилось несчастье,
которое может случиться
с каждым, кто за рулём
(упаси нас, Господь!),

Когда же окончательно уйду,
Останется одно стихотворенье.

Он имеет в виду как раз «Коммунисты, вперёд!».
У Слуцкого есть вещь, очень схожая с «Через тридцать лет» Межирова.

Про меня вспоминают и сразу же –
про лошадей,
рыжих, тонущих в океане.
Ничего не осталось – ни строк, ни идей,
только лошади, тонущие в океане.

.....
И покуда плывут – вместе с ними
и я на плаву:
для забвения нету причины,
но мгновения лишнего не проживу,
когда канут в пучину.

Неважно, знал ли Слуцкий «Через тридцать лет». Межиров вряд ли читал «Про меня вспоминают...». Но ход мысли один. Печальное сознание прошлого успеха, заслонившего всё, что сделано потом.

Самое частотное слово у Межирова – «война». Постепенно с ним стало соперничать «вина» (своя). Эта глухая, неизлечимая вина должна иметь свою причину. Проще всего – у поэта – её найти в измене призванию.

Однако у Межирова существует уточнение:

У других была судьба другая
И другие взгляды на войну,
Никого за это не ругая,
Лишь себя виню, виню, виню.

Между прочим, это концовка стихотворения о... мытье посуды.

Я тебе рассказывать не буду,
Почему в иные времена
Мыл на кухне разную посуду...

Посуда и война? Что между ними общего? Ничего, кроме способа стихомышления. Оба понятия нагружены смыслами, не отвечающими самим себе. Если упростить, посуда – быт, война – доминанта бытия.

Страх перед мытьём посуды
Женские сердца гнетёт.

В таком миропонимании от вины не уйти. В чём же она, эта вина? Во-первых:

Я виноват в слезах моей любимой,
Не искупить вину постом и схимой, –
Необходимо расплатиться за
Проплаканные досуха глаза.

Во-вторых и в основном:

В чём-то, люди,
И я виноват.
А точнее сказать, я один виноват перед всеми.
В чём? Да в том, что, со всеми в единой системе,
Долго жил. Но ни с этими не был, ни с теми...

Межиров ценит Есенина за «строку из крови, а не из чернил». Определённый вид народничества присущ Межирову и в его стихах, обращённых к другому песенному собрату:

Всё тоскую по земле, по Бокову,
По его измученному лбу...

И в таких строках:

Никитина стихи прочтите мне,
Стихи Ивана Саввича о поле.

Причастность к русскому народу невозможна без приятия его православности. Но:

Вы, хамы, обезглавившие Храмы
Своей же собственной страны,
Вступили в общество охраны
Великорусской старины.

У Слуцкого 50-х написалась такая строка: «Я перед всеми прав, не виноват...» – он говорит о невинности в возвращении с войны «целым и живым». Но именно этим стихотворением – «Однофамилец» – Слуцкий впервые обнаружил это непростое, трудновыразимое чувство вины перед павшими. Как потом скажет Твардовский: «Но всё же, всё же, все жё...»

На закате дней, находясь в больнице, Слуцкий сказал навестившему его В. Огневу:
– Если бы я начал сначала, я хотел бы писать, как Самойлов, Межиров.
Не так давно в журнале «Знамя» (2018 №3) Олег Чухонцев поместил такие строки:

и, за троицу замолвив,
обозначим первый ряд:
Слуцкий, Межиров, Самойлов –
честный гвардии отряд.

...Его прах, привезённый из США дочерью Зоей, положили в могилу тёщи, староверки по имени Феврония. О стихотворении «Коммунисты, вперёд!» на могиле было сказано, что это – христианская молитва. Похоронные эпитеты всегда преувеличены. В двусмысленно-знаменитом стихотворении вряд ли отыщется след Писания.

У раннего Межирова пафос противоположного свойства: «Монашеской молитве я не верю, / Не верю ни на грош монастырю. // Когда над храмом с грохотом теснится / И зажигает молнии гроза, / Я вижу не иконы, а бойницы / И амбразуры, а не образа». Это написано очень давно, более полувека тому, отрицание молитвы стоит на том образе мира, который вломился в сознание вчерашнего солдата. Вломился и никуда не ушёл уже до конца. Тем не менее уже ранний Межиров поёт нечто явно не присущее воину Крас-

ной Армии: «Вечный пастырь бесконечных стад / Пояснит у смертного одра: / Если люди на земле грустят – / Это потому, что жизнь щедра».

Пожалуй, у него преобладает Ветхий завет. Адам, Ева, Иов, Исая, Илья, Иаков, Моисей. Но и Мария, Христос, Иуда. Последний – чуть не чаще всего. «Никогда никуда не отбуду, / Если даже в грехах обвиня, / Ты ославишь меня, как Иуду, / И без крова оставишь меня». Это обращение к Москве, городу, который «Третьим Римом назвался».

Отбыть ему пришлось...

Его последняя советская книга (1991) называлась: «Бормотуха». Имеется в виду, прежде всего, собственный язык. То есть образ мысли. Затруднённый синтаксис, поэтическое косноязычие почти преднамеренны. И тем не менее – вопреки всему – беспощадно точное указание на то, что произошло с жизнью его духа. «Опять разверзлись небеса – и ныне / Легко потерю перенес опять / По той одной-единственной причине, / Что духом нищ и нечего терять».

В корпус собственных стихов он включал переводы из Ираклия Абашидзе «Голос Руставели у стен Крестового монастыря» и «Голос Руставели в белой келье». «Зачем / богоотступничество / мне / В вину вменяют / И грозят расплатой, / Когда на свете / о моей вине / Ты ведаешь один, / Мой Бог распятый?»

Граница между Лебяжьим переулком, то есть страной, где он родился, и Святой Землёй, где он оказался по несчастью, была «непреодолимой». «Стену плача / обнять не смогу, / даже и прислониться / К ней лицом / на одно, на единственное мгновенье, / Даже просто войти / в раскалённую тень / от её холодящей тени». Там выяснилось: «Не сподоблен богу служить, / не избранник...» Бог написан со строчной.

С прописной он пишет имя другого бога, цитируя «предпоследнюю строку» В. Розанова: «– Над эпохами глухими, / Вопреки посту и схиме, / Веет Эрос – / Над войной, / Революцией и смутой, / Над раздетой и разутой, / Голодающей страной».

Стихотворение называлось «Розанов. Сергиев Посад. 1918», а в сентябре 2009-го его прах, перелетевший через Атлантический океан, положили в могилу староверки Февронии. Он называл себя лицедеем. Финита ля комедия. Божественная? Не очень. Он любил Данта. «В Прекрасную Овчарню не дано / Вернуться из отлучки. И не надо».

Дмитрий
МИЗГУЛИН,
Санкт-
Петербург

* * *

Всё это – точно не моё.
Оно кривое и стальное.
Я ухожу в небытие,
Точнее – в бытие иное.

Не в те края, где чужд и водь
Внимают глиняному Фебу,
А в мир, где создавал Господь
Союз Земли, Воды и Неба.

Я буду зрячим, но немым.
И пусть душа тот мир узнает,
Где Дух Святой
Огнём земным
Гармонии соединяет.

* * *

В одной заоблачной стране
Обрёл случайный кров,
Кусочек моря виден мне
За крышами домов.

И там, в мерцающей дали,
Где горизонт исчез,
Слились морские ковыли
С бескрайностью небес.

Душа скорбит во мгле стихий,
Но чётко грань видна:
Ведь словом Божьим: «Не убий!»
Черта проведена.

Борись со злом в мерцанье гроз,
Но лишь себе не лги, –
Ты точно знаешь, где Христос,
А где его враги.

Легла Божественная длань
И всё пошло на слом,
И непреодолима грань
Между добром и злом.

Неслышно пенится волна,
И тишь да гладь кругом,
И, кажется, идёт война
На шарике другом.

И рай вокруг – ни дать, ни взять,
Небес и моря синь.
И всюду – Божья Благодать,
Куда ты взор ни кинь...

Из бытия в небытие,
Взорвав последний мост,
Летит спасение моё
Среди погасших звёзд...

* * *

Облетели, опустели
Почерневшие леса.
Отзвенели птичьи трели,
Помутнели небеса.

Затуманились просторы,
Ободрилось вороньё.
В обустроенные норы
Отправляется зверьё.

Время года, как природу
Ощущает каждый птах,
В нас же матушка-природа
Не вселила вещей страх.

У медведя есть берлога.
Птицы прячутся в дупле.
А у русских, кроме Бога,
Нет спасенья на земле.

* * *

Во мгле мирской мороки
Ни охнуть, ни вздохнуть;
Вымучивая строки,
Осмысливаю суть.

Не подводя итоги,
Не строя перспектив,
Летит наш мир убогий
Условности разбив.

На стыке тьмы и света
Струится бытиё...
Так где ж, моя планета,
Спасение твоё?

Дрожит земля нагая –
Опалена огнём.
От зла других спасая,
Самим не стать бы злом.

Но множатся могилы,
И сходит жизнь на нет...
Не стать бы тёмной силой,
Борясь за белый свет.

И днесь вершится битва,
Мешая грязь и кровь,
Но есть – одна молитва
И Вера и Любовь.

Судьбы своей вершитель,
Не пропусти тот миг
Когда тебе Спаситель
Явит свой скорбный лик...

* * *

Когда грядёт урочный час,
Ворвётся в дом война,
Весь мир сегодня против нас:
И все хлебнут сполна.

И вновь, ведомые судьбой,
Шагаем напролом,
Ведём извечный русский бой
С заокеанским злом.

Берём редутом за редут,
Но что, ни говори,
Творится зло ни там, ни тут –
Творится зло внутри.

Давно забыли слово Бог
Архистратиг и раб,
Но скорбный подведёт итог
Не царь и не сатрап.

Кружась в кровавом вираже,
Земля пошла в разнос,
Но путь спасения душе
Определит Христос.

Пусть вновь кровавою зарёй
Окрасится Восток,
Но будет вечным судиёй
Всемилоостивый Бог.

Ну а пока – и боль и страх,
И долго не свернуть:
Кому-то – на чумацкий шлях,
Иным – на русский путь.

Земля в дыму, в крови, в слезах
Заходит на вираж,
Но шепчет Ангел в Небесах
Молитву «Отче наш».

РАХМАНИНОВ¹¹*Валентине Чайкиной**«две недели молчит ПВО...»*

Максим Бессонов

Замолчали галки и вороны,
онемели прочие грачи.
Противовоздушной обороны
не слышать дней пять. И ты молчи.

Не слышать хлопков и взрывов, воя
душераздирающих сирен.
Есть такое дерево – секвойя.
Есть такая музыка – «Сирень».

Слышно, как ребёнок спящий дышит.
Небо знает, чья и в чём вина.
Говорят, война все вины спишет.
Есть такая музыка – война.

¹¹ 28 марта 2023 г., 80 лет со дня кончины Сергея Рахманинова.

АЛЁНУШКА. ВАСНЕЦОВ

и жаль её сильнее прочих
поскольку звонче всех поёт
поскольку значит и пророчит
и ноженьки об камни бьёт

поскольку серыми своимя
глядит как ласковая рысь
и полымя волос и имя
льняное заплетая в высь

поскольку и в лоскутьях нищих
льнёт к тайне омутов земных
поскольку плачет тише иных
и молча молится за них

* * *

«Так молись, – говорит, – чтоб в груди ручеек журчал...»
Да откуда же, батюшка, взяться-то – ручейку?
Даже ежели б я себя, предположим, и не обличал,
даже ежели – будучи начеку...

То ли он сокрылся, утёк, золотой, под спуд,
то ли не было у меня его никогда.
Стукну в грудь – глуха. И грехов на ней – пуд.
Не журчит, родимый, да не дудит дуда.

Хоть сто раз наказ повторяй-учи,
а душа, как Герасим, – своё мычит.

Сделай милость, журчи в груди, ручеёк, журчи!
Не журчит.

СОЧЕЛЬНИК В ЛИВАДИИ

Орган ливадийский, берущий у моря взаймы
гудение раковин, шорох, волнение, шум,
заблудших избавит на час от тюрьмы и сумы,
даря утешенье взамен растраниженных сумм.

Светильник горит, и на ёлке – цветные огни.
В сочельник, у края земли, – нужно слушать орган.
С трубой труба говорит, значит, мы не одни.
И пальцем слюнявым листает листы Иоганн.

И, вторящий Баху, возносит из бездны слова
Франц Шуберт безумный – Святую Марию зовёт.
И коль со слезою роняет печаль голова,
то правду тебе говорили про «вечный живот».

Девчонка играет, убрав на затылок пучок
излишних волос; и жужжит в судьбоносной трубе
поломанный клапан – живой громовержец-жучок,
но он – не помеха молитве, товарищ в мольбе.

Ни смирны, ни ладана, Господи, нет – у меня,
да – кроме любви – за душою и нет ничего...
Сосна итальяйская тает в окошке, маня
в безснежье, в теплынь, в торжество волшебства, в Рождество.

Сюда мы входили, когда ещё было светло,
а вышли под небо, когда уже стала звезда.
Кто к счастью стремился, тому, говорят, и свезло.
Охрипшие трубы. Так счастье вздыхает, да-да.

* * *

Сугдея, Солдаия иль Сурож...
А ты говоришь мне: «Судак».
Какая ж ты все-таки дура ж! –
слова не запомнишь никак.

Они тебе – точно – до фени,
а мне же всё грезится: весь
в огне преподобный Парфений,
сожжённый татарами здесь

за то, что не дал им берёзы
валить в монастырском лесу.

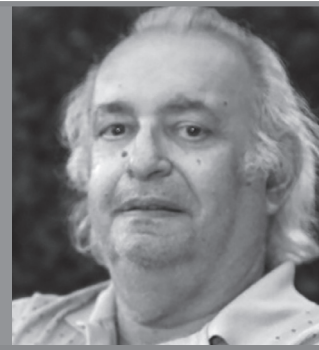
Столетье – стоянье сквозь слёзы.
А я эту ношу – несу.

Теперь они памятник ставят
тем самым убийцам троим,
где факелом высился старец,
а после – истаял, как дым.

Ах, кореш, ну что ж ты всё куришь
и куришь – ни слова в ответ.
...Антоний, скажи им про Сурож,
а то у них памяти нет.

*Евгений
МИНИН,
Иерусалим,
Израиль*

Я РОДИЛСЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Я родился в Советском Союзе –
Моей памяти островок.
По ночам признаюсь только музе,
что я «ватник» и даже «совек».
Октябрёнок и комсомолец,
ЦСКА, «Динамо», «Спартак»,
Заболоцкий, Тарковский, Мориц –
Не стереть из себя их никак.
Жизнь была и светла и сурова,
только после последней черты
вместо тяжкой гранитной плиты
будет ватное русское слово.

ПОРТРЕТ ДОМА

Родился я в городке одном –
в доме, где росла сирень под окном,
на которой поутру чирикала пташка,
а теперь красуется пятиэтажка,
вместо дома, где жили наши семеро душ
в окружении яблонь и сладких груш.
Мне и видеть это, и думать тяжко.

А теперь за тыщу вёрст в жаркой стране,
в белой рамке красуется на стене,
вместо вручённого где-то диплома,
портрет моего снесённого дома.
Смотришь на тот портрет
и под печальным взглядом
дом обретает плоть.
Вроде бы снова рядом...

НАЧАЛО

Ах, несмышлёныш, с соскою во рту,
ещё ни разглядев как надо маму,
ещё не ощутивший высоту,
ту, что в твою заложена программу.

Всё как прыжок – лишь досчитай до ста
и с богом вниз – без лонжи или блата.
И жизнь начнётся с чистого листа –
жестяного холодного проката.

* * *

Возле дома растёт шелковица,
а когда-то росла сирень
в городке, где пришлось мне родиться.
Моим внукам не выйdet резвиться
в городке, где пришлось мне родиться,
в том, что съёжился словно шагренёв.
Только я всё равно в нём живу,
помоднее сказать – виртуально,
объяснять неохота детально,
для меня это всё дежавю...

КАРТИНА БОЛЮ

Зимнее детство.
Градусник смотрит сурово.
Прыгаешь ласточкой в белую пену сугроба.
А на ветвях притулились замёрзшие птицы.
Дома ждут.
Уже самовар кипятится.
Ржаная горбушка посыпана сахаром-солью...
Точнее – картина болью...

* * *

Дую на ложечку тёплого чая.
Маму кормлю – не беседую с музой.
Чай этот с привкусом горькой печали –
Мама считает, что стала обузой.
Просит беззвучно, сидя в коляске,
Но не заботы от нас или ласки.

Чтобы скорей повстречал её Бог,
И упросить, чтобы нас поберёг....

ЗАПАХ ДЕТСТВА

Мы живём как будто возле
солнца эти две недели,
шмель сверлит горячий воздух
дребезжа почище дрели,
но подует ветер дерзкий
над седою головою
и запахнет сразу детством –
свежескошенной травой...

* * *

Кажется бесконечной для бегущего бровка.
Вот уже родители навеки уснули.
Повешенному уже не приснится верёвка,
убитый не опасается пули.
Но когда прошлое в будущее входит, словно
от ладони джигита кинжал в ножны,
и возвращает из небытия слово,
возможно, написанное для тебя.
Возможно...

* * *

Покидая страну своего языка,
на котором писал,
думал – всё, на века.
Из галута вернулся, как тот блудный сын,
получив со страной и террор, и хамсин.
Что ж у каждого с детства Голгофа своя,
у кого-то – тропа, у кого колея,
и какие нас ждут города и края
мы живём и не знаем,
но только пока.
А Всевышний сидит, сочиняет сюжет,
тот, в котором бессмертья у смертного нет,
на котором замешана радость и грусть –
отделить их мечтал, но не вышло, и пусть...
Но войду я когда-то в аэровокзал,
из него четверть века назад улетал.
Всех друзей обниму, поцелую подруг –
в жизни каждого так замыкается круг.

ПРАВДА

Читай досюда, а потом читать
не надо – уж не буду лицемерить:
у всех газет особенная статья,
во всё, что пишут в них не стоит верить.
А где же правды капелька, микрон,
что для людей на свете нет дороже?
Она есть солнце, что со всех сторон
одновременно видят все одно и то же.

НЕВЕЛЬ

Течёт по городу Еменка извиистой Амазонкой.
Берег утыкан удочками – нерест идёт уклеи.
А над водой витает вопль ребячий звонкий,
Если весенний ливень вдруг из небесной лейки.
Я назад оглянулся – что мне наказы Лота,
Где вы мои подружки – Галка, Тоня и Верка?
Здесь звала гудками к семи каждый день работа,
И до смартфонов было где-то почти полвека.

* * *

Разрушаюсь, как брошенный дом, от потерь...
Половицы гнилые со стоном скрипят,
Дверь давно сорвалась с проржавевших петель,

Под крыльцом полусгнившим ночлежка котят.
А вчера в старом парке присел на качели,
Неожиданно, вдруг они в небо взлетели,
А мальчишки мне вслед как один закричали:
«Где ж вы так научились летать, словно птица?»
Но летишь – ветра свист и ни капли печали,
И не знаешь – в кого бы хотел превратиться...

[ПАМЯТЬ]

Сергей МНАЦАКАНЯН

(1944-2021)

Андрей ШАЦКОВ

«МОЯ ДУША ИЗОРВАННАЯ В КЛОЧЬЯ...»

Эти строки должны были быть написаны ещё в 2021 году. Но тогда «не отстоялось», не «пришло»...

Я бреду по памятным для себя датам июня, как по минному полю: 21 июня 2016-го – старший сын Димка, 27 июня 1994 года – отец, 29 июня – друг Сергей. Уверен, мало кто из литературной публики знал, что мы были друзьями. Сергей Мнацаканян не любил выставлять отношения напоказ, а я до самого его ухода как-то не раздумывал, что это было – приятельство, товарищество или редкая в нашем писательском мире искренняя дружба.

Однако еще в начале 2021 года, приступая к изданию очередного номера альманаха «День поэзии – XXI век», я позвонил ему и попросил стать моим соредактором, напомнив, как в 2006 году вместе возрождали альманах. Он дословно ответил: «А знаешь, ведь мы (и тут же поправился – «вернее, я») достигли того времени, когда в любой день можем уйти из жизни». Потом, через паузу, внезапно легко согласился...

Теперь я ещё больше убеждаюсь, что настоящий поэт – всегда провидец судьбы.

Он успел прислать мне 10 поэтических подборок, один прозаический материал. Мы разговаривали почти ежедневно, а потом, в начале июня, ко мне «прицепился» ковид, и когда дней через десять я обрёл чувство реальности и ответственности «за начатое дело», его телефон уже не отвечал... Сердцем почувствовав недоброе, я почти не удивился, когда узнал о его кончине 29 июня. Он ушёл тяжело, сакрально, романтично, пережив всего

на несколько дней любимую женщину. Я не собираюсь поднимать полог над этой тайной, но помню, что он всегда согласно кивал головой, когда слышал от меня любимую цитату литературного ратоборца Дмитрия Балашова: «Мужество мужу потребно всегда, и паче всего – в час смерти!»

Да, мы принадлежали к разным «литературным лагерям», но безумно любили поэзию и трудились на её благо «плечом в плечо». Если честно, мне совсем не интересно, что он делал, когда был за границей. Но когда в середине 90-х Сергей (носящий псевдоним Ян Август) был Верховным магистром поэзии в карнавальном «Турнире поэтов», организуемом «Московским комсомольцем» в Лужниках, я с некоторой гордостью принимал участие в мероприятии на залитой щедрым летним солнцем площадке для городков, предоставленной поэтам, и даже сумел стать «королём», прямо как Северянин.

Кстати, чувством товарищества Сергей был награждён в огромной мере. Помню, когда в 2009 году в Москву из Израиля приехал другой мой друг – поэт Леонид Колганов, они долго обнимались в тесной комнате «Литературной газеты» и что-то оживлённо кричали. Потом оказалось, что Сергей мало знаком с Лёней, но он искренне считал себя обязанным поддержать «коллегу по цеху», понимая, как важно для приехавших поэтов внимание метрополии. Серёжа, Лёня – арьергард того, что некогда звалось великой российской поэзией. Пусть земля будет вам пухом!

Скромного, трудолюбивого, деликатного, мудрого и всегда готового подставить плечо – Сергея любили все.

Для меня он был также бесспорным авторитетом и в медицине. Помню, как в ночь на 1 марта 2013 года, когда автора сих строк прихватил приступ, а в больницу ехать не хотелось, мы ежечасно созванивались с ним. Он давал рекомендации: что колоть, куда приложить, что проглотить и вытащил-таки сотоварища, а я написал утром одно из лучших стихотворений, посвящённых ему «Февральский морок».

Мы не обсуждали стихов друг друга, но один-единственный раз он сказал, глядя на два листа, лежащих перед ним: «Вот, передо мною стихи двух поэтов, но одно я просто читаю, а над другим мне хочется заплакать». Боже, каким чувством он, такой сдержанный, наполнил мою душу!

И ведь он сам навсегда остаётся в моей душе автором, сочинившим строки, над которыми «хочется заплакать»:

Ты так прекрасна в этой
жизни волчьей,
где не простят такую
красоту!..
Моя душа, изорванная
в клочья,
твоё дыханье ловит на лету...

На этой высокой ноте можно было бы закончить данную страницу поэтического мартиролога, но он был бы неполным без рассказа о Сережиной мемуарной прозе. Он и здесь показал себя как великий искусник. Вот передо мною зачитанный до дыр его «Ретроман, или Роман-Ретро» о творцах стихов, большинство из которых он знал лично. Это – Павел Антокольский, Александр Межиров, Андрей Вознесенский, Татьяна Бек, Михаил Львов, Евгений Винокуров, Булат Окуджава, Леонид Губанов... Перечислять дальше? Сотни имён, любовно упомянутых автором, знаменитых и малоизвестных поэтов, которые жили рядом с ним и с нами.

Книга уникальная и, по-моему, до сих пор недооцененная.

И горько становится от сознания того, что некому будет так написать о тебе, когда настанет очередь «примкнуть к большинству».

В самом конце хочу отметить, что, сверяя материал по Википедии, не нашёл в ней два года тому назад упоминания о его главной награде, которой Сергей очень гордился. Наконец, ссылка появилась... Сергей – лауреат Премии правительства в области культуры за 2013 год. Именно – за возрождение альманаха «День поэзии», добавлю я. Поклон тебе низкий, мой литературный собрат. В число Клуба главных редакторов альманаха «День поэзии – XXI век» ты вписан. И это уже навсегда.

«Жизнь сделана», – любил говорить ты, отметив семидесятилетие. Да, сделана, но остаётся ПАМЯТЬ.

Сергей МНАЦКАНЯН

---

* * *

Три четверти века шумят за спиной,
как злая метель и как звёздный прибор...

Да, страшно подумать, как время летит,
судьба человека – мгновенный транзит

из области счастья в явления сна,
и так это было во все времена...

Три четверти века, а дальше туман,
ты смотришь во время, как в телеэкран,

а в этом экране на все времена
любовно целуются мир и война!

А сам ты пока что свободен, как встарь,
ты жив и по-пушкински сам себе царь...

Ты сроду не думал в космической мгле
три четверти века прожить на Земле.

Три четверти века, как сон, пронеслись,
оставив сияние книг и столиц...

О, сколько ты прожил бессонных ночей,
пиит и пропойца, дурак, книгочей...

Проносится жизнь, как бессрочный аврал,
зато не склонялся, не гнул, не врал.

Осенние сумерки зырят в окно,
стоит на столе золотое вино...

Прекрасная женщина любит меня,
ещё не забыты друзей имена.

Три четверти века, три четверти ве...
...и дрон, словно ворон, парит в синеве.

5 августа 2019

* * *

Человеческий муравейник!
Мир смыкается, как трава:
цепкой Азией – как репейник! –
завоеванная Москва.

Что нам адские перегрузки
в мире евро и первача?
Мы ещё говорим по-русски,
два старинные москвича...

ЗИМНИЙ БЫТ

Неизъяснимый быт, не сказанный словами,
как дух его горяч, как от него знобит,
как шпилит этот быт нас, горемычных, с вами,
как бесподобен он, весь этот зимний быт!..

Неверные друзья. Слепые домочадцы.
Трансляция орёт... Чу, милые, молчок!
До истины нельзя, однако, домолчаться,
трагически присев с «Вечёркой» на толчок.

Ну что ещё сказать о жизни человека?
Пусть заедает быт, пусть безднами разит,
но опалит тебя дыханье звёзд и снега,
когда летишь стремглав с авоськой в магазин.

Притормозит впотьмах. Ухватит за живое.
Ударит по лицу зарницею стыда.
Прекрасен этот быт, как будто поле боя,
где победить нельзя, а отступить – куда?

Особенно зимой, когда чернеет рано
на улицах моих и тьма со всех сторон,
и чёрт-те что звучит с горящего экрана,
стряпня и дух стеснён, и гомон, и трезвон...

А где-то в семь порог переступают гости
и стряхивают снег с ботинок и пальто,
застолье во весь дух – обглоданные кости,
а новый анекдот – типичное не то!..

А то, что за окном кружится снег – не страшно:
в дому не устроит любая шелупонь,
и замирает стол от правил преферанса,
как будто жизнь сама поставлена на кон!

Неисчерпаем быт – бездонный, словно атом,
покуда то да сё, трезвонит телефон,
а кто-то бьёт хрусталь, а некто шпарит матом,
а у того душа летит из тела – вон!

Над улицей фонарь – кривой, как знак вопроса, –
к нему ответа нет, хоть водку пей, хоть плачь...
Весь этот зимний быт, как чеховская проза,
насуспен и сердит, растрёпан и горяч...

МИМОЛЁТНОЕ

Соловьиная кручина
и звериная тоска –
бьёт природа, как пружина,
гарью веет у виска...

И сияет – вне закона –
этот сумрак, эта ночь,
свет последнего вагона –
не догнать и не помочь.

* * *

Когда отчаянно не спишь,
Давая власть воображенью,
Все эти сумерки и тишь –
Лишь слуги внутреннего зренья.

Как в 113-ом псалме,
Трепещешь каждую ресницей
У мыслей собственных в тюрьме.
Заснуть! – Как этого добиться?

Не знать, не мнить, не изнывать.
Но рек же: «ищущий обрящет».
Враждебны память и кровать,
И тютчевское «Бог казнящий».

Тягучий бой с самим собой,
Как с некою упёртой силой.
Не страшен так никто другой,
Как этот мой двойник постылый...

ОХОТА НА МОРЖА

Живым из жизни не уйти,
Мы все у Господа в горсти –
От босяка до президента.

Бог создал Крым и Магадан,
И в каратэ четвёртый дан,
Олигофрена в позументах.

Никто Творцом не создан зря –
Ни вепс, ни чукча, ни эрзя –
Пасут оленей, ловят рыбу.

Бесстрашно ходят на моржа,
Движеньем ловкого ножа,
Убив, ошкуривают глыбу.

Страшна моржовая страда,
Но сколь нужна для живота
Затерянного в тундре рода!

Родня разделала моржа
И, каждой частью дорожа,
Делила мясо без отхода.

Живым из жизни не уйти,
Мы все у Господа в горсти.
Но есть у них ещё камланье.

Добыть моржа, освежевать.
Они нас учат выживать.
Самим своим существованьем.

* * *

Настали листья, то есть их отлёт,
Потёмки – оккупация души.
И под ноги сигает гололёд.
Предвидятся большие падежи.

По миру анонимно бродит страх,
Стихов моих стихают голоса.
Коррозия садов чадит в кострах,
Столбами завиваясь в небеса.

Я снова оказался не готов
К декабрьской атаке холодов.
Но раздалась уверенность в плечах.
А без неё бы я зимой зачах.

Пришёл бы мне кирдык и карачун.
Не помогли бы водка и Минздрав,
Ни кот-баюн, ни птица Гамаюн,
Ни амбudsмен с его портфелем прав.

А жизнь куда-то, сгорбившись, идёт
За снегом, за крупитчатой мукой.
Но, как всегда, у них переучёт –
Не этот, так какой-нибудь другой...

* * *

Я не любитель горло драть
В разноголосице компаний.
Мне слаще время убивать
В пустой тщете самокопаний.

Я горе мыкал в нищете
И униженьях хлеба ради
В богооставленной Чите
И сталинистском Воблограде.

В такой нервической стране
Невротик всяк подстать Отчизне.
А я? Что остаётся мне,
Лишённому всех красок жизни?

Как воссоздать из черноты,
Меня объявшей, беспросветной,
Все краски мира и цветы
Благоухающего лета?

* * *

Мир очевидностей не знает языка.
В чужом стогу меня забыла мама
В тридцать седьмом, да и сама рука,
Дитя качавшая, – давно добыча ямы.

И всё, что быть должно, уже произошло.
В палате хроников царит предсмертный запах;
Больничный фикус в грязно-треснутом кашпо
Крадётся в сумерках на первобытных лапах.

Забыла что ли обо мне моя семья?
Худой «сокамерник», насвистывая хмуро,
Украдкой выльет в фикус горькую микстуру,
Вослед врачихе сонной горестно плюя.

Сей прототип, больничный бледный старожил,
Свидетель немощей моих и скорбных бдений,
С утра бранит сестёр, кормёжку и режим.
Ершись, воюй, пока не канул в царство теней!

Такие, братец, нам достались времена,
Что сели прочно бедняки на мёртвый якорь...
... Секира месяца в окне занесена
На доходяг, как нож безумного маньяка.

* * *

Прекрасно только то, что не случится,
И так же редко, как Господне чудо.
Я в этот мир пришёл из ниоткуда
Терзаться, сомневаться и молиться.

И, глядя в окружающие лица,
Как в странные кривые зеркала,
Я так в них умудряюсь исказиться!..
Неужто и во мне так много зла?

* * *

Я плыл по полю в степном покое
Не то к Армянску, не то к Джанкою –
Из ниоткуда и в никуда.
И стаи чаек, клюя друг друга,
Носились в небе сварливой вьюгой.
Что там делила сия орда?

Их не пугали стрельба и грохот,
Их смех, похожий на едкий хохот,
Звучал, как вызов людской грызне.
Но вот настало в стрельбе затишье,
И снова в небе разборки птичьи,
И стая чаек летит ко мне.

НОЯБРЬ

Свалено лето в ров.
Какой-никакой, а улов.
Не из слов. Из пожухлой листвы,
Когда все слова мертвы!

Припорошена дорога,
Припудрена, словно лицо
Немолодой
Помятой дамы.
А вечер между нив
Фланирует с ленцой,
И восстают
Окошки дач
Из прошлого,
Как мертвецы
Из ямы.

Беги, ноябрь, беги...
Убогий смысл –
Он всё равно догонит,
Достанет, догорит,

Как лампа Ильича.
Вольфрамовый очаг
В лучах закатных тонет.

Цитировать, что снег мести
И повторять неоднократно
Всю суть зимы, тоску её,
Тщету, чеканку изо льда
И заметать следы обратно.

Быль небылью живёт,
Бумажный лист, что замаять.
А нам бы пережить
И переждать её,
Как забывает хлам ненужный
Память...

ФЕВРАЛЬ

Бесконечность всего, что сине,
Безупречность всего, что мило...
Выпиваю чернила и плачу.
Отныне

Буду Буддой и камнем,
Чтоб меня не смыло.

Славолю синий цвет, не серый,
Ибо – космос, а ещё обещали солнце
В одни руки не давать больше.
Чтобы измерить
Стихию жизни в феврале,
Лучше спать.

И не подавать вида,
Не выпендриваться, и не делать
Визу,
Всё равно снег зернист,
А обида
На окружающих
Клонит прямоходящих книзу.

А на дорогах, как не выкручивай подошву,
Всё равно наждак,
Что так, что этак.
Наждак упал, как умещается
Будущее в прошлом,
Так и я умещаюсь,
Уменьшаясь
В этом.

Снежная баба, ну, куда ты, куда ты?
Празднуешь, как царица,
Неизбежность исхода?
Европейство у нас не прижилось,
Даты
Опустели и превратились в доты.

И осталось лишь два угля да морковь,
Из жести или из жалости
Сделана шляпа.
Значит, дворник пролил молоко,
А трамвай переехал
Опять не того,
Кого – согласно табелю о рангах –
Надо!

И поэтому миссия весны по имени Сима
С весной священной, оранжевой, яркой
В толстовке
Невыполнима в принципе
И невыносима.
Без налёта и палева.
Всё бестолково,
И только!

*Дмитрий
МУРЗИН,
Кемерово*

ЯГОДА СВОРОДИНА

Там, где русскую речь измучил Прокруст,
В феврале над рекой зацветает куст.

Агрономы понабежали:
Что там выросло? Не сажали!

Дык! Сажали мичуринцы русской школы –
Мозговой, Гиви и Моторола!

Что вам, куст сВородины застит свет?
А мы ждали ягоды восемь лет!

* * *

Старый виски в правильном бокале,
На плече – партак с единорогом.
Ничего не знает о Байкале
Маугли, воспитанный тик-током.

Кубик льда в бока виски тает,
Но не растопить хандру и скуку.
Ничего не знает об Алтае
Маугли, воспитанный фейсбуком.

Ест окрошку только на кефире –
Как ему в отчизне одиноко...
Ничего не знает о Сибири,
Маугли, воспитанный тик-током.

Наплевать, что обстреляли Счастья,
Слышал лишь, что «лайнер сбили «Буком».
Ничего не знает о Донбассе
Маугли, воспитанный фейсбуком.

На себя примерил роль мессии,
Гибель нашу скорую пророчит.
Ничего не знает о России,
И, что характерно, знать не хочет...

* * *

На здорового мужика
Накатила печаль-тоска.
Нет, не баба. На этот раз
Тянет мужика на Донбасс.

На войне, он думает так,
Проверяется человек.

Но не так, как казённый банк
Перед выдачей ипотек.

На Донбасс! Суету отринь!
Наконец-то посмей посметь!
На войне – настоящая жизнь.
На войне – настоящая смерть.

* * *

Европа, как большое стадо,
Мычала про вину Белграда,
И был в Европе каждый рад,
Что разбомбили в хлам Белград.

А мы терпели всё и дальше,
Так некогда спартанский мальчик
Решил укусы лисы терпеть...
Нам обещали только смерть.

Потом замучили Каддафи...
Пусть мир, как девочку на шаре,
Нам Пикассо изобразит.
Как мир на ниточке висит.

Как мир на ниточке висит.

* * *

В зеркале водном ели так черны,
так чутко полон парус тишины,
и небеса так страшно догорают –
что лист не сможет с дерева упасть...
Какая мұка и какая власть
послушными созвездьями играют?

В подземных тиглях движется огонь,
перетекая в стебли... Только тронь –
и тотчас он же в кровь твою вольётся.
И травы дышат, ночь собой согрев,
и льнёт соцветьями к коленям львиный зев...
И вечность гулко в сердце отдаётся.

ИЮЛЬ

Крапива повсюду растёт – не боится.
Как это красиво: иди посмотри!
От взгляда уже собирается злиться,
Опасна снаружи, целебна внутри.

В июльском лукошке и душно, и тесно.
Червонная масть... Впереди – выходной.
И облако – словно цитата из текста –
в мгновенную даль проплывёт надо мной.

АВГУСТ

красной иглой проткнувший
небо в четыре утра –
и бабочку на подушке
и клён в глубине двора

слушает как в потёмках
лету приходит конец –
не посчитать потомкам
их годовых колец

яблоки с ветки брызнут –
их собирают днём
между нелепой жизнью
и проливным дождём.

* * *

Пион качнёт чалмою иноверца,
немного солнца и дождя пролив.
И ветра недоверчивый порыв
несёт трилистника сухое сердце...
Любви моей роскошный недолёт!
Но с абсолютным слухом первой скрипки,
с блаженным мороком рассеянной улыбки
и точным временем наоборот.

* * *

Вместе с летом внезапно
закончится год...
Неминуемый август смеркается грустно.
Лишь часы – как всегда убегая вперёд –
остаются стоять на столе безыскусно.

Ты стекло осторожной рукою протри,
потому что ничто не напрасно,
не мелко.

Нужно жить – с этим светлым
пространством внутри.
И следить, как взволнованно
прыгает стрелка.

ЗНАМЕНИЕ

Пора порухи и туги.
Из розни выросли проклятья.
И вот уже – враги, враги,
Враги, враги – родные братья!

Не черепки уже, не спор
Горшка рязанского с макитрой.

И насмерть бьются триколор
Над Русью – и жовто-блакитный.

Бои! – под Харьковом бои,
Бои в Рубежном и в Попасной.
И женщина, шепча: «Свои!»,
К чужим выходит
С флагом красным...

СВО

Нерадостно стране родной,
Прогнавшей призрак коммунизма:
Всё симулякры, эвфемизмы –
Вот хмурит лоб очередной.

Коль языки и племена
На Русский мир пошли войною,
Зачем нам мучиться виною?
Не нами выбрана война!

Генштаб, шлифующий слова,
И не по карточкам продукты...
А где, скажи, тот репродуктор, –
С набатным: «Говорит Москва!»

В Москве (в Москве!) – не только там,
В европах – кривда загалдела,
И за попсою оголтелой
Не слышен людям Левитан.

И, хоть предание старо, –
В сороковых, тогда, представь ты:
В стране – ни Сталина, ни Ставки,
Ни сводок Совинформбюро...

Довольно русской лгать судьбе:
«Войны же нет, войну не троньте!»
Нам нужен лозунг «Всё для фронта!» –
И репродуктор на столбе.

В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ
(*Старая сказка*)

Выше тёмного бора и гор,
Окна – вровень почти с облаками,
Ставлен был на века этот двор,
Но сомнение есть – на века ли?

* * *

Ночевать одному, ночевать на реке,
От жилья, от жлобья, от жулья вдалеке.
В непролазных, глухих, неубитых местах,
Где дубовой листвы вороха в омутах.
Где течения речь в омутах так тиха,
Что по кругу, по кругу идут вороха!
И, от сердца уже ничего не тая,

Двор как двор: есть и кремль, и казна,
Но заправа – неверная в корне:
«За заслуги» давать ордена
Во дворе прямо гадающей дворне!

Эта дворня на царском глазу –
Ведь бельмо, ведь бельмо, ведь бельмо же!
Но отводит царёву грозу
Лицедей, что важнее вельможи,

Шут «народный», «заслуженный» псарь...
Ублажая народец тот ушлый,
Снова к прянику тянется царь –
И кручинится кнут на конюшне...

* * *

Поэзия живёт вчерне...
А пухлый том с беловиками –
Как дом белёный на войне,
С периной и половиками.

Белёный дом, метёный дом,
Где рать вповалку не храпела.
Высокий чин ночует в нём –
И хром его, и портупея.

Он – не в строю уже... А строй,
Смурной, шагающий не в ногу,
Сто раз проклявший жребий свой,
Идёт опять к передовой, –
Мне без него кранты, ей-богу!

Возвращается трудно на круги своя
 Непокорной листвой отшумевшая жизнь...
 Стылой веткой к суглинку обрывному жмись,
 Не к огню, что огонь! – вспоминай, холодей;
 Капли вскользь по брезенту – и стук желудей...
 И не нужно дрожать, как не сбитый листок:
 В каждой бронзовой пуле – не смерть, а росток...
 Ночевать на реке, одному ночевать,
 Степь, хоть краем, стелить – простыню и кровать.
 И срастись с темнотой, ненавидящей мрак,
 Чую ток мурашей сквозь примятый кулак...

ШЕЛКОВИЦА

«Терновник», «груша» – трёт гортань
 и колется

Корявым корнем даже звукоряд...
 А это слово лёгкое «шелковица» –
 Тут звуки белым облачком парят!

С шелковицею как-то всё запутано:
 Они ведь в Средней Азии растут,
 И вдруг – у нас... А если скажешь «тютюна»,
 То это – во дворе, за домом, тут!

У нас тут, на Дону, какая Азия?
 Мне тютюна привычной, русаку.
 Но ягоды такие черноглазые!
 В нездешнем тёмно-глянцевом соку.

Не хочешь – очень маркие! – а тянешься,
 Как будто снова юность на кону.
 Не хочешь, а ведь тронешь; и останешься –
 Тянуть, длинно сглатывать слюну,

Хоть и грозит нудилово извечное:
 «Куда ты, прости Господи, полез?!»
 ...Уплыть бы с этой здешнею узбечкою
 По речке Толучеевке – в Хорезм...

НОЧНОЕ

Печально гостем нелюдимым
 Рыбачить в месте нелюбимом, –
 Не льнущем к сердцу, не твоём!
 Ну, разве что ещё печальней
 Остаться с женщиной случайной,
 Всё так задумавшей, вдвоём.
 Когда она глаза туманит
 Озябшей поймою – и манит,
 Губ не разжав, грудным смешком...
 Казалось бы, ну что – всё то же,
 Но не бежит мороз по коже,
 И даже не идёт пешком.
 ...И лески дрожь (чем чёрт не шутит!),
 И ночь, и глубина, и крутит,
 И знает наизусть вода
 И звёзд, и мотыльков кочевье...
 ...Но здесь обратное течение
 Не возвращает никуда.

*Иван
НЕЧИПОРУК,
Горловка,
Донбасс*

БОЛЬ

Хиросимой выцвела земля,
Посрывало кроны тополям.
Кряж, покрытый оспами воронок,
К небесам свой устремляет взгляд,
Пульс надежд его предельно тонок.

Эту боль придётся оправдать,
Ветер замечает города –
Ветер страха, безнадёжной мути.
Нынче смерть накроет Соледар,
Завтра разгуляется в Бахмуте.

Городов обломки скорлупой
Скорбно хрустнут под твоей ногой.
И, не веря трелям соловьиным,
Ты придёшь, от горечи слепой,
Жгучей болью омывать руины.

ЕСЛИ МЫ ВЫЖИВЕМ

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме
И, вспоминая об этой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла –
В списках потерь без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить,
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

ВЕТЕР

Воспитанность у ветра не в чести –
Ревёт и мечет, словно сумасшедший,
Сметая все преграды на пути,
Как птица Рух над городом летит,
Рвёт крыши с перекошенных коттеджей.

Не в силах удержаться, чтоб не взвыть,
Проспекты стонут кронами акаций
И плачут ранним золотом листвы.
А ветер гнёт деревья, как ковыль,
Муштрует нас и учит не сдаваться.

* * *

Город высится громадой
За согбенною спиной.
Я смотрю вперёд с отрадой,
Что исполнил всё как надо
В этой схватке жестяной...

В поле чистом, в поле сизом
Ветры травы теребят.
Жизнь застыла под девизом:
«Будь хоть Глебом, хоть Борисом –
Святополк найдёт тебя!»

* * *

Горемычная сентябрьская планета –
Поседевший от войны Донецкий Кряж!
Реки выпиты до дна, все песни спеты,
И, застывшие над головой ответы,
Не укладываются в хронометраж.

Это царство трижды пуганых фазанов
Не сдаётся. Этот край к тому привык,

Что не временем залечивают раны
И историю назло эпохе бранной
Переписывает в новый чистовик.

ОКТЯБРЬ

Пусть октябрь сегодня на излёте,
Но бессильна хмурая тоска.
За раскатом вновь летит раскат,
И саднят от шрамов миномётных
Террикона мятые бока.

Но прозрачен купол поднебесья,
Запах осени сквозь листопад пророс.
Отряхнувшись от туманных грёз,
Вновь горят над храмом тонколосья
Золотые купола берёз.

КРОВАВЫЙ ВТОРНИК

Дышит декабрь по-драконьи свирепо,
Вьётся судьбины кровавый изгиб –
Это война собирает долги...
Гибельность звёзд на земле так нелепа,
Смерть-Архимед слепо чертит круги.

Кальмиус плещет волной Ахерона,
Пляшут над крышами злые дымы,
Город-страдалец слезами омыт...
В небе клубятся грачи да вороны –
Древние символы чёрной зимы.

ПРИШЁЛ ИЮНЬ

Пришёл июнь, рождается жара,
Цветёт чубушник в раненых дворах.
И нет надежды на дожди и грозы.
А по следам за мною ходит страх,
Который знает – это не игра,
А вынужденный шаг к метаморфозам.

Но тишина рептилией в жару,
Подставив спину солнцу поутру,
В себя вбирает умиротворенье.
На миг забыв войны порочный круг,
Мне верить очень хочется: «А вдруг
Продлится это хрупкое мгновенье!»

ДАНТОВА ОСЕНЬ

Вот и осень роняет свои эполеты
Стылых клёнов в роскошно-желтеющем сквере.
Получив свой удар от холодного лета,
Я пытаюсь укрыться от шума и света:
Снисходя в те круги, где бродил Алигьери.

Ускользая от осени робкою тенью,
Не отринуть мне статус её фигуранта...
Но я верю, однажды тропую весенней,
Страх отбросив, я к свету начну восхождение,
К верхней точке, к которой стремился сам Данте.

Олеся
НИКОЛАЕВА,
Москва

ВЗАЙМЫ

Сумерки водянистые
сгущаются на ходу.
Словно бы сребролистные
ели в снежном саду.

Встрепенёшься, разбужена
тайным пеньем из тьмы.
Все это незаслуженно –
в долг этот сад, взаимы.

Лучшие украшения –
скрипочка со смычком
все покроют лишения,
все лежанья ничком.

Сердцем – за музыкантами,
глядь – а на дне сумы
ларчик резной с талантами:
в долг это всё, взаимы.

А не отдашь – сторицею
взыщется за постой:
будешь немой черницею
воздух глотать пустой

Ведь недаром у сумрака
столько умбры, сурьмы,
столько охры и сурика,
и багряной каймы!

И не за так – слетаются
ангелы петь псалмы –
небо с землей срастаются
под прикрытием зимы.

Что отдам за победное
Таинство, Элогим? –

Это ль пальтишко бедное
с сердцем моим под ним?...

ТЕОДИЦЕЯ

Это кто этот мир, этот сад
преподносит как чёрный квадрат –
дырку в грубой бездушной рогоже,
уверяя: никто не воскрес!
Нет ни глаз, ни ушей у небес.
Ничего у них нет. Ничесоже!

А раз так – как не рвать, не топтать,
не плевать, не хулить, не роптать,
призывая мокриц и драконов,
повторяя: никто не воскрес...
Славно здесь погулял мелкий бес,
семя в землю излил Передонов.

Оттого ли у отроковиц
и у отроков – между ресниц
вдруг такое мелькает...
В народе
«Свят, свят, свят», лоб крестя, говорят
на мертвящий, мертвеющий взгляд
василиска в российском изводе.

– Расколдуй меня, – просит страна.
Просят Солнце, Земля и Луна.
– Призови чудотворные силы.
Отдери этот чёрный квадрат,
за которым – сияющий град,
и живые встают из могилы.

...Из глубин вековых – в свете дня
собирается вместе родня,
просит дать современный толковник.
И ведёт вороного коня
прадед мой.

Он моложе меня.
Он – красавец, он – царский полковник.

Ветка с веткой на крепком стволе.
Древо высится. А на столе
вина царские, хлеб, разносолы...
Древний князь, выясняющий связь
меж потоками, благословясь,
Жизни вечной толкует глаголы.

...Если верить не хочешь – не верь,
закрывай свою чёрную дверь,
наколи себе метку на шее.
С Недотыкомкой в сердце – хана.
Но захочет Господь – и она
станет доводом теодицеи.

КАРТИНА

Время разоблачений. Следовательским глазком
каждого зацепляет. Шапка горит на воре.
Дни скачут на блохах, ночи – ползут ползком.
Рак свистит на горе. Плачет кот в коридоре.

Ищет, кого бы клюнуть, клюв костяной.
Спор бесконечный, кто петуха зажарил?
Каждому кажется: всё это не со мной,
словно вместо амброзии век ему уксус впарил.

У лицемеров сладкой воды полное решето.
У самозванцев – рыльце в пушку, в перьях лебяжьих.
В грудь упирается палец: ты с кем? Ты кто?
Ты за кого?
Я говорю: за наших.

Сядешь – как на иголках, ходишь – так ходуном,
словно картина Брейгеля обжилась в подкорке,
увеличенная стократно тревожным сном:
«Фламандские пословицы – поговорки».

Но и в картине этой – сияние, красота:
сколько праздничных красок и струй воздушных,
словно где-то внутри музыка разлита.

...Нас вот таких – вероломных и малодушных –
глубже наших зыбей и речей натужных
в свете Своей любви видит Господь с Креста.

РИФМА

Война рифмуется с виной,
и со страной, и со струной,
когда с надрывной скрипкой
встречается смычок больной...
Война рифмуется со мной,
растерянной и хлипкой.

Но рифма ведь – не просто так:
не только путь, не только знак
и звуков совпадение:
там свет вверху и тьма внизу
вдруг вспышкой сходятся в глазу
для нового виденья.

Владенья нового! Двоясь,
живой с живыми ищет связь –
дуэта, перебранки...
Глядишь – а мир как будто взвесь,
ан прикреплён к корням и весь
переплетён с изнанки.

...О, рифма! Как она порой
с напарницей вступает в бой:
и дразнит, и кошмарит.

Аж крови вкус на языке,
и в материнском молоке
козлёнка сдуру варит...

Войной – она идёт за мной,
пугая тёмной крутизной,
раскинутой кромешно.
И получается – война
срифмована, предречена
и – неизбежна!

*Андрей
НОВИКОВ,
Липецк*

НОША

По утрам старался быть весёлым,
Хорошо, что рядом нет друзей,
Лист осенний слякотью спрессован,
Но красив, носи его в музей.

В нём багрянец пестованья жизни.
Город чист, гласт и большерот
И на этот раз безукоризнен,
Что ещё из радостных щедрот?

Мир ещё добавит звон трамвая,
Свежести и дух пчелиных сот
К милости несметной не взывая,
Светом опрокинутых высот.

Уходи обещанное многим,
Ибо эта ноша нелегка,
Так ища всю жизнь ребёнка в Боге,
Радостью изъедена тоска.

КАТОК

Из под конькового ножа
На синем блюде льда,
Судьба мучительно свежа,
Она не ерунда.

Ещё она не ремесло
В ней милосерден крест,
Но как прошедшее число
Неспешно время ест.

Вокруг толпы весёлой зыбь,
Каникулы в конце,
Как долгий, лёгкий недосып,
Остались на лице.

Освой дорожку, пробил час,
Метёт крупинки снег,
Застывшая вода сейчас,
Как тайный оберег.

НОВОСТРОЙКИ

Ничего не ново в мире,
Нет и постоянства в нём,
Экскаватор чёрной гирей
Сокрушает старый дом.

Пыль от этой работёнки,
Грохот с грубостью речей,
Возле водяной колонки
С грудой битых кирпичей.

Так умой лицо и руки
Хладной, чистой водой,
Принимая эти звуки
В день беспечный, молодой.

Бытия здесь слишком много,
Ставят рельсы – будет кран.
Уходи своей дорогой,
Не влезай в грядущий план.

Пусть он прагматично скроен,
Энергичен век – отец,
Будет время новостроек,
И оно твоё, слепец!

ОБУВЩИК

Прошивая подошвы и клея,
День рабочий среди мастерской,
Вроде бы ничего не имея,
Обрастает заказов тоской.

Обувщик! Ты спаситель народный,
Непогода, усиль свою мощь,
В час, когда ты с супругой дородной
Уминаешь наваристый борщ!

Вспоминай её толстые ляжки,
Валидол виновато соси,
Восседая в уютной стекляшке
У вокзальной стоянки такси.

Там таджики, они ни бельмеса,
И не знают российских грехов –
Из какого планида замеса,
Или промысел Божий каков?

Если что – довезут до погоста,
По знакомству, Аллах им воздаст,
Только труд узаконенный ГОСТом,
Умереть, окаянный, не даст.

Вечно чуждый высоких наречий,
Вековой ты нащупал исток,
Вот трясутся сутулые плечи,
Но в умелых руках молоток.

Пусть заказчик язык намозолит,
А от водочки горло першит,
Будет путь навсегда иллюзорен
И суровую нитью прошит.

СОБЕСЕДНИК

Живёшь, сбиваешься с пути,
Шагаешь от вершин к низине,
«Прожить – не поле перейти...» –
Грустишь в дежурном магазине.
Не факт, что одинока ночь,
Всегда найдётся собеседник,
Хотя бы Бог, ему помочь,
Ты напросился сам, посредник.
Немного антивещества,
Ещё нацелит совесть жало.
И ощущение родства
К тому, что память рассказала.
Пытайся осознать до дыр
Затёртый постулат – он мрачен:
Не красота спасает мир,
А лишь покой и сверхзадача.
А также множество дорог,
И проводник на них незрячий.
Высокий перечень тревог
Осознан так или иначе...
Ну а потом, как дважды два,
Очнуться в стылом магазине,
Дождь и сырая голова,
Портвейн и яблоки в корзине.
Средь полок, где теснится снедь,
Под гулкой пустотою зала,
Имей, что надобно иметь,
Судьба другого не сказала.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

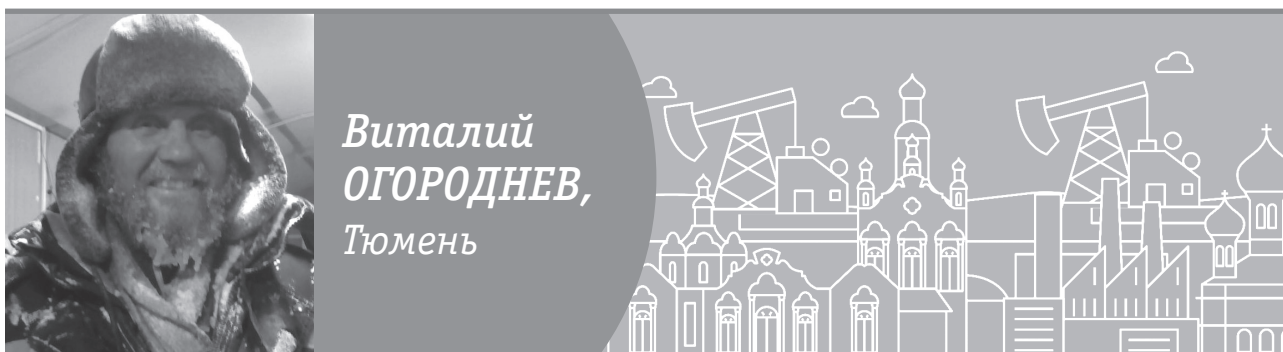
Моей хозяйка посуду
Жгучей холодной водой,
Спорить сегодня не буду,
Я навсегда молодой.

Лёгкое платье и шея,
В них недоступная высь,
Так, прикоснуться не смея,
Чувства мои родились.

Знаком невольной аскезы
Полнится кухонный такт,
В памяти привкус железа,
Впрочем, и это не факт.

Жизнь потянулась к восторгу,
Прямо на цыпочках, вверх,

С тенью фрамуги расторгла
Солнце и чистый четверг.

ПОЕДИНОК

Н. И. Фёдоровой

Всё чаще я картину эту вижу –
Размазывая звёзды по винтам,
Вновь «Messerschmitt» заносит свою грыжу
Над домом, где родился Левитан.

А там внизу, да ведь совсем девчонка,
Но ремесло её не для тихонь.
И голосом надорванным, но звонко
Сама себе командует: «Огонь»!

Когда сошлись их взгляды в перекрестье,
Когда забилась в щели тишина,
Он вспоминал об огненной невесте,
О белокуром паренёчке она.

И продирает озноб до каждой клетки,
Ведь каждый знал, что жизни нет другой.
У Нины с сапожищем на гашетке,
У Отто с бомболюком под рукой.

И вот молодчик армии «великой»
И самолёт, как нераскрытый зонт,
Дымящейся средневековой пикой
Уткнулся в вертикальный горизонт.

СТАРЫЙ СИБИРСКИЙ ТРАКТ

Здравствуй каторжный тракт,
Ты не знаешь, откуда мы, кто мы,
А встречаешь нас так,
Словно мы с тобой вечность знакомы.

И в глухие леса
Проросла путеводная вежа.
Даже плач колеса
Не забыло таёжное эхо.

Каждый вздох, каждый шаг
Отдаётся всё чётче и чище –
Помнит топкий большак
Окрик кучера, свист кнутовища.

Дум чужих острова
Нам помогут с дороги не сбиться.
Чьи же это слова
И такие знакомые лица?

Тракт, то жгуч словно плетёшь,
То коряв, как язык инородца.
С ветром хочется петь,
И кандальная песня поётся.

* * *

Небеса засосало болото –
Крики птиц глубоки и низки,
Но рисует невидимый кто-то
На продрогшем тумане мостки.

И в багрово-кипящем закате,
По воде с леденящим лицом
Жерди, слани, упругие гати
Он выводит волшебным резцом.

Мы говорили обо всём и много,
И не было пределов естества,
Казалось мне, что я в ладони Бога
И не покорен власти большинства.

Я вздрагивал от огневых семантик,
Но главное в словах духовника
Запоминал – корчагинский романтик,
И смерть страны была недалеко.

* * *

Кто от судьбы не требовал поблажек
Ни тысячи, ни сотни, ни одной,
Кто был отпущен в муках на покой –
Ты помнишь их, озябший Сивцев Вражек,
Прикрывший ночь рассветной пеленой?

Ты, особняк ампирного декора,
На опустевшей чётной стороне
Расскажешь мне о мире и войне,
Припоминая графа и комкора,
Не извлекая прошлого извне.

Твои дома доходные, жилые,
Что скрыли от пылающей души,
О чём молчат подъезды, этажи,
Квартиры, антресоли той России,
В которой все мы только миражи.

* * *

Я был один, и я был подмастерье
С надеждами на мир выпускника.
Смотрели на меня все свысока,
И я пытался заслужить доверье.

Я ни минуты не скучал без дела,
Работал от зари и дотемна
И видел я, как доживали смело
Все те, кого оставила страна.

В палатах, процедурных, коридорах
Герои, что спокойны и скромны,
Всё время проводили в разговорах
И верили, что Родине нужны.

Я замирал от боевых историй,
И плакали порой фронтовики,

И проникали в глубь лабораторий
Былой войны седые сквозняки.

* * *

Отыграли семнадцать мгновений
Самой главной советской весны,
Во дворах превратились в мишени
Повзрослевшие внуки войны.

Им народной свободы наследник
Пел надрывно, срываясь на хрип,
И с презреньем скрипел двухкассетник
На всех тех, кто ещё не погиб,

И тогда паханы подворотен
Выясняли, кто прав, кто неправ,
Каждый был, словно песня, свободен
Сам себя в «дурака» обыграв.

И, вживаясь в блатные аккорды,
Пацаны проверяли свой фарт.
Годы юности в улицы втёрты,
Как провидел с Каретного бард.

* * *

Я не забыл и помню всё поныне:
Ко мне подплыл с волнистых простыней,
В огнях дорожных мировых ночей
Тревожный сон, подобный субмарине.

И все мои мечты, были в прицеле,
И снова я кричал сквозь сумрак: «Нет!»
Казалось мне, давно осатанели
Наводчики всех ядерных ракет.

И не было пощады в адском бое,
Я погибал мгновенно в двух мирах,
Но утро наступало на часах,
Явление предвещающая взвездное.

И вскоре на горящем циферблате
Рождалась чудотворная заря,
И в чувстве снисходящей благодати
Я узнавал Воскресшего Царя.

* * *

Священнику Дмитрию Трибушному

Пробьётся луч из темноты,
Заполнив светом неба щели.
Мы в эту зиму уцелели
И, словно тощие кроты,
Потянемся на звон капели.

Вокруг – движенье новых рас,
И время строит казематы,
И смерти крепкие обхваты
Знакомы нам не в первый раз –
Всех поджидает час расплаты.

Но силы обретая в храме
В объятьях многоликих свеч,
Мир предстаёт – широкоплеч...
И слышно, как над всеми нами
Царит Желаящий сберечь.

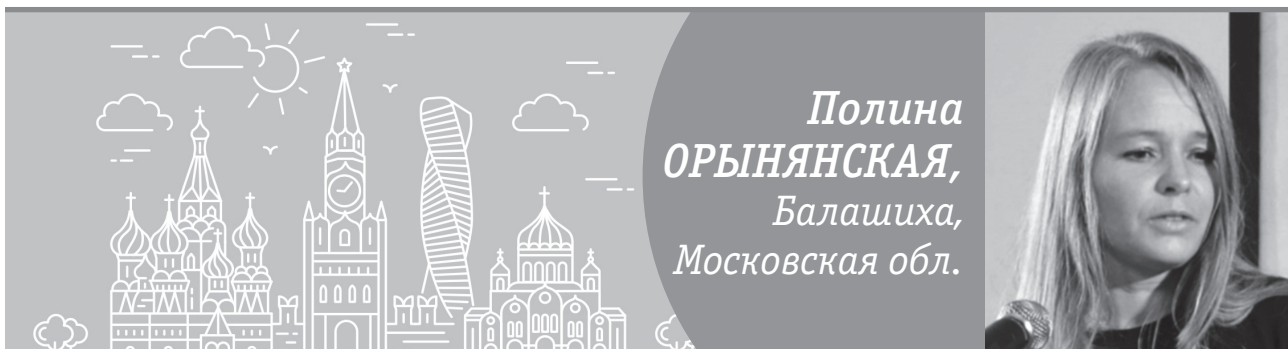
* * *

Разговориться, замолчать, потом,
Не позабыв причины разговора,
В любимом одиночестве земном
Ждать во дворе паденья метеора.

И, если в атмосфере в этот миг
Не прогорят летящие осколки,
Уйти домой и, отыскав на полке
Любимую из сотни разных книг,

Остаться с ней в тиши наедине.
И жизни, разделённые на главы,
Покажутся подобьем переправы
И мирный вечер приведут к войне.

И смертное дыханье превратив
Вначале в слово, а потом и в строки,
Несмело принимать судьбы намёки
И к вечной жизни обрести мотив.

ЭТОТ МИР

Позабыты давно адресаты написанных писем.
Ах, какой же по счёту была та лихая весна?..
И остались от прошлого пара сомнительных истин,
чей-то голос в толпе и обрывок тревожного сна.

Но когда вечерами секунды скребутся, как мыши,
выползая из старых часов на потёртый паркет,
я жалею о том, что под окнами спилены вишни,
и ни лавочек нет, ни старушек на лавочках нет.

Примирившись однажды с известным законом природы –
мол, родился на свет, значит, время придёт помереть,
я давно не ищу переправы, моста или брода...
Только жаль, двухэтажки ломают в соседнем дворе.

Я придумала мир с серебром тополей и туманов,
под босыми ногами шершавый и тёплый асфальт..
Я уйду, распахав этот сказочный мир по карманам.
Только письма останутся. Что в них? Не помню. А жаль...

ХОЛОДНЫЙ МАЙ

Утром проснёшься и вспомнишь: в мире
война.

Слышишь, как это странно: в мире – война.
Птицы поют, сирени опять цветут.
А война тут как тут.

Каждое утро страшно, как в первый раз.
Долго лежу, не открывая глаз.
Думаю: может, всё-таки это сон.
Человек – он слаб, он в прошлом укоренён.

А потом стисну зубы –
и верю снова, и снова живу.
Потому что всё наяву.

* * *

Вернулись чайки и кричат над озером,
срываясь то и дело в тишину.
Уходит май, подсвечивая розовым
мною так и не прожитую весну.

Холодный май... Но тронешь ветку яблони,
цветущей дички (слышишь, шмель жужжит?) –
и ветка эта, нежная, корявая,
качнётся, обещающая свет и жизнь.

И выплываешь из потьмы беспамятства,
где выпит свет зрачками чёрных дыр.
Война закончится, а мы останемся,
и нам ещё любить весь этот мир.

* * *

Проснёшься и глядишь, сощутив глаз,
как сеет утро сквозь весёлый ситчик
апрельский свет, звенящий от синичек..
Вот так бы просыпаться каждый раз –

ресницами размаргивать стрекоз
чуждого сна и солнечной пестряди...

Деревня, кони фыркают в леваде,
бежит вода, по ней бежит барбос,
за ним несутся дети, гомоня.

И жизнь проста, и смысл у жизни прост,
как семечка, пустившаяся в рост..
Не спи, проспишь весеннюю меня.

ВЕТОЧКА

А дожди взяли будни измором,
затянули небес горловину.
Всё казалось, что лето нескоро,
а уже зацветает малина.

Ты прохожий, и я мимоходом.
Оглянись, присмотришься и запомни,
как холодную вешнюю воду
согревают для ягоды корни.

Что там будет – не знаешь наверно.
Ни ответа тебе, ни приметы.
Но качается веточка мерно,
колыбельная веточка лета.

И на этом зелёном наречье
обещает живое, простое:
будет август – и сладок, и млечен,
будет время покоя.

СТРАННОЕ ВРЕМЯ

У луны оборваны лепестки.
Да гадать-то много ума не нужно.
Мне просторы осени велики.
Вместо листьев небо и небо в лужах.

Я стою столбом посреди травы.
Никаких ромашек, сухие стебли.
Это время странное для живых.
Время рваных снов, безответных реплик.

Справа – поле, поле, за полем лес.
слева – поле, поле, огни по краю...

А раскину руки – и выйдет крест,
а не птица, Господи, никакая.

СОЧЕЛЬНИК

Ночные заморозки-звоны,
дымов недвижные венцы.
И звёзды слышишь поимённо,
как будто звёзды – бубенцы.

Огни не гаснут, но стихают,
как в керосинках фитили.
И оглушительно дыханье,
и небу близко до земли.

Оно легло тебе на плечи,
и ты, атлант, не зная сам,
стоишь и держишь купол млечный.
Уйдёшь – и рухнут небеса.

БУНТАРЬ

Гордиться, в общем, нечем, но – закалён в боях,
пока ещё не вечер дать дуба в Дубаях,
случилась опечатка – по смыслу догоняй,
вот вам моя Камчатка, носите, негодяй,

я буря из стакана, мне штиль не по плечу,
как мумию вулкана раскачиваю чум,
дымок на тень нанизан, и солнышка чуть-чуть,
скользят по небу нинзя – обрывки чёрных туч,

не распуская нюни, на поле дураков
зарыл талант в июне, который был таков,
раздвинув прутья сути, стряхнув с ушей лапшу,
на воле полной грудью на ладан ландышу,

залгавшимися наслан за вышивку крестом,
где Тарантино маслом, Кустурица кустом,
пока знакомый клоун не изобрёл чернил,
в начале было сломан, но кто-то починил.

СНОВА ДАЧА

Порывом ветра форточку заткну,
народ, приняв по маленькой под вечер,
сжигает помидорную ботву,
как будто и заняться больше нечем,

закат – шашлычный кетчуп, огород,
где нежно пузырятся луж олады,
дымит ботва – её невпроворот,
поэтому забот хватило на день,

колючих искр сверкающая взвесь,
в саду за каждой яблоней засада,
мне нравится, что я сегодня здесь,
ни пирамид тебе, ни водопада,

грибной доносит свежестью с полей,
расчѐсан непогодой перелесок,
на дне корзины памяти моей
болтаются обрывки эсэмэсок,

в них пол-Европы яростью кипит,
хоть брату своему давно не сторож,
что напишу в ответ на их попыт
в душ наплевать, а в брызгах не утонешь,

нет, я не Байрон, нынче, я – другой,
на даче укрепившийся спонтанно,
и за границу больше ни ногой,
верните мне монетки из фонтана.

ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

Поверх голов гляжу без интереса
готов хоть на Венеру, хоть на Марс,
вокруг толпа шумит какого песо,
какое дело мне до потных масс,

на личный остров время разориться,
довольствоваться малым, как удав,
недаром Паниковский бросил птицу,
в чернильницу сатирикам попав,

в твоём запасе огненные гены,
а там гостят татарин и чечен,
припомнишь, по спасенью Карфагена
переговоры кончились ничем,

как вздёрнули посыльного из Рима,
поэтому, в сомнениях рождён,
не просыхаешь даже в обозримом,
навек не разлей вода с дождём,

пока верны движенья и упруги
вручили бы чего, а ты и рад –
за гири и за прочие заслуги
нет места на груди от винограду,

скрипит перо, как сода питьевая.
созвучия толкаются, грубя,
а за окошком сваи забивают,
пытаясь достучаться до тебя.

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Хоть туманом войны не намылен,
выбрит брызгами визга собачьего,
обоюдной любовью навылет
поражён, ну а ты не побачила –

хоть ранение это сквозное
за внезапное счастье в отместку мне,
я пострижен стрекозами зноя,
до макушки обклеен повестками,

пусть пинается чокнутый ветер,
чтоб вокруг не ходили да около,
я тебя во Вселенной приметил,
где повсюду какая-то оторопь,

принимаем из фляжки удачу –
без напитка для близости нам нельзя,
беспилотник души перехвачен,
потому что указан в анамнезе,

понимаем под небом попутным,
разукрашенным звёздами пыльными,
как топорные пилятся пункты,
засыпая овраги опилками,

нашепчу прямо в нежное ушко,
на промытой рассветом поляне я –
ты моя тепловая ловушка,
беспощадный агент возлияния.

ПРОЩАНИЕ В ИЮЛЕ

Справиться, Господи, дай мне
с памятью горькой вины –
долго плутал меж рядами
в зрительном зале страны,

всё так знакомо, однако –
очередей бла-бла-бла,
или же пьяная драка
выскочит из-за угла,

пивом пропахшее лето,
жизнь без особых затей –
кто и во что мы одеты,
как зачинаем детей,

жалко, болеет восьмёркой
выцветший велосипед,

веет от клумбы касторкой,
мама зовёт на обед,

ей обнаружить не время –
между плитой и стеной
дольче габбанка с вареньем
ополовинена мной,

словно с советского диска
голос в окошке родной:
«что-то гремит слишком близко,
быстро, котёнок, домой»,

вздвогнув, шарахнуло снова,
небо согнулось в дугу,
и, в полушаге от дома,
не шелохнувшись, бегу.

ПОГРАНИЧНЫЕ ЗАВЕТЫ

Разрядил карабин, покормил собак, заплатил ясак,
Да пребудет в избушке извечный и гордый Кутх,
Эти с Запада люди – тоже про чудеса,
Всё никак не запомню, как их зовут.

Казачьё-дурачьё, косматые рожи, губа-Кубань,
Или как там они говорят (не молчит никто),
Островочки брали, только пальчики загибай,
Волей-неволей и сам перекрестисься, автохтон.

Они бьют спину ветками, заливают в себя огонь,
Жидкий огонь даже жарче, чем та вода,
Что течёт из вулканов, и казачее «ого-го!»
Выливается вместо понятных слогов из рта.

Я не то чтоб шаман, но дело имел с огнём,
Вам расскажет об этом моих меткостей череда
И предчувствие, что мы на Запад ещё пойдём,
Рука об руку – камчатец и камчадал.

«СОМАЛИ»

...и только танк надует паруса,
Держа по ветру свой железный хобот,
Как тут же хруст растает на «глазах»
Под натиском других железных лодок,

Из дизельных утроб летят подарки,
Их экипаж небрежно принял вызов –
Бегут, бегут блакитные подранки
Всухую пережёванных дивизий.
Я там бывал, я это говорю,
И если я совру, то мне не жить,

Там даже смерть вели по букварю,
Как по доске. Наточены ножи.
Пусть танковый запустят водевиль

Зять с Воробьём. Противник «не алё».
Ведь даже вечность напугал и удивил
Отдельный наш пиратский батальон.

ТАБОР

... и кевларовый табор за бронированной арбой
тащится всей толпой, по-хаковому рябой,
лакомые батальоны, вытянуты вкривь и вкось
как в половецких степях – горловая кость,
высылают вперёд дозоры, выглядывают в тепляки,
прочные нити пропущены сквозь ножей темляки,
сколько донник разум им не тумань –
Тамань уже за спиной, за спиной Тамань.
Новый их командир щурится с хитрецей,
счастье с таким схлестнуться – хуже дышать пылью,
снятой всеми ветрами с дикой травы вершин
и в косую версту вплетающей наш аршин;
скифские мои братья, взятые под ружьё,
выбросили на кутёж всё взбалмошное рыжьё,
ведь больше иных позолот в гущу боёв влекли
соскребавшие с неба солнце азовские ветряки.
Нюхай теперь их йод, больше от йода млей,
завоёванные моря – самые внутренние из морей,
и, возможно, ты не простишь эти мои слова,
внутренности переламывают жернова,
жаркие жернова, жирные желваки,
каменные скрижали дожёвывают враги,
сами себя поедают, превосходя матчасть –
нам о подобных ересях не приходится и мечтать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...мы одеты в наш православный мох
наши крики в горле стоят комком
но приказ который даёт комкор
выполняем взрывам наперекор
и отряды снова на штурм идут
мы ныряем в омут как в тот Бахмút
даже тот из нас кто по штату мудр
не доверяет здесь никому –
кроме брата что встал к плечу
и неважно квартира пещера чум
даже если раунд прошёл вничью
мы тут до следующего заночуем
график рваный у нас пускай
сколько ладонь ни снимай с виска
даже тот кто «богом» себя нарёк

перед смертью встанет под козырёк –
чертыханьями смазанная арта
посоветует как скоротать
без фантомного жира денёк другой
без того что бросили за рекой –
чтобы всё вернуть мы идём в замес
белые скалы Изюмский лес...

* * *

Густой амфир ясиноватства:
В распутице веков дрожа,
В угаре равенства и братства
Хрустит архитектурный жанр.
Снесён снарядом душный эркер,
На скате кровли – туп и рьян –
Кусок металла в табакерке,

Плевки бетонного зверья.
 И мы ещё не стали чище,
 И, сколько тьмы ни берегись,
 Один Господь, простой и нищий,
 Переключает наш регистр.
 Застывших каменных симфоний
 Царапины и каждый шрам
 Насыщен копотью и вонью,
 Но не показан корешам.
 И в этом таинстве жилищном,
 В романтике донбасских крыш,
 Едва забыв о мраке личном,
 Ты обезвоженный стоишь.

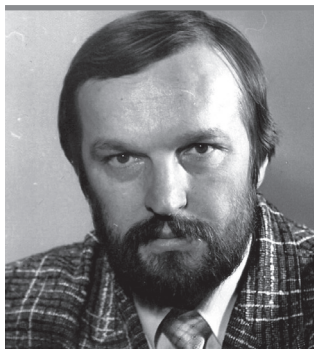
Густой амбир ясиноватства...

ОБЛАКО

Ты так беспокойна, как ночь в Кабуле,
 Где коврово-пряная свистопляска.
 В каждом доме – пули, изгибы улиц
 Повторяют арабскую вязь Дамаска.
 И сочится пар сквозь узор хаммама,
 Эта сладость стонет исламским шоком –
 Твои рынки полны расписного хлама,
 Твоя кожа покрыта имбирным шёлком.
 Впрочем, мой мозг переполнен лишним,
 В этой мозаике из баталий
 Твой Восток – неизменно Ближний,
 Мой Восток – откровенно Дальний.
 Впрочем, сколько ни пьялся в окно резное,
 Безграничность восточных степей иссякла.
 Мой дремучий Север острее зноя.
 Твой летучий Юг – кровавая клятва.
 И над нашим союзом все боги пляшут,
 Проносясь сквозь время кошмарным роем;
 Мы раскрасим небо в лихую яшму –
 Вместе – мы облако очередное.

ШТУРМОВИКИ

Снова февральские штормы вовсю канючат:
 Вьюги, метели, ошмётки домов, железа –
 Воздух на ЛБС недвусмысленно так колючей,
 Чем в Соловках у сидельцев иных аскеза...
 ...фронтовые картинки густее, чем в фильмах Джармуша,
 Это не в минус братве, скорее на сердце бархат
 Тем, кто на горку однажды сменил пижаму
 И сегодня бессмертно идёт погибать на Бахмут.
 Их давно не обманешь, не запутаешь байкой-чуйкой,
 Каждый из них упрям в доле своей штрафбатской,
 Осознавая, что нет воздушнее и летучей
 Обретённой в бою свободы степей Донбасса.
 И каких бы бандитов ящик из них ни корчил,
 Натянув на себя белоснежно-дежурный плащик,
 Они выходят на холм позвонить сыновьям и дочкам –
 Сообщить, что отныне их долг уплачен.

*Николай
ПЕРЕЯСЛОВ,
Москва*

* * *

Не ад, не рай, но что-то же должно быть
за той чертой, когда, сомкнув глаза,
мы возвратим земле земное, чтобы
небесное – вернулось в небеса?..

Жизнь – мимолётна. Но земная вещность
нам для того, быть может, и дана,
чтоб рядом с нею познавалась Вечность,
словно на фоне шума – тишина.

Пусть мир вокруг материален в доску –
так, что всё можно трогать и вкушать,
как мармелад, вино иль папироску,
но это – плоть, а есть ещё – душа.

И, оглянувшись на весь путь с рожденья,
мы вдруг поймём, увидев жизнь вдали,
что смерть – не больше, чем освобожденье
от силы притяжения Земли...

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
сизу ли дома до поры,
я вижу, как в просторах лунных
горят далёкие миры.

Из бездны космоса далёкой
ко мне летит их слабый свет.
И сердцу вновь не одиноко
идти сквозь дали дней и лет.

Живу, как пьяный иль влюблённый,
смотрю в космический покой –
и вижу берег отдалённый,
где кто-то машет мне рукой.

Стою под сводом звёздоглавым,
как на паромной, у реки,
где светят из-за переправы
родной деревни огоньки...

ПЕРЕМЕНЫ

Я ехал железной дорогою
по бывшей великой стране,
где детство моё босоное
однажды привиделось мне.

Тропинкой в поля кукурузные
оно укатилось, как мяч,
под речи советско-союзные
о новых масштабах задач.

Вокруг зеленели акации,
над ними синел небосвод.
И самые разные нации
сплавлялись в единый народ...

Кого осудить нынче вправе я?
Смотрю лишь, тоску затая:
чужой стала ныне Молдавия,
чужой – Украина моя.

В клочки разлетелась империя
от взрыва коварства и лжи!
С такой небывалой потерей
как дальше в истории жить?..

Оркестры победно-счастливые
давно не гремят над страной.
Поля зарастают крапивою,
опять становясь целиной.

Лишь спящие под обелисками
безмолвно кричат в тишину:
«Зачем же мы, кровь свою выплескав,
погибли за эту страну?!»

* * *

Двадцать первый век на дворе.
Снова враг стоит на Угре.
И хоть он пришёл не с востока,
действует он зло и жестоко.

Снова вместо сёл – пустыри.
Лезут на престол – упыри.
Нивы позабыли о плуге.
Блуд разлит по каждой округе.

Русь моя! Ока и Угра!
Над тобой чужие ветра,
шелестя погостным бурьяном,
носят славу западным ханам...

Гаснет наш в истории след.
Где они – Боброк, Пересвет?
Скоро ль, разогнав рынок хитрый,
явится наш новый Димитрий?

Русь моя! Непрядва и Буг!
Отряси неправду, как пух!
Есть ещё мужи по уделам,
годные для ратного дела!..

В БОЛЬНИЦЕ

Я смерть прошу: не надо, подожди,
не торопись – ещё мне очень нужно
смотреть, как льются летние дожди
и воют вьюги зимние натужно.

Я так люблю, когда цветёт сирень!
Мне сладок воздух чистый послегрозя.
Жизнь – виноградник Божий. Что ни день –
в нём зреют счастья золотые гроздья.

Наступит час – мы все покинем свет,
уйдя туда, откуда нет возврата.
Там нет сирени. Летних ливней нет.
И ничего душе не будет надо.

Во все концы, куда ни погляди –
Господня слава всё собою полнит.
Как сладко там!.. Но прежде, чем уйти
в ту даль, так важно – этот мир запомнить...

ИМЯ

Смята мраком сугробов перина,
волчи свадьбы вершатся в бору.
Мир затих. Только имя Марина
бьётся птицей на чёрном ветру.

Льдом сковало прозрачные лужи
истекающей соком луны.
Чем укрыть мне тебя в этой стуже,
заморозившей душу страны?

Оглянусь на немые равнины –
неужели пришёл Страшный суд?
Ах, Марина, Марина, Марина,
вот уж ангелы чаши несут!

Лишь одно греет сердце отрадой,
глядя в даль занебесной тиши:
что и там – навсегда будут рядом
две иззябшие наши души...

Юрий
ПЕРМИНОВ,
Омск

ПРОВОДЫ

Невесомой прожилкой застыл со вчера
окоёма осеннего прочерк...

На войну провожали Смирнова Петра –
пели песню про синий платочек.

Мало-мало мешал мне в груди топоток,
и гармонь – износилась немало.
Молодая жена теребила платок,
молча плакала Петина мама.

Мы не ладили с ним, шалопутным, допрежь –
он мне рэпом выматывал душу,
а вчера – обращался почтительно: «Врежь,
дядя Юра, – сыграй, про Катюшу!»

Холод сковывал грузные тучи внахлѣст...
Оттого ль, что мы пели сердечно,
засияли – к полуночи – яблоки звѣзд
над посѣлком? И груши, конечно.

Разом сил не напрясть на любую напасть,
но, даст Бог, одолеем и эту...

...И честила родня двоедушную власть,
и пила – за Петра и Победу.

СОСЕДИ ПО ДАЧЕ

Бранились мы, не выбирая терминов,
душевных сил расходуя запас:
с молодых ногтей туземец – Юра Перминов
и Загоруйко, родом из Черкасс.

Казалось бы, сажѣни все изведаны,
но мой сосед – багровый, как свекла,
ревел, что между нашими фазендами
граница, где попало, пролегла.

А тут – такое... В общем, даже гóда мы
не продержались (боль – навек остра):
снесли штакетник между огородами,
потом роняли слѣзы у костра.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сегодня враз – на утренней заре,
плечом к плечу, ну и хмельные малость –
так мужики запели во дворе,
что в нашем доме спящих не осталось.

Кто кофе пьѣт, а кто – дымит в окно,
кто ест, а кто – изжогу мучит содой:
дела такие – разные – давно
мы называем внутренней свободой.

Потянет вскоре ситничком с небес,
а здесь, в бесѣдке, родственно горланя,
заначки разматав на чимергес,
вот-вот взовьются соколы орлами!
Я знаю всех поющих – как родных –
по голосам их различаю даже...

...И в том кругу молчал один из них –
соседский сын в армейском камуфляже,
(впервые за полгода – налегке),
остатним утром ведренного мая
в тяжѣлом, обожжѣнном кулаке
ромашку незатейную сжимая.

* * *

Водицей мутной полнится овраг...
Когда-то здесь, о чѣм не помнят сами,
чужие люди вдалбливали сваи
под не пойми какой универмаг.

Застыло небо цвета суровья...
 Пойду, спрошу у дворника: не вы ли,
 товарищ, разрешение на вылет
 даёте птицам – в тёплые края?

Ответит мне осанистый Нияз,
 что эти птицы – нашенские, то бишь
 их даже холодами не озлобишь,
 а холода – терпимые у нас.

* * *

Детский дом вечеряющим солнцем расцветен,
 в мастерской для хозяйственных дел ребяг
 льёт заботно и споро окопные свечи
 на исходе обычного школьного дня –
 с верой в то, что помогут вернуться живыми
 всем – конечно, с победой! – жестянки-светцы...

А за тысячи вёрст согреваются ими
 никому из ребят не чужие отцы...

* * *

Жаль, что ночи короткие нынче – всё чаще
 снится мама; и с каждым, как видится, днём,
 с каждым вдохом и шагом – мгновением! – вяще
 прирастает окрестный – к душе – окоём.

Веет свежим теплом из окольной чащобы...
 Отправляюсь туда, чтобы накоротке
 пообщаться приветно с безмолвием, чтобы
 поразмыслить о вечном на ветхом пенёке.

Небесами округа мирская объята,
 докучает – не то чтобы зло – мошкара...

А с утра на пенёке появились опята,
 и не всё ли едино – с какого утра...

НОЧНОЕ

* * *

Суседко чей-то всхлипывает или
 смеситель не закрыли до конца?
 А может быть, в подъезде приютили,
 как было не однажды, ушлеца,
 невесть за что втеснённого юдолью
 в бродяжью горемычную болоть?..
 А если так, и нас, жильцов, любовью
 не обойдёт и в эту ночь Господь.

Погожий день – ещё в начале;
 немотно, будто у меня
 в квартире сам Иван Молчальник
 гостит, как близкая родня.

Чирикнет чувственно синица,
 с утра мой хлеб прияв еси,
 и тишина не здесь продлится
 а там уже – на небеси.

* * *

Кто говорит: «Районный колорит», –
тот ни о чём, дурашка, говорит.
Ну, вот и я почти не говорю
о том, как, тучи сталкивая лбами,
полощет ветер сонную зарю,
зевая над окошком и домами;
как присоснился радостный снегирь,
а под сосной, души в себе не чая,
сосед-спортсмен играет парой гирь –

легко, но снегиря не замечая;
о том, как Свет – среди людей – возник
по Божьей воле, что ни говорите
о чудесах... Ну кто сейчас из них –
людей – заговорит о «колорите»?..

Хотя с утра, быть может, на волне
весенних чувств (настала, мол, житуха)
мычала колоритная вполне,
гуляющая в рощице, Пеструха.

*Виктор
ПЕТРОВ,
Ростов-на-Дону*

ВАГОН

Куда он следует – вагон полупустой?
И позади уже разобран путь советский,
И машинисту дадена команда: «Стой!»,
Да вот народ в дорогу подобрался дерзкий.

Народ по-своему желает – как всегда,
И машинист лихой – опять же несговорчив.
Давно сошла с пути вагонов череда,
А этот мчит себе и в окнах рожи корчит.

Я в том вагоне, я со всеми и, как все,
Рыдаю и смеюсь, чаи гонять гоняю.
И наплевать, что в придорожной полосе
Косит вослед нечистая очей огнями.

Разобран мост – летит по воздуху вагон:
Не привыкать... Ещё и не такое сможем!
Да только слишком затянулся перегон...
Взгляни сюда и помоги нам, правый Боже!

Мы грешники. Таких на свете больше нет!
И свойство есть у нас – не свойство,
а геройство:

Явить себя чудесным образом на свет,
Как будто из равнины русской вдруг горой
стать.

Увидеть далеко-далёко грешный мир,
И взор уйдёт туда, откуда нет возврата.
И не черту вести – прерывистый пунктир
Встречаемых огней – за все грехи расплата.

ХРАНИТЕЛЬ ЗНАМЕНИ

Была страна, и нет страны –
Сгорела синим пламенем.
Рыдают глупые сыны,
Но есть хранитель знамени!
Когда спускали красный флаг
С крестом серпа и молота,
То ликовал заморский враг,
Что Русь моя расколота.
И гимн звучал, как скорбный блюз,
Вскрывая звуком вены мне.
Так нерушимый наш Союз
Разрушен был в мгновение.
От Владика и до Карпат
Стояло голошение:
Прощай, советский крест – серпа
И молота скрещение!

Пришла народная беда –
 Сменили знамя знаменем,
 И стал я каменным тогда,
 Во мне – другой, неизвестный.
 А с красным флагом что и как?
 Прости-прощай, империя!
 Куда исчез величья знак,
 Уже не флаг – материя?
 Но встал один из всех – за всех! –
 Решительного звания,
 Свернул кумач, не глядя вверх...
 Таков – хранитель знамени!
 Вверху не свет – зиянье тьмы:
 Взглянуть – увидеть дьявола,
 И потому, не глядя, мы
 Сошлись во тьме отъявленной.
 Случилось так, да всё не так!
 Мы стали неуступчивей:
 И если мрак, да сгинет мрак,
 Когда просвет меж тучами!
 А имярек, до сей поры
 Не поступясь державою,
 Идёт на бранные пиры –
 В края от крови ржавые.
 Идёт солдат не солнцу встречь,
 А наступает к западу:
 От Сталинграда путь на Керчь –
 Вершит судьбу внезапную.
 Идёт, как древко, прям, упрям,
 Обвита грудь полотнищем.
 Солдат и здесь, и там, и сям:
 Убьют, встаёт – живой ещё.
 А ну, прибалты, от винта,
 И шла бы, шляхта, далее!..
 Где Бранденбургские врата
 И где рейхсканцелярия?
 Идёт к Берлину – братъ готов!
 А там – картина жуткая:
 Ударил свет прожекторов –
 Приказ на штурм от Жукова.
 Виднее на свету рейхстаг,
 И путь бойца яснее ясного,

ГОЛУБЬ

А я голубь!.. Не жаворонок, не сова:
 Спать ложусь – как ложусь и встаю – как встаю.
 Караулят меня вертухаи-слова,
 Чтобы всё позабыл, даже любовь твою.

И расцветает красный флаг,
 И нет прекрасней цвета красного!

БРАТЫ

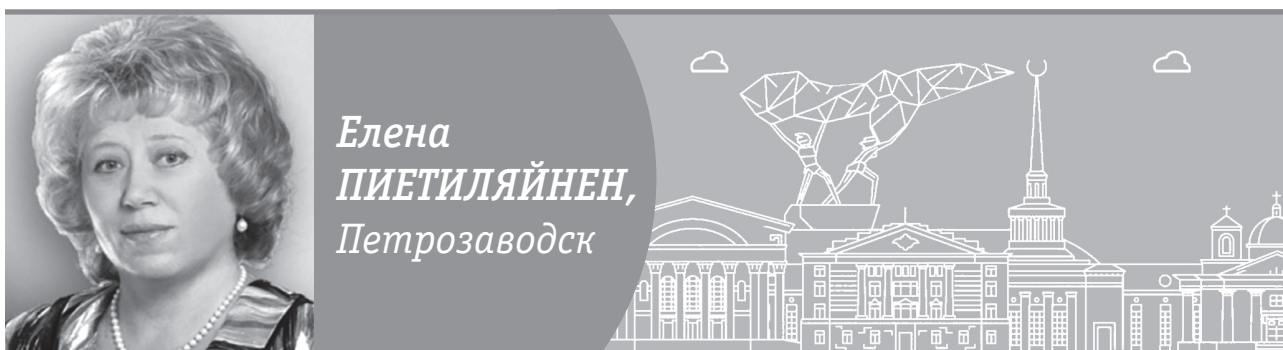
Бьются братья смертным боем –
 Брату брат уже не брат.
 Столкновенье лобовое,
 Мат стоит да перемат.
 Выгорело чисто поле,
 Крыто залповым огнём.
 И с Андрием дьявол в доле,
 Плачет паночка о нём.
 Горе горькое Тарасу –
 Люльку с горя уронил...
 И курочат танки трассу
 Тыщей лошадиных сил.
 Ну а ляхи, что там ляхи
 Всех мастей и всех времён?!
 Шиты смертные рубахи,
 Да не каждый погребён.
 Потому как батарея
 Бьёт прицельно по врагу,
 И заката флаг, не рея,
 Сник на траурном снегу.
 Близок холод, лютый холод –
 Жизни прежней больше нет:
 Сердце так и ходит, ходит,
 Разорвав бронезилет.
 Марш – с этапа до этапа –
 Изо всех железных жил.
 Где Остап? А нет Остапа –
 Сынку голову сложил.
 Птица Жаль стенает следом,
 Эта Жаль – всему беда.
 Никому ещё не ведом
 Путь последний в никуда.
 Что же будет? Ветер будет
 Над сгоревшим полем выть
 И, как датский принц, рассудит:
 Быть – кому? кому – не быть?

Мне куда от них?! Только и сам не уйду...
Отбываю тюремный пожизненный срок:
Радость радует, или беду беду –
Вижу небо клочок за решёткою строк.

Высь, как знамя, зовёт... Шапку – оземь: эх, ма!..
И туда, где степей выдох, грома раскат...
Голубица – крыло в крыло – жёнка моя!..
О таком написать бы правдивый рассказ!

Что нам день и что ночь?! Это всё равно,
Если времени в обрез у голубей.
Вот и бьёмся о решётку, а там – черно:
«Только, милая, себя ты не убей!»

Как без тебя? – знать не знаю. Да никак!
Проще голубиною сердца разрыв,
Чем во всём разбираться, во всё вникать
И не слышать знаменной выси призыв.

НЕНАГЛЯДНОЕ ОЗЕРО

* * *

Глаз твоих ненаглядное озеро,
Губ твоих заповедное таинство...
Счастье то волновало грозами,
То безмолвно и тихо таяло.

Мне с тобою и горько, и сладостно –
Держит сердце моё равновесие.
Мне с тобою печально и радостно,
Мне с тобою и грустно, и весело.

Оттого, что душа наполнена,
Я стихи писать не забросила.
Набегает пусть тёплыми волнами
Глаз твоих ненаглядное озеро...

Ты думал, что получится с другой...
Но вот с другой ни чуточки не вышло.
Всё то, что предназначено нам свыше
Не вычеркнуть строптивою рукой.

А ты мечтал наивно о другой ...

Под медленной таинственной рекой
Нам не видать воды круговорота.
Рискованно идти, не зная брода.
Ты думал, что получится с другой...

А та, другая, стала не такой,
Какой её ты представлял, не так ли?
И не похожа на меня ни капли.
Ты думал, что получится с другой...

ДОЖДЬ НА ДВОИХ

Этот дождь проливной куролесил на крыше,
 По-сиротски топтался у входа всю ночь.
 Ты неспал, тыдыханье возлюбленной слышал,
 Но не мог ни утешить, ни чем-то помочь.
 И она не спала.
 Дождь не дал ей покоя.
 Как лишает покоя лихая беда.
 И по стёклам стекала небесной рекою
 Умывая их утром, живая вода.
 Но друг друга вы так в этот сумрачный
 ливень,
 Что качался с ветрами на проводах,
 Безоглядно отчаянно, страстно любили,
 Хоть и в разных постелях и городах...

* * *

Люблю роскошество сирени
 И яблонь долгожданный цвет.
 Берёз размашистые тени,
 Дождей слезливых скорбный след.
 Наивность дерзкую июня,
 Когда всё лето впереди!..
 И с ним мы тоже снова юны,
 Надежда душу бередит...
 И наслажденье жизнью скроет
 Надрыв нечаянных потерь.
 А дни летят беспечным роем
 В мою распахнутую дверь...

* * *

Я знаю, что закончится война.
 И пусть ещё нам не известна дата...
 Наступит мир – домой придут солдаты.
 И прослезится новая весна...

Я знаю, что закончится война.
 Кончатся всегда шторма и грозы.
 В садах и на могилах будут розы –
 И чаша скорби выпита до дна.

Я знаю, что кончается война,
 Хотя летят снаряды из орудий...
 С защитниками вместе рядом будем –
 У нас страна и родина одна.

* * *

Никогда не бывает поздно!
 Невозможно в любви опоздать,
 И в осенних созвездий гроздьях
 Вызревает твоя звезда.
 Вдруг, сорвавшись, летит навстречу –
 Осторожно! Не прогляди!
 Обернувшись туманом, вечер
 Утром инеем наследил.
 Никогда не бывает поздно!
 Тает изморозь на листьях.
 Это те же ночные звёзды,
 Как слова на моих устах.
 Тайный путь их пусть мной не познан,
 Давит вены сомнений жгут.
 Никогда не бывает поздно,
 Если люди друг друга ждут.

* * *

Трагедия оставленных домов –
 То темнота невыплаканных окон.
 И немота засохшего истока –
 Сюжет кошмарных беспробудных снов.
 Или заброшенность – не сон, а явь?
 Тучнеет в небе дикая зарница,
 Своим теплом горячечным объяв
 Озёр лесных сквозящие глазницы.
 Листва, в уюте розовом сомлев,
 Скользнёт с деревьев облегчённым вздохом,
 Прижмётся к остывающей земле.
 В её исчезновенье нет подвоха.
 Но крах – с исчезновением людей,
 Вдруг побросавших тёплые жилища.
 И что они на белом свете ищут
 От этих – брошенных – до тех – других –
 дверей?

Трагедия оставленных домов –
 В насупленных и обветшавших крышах.
 Их брёвна – в плесневелых пупырышках,
 Но нет ни лекаря, ни сердобольных слов.
 И где бредёт ушедший человек,
 Забыв в порыве, что земля – по кругу.
 ...Настанет день – и он протянет руку
 К дверям, которых не касался век.

***

Не обрывай восторга сожалением,
Не отравляй упрёками любви.
Припал, как пёс, сентябрь к моим коленям,
Но ты его тихонько отзови.
Пускай ещё расплавленное лето
Смолой сосновой тает на стволах...
Сентябрь янтарный каплею последней
Перепополняет чашу на Весах.
Весы – моё созвездие рожденья,
А осень – и что ни говори –
Перетекает в сердце наслажденье
Блаженно распластавшейся зари...

***

Пусть нас никогда не покинет любовь
Даже в минуты ожесточенья.
Пусть будет сердце приютом прощенья
В непредсказуемости любой.
Пусть нас никогда не покинет любовь
Даже в минуты глухого бессилья.
Утешь меня словом, родная Россия,
И Чашу священную мне приготовь.
Пусть нас никогда не покинет любовь
Даже в минуты отчаянной скорби.
Мой век поседевший печальями сторблен.
Но всходит звезда Вифлеемская вновь!
Пусть нас никогда не покинет любовь...

Татьяна
ПИСКАРЁВА,
Москва

Из сербской поэзии XIX – XX веков
(Милорад Шапчанин, Бранко Радичевич,
Йован Суботиц, Йован Пачич,
Бранислав Нушич).

БОЧКА СВЕТЛОГО ВИНА

Белый круг сияет Солнца –
бочка светлого вина.
У неё не видно донца:
до краёв вином полна.

Пусть моё предположенье
вам покажется смешным,
я сужу: вина брожение
есть и в небе, и под ним.

Брызги звёзд – из золотого
и хмельного Солнца круга,
ну а рядом молодого
Месяца дуга из дуба.

В дивной бочке деревянной
винной влаги очень много –
так сужу, весёлый, пьяный
и к себе не очень строгий.

Под хмельным простором неба
сделал вывод я несложный:
что вина там много, други!
Всё испить его не сможем!

ЖАЛОБА

Днём назову ли я сумерек пору?
Солнца не вижу. Мне верить ли взору?
Если и выглянет – хмуро глядит,
Сердце жестоко моё леденит.

Время ль неспешной холодной змеёй
Двигается медленней – вместе со мной?
В кольца свернулось, не хочет огня,
Остановило в дороге меня...

Полею иду, но земля подо мной
 Глухо гудит в пустоте гробовой.
 Слышал сейчас, будто кто-то позвал...
 Да, я иду!.. Но зачем же я встал?..

ОБЛАКА

Знаешь ли, куда хотел бы
 я сегодня устремиться?
 К облакам легчайшим в небе
 полететь хочу, как птица.

Там, где ветер нежно вьётся,
 там, где день лазурный длится, –
 кто-то пляшет и смеётся,
 кто-то весело ружится.

Всем скажу, что там – напевы
 милых девушек смешливых,
 что им нравится на небе
 в хоровод вставать незримый.

Так прекрасны, что у сердца
 стук негромкий замирает.
 Так чудесны, что дыханье
 моё вовсе прерывает.

Гибких крыльев не дано мне,
 хоть душа моя легка.
 Если б были – то взлетел бы
 прямо в небо, в облака!

КАВАЛЕРИЙСКАЯ АТАКА

Радость в час жестокой битвы –
 засверкали сабель бритвы,
 глас трубы зовёт.
 Ветер знамя раздувает,
 барабанщик дробь играет –
 к подвигу ведёт.

Ветераны нам примером
 как гордиться бранным делом.
 Вид красив и строг.

Грохот пушек, залпы ружей,
 наступаем споро, дружно –
 то врагу урок.

Слышит враг, как лес и горы,
 будто в грозовую пору –
 от громов дрожат.
 Видит враг, что нет пощады.
 В этой битве небывалой
 мы сильнее стократ.

Восхитимся мы победой,
 славой, что знавали деды.
 А высокий слог
 нам для песни хором, братья,
 после дружеских объятий:
 ныне с нами Бог!

ТЕМ, КТО ЛИШАЕТСЯ СИЛ

Видишь, как облако по небу мчится,
 Глянь, как волна на протоке струится, –
 так же и юность летит.
 Только мгновенье – и молодость гаснет,
 жизнь исчезает, но слёзы напрасны,
 старость о прошлом молчит.

Если надежды, желанья, счастье –
 всё истончилось, как радость в ненастье,
 если и друг подзабыл –
 что ж, уходи, не ищи состраданья!
 В мире цветущем не будет признанья
 тем, кто лишается сил.

Жизни стремительной ярко волнение.
 Только вначале бесценно кипение –
 радуйся, пой и ликуй!
 Ну а потом не ропщи и безмолвствуй...
 Книги-судьбы своей высохший остов
 детям в забаву даруй.

*Екатерина
ПОЛЯНСКАЯ,
Санкт-
Петербург*

* * *

Увижу ль снова реку, остров
И створы по реке,
Пучок травы сухой и жёсткой
Сожму ль ещё в руке?

Услышу ли печаль степную,
Полынный горький зов –
Печаль нездешнюю, иную
Не знающую слов?

Коснусь ли гривы лошадиной
Обветренной щекой?..
На всех путях земных едины
Тревога и покой,

И табуны времён, что мимо
Из тьмы во тьму пылят,
И вечности неугасимый
Неумолимый взгляд.

* * *

Ах ты, птичка, красногрудый снегирёк!
Что-то в жизни всё не вдоль, а поперёк:
То ли зябнет неприкрытая спина,
То ли ноет избытая вина.

То ли ветер завывает слишком зло,
То ли все пути-дороги занесло,
То ли друг, что бесконечно дорог был,
Мне давно уже не пишет – позабыл.

Или те, кому помочь ещё могла,
Да не помогла – дождём прошла,
Закружилась в круговерти суеты –
На меня теперь глядят из пустоты.

Ах ты, птичка, стойкий маленький флейтист,
Согревающий собою снежный лист,
Чтобы вновь я удержалась на краю,
Просвисти простую песенку свою.

* * *

Тонкой стрелкою прошит,
Час полуночный дрожит
В тишине пустой и гулкой.
Всё у нас не навсегда,
Наше горе – не беда.
Над ослепшим переулком
Просыпается звезда.

Не надейся и не плачь –
Пусть река уносит мяч
Дальше и бесповоротней.
Тают памяти круги –
Не жалея, не береги,
Затихают в подворотне
Торопливые шаги.

Отмель времени. Отлив,
Словно вздох, нетороплив.
Ломкой зыбью серебристой
Гаснет чуть заметный след
Лёгких снов, где смерти нет –
Только льющийся, ручьистый,
Безмятежно-тихий свет.

* * *

Сквозь снежный смех, сквозь колкий прах,
Лететь вдоль тонкой льдистой кромки
Небытия. Под конский мах
Глядеть на пересохший, ломкий

Бурьян, на прошлогодний хлам,
 На куст в серёжках тёмно-рыжих,
 Скользить по сучьям и ветвям
 Всё безогладнее и выше

Туда, где призрачно-легки
 Ветвей ажурные ворота,
 И бледной просини мазки,
 Как будто бы огромный кто-то

Глядит сквозь ледяную хмарь
 В чуть приоткрывшиеся щёлки.
 А под копытами январь
 Дробится с хрустом на осколки.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Пока они ждут обновленья,
 Свободы неведомой ждут,
 Смыкаются накрепко звенья,
 И время свивается в жгут.

Они ещё шутят, смеются,
 Нахваливают пироги,
 А где-то уже раздаются
 Патрульных глухие шаги.

Ещё не померкли улыбки,
 Не взорван привычный уют,
 И только цыганские скрипки
 О вечной разлуке поют.

В последнем порыве всё выше
 Почти отзвучавший пролог,
 И скоро, так скоро услышит
 Смертельную музыку – Блок.

ЗАМОК

*«...в лентах и звездах,
 Вином и злобой упоенны,
 Идут убийцы потаенны...»*

А. С. Пушкин

Ночь тиха, как сонный стон,
 Мёрзнет нечисть под мостом.
 Перепутав быль и небыль,
 Тёмный замок прямо в небо
 Упирается крестом.

Что там – ответ или свет?
 Лишь рассохшийся паркет
 Чуть поскрипывает в залах.
 ...А блаженная сказала:
 «Сколько букв – и столько лет».

В облака ушла луна,
 Тонок лёд, вода темна.
 Только небо в чёрных дырах,
 Только тускло на мундирах
 Серебрятся ордена.

Ненадёжен караул,
 Часовой почти уснул.
 Только призрачные лица,
 Только зеркало кривится,
 Да сквозняк свечу задул.

Ветру выть да завывать.
 Отчего жестка кровать?
 Всё сегодня против правил...
 Павел, Павел, бедный Павел,
 Чему быть – не миновать.

Тихо звякают ключи:
 – Кто там? Кто?
 – Молчи!.. Молчи!..
 Над бедой и суетою
 Замок смутною мечтою
 Растворяется в ночи.

Андрей
ПОПОВ,
Сыктывкар

ВОРКУТИНСКИЙ ВОПРОС

Я родился в краю гагар,
Куропаток и белых сов,
И сюда никакой Макар
Не гонял телят и коров.

И в судьбе моей падал снег,
Снова падал – как будто впрок.
Я смотрел на него, как зэк,
У которого долгий срок.

Я смотрел на него в упор,
С ним легко соглашась в том,
Что не я выбирал простор,
Что не я выбирал роддом.

Кто же выбрал? Какая цель?
Непонятно. Туман и тьма.
Но зато впереди метель,
Но зато впереди зима.

МОЛИТВА РАВНОАПОСТОЛЬНОМУ ВЛАДИМИРУ

Великий княже! Не сочти за труд,
Ты помолись о нас, святой Владимир,
О наших душах и о нашем Крыме –
Чтоб идола бы пали наших смут.

И нашу власть молитвой умудри,
За ней догляд небесный, знаешь, нужен.
Она, конечно, честная снаружи,
Но неизвестно, что таит внутри.

И неизвестно, в планах что у ней,
Какие грандиозные бумаги.
Нам говорят, что о народном благе...
Но по молитвам всё-таки верней.

* * *

Восходит в тихом сердце речь,
Как сквозь асфальт трава.
Господь принёс не мир, а меч –
И это не слова.

И не расплатишься сполна,
Что ночь сорвалась с уст,
Что распадается страна,
Что дом, как бубен, пуст,
Что ты стоишь в дверях вины,
О долге бормоча...
Не может воин без войны,
А Слово – без меча.

* * *

В искусстве исчезает тайна –
И ничего оно не стоит,
Когда становится дизайном,
Годится разве на обои,
Когда годится на флешмобы,
На аппликации для майки,
Когда заискивает, чтобы
Понравиться домохозяйке,
Девнице томной и альбому
Солдатика со службы срочной,
Понравиться жлобу любому,
И взгляду скважины замочной.
И опускается до мата
Противиться не в силах гордым –
Искусство чёрного квадрата
Годится разве на кроссворды.
А тайны нет. Она уходит.
То в духа прячется колодцы,
То растворяется в природе,
То в сердце детском вдруг проснётся.

* * *

Деревня потихоньку гибла
От дураков и от дорог.
Деревне не хватало гимна,
Высокого, как сена стог,
Простого, словно день недели,

Родного, как коровий рёв –
Чтоб гимн бы этот все запели –
Все семь оставшихся дворов.
И от мелодии душевной
Смог осознать любой дурак,
Что гибнет русская деревня,
Но не сдаётся, как «Варяг».

* * *

Кладбище спит привычно... Между могилки идёт
Светлая вечная память – память из рода в род.

Снова она томится, бредит, как утренний сон,
Вспомнить не может сразу синодик русских имён.

Кресты, устав, наклонились. Камни точит вода.
Сколько ворон в округе кричат своё «никогда»!

Стихи слова отчаянья и стихи панихида,
Звёзды судьбы ржавеют, стираются буквы плит.

Но по траве забвенья между могилки идёт
Светлая вечная память – память из рода в род.

НАВОДНЕНИЕ В БАНГЛАДЕШ

Что нам ближние люди?! Томимся в тоске,
О любви говорим непонятно и грустно.
Человек просит помощи, тонет в реке,
А у нас на устах: «Как сказал Заратустра...».

Помоги, если можешь, а то и утешь,
Полюби, если можешь, без всяких резонов.
И не мучай других: – Как дела в Бангладеш?
Сколько там утонуло от южных муссонов?

Каждый год то же самое – снова ко дну
Чьи-то судьбы идут вместе с рисом и просом.
Жизнь течёт, человек в ней от слов утонул,
Захлебнулся он в ней от дежурных вопросов.

Только что нам течение жизни и рек?!
О себе сочиняем красивые сказки,
И любовь умирает – и с ней человек.
А у нас на устах: «Как сказал Станиславский...»

Он сказал: – Я не верю!
Как можно ни с кем
Не делиться внезапной сердечной раной?

Человек просит помощи – тонет в тоске
От того, что в дождях тонут души и страны.

* * *

Ни в птице, что летит, крылом касаясь лета,
Ни в утренней звезде, ни в памяти времён,
Ни в книгах мудрецов не отыскать ответа,
Ответа не найти – зачем я был рождён?
И только самому врати душою надо
В звериную тоску, в распутия дорог,
В нежданную любовь, во все сомненья ада
И в городскую мглу, и в полевой цветок,
И в горькие слова и в роковые числа,
И в облако надежд, что на семи ветрах.
И молится душа от осознания смысла –
Из праха рождены, чтоб возвратиться в прах.
И молится душа, что всё на свете этом
Уходит навсегда,
Предчувствуя свой срок –
И птица, что летит, крылом касаясь лета,
И городская мгла, и полевой цветок.
Чего же ты хотел? И твоего ухода
Ждут листопад и дождь, зарницы и мороз.
И молится душа. И говорит погода.
И трудно разобрать ответа на вопрос.

*Нина
ПОПОВА,
Москва*

* * *

Босоногого, светлого детства
Затерялись родные следы..
Больше памятью тут не согреться:
Отчий край стал приютом беды.

Здесь, бывало, подойники пели,
Молоком наполняясь парным,
А теперь здесь двуногие звери
Мародёрят по хатам чужим.

Втоптан в грязь наш рушник домотканый –
Баба Анна его соткала,
Гладью вышила бабушка Ганна,
Так в руке и мелькала игла!

Красный угол, где теплились свечи
И лампадки сиял огонёк,
Осквернила нацистская нечисть –
Божья заповедь им невдомёк.

Чужаки здесь бредут по дороге
Безо всякого чувства вины –
И от зрады, и от перемоги
Очумевшей от злобы страны.

Но я верю, что злая крамола
Скоро слынет, как зябкий дурман,
В том краю, где мне дидко Мыкола
Так же дорог, как дед мой Иван...

ПИСЬМО БРАТУ

Далеко-далече, на краю отчизны,
Где давно по правде отзвенели тризны,
Где родник усталый задремал в колоде,
Брата позовёшь ты – брат не отзовется...

Мухами засижен злат-оклад иконы,
Хата покосилась, кривде бьёт поклоны,
Царское корыто просит дура-баба,
Видно, аппетиты выросли не слабо!

На пороге осень – урожая нету:
Колос пуст да горек, не налился к лету.
Хоть и похвалялся пахарь горделивый,
Были изначально семена червивы.

Лютые морозы заждались атаки,
Бурею вскипает небо цвета хаки.
Кутаешься зябко ты в жупан соседский,
Выкинув на свалку ватничек советский.

Наплевал в колодец – вот и пей водицу,
А пошёл на брата – гнишь под заграницу!
Позабыв, что вырос ты в славянской зыбке,
Дьявольскую цену платишь за ошибки...

Эх, судьба-судьбина, не журись угрюмо,
Пидманули думки – время думать думу!

БИТВА

Вороны слетаются на пир...
На полях былинной русской славы
Снова мы встаём за целый мир
Против чёрной нечисти кровавой.

Каркают... Вестимо – их черёд
Осквернять могилы и молитвы,
Но грозой вскипает небосвод,
Словно продолженье грозной битвы.

Не кружи напрасно, вороньё,
Чтобы сердце выклевать герою,
Бьётся за него теперь моё,
Наполняясь грозовой кровью.

И течёт она по венам строк,
Закаляясь в огненной стремнине,
Чтобы знал и Запад, и Восток –
Мы за Русь стоим на Украине!

* * *

Я посадила сад... В моём саду
Ни дерева и ни травинки лишней.
Однажды тенью я в него приду
Во времени далёком или ближнем.

Приду с метелью, что белым-бела,
Снежинкою растаю на беседке,
И яблоня, что без меня росла,
Доверчиво свои протянет ветки.

Тропинкою пройду за поворот,
Увижу то, что я сейчас не знаю.
И миг пройдёт, и день пройдёт, и год,
И жизнь пройдёт... короткая такая...

Покину сад спокойно. Не спеша.
У вечности шаги всегда неспешны.
И позабудет хрупкая душа
И сад земной, и путь земной и грешный.

Но верю я, что на изломе вех,
О вечном не помыслив даже вкратце,
Усталый незнакомый человек
Войдя в мой сад, захочет в нём остаться.

* * *

Текли облаков вереницы,
Успев над землёю всплакнуть.
Две странницы, белые птицы,
Держали неведомый путь...

Одна, рассекая туманы,
Блаженно забыв о земном,
Спешила в родной, долгожданный,
Небесный отеческий дом.

Но грустно с небес озирая
Покинутый сумрачный лес,
Печалилась птица вторая,
Крылатая гостя небес.

Не рада высокой свободе,
Храня притяженье земли,
Где зло окаянное бродит,
О битвах поют ковыли...

Одну разделили дорогу,
Одной высоты торжество:
Одна – устремлённая к Богу,
Другая – к творенью Его.

* * *

Бронзовеют стволы у сосен,
Солнце катится за горизонт.
Далеко ещё, друг мой, осень,
И скучает в прихожей зонт.

Отдарился цветастой шалью
В хороводе шальной июль,
Каждой капельки лета жаль мне,
Жаль янтарных рассветных струй.

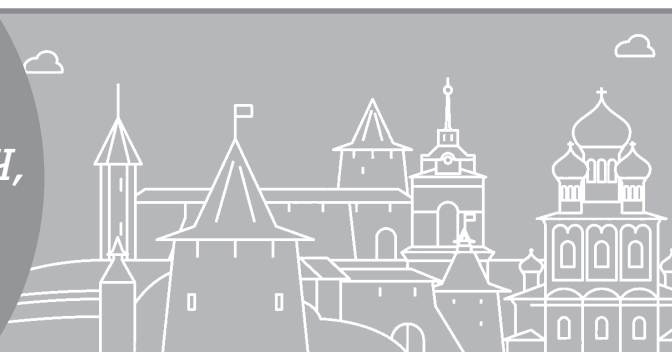
Жаль закатов хмельных жар-птицу,
Улетает – не удержать,
Слов твоих родниковых криницу
И моих ключевых – под стать...

Заплету я венок душистый,
День за днём собирая в года,
Чтобы счастье пахло душицей
Даже в зимние холода.

Чтобы это раздолье лета,
Наших слов золотую нить,
Что не сказано и не спето –
Навсегда в душе сохранить.

*Светлана
РАЗМЫСЛОВИЧ,
Великие Луки,
Псковская обл.*

БЕЛЫМ – ПО-ЧЁРНОМУ

Белым – по чёрному,
Чёрным – по белому:
Истину – правому,
Родину – смелому!
Высь – благодатному,
Ширь – неприступному!
Станешь ли братом мне?
Стану – голубкою –
В свет, о твоём
Ворковать возвращении.
Шёпот свечей –
Всей любовью – прошение,
Всей необъятной тревоге –
Упорному –

Вехи судьбы,
На любовь обречённые –
Чёрным – по белому:
Белым – по чёрному!

СОЛДАТКА

1

Хваткой – краткое –
О любви.
Вновь – солдаткою? –
Проживи!
Голь горячая,
Стынь да топь.
Осень – злючая –

Не угрожь!
 Ширь до темени,
 Глаз – глаза.
 Стан – ко времени,
 Впрямь – лоза,
 Ох, живучая –
 Из болот.
 Кипь кипучая –
 От невзгод.
 В зиму – крепкая,
 Вех крепчей.
 Не сурепкою,
 Но ловчей –
 В землю врослая –
 До весны.
 Хваткой хлёсткою –
 Жалки-сны.
 Кровь славянская –
 Сто кровей!
 Окаянствами –
 Всех живей!
 Лишь бы – жито им
 Да за-новь.
 Так и выстоим –
 Вся любовь!

2

Не пленницей и не монашкой,
 Не плакальщицей у креста,
 Притихшею вдруг – малой пташкой –
 Отшельницей того скита,

Где пропастью ей – расстояние,
 Где весточка ей – за труды.
 И из угла – на растерзание,
 И в угол – словно до беды.

Так с края – в край, от стен до обода,
 По чайню небес – всего,

И дом ей – клетью. Были – провода,
 Да будет – встреча! Самого –

Любого – сына, мужа, брата ли –
 Сбирала быстро. И в лице
 Не дрогнул мускул. Как богатая –
 Так встала гордой – на крыльце.

Отмерен век – шагами тихими,
 Измерен час – одним рывком.
 И бьётся в окна день – шумихою,
 И гибнет полночь – мотыльком.

Она – не горечь, не рыдание,
 Не мать, не дева, не жена –
 Всё – тишина, всё – неприкаянье,
 Всё – ожидание – она...

3

И в богатстве, и в бедности,
 И в бреду, и в бою –
 Выси, выдайте-ведайте,
 Как рубаху крою.
 Нагота – неприкрытою,
 Шёпот звёзд за окном,
 И голодной, но сытою –
 Всё о нём, об одном.
 Долог час – неприступностью,
 Да известий – река.
 То в молчаньи, то с бубнами –
 Всё года да века.
 И в разлуке – да встречные,
 Выше вышеских сил –
 Со свечой подвенечною:
 Не тужи – не гаси.
 И рубаха готовая,
 И детишки – гурьбой:
 То скромна, то бедовая –
 До Победы – судьбой!

*Николай
РАЧКОВ,
Тосно,
Ленинградская
обл.*

* * *

Были Калка и Каяла,
Было – биться не с руки.
Только Русь всегда стояла
Всем невздадам вопреки.

В переделках, перестройках
Не померкнет дивный вид.
Нет князей, духовно стойких,
Нет царя, а Русь стоит.

Продавали, предавали,
Адским жгли её огнём.
Но светлей вставали дали,
Не сдавался окоём.

Никакая ей опека
Не нужна. Опека – стыд.
Нет Союза.
Нет Генсека.
А она стоит, стоит...

Почему жива, спросили?
Есть на то один ответ,
Что у нас в душе Россия,
А душе преграды нет.

* * *

Осень уходит.
Пустынно и голо.
Холодно, ветрено... Но всё равно
Дождик шумит,
Словно арфа Эола,
Звуки серебряно льются в окно.

Грустная музыка падает с неба.
Ей в унисон предвечерняя тьма.

Осень уходит...
На клавишах снега
Что нам назавтра сыграет Зима?

* * *

Лиде

Нет, это было не во сне.
О нас с тобой ходили толки.
Не позабыть те встречи мне
В районном небольшом посёлке.

Я был заезжий человек,
В тебя без памяти влюблённый.
Под фонарём зелёным снег
Был удивительно зелёный.

Ты так была юна, свежа,
Ты завораживала взглядом.
Казалось мне, твоя душа
С моею шла по снегу рядом.

Где те счастливые года?
Да разве вспомнить эти дали,
Над чем смеялись мы тогда,
О чём беспечно так болтали,

Где обнимались в прошлый век
Мы там под тополем иль клёном...
Но помню:
Был зелёный снег
Под фонарём, таким зелёным.

* * *

Я в настроении вышел кручинном,
А красоты, красоты-то кругом!

Лес – Дедом Морозом в тулупе овчинном,
Речка – Снегурочкой спит подо льдом.

Вот она, сказка, знакомая с детства.
Солнце, как лыжник, скользит по холмам.
Вот оно, зимнее наше наследство,
Много ли надо для радости нам.

Снег и мороз!.. Величаво и строго.
И – ослепительно белая гладь.
И от печали почти до восторга
Русскому сердцу рукою подать...

РОДНАЯ РЕЧЬ

Мой язык кому-то становится поперёк горла.
Говорить на нём – всё равно что терпеть свёрла
по металлу в кости подъязычной и рядом с небом.
Мой язык поэтический уродлив для русофоба.
Моя личная фобия – договаривать всё до точки,
моя личная точка там, где ушная мочка
переходит в хрящ. В нём нервическая основа,
перевод синхронный влетевшего птицей слова.
Отстранившись прилюдно, перебираю смыслы,
мой язык гениален, выдыхается углекислым.
Лишний повод расти деревьям, цветам и травам,
лишний повод закату стать навсегда кровавым.
Мой язык для кого-то сложен и неприемлем,
он впитал весь пот, что отдан был русским землям,
он звучит внутри, как то, что молчать не может.
Мой язык – пятно несмываемое на коже.

МАРИУПОЛЬ

Есть у русских качество наживное.
Коль потоп, добудут чертёж адмирала Ноя.
И построят ковчег, настоящий ковчег для всех.
Над страной моей летит близорукий снег.
Где страна моя кончится, там она и начнётся.
Над Азовским морем восходит солнце,
над азовским горем взойдёт окровавленная пшеница.
Господи, доведётся ли помириться?
Мариуполь мой, бездыханное твоё тело,
сколько дней оно тлело, плавилось и болело.

Сколько дней твои люди – тусклые свечи –
до чего же хрупок мариупольский человечек.
Это новый вид, ещё неизвестный Номо,
обречённый выжить под обломками дома.
Обречённый смотреть на хлеб и глазам не верить.
Обречённый хранить ключи от сорванной с петель двери.
Мариуполь мой, на два берега поделённый,
принимавший в себя смертельные батальоны,
отдававший людей через узкие коридоры.
О тебе на высоком небе ведутся переговоры.
А с небес, как водится, горе заметно ближе.
Вот Азовское море берег песчаный лижет.
Вот стоит мальчонка на берегу – прогоревший факел.
Это брат мой двоюродный по отцу – Володя Ревякин.

* * *

Можно я без фамилии? Не то её все узнают.
Имя оставляю подлинное – Лариса.
В четырнадцатом году, на излёте мая,
она доела последнюю горстку риса.

Центр ещё не бомбили, ждали приказа,
брали измором, так кошка играет с мышью.
В том году с нами впервые случилась фраза:
«Спи, своего не услышишь».

Мне говорят, что особенно проникновенно
я пишу о войне и о могиле отца в Докуче.
Семь лет я мечтаю встать перед ней на колени.
Папа колготки называл почему-то «дольчики».

Господи, почему я об этом помню?
О такой малости из отцовской речи.
Папа, папочка, обещаю слушаться беспрекословно.
В середине июня Лариса доела последнюю горстку гречки.

Все, кто пережил наше первое военное лето,
помнят, какими пустыми были проспекты и улицы.
Рядом с театром оперы и балета
двое суток металась хромая рыжая курица.

Около синагоги, под окнами кабинета моего юриста,
поселилась холёная перепуганная чау-чау.
Последнюю картофелину поделила Лариса.
Выпила последнюю чашку чая.

Лариса не любит, когда ей задают вопросы
о лете четырнадцатого, о том, как здесь всё горело.

«Я бы не выжила, если бы не дикие абрикосы,
Я варила из них суп. И его ела».

* * *

Смотрят дети
на войны отметины.
И ничего не спрашивают.
Сами знают, что между нашими
и не нашими – поле пашенное,
только не с комбайнами, а танками.
Видел ли ты когда-нибудь
как у танка отрывает башню?
И башня эта летит метров двадцать,
А потом как врежется...
Если хочешь узнать цену войны,
поговори с беженцами.
С теми, чьи дома на улице, ведущей к монастырю,
стоят шкафами наружу.
С теми, кто вещи, пропахшие дымом,
заворачивали в простыню.
Я рассказывала о них мужу, а потом и друзьям мужа,
они кивали, но до конца мне никто не верил.
Я рассказывала о них и плакала,
я написала о них не одну сотню текстов.

«Послушай, но ведь раньше вы были одинаковыми,
зачем вы воюете, если вы одного народа тесто?»

Нет, мой хороший, представь себе
тесто, вымешенное руками хозяйки.
Если от него отнять кусок и поставить в печь,
как ты этот кусок снова сделаешь клейким?
Как его снова сделать тягучим и белым?
Этот кусок обгорелый и твёрдый,
о который сломаются любые зубы.
Если ты хоть раз спал в коридоре одетым,
если ты хоть раз вжимался в асфальт всем телом,
если ты хоть раз бежал домой под обстрелом,
ты это никогда не забудешь.

* * *

Нет улицы героев ДНР.
Война не знает снов и полумер.
Они сидят, одетые для боя.
Как выглядит одежда на героях?
Да как попало, как кому теплей.
Десятка три макеевских парней.

За них молюсь, а ей не до молитв.
Ей только знать бы, что никто убит
из них не будет завтра, послезавтра.
А дальше планов нет: война и мряка.
И на войне бывает, свет мой, всяко.

Она их учит собирать АК
и забивать в рожки патроны.

[ИМЕНА] [РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ]

Болит ли сердце за смешного паренька?
Она звонит мне: «Ань, сходи к Матроне».
И я иду. Прошу как за себя.
За тридцать душ с макеевской пропиской.
Меня моя болезная страна
давно считает сукой, террористкой.
И я не спорю. Что мне спорить с ней,
но тридцать душ макеевских парней...
И тридцать душ их бледных матерей.
Таких же, как и я, сорокалетних.

Ещё вчера был зной и выпускной,
сегодня мальчики венчаются с войной.

«Они – мне дети», – талдычит
в рацию военная сестра.
Она грешна, она же и чиста,
хоть и не мылась, кажется, неделю.
И есть опять надежда, что с креста
Христа не снимут ни в конце апреля,
ни в мае. Будет некого снимать.
Он будет не распят, его научат,
как собирать АК. И даже внучек –
настанет день –
он к маме приведёт расцеловать.

[ПАМЯТЬ]

Роберту РОЖДЕСТВЕНСКОМУ – 90 лет

(1932-1994)

Александр БАЛТИН

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

На спор – с классическим библейским стихом:

Всё начинается с любви...
Твердят:
«В начале
было
слово...»
А я провозглашаю снова:
Всё начинается
с любви!..

Так пел и провозглашал Роберт Рождественский, чья популярность была некогда сопоставимой с нынешней популярностью поп-звезд и прочих малозначимых персонажей...

Уж лучше – поэты, провозглашающие первенство любви.

Но – Рождественский писал о любви с тем же накалом, с каким писал о войне, и образ солдата, человека маленького, был тоже согрет высотами главного чувства:

На Земле безжалостно маленькой
жил да был человек маленький.
У него была служба маленькая.
И маленький очень портфель.
Получал он зарплату маленькую...
И однажды –
прекрасным утром –
постучалась к нему в окошко
небольшая,
казалось,
война...

Маленьких не бывает?
Или маленький, гибнущий за великое дело, перестаёт быть таким?
Не ответить – но мрамора погибшему в битве маленькому человеку – чтобы вырубить
памятник – не хватает.

Рождественского всегда отличала романтическая приподнятость: стремление к верти-
кали: не потому ли специфической лесенкой располагал стихи, которые можно было запи-
сать обычными катренами?

...Иногда мудрость дервиша проступала сквозь словесные разводы его стихотворений:

Человеку надо мало:
чтоб искал
и находил.
Чтоб имелись для начала
Друг – один
и враг – один...
Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете
мама.
Сколько нужно ей – жила...

Порой он рвался в космическую запредельность: в любом случае: мешая и совмещая
разное, завершая путь очень сильными стихами, когда болезнь воткнула уже иглы в тело,
он создал замечательный поэтический свод, и мхи времени не тронут его.

...У него была больная совесть: один из классических признаков человеческой под-
линности: и – в случае с Рождественским, умноженная на громы дара, прорывалась она
стихом, гудевшим набатно, колокольно:

Помните!
Через века, через года, –
помните!
О тех,
кто уже не придёт никогда, –
помните!
Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны!

Вечно
достойны!

Очевидно, маяковские ритмы и лесенки превращались, пропущенные через фильтры дарования Рождественского, в песни, настолько исполненные самостоятельности, что завораживали они,

Играя... смертельно всерьёз.

Ибо жизнь – всерьёз, и элемент игры, необходимый в поэзии, не должен превалировать.

Голос Рождественского звучал глуше, тише, но всегда был отчётливо-узнаваем.

Разумеется, ему во многом везло: он жил и писал в том месте и в то время, когда стихи были востребованы, когда поэзией дышали многие, и манера исполнения Рождественского запоминалась – и праздничностью, и шаровым размахом.

Голос гудит.

Стихи рождаются с голоса.

...Поэт любит жизнь – пульсирующую, густую плазмой текущую; он старается вобрать, как можно больше разных явлений в свой космос, просветить стихом, исследовать строкой...

Красивая женщина – это профессия.
И если она до сих пор не устроена,
её осуждают, и каждая версия
имеет своих безусловных сторонников.
Ей, с самого детства вскормленной не баснями,
остаться одною а, значит, бессильною,
чем если б она не считалась красивою.

Восторг перед феноменом женской красоты словно оттеняется психологическим исследованием.

Остаться одной?

Одиночество вообще фатально, особенно стало это проявляться в двадцатом веке, переначинённым противоречиями.

Поэта сносит в одиночество – ведь коллективно стихи не пишутся, но ритмы мужество звучат и звенят в поэзии поэта.

Нужно стоять – всегда, какие бы противоречия ни томили, как бы туго не закручивались обстоятельствами петли.

Метафизические, конечно.

У Рождественского своя метафизика – преодоления, крутого маршрута, но и такой – совершается празднество, коли дана ТАКАЯ речь!

Он поёт любовь.

Он поёт её с такой искренностью и прямоотой, истовостью и... любовью, что становится очевидной альфа жизни поэта:

Лишь тебя одну я искал повсюду,
Плыли в вышине звездные пути,
Я тебя искал, жил и верил в чудо.
Страшно, что тебя мог я не найти,
Ты в судьбе моей как весенний ветер,
Ты в любви моей вечное тепло.
Хорошо, что мы встретились на свете,
Но не знаю я, за что мне повезло.

В чудо верит, как ребёнок.
В счастье – тем паче, а счастье целевой уровень человека.
Было в Рождественском нечто от ребёнка – восторженно глядящего на мир, большого,
со своей бездной ребёнка.
Простые тёплые слова собирались в тугие сгустки поэзии.
Они дышали.
Они вибрировали – трудностью, счастьем, памятью.
Рождественский – поэт повышенных вибраций, туго вьющей верёвочный стих:

Начинается любовь
с буквы «Я»!
И только с «Я».
С «Я» –
до ревности слепой.
С «Я» –
и до
небытия.

Исследуется формула любви: и то, как «я» превращается в горячее «мы», как происходит единение, завораживает последовательностью крупно звучащих слов.

Казалось – всякое хотелось поэту взять в руку, рассмотреть при лучах метафизического солнца – прежде, чем вставить в стих.

И, вставленное, оно вспыхивало чрезвычайной необычностью.

Времена, грянувшие в отечестве, были неприятны поэту.

Времена – опровергающие слово в художественной его ипостаси, превозносящие эгоизм, который есть горб души; и он, вновь и вновь звуча стихом, обращался к прежним ценностям – таким надёжным и правильным.

Он оставил крепкий свод, наполненный словесным и душевным светом – знаменитый советский поэт Роберт Рождественский.

*Наталья
РОЖКОВА,
Москва*

ВОСПОМИНАНИЯ ВНУЧКИ

*Моему деду – командарму
Станиславу Поплавскому*

Дедушка мой, пехотинец,
Шёл по войне.
Дедушка мой
Начинал под Москвой,
Близко совсем.
Дедушка мой
С другом стоял
У рябого от пуль
Рейхстага.
Дедушкин гроб
Был тяжёл,
Осколки с собой
Уносил.
Дедушка мой
Никогда не смотрел
Фильмы военные.
Очень любил оперетту.

ТРОИЦА

«Это – дяденьки?
Почему они в платьях?»
Малышка
В прохладном зале
Третьяковки
Смотрит на ангелов,
Они – на неё.
К сарафанчику девочки
С картинками из
«Бивиса и Батхеда»
Прицепился
Берёзовый листик.

* * *

*Моделью для картин
Боттичелли «Рождение Венеры»
и «Весна» служила Симонетта
Веспуччи*

Солнышком снизу очерчены тучи,
А у соседа – не пьянка, так дрель.
Моет окно Симонетта Веспуччи,
Рыжие космы лохматит апрель.
Я, проходя, залуюбуюсь тобою:
С тряпкою, с песнею, тянешься ввысь...
Только, пожалуйста, лёгкой стопою
Не опирайся на узкий карниз!

* * *

Как продлить уходящее лето?
Я гляжу на чужие дворы,
На зелёных плечах – эполеты,
Зацвели золотые шары.
«Не грусти, еще осень не скоро!» –
Шелестят молодые леса,
Отчего же за серым забором
Стали раньше темнеть небеса?
Не печалюсь. Прозрачной весною
Я сюда непременно приду.
Только в бочке с живою водою
Мне не выловить больше звезду.

ВОЛЯ

*Как и откуда, скажи,
появилась свободная воля?*

Тит Лукреций Карр

Не развернуты плечи пока,
Под чехлами упрятаны флаги,
Но срывает живая рука

Виноградные гроздья отваги.
Кровь смывают с острожных цепей
Те дожди, что не снились природе,
И, взъерошив прически степей,
Ветры синие рвутся к свободе.

ЯГОДЫ

Батюшка в робе, не в рясе
В бараке сыром АМУРЛАГа
Стоял, причащал.
Вместо вина была клюква,
Собранная на болоте.
Больше похожа на кровь,
Чем вино.

* * *

Узором мороз развернулся,
Как будто таинственный лес,
Вдруг ангел в окне улыбнулся
И через мгновенье исчез.
Светло и покойно сияла
Мне эта улыбка из тьмы,
Она предвещала начало
Последней, желанной зимы.
Забилось, что путь разминуся
С тобою, что радость прошла.
Мне ангел в окне улыбнулся...
Над миром сгущается мгла.

* * *

Я форточку ночью забыла закрыть
И слышала снега дыханье.
Зачем мне весну безответно любить?
Важнее её ожиданье.
А может быть, едет он, издалека,
И жмёт, спохватившись, на тормоз,
Банально не встреченный мною пока,
Герой, собирательный образ.
Хоть путь его долгий – изволь, потерплю,
Чужих начитаюсь сонетов,
Я знаю, что точно нужна февралю
И обществу мёртвых поэтов.
В прабабкиной шубе, нелепом шарфе,
В чужие следы наступаю,
Я чей-то подшефный. Бреду подшофе,
И новую песню слагаю.

* * *

Ты не со мною. Что с того?
И нет пути назад,
А между нами – ничего,
Один случайный взгляд.
Я снова путаюсь в словах,
Мне не найти ответ,
На вечный снег в твоих стихах,
И белый, белый свет...

* * *

Слишком мало написано мною,
Слишком многое надо успеть,
Прежде чем под гранитной плитой
Навсегда перестану я петь.
И ударится звонко о доски
Кулачками родная земля,
Чёрный росчерк на светлой берёзке,
Ты – последняя строчка моя?
Тонкий луч будет в росах искриться,
Камыши трепетать над рекой,
Белощёкая птица-синица,
За меня мою песню допой!
Не взыщи, современник суровый,
Раскрывая, как душу, тетрадь,
Допиши моё робкое слово,
То, что я не успела сказать.

[ПАМЯТЬ]

Андрей РОМАНОВ

(1945 - 2014)

Александр БАЛТИН

РАКУРСЫ РЕАЛЬНОСТИ

Острое и точное название – «...Ухожу с трагической тусовки» – именно так наименована посмертная книга (стихотворения, поэмы, проза, статьи) Андрея Романова: яркого питерского поэта, чей путь, завершённый в 2014 году, продолжается в слове, не ведающем ветшания...

Ощущение возраста – условность, впечатанная в тело человека: ибо подлинность поэтической души связана со столь тонкими, сложно уловимыми вибрациями, что молодость будет вторгаться и в зрелость, и в старость, противореча смерти, – яркой осенней игрой, пусть подъедаемой холодным дыханием сини:

Когда сентябрь ликует над Обводным,
и синь своим дыханием холодным
касается промасленной воды,
я понимаю,
слыша лист опавший,
что никогда не становился старше.
Я просто оставался молодым.

А. Романов чувствует дыхание стиха: на уровне природных вибраций сердца: для него – естественность речи сопоставима с обыденностью шага, и, кажется, поэт и жизнь воспринимает как сумму небесами написанных строк.

Стих его – от подлинности дыхания, которое не собьют никакие условности, и всякие каверзы времени не стоит учитывать, прозревая золотую поэтическую суть, а она – в каждом миге.

Круто лепится стих, исключаящий лишнее:

Я проснулся в чердачной светёлке:
сад сиреневый не дал мне спать,
он стучал в запотевшие стекла,
властный луч уронив на кровать.

Сильно играют звуки: легко перекачивается, серебрясь «л», резко вибрирует, создавая дополнительные эстетические оттенки «р»: звукопись Романова всегда связана с подчёркиванием смысловых элементов стиха: в приведённом, например, четверостишие «с» перекипает дополнительной пышностью сирени, глядящей в светёлку...

Мера молодости связана с игрою задора, с пенным ощущением жизни – в том числе: как счастья движения, поэтому:

И опять в суете подвенечной
мчит весна, как невеста лучась; –
Что ж ты прячешься в лавке аптечной?
Выбегай на проезжую часть!

Именно – презрев аптеку, как вариант напоминания о возрасте – стоит взорваться движением, ворваться в недра весны...

Жизнь кипит в поэзии Романова: переливается огнями, заливая всё своею плазмой: лучевой, древесной, людской...

Сад, как символ возникает часто.

Сад оживает и в другом ракурсе: сопоставления с ограничениями возраста, что не мешают петь – по-прежнему сильно и ясно:

В чудный сад, словно вошь на аркане,
я вернулся, крути не крути,
с пенсионной бумагой в кармане,
с коронарной болезнью в груди.

Возвращение в сад – равно его чудесность – куда важнее болезни, свившей гнездо в теле, ломающей грудь чёрными птицами этого гнезда.

Задушевная элегичность, ностальгия – метафизического плана: по стране юности – окрашивают порой строки поэта, срывающиеся нервной вибрацией с оголённых проводов чувств:

Голос юности тише и тише,
словно тает сиреневый снег: –
Человек, ты меня ещё слышишь?
Я тебя подвела, человек!

Ты у времени вырвал клещами
и сирень, и цветы на лугу;
всё, что есть, я тебе обещаю,
лишь себя вернуть не смогу.

Но – и сирень, и цветовой луг, и даже сиреневый снег организуют пространство столь полноценное, что сами стихи свидетельствуют о радости радуг творчества в большей степени, нежели о провале в проран тоски.

Тоска отсутствует в поэзии Романова.

Всё, что есть – он принимает стоически: и всё, алхимически пропуская сквозь фильтры дара, превращает в стихи.

Ведь поэзия везде: она распростёрта над нами, она живёт в нас...

Возникают жёсткие образы: язык становится подборист, поджар:

Наплевать на лунные дела!
Не для нас ли Стрелку родила
Невка в криминальной подворотне,
Отстранясь от света и тепла.

Ей вослед по уличным лекалам
Бродит тень двуглавого орла
И, гремя украденным металлом,
Политуру глушит из горла.

Все формулы жизни интересуют поэта: все краски, включая – очевидно – чёрную, передаваемую своеобразно через сильно-металлические «г» и «р» – должны быть отображены на глобальном холсте, созидаемым живописцем слова.

Холодом онтологическим веет порой от созвучий Романова.

Вот и мистические струи возникают, лучась своеобразным сопоставлением церкви и космического корабля:

Вопреки пересудам и спорам,
Опрокинув Медведицы ковш,
Звездолёт с отказавшим мотором
Был на церковь Христову похож.

Космосервис, –
Ни дна, ни покрышки, –
К нам на связь подоспеет едва ль,
Но огнём термоядерной вспышки
Мы сварили с тобой магистраль.

Фантазия или фантастика?

Победа или поражение?

Всё двойственно, амбивалентно: даже и в мире фантастических грёз, образов, видений: но снова – ни капли угрюмого уныния не позволяет поэт: и огонь термоядерной вспышки хлещет сильным лучом надежды...

...но интересен звездолёт, оказывающийся похожим на церковь...

...поэзия, вмещённая в книгу Романова, органически переходит в прозу: поэтичную, и несущую в себе метафизические семена...

Они прорастают афоризмами:

Каждый настоящий поэт — демиург. Он создаёт свой собственный мир, свою систему образов.

Точность определения – продолжающегося, увы, описанием нынешней литературной ситуацией, когда слишком много стихотворцев: владеющих формой, но вовсе не творящих собственные миры – живущих стороной имитации, заимствованной кровью.

Проза Романова комбинированная: волокна мемуаров сплетаются с нитями рассуждений, мерцающие тени былого порой застыт слишком скудное настоящее; но тоска по звёздности: по запредельному прорыву в космические, не представимые ритмы поэзии, мучившая поэта, стремившегося к идеалу, прорывается лучезвидно...

Рокочут поэмы: сюжетная, густо заваренная, трамвайная повесть «ТаранТАСС времени», историческая «Растанная Голгофа», с самого зачина опрокидывающего читателя в поэтическую мощь и толщ:

Разразились скворцы на погосте
Вдалеке от молочных коров: –
Ну-ка крести краплёные сбросьте
В мелкотемье изысканных строф! –

Господа! Пуришкевич – паскуда!
Он плюёт в атакующий класс.
Тайный отпрыск бульварного блуда,
Согласился стучать напоказ.

...читательский интерес вновь возвращает к стихам:

Лишь теперь,
когда жить мне осталось не густо,
я постиг глубину
мимолётного чувства.

Глубину! Вопреки
продувному рассудку:
к нам хозяйская дочка
зашла на минутку.

Полётная лёгкость строк, свидетельствующая о щедрой жажде жизни: даже когда на донышке её осталось мимолётное женское солнце снова заставляет звучать сердце, утомлённое всем.

Утомлённое ли?

Стих Романова – крепко прокалённый жизнью и даром, и много в нём огненного, страстного; стих, организованный технически жёстко, не допускающий проколов, лакун, провисаний, жизнеутверждающ, сколько бы не было в мире теней; и сумма, представленная в посмертной книге Романова, убеждает, сколь интересным поэтом он был – остаётся, преодолев бремя времени, осилив стихом каменную плиту смерти.

Андрей РОМАНОВ

***

И свет в окне пургой не занесён,
И зерна света обнажили строчку,
В которой надлежит поставить точку
И оборвать многосерийный сон,

И вновь,
с крыльца, шагнуть в морозный звон,
Где звёзды, накрахмалив оторочку,
Расхристанными перьями ворон
Ночному небу выткали сорочку.

Звенит луны разменная монета...

Хоть стой, хоть падай,
хоть рыдай, хоть пой, –
Ни лис, ни лось,
ни прочий зверь лесной,
Ни волчья стая не дают ответа:
Была ль нужна пустая блажь сонета
О том, как шли мы вместе над Невой?

* * *

Большой Неве, – своей невесте сводной,
Гранитной диве спящей в небесах, –
В любви клянется сумрачный Обводный,
Запутавшись в строительных лесах.

Но, в снежном тесте овдовевших суток
Предвосхитив победный каравай,
Он, подкормив зазимовавших уток,
Зовёт на помощь Лиговский трамвай.

Но ты, Нева, на лежбищах погостных
Не мельтеши, преследуя ОМОН:
Продукты в гастрономах купоросных
Давно начальство выбросило вон,

Оно, питаясь чёрною икрою
И раздавая смертным кренделя,
Треть жителей блокадною зимою
Сгноило по команде из Кремля.

И вот, во сне распахивая ворот
И сотрясая бронзовую плеть,
Тот, в декабре почти замёрзший город,
Не успевает в космос улететь.

Всё потому, что солнышко некстати,
Взошло над Стрелкой, рострам вопреки,
И, застолбив гранитные кровати,
Не даст мостам напиться из реки...

* * *

Спустись ко мне на плавающий лёд,
И, вдохновившись майским ароматом,
Отправь парней в мистический полёт
На randevу Ковчега с Араратом,

Где, обновив летающий ковёр
Закупленной в тайге аппаратурой,
Старик Хоттабыч оживил и спёр
Ту, что была классической скульптурой.

Ей мрачный двор пришёлся по душе...
И, отказавшись ехать в новостройки,
Швырнув на стол свинцовое клише,
Примчалась в Зимний на случайной тройке.

Её подвёз некрасовский корнет,
Не распознавший счастья вдоль дороги.
Он постарел за эти двести лет
Совсем забыв, что так столетья строги.

А мы с тобой, растаяв в облаках,
Вернуть корнета вздумали с почётом
Туда, где встав с букетиком в руках,
В районный ЗАГС девчонку привлечёт он.

И вместо свадьбы открывать звезду
Они умчат, раскалывая атом,
Чтоб оплатить космическую мзду,
Вне времени исполненным сонатам.

* * *

Запас высоты перспективности жизни сродни,
Но сколько осталось, известно лишь Господу Богу,
Пусть будут для нас ежедневно прощенные дни,
Как будто наутро пора собираться в Дорогу.

Второе пришествие зиждется в каждом из нас,
Господь вездесущ, всеобъемлющ и дарит Прощенье,
И каждый из нас, высоты растранив запас,
Не ведает сам о своём неземном назначенье.

С момента рожденья промчалось две тысячи лет, –
Я был приобщён не к одной мировой катастрофе,
Но стоит ли жить и выплёвывать правду в ответ,
Чтоб с этой правдой бессмертье делить на Голгофе,

И ржавые гвозди веками пытаться на износ,
Смиренной молитвой вскрывая библейские склепы,
Ведь в каждом из нас перед сном прозревает Христос
И верить не в силах, что мы ещё, собственно, слепы.

[ЮБИЛЕЙ]

Геннадию РУСАКОВУ –

85 лет

Павел КРЮЧКОВ

СЫН БОЛЬШОГО ДОМА

Стою у переезда. Промелькнул несущийся поезд, отгудели-отзвенели рельсы, и лязгающий грохот затих. Волна тёплого летнего ветра смешалась с запахом шпал – единственным и любимым с раннего детства. На свежевспаханную полосу у кромки поля сел грач, наклонил свою умную голову, глянул зеркальным глазом. Проходящая мимо старуха с тележкой, переделанной из старой детской коляски, спросила, который час, и мимоходное слово «сынок» ещё долго истаивало в воздухе.

Оглядываюсь, хватаюсь рукою за стебель знакомой травки. Оторвал макушку, истёр в пальцах, втянул ноздрями: так и есть – полынь. Стало отчётливо слышно, как заволновалось, заколотилось сердце.

И сразу зазвучали, слышались любимые с молодых лет стихи.

По парусам – по скатам ветхой крыши,
где рвётся дранка и грохочет жесь.
Как хорошо, что мы всё это слышим!
Ведь если слышим, значит, это есть...

Но мало мне беспомощной гортани,
чтоб говорить про эти чудеса!
Как рассказать про птичье клекотанье,
про этот ветер, бьющий в паруса?

И вот эти, которые я ещё вчера, весной текущего тревожного года, своею рукою превращал в рабочий файл для новомировской вёрстки:

...Я человек, лишившийся страны –
той, невозвратной и невосполнимой,
меня поднявшей в люди из шпаны
и вдруг куда-то прогремевшей мимо...

Без ропота и злости на года
гляжу им вслед: там сполохи играют.
Сиротство – это то, что навсегда.
Хотя от этого не умирают.

А маятник времени упрямо делает свой косой полукруг, и опять мне слышится давнее:

У мира нет сирот, а только отчуждение.
Мы все одна семья и помним имена.
Нам верить и любить, и праздновать рождение,
и ласковых детей укачивать до сна.

Это всё он – Геннадий Русаков. Строчки его стихотворений – старинные и новейшие – текут сквозь меня, сменяя одна другую, как скупые субтитры в счастливой и горькой кинокартине под названием «жизнь», не дают себя забыть, тревожат и утешают, зовут собраться и распрямить спину, настроить дыхание и укрепить слух.

Однажды я прочитал в дневнике Чуковского (проверил сейчас цитату, а это весна 1917-го, Боже, что ещё ждало их всех впереди!) – «Уitmen для меня оказался нужный, жизненно спасительный писатель. Я уезжаю в лодке – и читаю, упиваясь...»

Кажется, я понимаю, о чём это. Счастливей нету людей, стихи не дадут нам утонуть.

Попробуйте составить «частотный словарь» поэзии Русакова. Слово «ровесники» окажется в нём непременно. И это не только возрастное, это о «ровне с веком».

Поэзия сегодняшнего юбиляра подравнивала нас по ей одной известной зарубке на дверном косяке столетия, в котором выпало прожить большую часть нашей жизни. Горько и странно думать, что сегодня я – ровесник безвременно ушедшего в позапрошлом году Эмиля Сокольского, умеющего сопричастно читать и говорить о прочитанном. В 2017-м он негромко отозвался на одну из последних русаковских книг – сборник «Дни», где, переключаясь со своим земляком Владимиром Козловым из Ростова-на-Дону, коснулся важной для понимания поэта темы: его «неизменной монотонности», в которой растворена животворная осязаемость этой единственной стихотворной речи.

Горькая полынь не должна пахнуть лавандой, у неё другое предназначение.

Я счастлив, что застал и эти, и те времена, когда нам случалось окликать друг друга русаковскими строчками, когда мы обрели понимание их жизнеспасительности.

Вспоминаю, например, разговоры с редактором и критиком Натальей Игруновой – из времён нашей совместной многолетней работы на «Радио России». Каждый раз, когда Геннадий Александрович прилетал из своего заокеанского бытия (кратко напомним о его многолетней работе переводчиком-синхронистом), Наташа звала поэта к микрофону: почитать свежее, оглянуться на общее наше житьё. Бережно храню звукозаписи этих встреч-разговоров, пропитанных неповторимым голосом дорогого нам стихотворца. Дорожу памятью о беседах с поэтами Александром Переверзиным и Еленой Лапшиной, помню даже, как мы ревниво и трогательно пытались мерять «самые поздние» стихи Русакова «самыми ранними», причём с теми интонациями, с какими обычно говорят о чём-то очень личном, собственном, внутривенном.

Не так ли страстно читали мы и Мандельштама, в иных строчках которого русаковская муза могла найти свою будущую «переключку»: «Смотрите, как на мне топорщится пиджак, / Как я ступать и говорить умею! / Попробуйте меня от века оторвать...»

В конце 1970-х – начале 1980-х у Русакова стал органически вызревать крохотный трёхтомник, но не случилось. Впрочем, два томика из трёх – сейчас передо мною: «Длина дыхания» и «Время птицы». Каждый из них размером – не больше пачки папирос, страницы обоих словно бы заложены колючими листьями и цветками чертополоха (руками художников-иллюстраторов Игоря Макаревича и Лии Орловой) – привычного растения, удивительно «созвучного» искусству Геннадия Александровича.

Кстати, этот сложноцветник обладает целебными свойствами, как и многие трагические этюды поэта.

А с книжкой «Время птицы» у меня случилось то самое счастливое приключение, которое навсегда соединило меня с Русаковым. Изданная «Советским писателем» в 1985 году, она оказалась одной из последних поэтических книг, принадлежащих «старой эпохе» новейшей истории, хотя до распада империи оставалось ещё целых шесть лет. Я был тогда очень молод, влюблён в девушку, которая впоследствии стала моей женой, работал на производстве и казался себе вполне самостоятельным человеком. В то время я без конца сочинял стихи и настойчиво искал среди современных поэтов «своих». Тут-то мне и встретилось это горькое и живописное слово. Кажется, целый год я проходил с «Временем птицы» в кармане, сочинительство своё мало-помалу забросил, а преданным читателем Геннадия Русакова остался и по сегодня. И стихи, написанные им полвека назад, по-прежнему живы. Ранящие и заживляющие.

...Рассечём

пласты времён и вынем из пучины
свидетельства под ветхим сургучом:
всё мор и глад, и дерево людское
осквернено, и век опять жесток.
Но кто до нас умел прожить свой срок
с такой тоской и жадностью такую
к земле, уже летящей из-под ног?

О жизнь! Продлись хоть на длину дыхания:
ещё не кончен воздух глоток!

«...Он понимает язык, как зерно творения, зерно мировой культуры, одну из прекраснейших её сущностей», – писал много лет назад о Русакове привечавший его Арсений Тарковский.

Об отчуждённой «отдельности» поэта, когда-то беспризорника, детдомовца и выпускника Суворовского училища, писал почти каждый взявшийся размышлять о поэзии Геннадия Русакова. Однажды в его стихах родились отчаянные вопрошания Иова (написалась целая книга), позже непримиримость личной потери соединилась с радостью спасительного обретения (сложился другой сборник), но глубинной русаковской болевой драме, тянущейся издалека, уйти было некуда.

Эта старинная боль навсегда растворена в родовой крови, гул и толчки которой он бесконечно соотносит с глухим гудением огромной страны, которая и есть, как кажется, главная героиня его поэзии.

Заглавное стихотворение во «Времени птицы» так, помню, и завершало себя: «И я не одинок – я сын большого дома. / И где-то надо мной – а где, не угадать! – / опять меня зовут так тихо, так знакомо, / что дай мне, Боже, сил навзрыд не зарыдать».

Последние по времени публикации его стихи вышли в июльском «Знамени».

Двадцать очень личных стихотворений, как двадцать вагонов-теплушек, нагруженных памятью, голосами, запахами и красками, прощаниями и обретениями.

Они оставляют читателю драгоценное пространство надежды.

Я прочёл свою жизнь и прельстился её простотой:
всё в ней было понятно, и всё разложилось по полкам.
Ну а что не вместились – уже в стороне, за чертой
и сегодня относится лишь к бытовым кривотолкам.
Хорошо то, что просто. И в этом своя красота.
От неё ощущение жизни и Божьего мира:
он тихонько встаёт на свои родовые места,
и по стилю они разновидность того же ампира...

С днём рождения, дорогой Геннадий Александрович.
Спасибо Вам. Спасибо за Вас.

[ЮБИЛЕЙ]

Олегу РЯБОВУ –

75 лет

Елена КРЮКОВА

«...ЕСТЬ ДНЁМ – СИНИЦЫ, НОЧЬЮ – СОЛОВЬИ»

Истоки поэтической реки Олега Рябова – не только в легендарном времени, откуда он родом, не только в пространстве той страны, где читали все запоем, хоть хороших книг и было не достать; он любит классическую русскую и мировую поэзию, это видно и слышно, читая его стихи, окунаешься в многослойность, густую многозвёздность культурных ассоциаций:

Листаем мы воспоминанья:
Вокзалы, лица, города,
Измятых перед расставаньем,
Пустых страничек череда.

Разлуки, встречи, анекдоты,
Года, свистящие в ушах.
И вдруг наткнёшься – кто ты? Кто ты?
И переполнится душа.

Нахлынет с болью: в старом мире
Оставил я давным-давно
Тебя в слезах в пустой квартире,
Но возвратиться – не дано.

Сладка нам боль воспоминаний,
Когда за нею нет утрат.
Играет память в игры с нами.
И вот – как будто бы вчера...

Нет, не забыто твоё имя,
И шёпот, ну, и звонкий смех.
Что память? Это – только иней.
И снова холодно. И – снег!

Да, скажете вы, да, конечно же, прекрасная старая школа русского реалистического письма! Любитель, собиратель и знаток русской старины, русской живописи, Олег Рябов не удерживается и в искусстве слова от живописных штрихов и мазков. Это сразу невероятно расширяет вербальные границы. Эмоциональное переживание выходит из словесных рамок, свободно, вольно перерастает их и становится живописным ветром, и тут изобразительность летит на подмогу чистой лирике; образ играет видимыми и даже осязаемыми гранями, сквозь натюрморт и портрет просматривается история Родины, мы чуем тело родной земли, мы понимаем: без неё – нельзя. Да поэт без неё и не проживет, восклицая: «Да здравствует провинция!»

Изысканный ли автор Рябов? Владеет ли он арсеналом поэтических средств? О да, владеет! Но, как любой владелец бесценных сокровищ, не выставляет их напоказ, не демонстрирует всему свету постоянно, громоподобно и пафосно: за кадром у поэта гораздо больше богатств, нежели в кадре, и это правильно; искусство – это не точка, а объём, читатель не должен видеть в стихотворении образного «потолка», он, в идеале, должен ощущать над собою бездонный купол ночного ясного неба. Осеннего, цвета воронова крыла, усеянного бесчисленными звёздами. Они и есть достояние поэта.

Последнее яблоко в саду... последняя ночная, перед туманным утром, звезда... последняя любовь. Тютчевскую музыку, мелодии Пастернака несомненно вспоминаешь, читая лирику Рябова. Но он нигде и никому не подражает. Он живет внутри своей родной симфонии. Он пишет эти летящие осенние ноты всею своей жизнью.

Традицией он благоговейно жив, но он же традицию и безжалостно ломает – неожиданной «неверной» рифмой, сюрпризным задыханием посреди строки, странным поворотом образа, необъяснимо, ниоткуда возникшей интонацией, но более всего – невероятным чувством, то перламутрово-изменчивым, нежнее выдоха, то железно-незыблемым, а чувство это живо в поэтике Рябова благодаря его почти воинскому бесстрашию.

Это бесстрашие художника, о котором говорил Бетховен: «Художники пламенны, они не плачут». Все слёзы поэта – внутри его смелой музыки.

Холодно. Очень холодно,
Будто меня ты голого
Бросила ночью в сугроб,

Бросила и оставила.
Нет – ты, наверно, не стала бы...
Но наломала дров.

Ты – босиком по улице.
Дождик, погода хмурится,
Холодно, колется, дрожь.
Всё! Всё тебе отмерено –
Так и должно быть, наверно.
Так ли? И не поймёшь!

И не услышу я голоса,
И не потрогаю волосы,
Вот – и уже ничего!
Мы с тобой может быть, встретимся –
Ждёшь на небесной лестнице
Явления моего.

Воображение, соображение, изображение, говаривал великий педагог, рисовальщик Павел Чистяков в Академии художеств... У Олега Рябова все три творческих начала сгущены, спрессованы в одном, отдельно взятом поэтическом тексте. Он слишком поэт, чтобы отказаться от безумного, задыхального полёта воображения, принеся его в жертву столь модной, бездушно-бессердечной интернет-поэтике, часто композиционно копирующей изобретательную компьютерную игру; и он слишком художник, чтобы пренебречь любимым реалистическим изображением в угоду блестящей, безупречной логике. Он слишком живой! Да, он любит Пастернака, и да, он помнит эти слова: «...но быть живым, живым и только. / Живым – и только. До конца». Чудо меняющейся каждый миг жизни – это и есть поэзия Рябова! Если хотите освободиться, улыбаться, плакать, не таясь, смеяться, болеть, сокрушаться, жить на полную катушку – вам сюда. Точно сюда.

Не крылья – укрепились костыли,
Не подвспорхнуть мне больше от земли.

Тащусь – меня устраивает мой лес,
Я по нему хромаю до небес.

Еловой шишки нераскрывшийся бутон
Как чешуёю рыбьей оплетён.

Вот – муравья-друида Эверест,
Его предназначение и крест.

Неспешна комариная возня:
Они как дома у себя в сенях.

А солнечной лучиною луча
Лес освещён – горящая свеча.

Соломенная суть, соловый путь,
И силы нет, чтобы с него свернуть.

С кем разделить открытия свои?
Есть днём синицы, ночью – соловьи.

Простые люди. Простые вещи. Поэт любит их живописать и о них писать. Процесс письма, запечатления тут переходит в загадочный процесс параллельной жизни. Автор выходит вон из своего тела, из всего, что ему врождено и им приобретено, из собственного бытия (простите за невольную эзотерику...), и, не отпуская ритмику собственной крови, не теряя из виду собственную судьбу, наблюдая за ней словно бы с небес, начинает проживать другую, иную жизнь. Вот опять вспомнила Бетховена: «О, как же это прекрасно – тысячекратно прожить свою жизнь!» Таков феномен Рябова-поэта, и, читая его стихи, вы не раз узнаете это явление-преображение, перевоплощение – жить другою жизнью! – прямо в лицо.

И ведь простые слова поэт находит, о самом сложном повествуя! А вернее сказать, он их и не ищет. Хлеб, вода, огонь, дорога. Всё архетипическое есть поэзия. Слова к поэту приходят сами, он их не прикармливает, не призывает, не расстилает для них роскошные ковры земли и неба. И вот ещё одно удивление: поэт не боится показаться неправильным, неточным, немелодичным, корявым, неловким. Он не боится остаться «живым – и только». Он боится стать гармоничным, лощёным, правильным со всех сторон красавцем-манекеном в поэтической витрине. Он хочет остаться собой.

В своей судьбе. В своем высказывании.

Много воздуха и ветра в его поэзии! Простора много!

И от этого – много счастья. Радости.

Рябов – поэт радости. И это так хорошо.

Любая мелочь жизни – радость. Получается так, что в жизни нет мелочей. Верней, они есть, но из этих бликов солнца на зелёной старой бронзе, из винного запаха яблока в октябрьском, медленно плывущем в зиму саду, из беглого весёлого, сумасшедшего поцелуя, из горечи слёз на дорогих поминках, из танцев рыбы, играющей на рассвете в холодной лесной реке, из войска чайников и чашек в старинном буфете и рождается ежеминутно и ежесекундно, вырастает, сплетается сама наша великая жизнь:

...В буфете шкафчик был для серебра,
В который, переложённые бязью,
Приборы запирались. В руки брать
Их разрешалось лишь в великий праздник.
Ведёрко для шампанского, судки,
Икорницы, солонки и фужеры –
Роскошествовать было не с руки
По будним дням в квартире инженера.

Ещё в буфете шкафчик был другой:
В нём пахло валерьянкою и йодом.
Здесь бабушка дрожащею рукой
Хозяйничала при любой погоде.
А низ буфета, словно арсенал,
Забит был до отказа перед битвой
Бутылками заморского стекла
В наклейках самых-самых знаменитых.

Фарфор корниловский, саксонский и стекло
Мальцовское, богемское – всё было
В буфете. Только летнее тепло

Нас, пацанов, к себе всегда манило.
Оно стояло в банках, и на них
Карандашом чернильным, глаз лаская,
Синели надписи: «клубничное», «черни...»,
«Крыжовник», «тернослив», «варила Тая...».

...Когда вас пригласят зайти в буфет
В театре, в цирке или на хоккее,
Сходите, посмотрите: если нет
Варенья в нём, то требуйте смелее!
Пусть это место называют бар,
Шинок, разливочная, комната иная...
Я помню с детства, а ведь я уж стар, –
Буфетов без варенья не бывает.

Много всего испытал, пережил поэт. Огромная жизнь за плечами. Огромное небо жизни. За спиной небо – крылами: вот поэзия, а вот любовь.

Они и есть жизнь.

Все соединено. Сплавлено. Великое и малое.

Олег Рябов внимательно глядит в колодезь русской и мировой истории. Путешествует по миру и видит Мирь – красивый и без прикрас, царский и нищий, нежный и злой, военный и тишайший. Он в своей поэзии – пейзажист и наблюдатель, маринист и портретист, но более всего – психолог и исповедальник. Да и исповедник: именно у меня, читателя, Обезмолвно принимает – всем пространством своего стиха – горячую исповедь; читаю и мыслю: да и у меня так же было; читаю и плачу: Господи, прости за всё, ведь и я так же страдаю и так же радуюсь.

Ангела вам в дорогу,
Выбравшие свой путь.
Все мы бредём понемногу,
Только вот – где свернуть,
Чтобы исполнить волю,
Чтобы познать себя,
Чтобы, наполнившись болью,
Вдруг превратиться в набат.
Знак провидения тонок –
Встань, обернись, посмотри:
Сколько их было, Зимёнок,
Сколько Александрий.
Рано! Без благословенья
Мы продолжаем путь.
Вечность или мгновенье –
Некогда передохнуть.
Истина или гордыня
Гонят нас. Не возвратить!
Солнце садится. Стынет.
Ангела вам в пути.

Внимание. Мы подошли к самому важному раздумью. Страдание и радость. Чувства? Да. Жизнь сердца? Да. Теперь её жестоко желают сбросить со счетов, внушить нам, что искусство может – даже не творить: делать, конструировать, производить – человек, от ис-

куства далёкий, а ещё лучше, ещё хлеще – машина. Искусственный интеллект внедряется в то, что ранее рождал живой человек, создавало настоящее человечество, платя за это созидание слезами, праздником и кровью.

Злоба и любовь. Безумие и просветление. Грех и прощение. Встречи и разлуки. Боль и счастье. Рождение и смерть.

Все это мы, люди, чувствуем. Это жизнь нашего сердца.

Без биения сердца не живёт поэзия.

Или уже – живёт? В ледяных машинных текстах ИИ?

ИИ и в рифму уже, вот диво, умеет.

Но поэзия ли это?

Куда от нас так быстро, обречённо, неостановимо уходят сердце и душа, всю человеческую историю, всё время существования человека на земле резонировавшие на поэзию, на её пламя и искренность, на пронзительную чистую лирику, на героический эпос?

Олег Рябов уникален уж тем, что его поэтическое слово насквозь пропитано, посечено слёзными ливнями души и пронизано жарким солнцем сердца. «Да, старая школа!» – вздохнув, повторят иные.

А кто-то, благоговей, откроет книгу Олега Рябова на самом близком, незабвенном.

Весна прошла по всем дворам,
Избавив женщин от мигреней,
И вдруг упала на сарай
Пушистою волной сирени.

Сирень исполнила прибой
И даже свесилась по краю,
Когда заполнила собой
Всю крышу старого сарая.

Он, стоя в глубине двора,
Изображал карниз утёса,
С которого по вечерам
Струилась вниз сирени россыпь,

Меняя тон, оттенки, цвет,
Срываясь вниз в душистой пене...
Приходит лето в торжестве,
С дворами, полными сирени.

Олег РЯБОВ

* * *

Ветер денежки считает на осине,
На осине жёлтой, розовой, осенней.
Заросла густой осиною Россия
Вся, и тут уже не жнут, уже не сеют.

Ну, а вечером над лесом мальчик-месяц
Выйдет, но и он – увя, совсем не весел:
Страшно, только никуда уже не деться,
Если столько натворил, накуролесил.

Ночью тёмной филин ухаёт над ухом.
Пусть я с филином – не будет одиноко.
Вот мои – и лес-старик, и ночь-старуха,
И неведомая дальняя дорога.

Заповедные дороги-перепутья,
На ночь глядя, в никуда, через Россию –
Их так много, что пройдёшь и позабудешь
Или в изумлении рот разинешь.

Я их часто и со страхом, и со смехом
Проходил. Вот, как монетки посчитает
На осине друг мой, ветер-неумеха,
Мы пойдём с ним, а куда – пока не знаю.

* * *

Зачем в деревню? Чтоб в избе
Печь затопив и сев беспечно,
Понять, что вечность быстротечна
С набором будничных побед.
Их, даже напрягая слух,
Не различить в эфире лета –
Они, победы-беда где-то,
Здесь даже эха звук затух.

Зачем в деревню? Чтобы понять
В чем смысл и скорби, и печали –
Печаль всегда была вначале,
Была предвестницей огня.
Теряя счет часам и дням,
И путая уже столетия,
Сомнений грозные соцветья
Растут и трогают меня.

Зачем в деревню? Шутка ль – тут
И Бог в углу, и правда в поле,
И неба синего раздолье,
И тут совет тебе дадут,
Как дальше жить. И тут простят
Тебя за то, что совесть плачет,
За то, что ты не смог иначе.
Ты – не чужой, ты здесь в гостях.

В МАНЕЖЕ

На цирковой манеж люблюсь.
Там мышцы пробует атлет,
Со лба стирая потный след,
И струйку со спины дружую.

Там белой чайкою гимнастка
Легко под куполом летит,
Играя с лонжей безопасной,
Мечту Икара воплотив

Уверенный наездник стройный,
Свою кобылу укротив,
Её пускает снова строго
По выбранному им пути.

За кругом круг в пустом манеже,
Идя в галоп, закрыв глаза,
Она идёт, забыв, что прежде...
Но нет уже пути назад,

В луга, что зеленью волнуясь
Лежат, а там – распадок, падь.
Лишь круг, лишь кнут, и ни в какую
Ей в сторону не ускакать.

Вот так и мы: мы на арене,
Мы загнаны в рабочий круг
Без пониманья, без сомненья
И без надежды, что мол – вдруг!

ПРОВИНЦИЯ

А. Серикову

Да здравствует провинция!
Прости меня, столица,
Погрязшая в амбициях,
Разыгранная в лицах,
Проплаченная, продана
Лимитчикам – талантам,
И никому не родная –
Народная, и ладно!

Да здравствует провинция,
Где день прожитый – в радость,
Что никогда столицей
Не будет – и не надо,
Где принцы карамельные
Девчонкам ночью снятся.
Дожди идут неделями,
А в город – с автостанции.

Где незнакомцу – «здравствуйте!»
Где каждый день – от Бога,
А дни, хотя и разные,
Но к храму есть дорога.
И место есть для творчества
И для защиты принципов.
Без всенародных почестей
Живёт моя провинция.

БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ

Была давно излучина реки –
Остался склон с сожжённой травой,
Сюда коней гоняли мужики
Весенней целиною к водопою.

На самом дне, у склона, притаясь,
Пульсирует живой водой родник.
Над ним иконка – «Благодарный князь»,
Но время стёрло светоносный лик.

Среди густой травы ведёт тропа,
На камне жёлтом кружка и корец,
Но сохранила русская судьба
Над родником старинный голубец.

ВЕСНОЙ

Не помнит ветка, что была мертва,
Когда под солнцем распускает почки.
Там, у корней пожухлая трава,
Безжизненные серые листочки.

Не помнит ветка, как глухой порой
Упругий ветер холодил запястья,
Как стыли соки под её корой
И были нескончаемы ненастья.

Не помнит ветка, руки протянув,
Как расставалась с птицами ночами
И как забылась, с трепетом вздохнув,
Объятая холодными лучами.

Не помнит ветка, что была мертва,
Когда весной распускает почки.
Не знает смерти нежная трава,
Не знают смерти клейкие листочки.

СОН

Отцу

Как счастлив я, когда приснится,
Мне нежность строгого отца.
Июльский день. Овраг. Криница.
И гул пчелиный без конца.

Отец ко мне коня подводит,
И, силою крылатых рук,
Меня возносит, и поводья
Даёт. И мы идём на круг.

Так сладко пахнет свежим сеном!
И жарки конские бока.
Я чувствую своим коленом
Верблюжий волос армяка.

Отец потёртую уздечку
Сжимает в твёрдом кулаке.
Я сверху вижу нашу речку
И грозный кнут в его руке.

Как счастлив я, когда приснится,
Мне нежность моего отца.
Тот жаркий день, наш круг, криницу
Я буду помнить до конца.

ТЕПЛО

Как будто не было снегов.
Смотри, уж роща зеленеет.
Ещё от влажных берегов
Туман едва заметный веет.

Палящим солнцем облита,
Земля летит теплу навстречу,
Живит и душу человечесью,
И плоть травинки, и листа.

Стою во мгле ночного сада
И слышу в сумраке немом:
Земля питает родником
Лозы бессмертной винограда.

ПОЛНОЛУНИЕ

Как нимб, блистая позолотой,
Сияла полная Луна.
Окутан город был дремотой,
Плескалась на камнях волна.

Ногою гальку приминая,
Мы шли неспешно вдоль волны.
И резко горизонт у края
Светился в отблеске Луны.

Казалось, что вот-вот коснётся
Диск водной глади, и тогда
Вскипит тяжёлая вода
И Божий мир перевернётся.

ПУТЁМ ЗЕРНА

Пахали в ночь. Погожие деньки.
Успеть, успеть посеять в землю зёрна.
Седые небеса пространны, глубоки,
Земля вздохнувшая покорна.

Кормилица и ласковая мать.
Тебе не занимать терпения и воли,
Ты не устала со смиреньем принимать
Людей, не помня ни обид, ни боли.

Падёт зерно в твою святую плоть,
Его пробудит дождь, взлелеют ветры.
Путём зерна, считая километры,
Пойду и я, благослови, Господь.

* * *

Травы августа были густыми.
И гусята по воле гусыни
пробивались к прохладе речной.
И счастливое пение речки
в золотом среднерусском колечке
отменяло египетский зной.

Там, в Хургаде, не то в Шарм-эль-шейхе
полунищие гордые шейхи
с низких корточек смотрят наверх,
на открытые бёдра блондинок,
каждый в пятницу, праведник, иннок,
но сегодня как будто – четверг...

Эту речку, где плещет уклейка.
звать Самайка, Семейка, Сумейка –
я не помню, как кличут её.
Только, мамой клянусь, сухой буду,
эта речка окрестному люду
и дорога, и харч, и питьё.

Здесь надёжный, весомый и зримый,
овощ, данный нам Екатериной,
шкурой чует, что – среди своих.
Пальцы жжёт раскалённая пища.
Дым отечества, дым костровища
подозрительно лёгок и тих.

Что ж нам жить так печально и сложно?
Здесь же – Родина, где невозможна
жижа лжи меж тобою и мной.
Как же столь уважительный к силе
Русский мир, о котором твердили,
обернулся такую войной?

* * *

Поразительная дисциплина
и при этом размах неземной
в красоте журавлиного клина,
пролетающего надо мной.
Потрясающая безупречность
в поведенье животных и трав.
Уж, свивающийся в бесконечность,
развился, ибо понял: неправ.

Вспоминай об усопшем Союзе
хочешь с матом, а хочешь с тоской.
Никакая из русских иллюзий
не слыхала осанны такой.
А какие случались разборки
у Союза распухшего! Но
чуда горизонтальной восьмерки
и ему подтвердить не дано.

Я машу подрастающему детям.
И слежу, как всегда, поражён
за великой природой, за этим
уползающим в травы ужом.
И приходит апрель, и, конечно,
веет маем от близкой реки.
И весна надо мной бесконечна,
бесконечна, всему вопреки.

«ИВАНОВ»

В пьесе Чехова «Иванов»
ничего не происходит.
Меж ничтожеств и болванов
неврастеник мрачно ходит,
на любовь жены не зарясь,
сторонясь напитков крепких,
неизменно огрызаясь
на поток дурацких реплик.
Этот Боркин с крепкой глоткой...

Эта Саша с детской шейкой...
И жена больна чахоткой,
будучи к тому ж еврейкой...
Невозможны в мире тошном
ни жена, ни та девица,
да, любовь, похоже, в прошлом,
ну а новой он боится.
Да, долги... Да, жизнь проходит...
Но где «экшн», дорогие?
Ничего не происходит.
Странная драматургия...

Так и надо делать пьесы,
кроме, разве, детективов:
никаких фальшивых стрессов,
никаких искусных взрывов!
Мне порою так зевалось
от иных интриг, Иванов!
Тут следишь не отрываясь,
если сам не из болванов.
И узнать судьбину-суку,
главное, пусяк: ведь, эка,
человек взял что-то в руку –
бах! И нету человека.

* * *

Немой раздор берёзы и сосны.
Разнообразье снов в канун весны.
Апрель. А мы кому-нибудь должны,
что нас зовут себя готовить к лету?

* * *

Мы – подобье Его. Но ведь Он не явил нам лица.
В Назарете не знали, похож ли Иисус на отца.
А о нас-то уж что говорить... Впрочем, речь о другом –
о случайном кузнечике, умершем под сапогом.

Та кровавая сорок второго размера судьба
неужели настолько глуха и настолько слепа,
чтоб не слышать прекрасного стрёкота в майской траве
и явить нам безбожье, приличное лишь в Божестве?

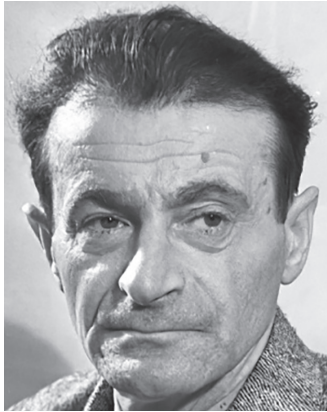
Высший смысл этой акции низкой неясен пока
ни для бабочки легкой, ни для волевого жука.
Да и будет ли ясен, поскольку сапог – ни гу-гу
и, видать, то, что он натворил, невдомёк сапогу...

Вся жизнь лишь подготовка. Жить когда?
Вот март прошёл и скрылся без следа.
А ведь блистательную пору эту
готовились мы встретить весь февраль.
И март – фуфло. И с февралём – беда.
Вы верите в счастливую примету,
что будет дивным май? Я – никогда...

Я пошутил. Пусть верно, что канун
прекраснее события. Тот, кто юн,
ждёт звёздной ночи, да с десятком лун,
Он этой явью явно недоволен.
А мне приятен сложный мир ночной
с его неоднозначной глубиной
среди деревьев, бойниц и колоколен.
Я столько раз был к жизни не готов.
Но я согласен: надо жить сейчас,
среди других племён, народов, рас,
среди святых и смертных, и скотов,
и этих, кто здоров, и тех, кто болен.

Я не готов ни ликовать, ни ныть.
Мне кажется порой: мы чья-то сыть.
А всё ж быть может, (очень может быть!)
что жизнь лишь череда прекрасных миггов.
И, миф любя и принимая крест,
так хочется с иных причинных мест
взять да сорвать иной листочек фигов
и увидеть: свободна от вранья,
она и так прекрасна жизнь твоя,
без революций, ломок и блицкригов.

А кузнечик с последним движеньем затих под кустом.
Чьё мы всё же подобье?.. А впрочем, ведь речь не о том.
Речь о том, что – весна и заря предвещают теплынь,
и кузнечики всласть воспевают родную полынь.

[ПАМЯТЬ]

Михаилу СВЕТЛОВУ –

120 лет

Юрий КОЗЛОВ

ПОМОГАЛ СТАТЬ ЧЕЛОВЕЧНЕЕ...

Михаил Светлов превратил романтику революции и Гражданской войны в поэтическую традицию, просуществовавшую до самого конца СССР. Вместе с такими поэтами как Павел Коган, Джек Алтаузен, Иосиф Уткин, Михаил Кульчицкий он был талантливым и ярким представителем первого постреволюционного поколения советских людей, искренне верившим в высокие идеалы революции. Именно это поколение, пройдя через репрессии и «чистки» тридцатых годов, одержало победу в Великой Отечественной войне и практически всё полегло на полях сражений. Поэты советского варианта «бури и натиска» остались в истории русской литературы, как искренние патриоты социалистического Отечества, апостолы веры в революцию. «Я с детства не любил овал. // Я с детства угол рисовал». Строчки Павла Когана можно отнести и к творчеству Михаила Светлова, рисовавшего «угол» поэзии классовой, героической, интернациональной, революционной. Родившийся в 1903 году в небогатой еврейской семье, Светлов (этот псевдоним он взял в 1920 году, вдохновившись примерами Максима Горького и Демьяна Бедного) в шестнадцать лет вступает в комсомол, участвует в Гражданской войне, редактирует газету «Юный пролетарий».

В двадцатых годах яростная классовая борьба в СССР сочеталась с просвещением народа. Социальные лифты работали на полную мощность. Народ рвался к культуре, к образованию. На великих стройках выковывалась новая личность советского человека. Этот человек жил не материальными, а духовными интересами. Поэзия была ему нужна как воздух. Стихи и песни Михаила Светлова стали гимном молодёжи тех лет, вошли, как символы времени, в коллективную память народа, были разобраны на цитаты: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»; «Отряд не заметил потери бойца»; «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо»; «Каховка, Каховка – родная винтов-

ка, горячая пуля, лети!». Вершиной романтизации Гражданской войны стала написанная Светловым в 1926 году баллада «Гранада», высоко оцененная не только тогдашними любителями поэзии, но и лидерами «белого» и «красного» направлений в русской поэзии – Мариной Цветаевой (из эмиграции) и Владимиром Маяковским.

Молодая советская поэзия, первоначально единая в пафосе революционного преобразования общества и отрицании «старого мира», в конце двадцатых годов вступила в стадию идейного размежевания. Точкой несогласия стало отношение к партийной номенклатуре, предавшей высокие идеалы революции, коллективизации и террору, как способу управлению страной. Поэты Борис Корнилов (автор легендарной песни «Нас утро встречает прохладой», Павел Васильев, Алексей Ганин были расстреляны, как «русские фашисты». Но и к поэтам, романтизирующим Гражданскую войну и «земшарную республику советов», у власти, взявшей курс на отказ от мировой революции во имя построения социализма в «отдельно взятой стране», полного доверия не было. В их поэзии, как профиль Троцкого в пионерском костре на этикетке спичечного коробка (известное дело об идеологической диверсии) слышалось эхо теории перманентной революции. Но сталинское руководство уже не рассматривало историческую Россию, как «вязанку хвороста для мирового пожара». Умирать, «...чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» больше никто не собирался.

Михаил Светлов остро ощущал происходящие изменения. Ему не нравился НЭП, пробуждавший в народе буржуазные пережитки. В вышедшем в 1927 году сборнике его стихотворений «Ночные встречи» критики заметили неуместную иронию, отход от «линии партии». «Время не то, и люди не те, // Но ты – остался собой. // Ты всё ещё носишь в своих глазах // Вспышки прошлых дней». Светлов не только открыто поддержал левую (троцкистскую) оппозицию, но вместе со своими друзьями поэтами Иосифом Уткиным и Михаилом Голодным затеял выпуск оппозиционной газеты «Коммунист». Естественно, всё это не осталось без внимания. В 1928 году Михаила Светлова обвинили в троцкизме и исключили из комсомола. Потом, правда, восстановили. Загладить свою вину ему частично удалось в 1935 году песней «Каховка». Интересные воспоминания о том периоде жизни Светлова оставил поэт Семён Липкин: «Я его помню непьющим, радующимся славе. Его опустошил разгром оппозиции. Он сочувствовал Троцкому. Был не подготовлен к имперским жестокостям. Все комсомольские поэты первого поколения, как и весь тогдашний комсомол, были обворожены Троцким... Безыменский гордо заявлял: «Я грудь распахну по-матросски и крикну: «Да здравствует Троцкий!»

В 1941 году Светлов стал фронтовым корреспондентом «Красной звезды», прошёл всю войну, был награждён двумя орденами Красной Звезды и медалями. Поэма «Двадцать восемь» о героях-панфиловцах, цикл стихотворений об отважной, погибшей от рук фашистов партизанке Лизе Чайкиной были одобрительно встречены критикой и общественностью. Тем не менее, старые «грехи» не забывались. После войны поэта вызвали на Лубянку, предложили сотрудничать. Он сослался на свою неспособность «не разглашать» по причине пристрастия к алкоголю. Выйдя с Лубянки немедленно отправился в ресторан «Арагви», где подтвердил сказанное делом. Из частично рассекреченных в годы перестройки архивов НКВД стали известны некоторые запротоколированные информаторами высказывания поэта. О Союзе писателей СССР: «От этой организации, кроме пошлой официальнойщины, ждать нечего». О КПСС: «Она переродилась, ничего общего с пролетариатом она не имеет... Пребывание в партии превратилось в тягость, там всё ложь, лицемерие и ненависть друг к другу, но уйти из партии нельзя. Тот, кто вернёт партбилет, лишает себя хлеба, свободы, всего». Не удивительно, что поэт жил в опале, хотя и относительно мягкой, без оргвыводов. Тяжёлое впечатление произвела на него развернувшаяся в стране в последние годы жизни Сталина «борьба с космополитизмом». В эти годы Светлов почти не писал стихов, занимался в основном переводами, преподавал в Литинституте.

Настоящим ренессансом для поэта явились годы хрущёвской «оттепели». Он снова стал «публичной» фигурой. В истории остались кадры из фильма «Мне двадцать лет» Марлена Хуциева, где на вечере поэзии в Политехническом музее Михаил Светлов под искренние аплодисменты читает стихи вместе с кумирами молодёжи тех лет: Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной. Его, пронизанные горечью (в духе Омара Хайяма) остроты разлетались по Москве, превращались в фольклор. Светлов медленно умирал от рака лёгких, но даже это было темой его шуточных высказываний. «Лишь немногие, – писала в воспоминаниях о Михаиле Светлове поэтесса Татьяна Кузовлёва. – близкие друзья догадывались, что за ироничностью поэта скрывались его ранимость и невероятная скромность. Пряталось внутреннее одиночество, которое знакомо каждому поэту. Его отзывчивость на чужие беды не была показушной: однажды заметил, как стоптаны туфли у очень скромной и тихой буфетчицы в Пёстром зале ЦДЛ, в котором он был завсегдатаем, – и молча отдал ей гонорар, чтобы она купил себе новые». И ещё одна цитата из этих воспоминаний: «Он не лез в отличники, но его вклад в поэзию был куда значительнее иных советских «пятёрочников» поэтического цеха: в то закрытое время он открыто помогал читателям стать искреннее и щедрее к людям, бережнее относиться к своим и чужим чувствам. Помогал стать человечнее...»

В 1967 году Михаил Светлов был посмертно удостоен Ленинской премии по литературе.

Похоронен поэт на Новодевичьем кладбище в Москве.

У природы своё ремесло –
 Завершать, начиная сначала.
 Я сегодня любовь проморгала
 Так легко, что до слёз тяжело.

* * *

Какой снегопад!.. Как с холста
 крахмальной небесной простынки,
 на жизнь от креста до креста –
 на землю слетают снежинки.

Небес не касайся рукой,
 чтоб глупое сердце не выжечь.
 Не тронь мимолётный покой,
 который тем чище, чем выше.

И нам, дуракам, поделом:
 безверием в чудо стеснённым,
 пусть вьюга идёт напролом
 и сеет снежинки гулёные.

В их форме шестилучевой
 нездешние замыслы скрыты
 и слёзы твои, как впервой,
 из этих снежинок отлиты.

Забыв и покой, и престиж,
 в слепящую смотришься зиму.
 Прости эту снежность! Простишь?
 Прощение невыразимо.

ТРЁХСЛОВЬЕ

Ни полслова тебе! –
 за меня говорят молча камни,
 теплоту наших рук
 они хорошо сохранили
 и теперь отдают
 постепенно озябшему или
 отдалённому миру.
 Их память и щедрость близка мне.

Ни полслова тебе.
 За меня всё расскажут озёра –
 эти впадины глаз
 отражают усталые утра,
 половинки ракушек
 выбрасывая с перламутром,
 а над ними несётся
 отчаянье чаячьим ором.

И раскрыла безлесая тундра
 объяття трёхсловью,
 но на крыльях полярной совы
 оно испарилось.
 Север бел. Север пел,
 снег и ягель швыряя как милость!
 Или просто привиделось мне
 в беспросветном зимовье:

север белым медведем предстал,
 обернулся в метели,
 но искристая рыба безблёсного
 редкого слова
 в серебристой воде ускользнёт
 от подлёдного лова
 и непойманной канет,
 уйдёт в глубину, где форели
 затаились,
 а я?

– Ничего не скажу тебе больше,
 никогда не скажу,
 даже если свечением
 Кольским
 все пророчества
 дышат,
 реченья
 мерцают
 и знания
 тают
 вовек...

*Елена
СЕМЁНОВА,
Москва*

ЦВЕТЫ ВОДОСБОРА

Оплакавши жаркую пору,
Тоскует сентябрь, уходя,
Но пахнут цветы водосбора
В сиреновой дымке дождя.

Но зелень врывается в ставни
Стараясь поведать вдогон
О чём-то заветном, о главном,
Чего ты был в жизни лишён.

И диво – полны хлорофилла,
И в строгости ясной правы,
Растут у реки, что есть силы,
Наивные листья травы.

И хочется выйти в предзимье,
Оставить уютную клеть,
Чтоб также доверчиво с ними
Под небом осенним шуметь.

ОСЕНЬ В СИНЬКОВО

Пришло – не затоптать, не вымарать,
Не вычеркнуть заветных строк –
Трава как волосы кикиморы
И сердца голубиный ворк.

И мокрость веточки рябиновой,
Дрожащей прямо возле глаз,
И слой земли раскисшей, глиновой,
Что под ногами запеклась.

И тихий, мерный ход истории,
Где редкий дождь и блеклый свет,
Где даль в глаза течёт как море и
Тебя самой – как будто нет.

Ну, и дорога – грусть заплечная,
В овраге шина у мостка...
И, как смола густая, вечная,
Непреходящая тоска.

ЛЕС

Сбилась душа с маршрута,
Вышла на встречную полосу –
Стало темно и смутно,
Ветер шепнул – не бойся!

Видишь – деревья босы,
Хмуры, мрачны и наги –
Но ведь любые особи
К свету идут сквозь овраги.

Свет на поляны, веси
Льётся с высшего яруса
Только сигнал дай – взвейся
Сердца хлопучим парусом!

Там, где мелькнёт усмешка
Закоренелого циника,
Будет тюрьма и вышка,
Водка, аптека, клиника...

Так, нашептав на уши,
Ветер свистнул и канул –
Лёгкою тенью в душу,
В сердце тяжёлым камнем.

* * *

В старой комнате время, как дым,
Дым луча, что сквозь тюль по стене, –
Я гуляла с утра от балды,
А сегодня строга, словно неф.

Обозначилась чётче в углах
Тень на фото – у лба, возле глаз,
Дума грифелем их обвела
И в устах запекалась.

В старой комнате время, как пруд,
Пучит око часов циферблат,

Тик да так – как размерен их труд:
Как их пристален взгляд.

Книг отряды – к тем старым томам
После встреч, поражений, разлук –
Возвращаюсь я к старой тахте,
В зачарованный круг.

ДИТЯ Я СЛАВЯНСКОЕ

Верю я только в то, что чувствую,
Резонирую с ритмом времени.
Я славянскую душу русскую
Понимаю. Я роду-племени
Земли русской, дитя славянское
И в богов я языческих верую!
Раз имею я корни дворянские,
То служить буду правдою-верою

Я народу – не быдлу безликому,
Не толпе, чьей-то волей укатанной,
Только вольному, многоликому,
Только мудрому, незапятнанному,
Не погрязшему в рабском угодничестве,
Не смирившемуся с жалкой бедностью,
Своё помнящему имя-отчество,
Я служить буду с жаром и преданностью!

Мне в делах бы таких участвовать,
Что следы оставляли б гигантские!
Я полна была б этим и счастлива,
Потому что дитя я славянское.
Мне б вселить людям веру в светлое,
А не в доллары американские –
Вот желанье мое заветное!
Я по вере – дитя славянское.

Мне б помочь пережить тяжёлые
Ночи, дни, укрепиться надеждою,

Что родится в умах что-то новое
И что вера вернётся прежняя,
И что русские боги силою
Превзойдут силу тёмную, хамскую!
Потому что дитя я славянское.

ЗДЕСЬ

Поневоле перейду на шёпот,
О таком не полагается громко.
Неуместны здесь толканье и топот,
Здесь лишь шёпотом, лишь искренне, робко...
Здесь всё хрупко, и хрустально, и звонко,
Эхо здесь от тишины и дыханья.
Здесь устроено всё умно и тонко,
Здесь рассчитано всё на пониманье.

Здесь глубины – так такие, что страшно
Заглянуть в них и на дно не свалиться,
От их правды по спине лишь мурашки.
После знаний таких вечность не спится!
Здесь высоты – так такие, что боги
Вдруг окажутся с тобой почти рядом.
Если хочешь, ты им кинешься в ноги,
Но поймёшь, что ничего и не надо!

И не станешь ты просить больше хлеба,
Благ земных и суетливого счастья.
Ты попросишь разрешенья на небо,
Ты попросишь у богов лишь причастья!
Не захочется тебе вновь на землю,

Вновь бежать, сверяя бег по минутам!
Ты, как долг, земле отдал свое семя
И не должен ничего никому ты!

Здесь широты – сплошь одни горизонты,
Заглянуть за них не хватит всех взглядов!
Ведь к возможностям таким долго шёл ты,
Так воспользуйся, тебе если надо!
Здесь в гиперболах все мысли и чувства,
Здесь всё видно, за словами не спрячешь
Все грехи и всей души своей буйство!
И над сытостью своей здесь заплачешь...

СТАРЫЙ ДОМ

В тридесятом царстве
С розой под окном
Умирал в мытарствах
Жизнь проживший дом,
Старый, кривобокий,
Крыша набекрень,
Лишний, одинокий,
Как прогнивший пень.

Трещины по стенам,
Сыплется труха –
Вздувшиеся вены,
Как у старика.
В трещинах все окна,
Забиты, глухи.
Такие же стёкла
Носят старики.

Шорох без причины,
Тени по углам –
Козни чертовщины,
Память старикам.
Чьи-то духи бродят,
Не найдя своих,
По старинной моде
В париках седых.

С домом в бездну канет
Прошрое. Рублём
Никто не заманит
Поселиться в нём.
Смерть обычно мирит,
Нищим пальтецо...
Огромная гиля –
В старое лицо...

СЕРДЦЕ

Чьё-то лежало сердце,
И пенилась пена, лопалась
Над ним. Видя, жизнь чья-то меркла
Крутились все медленней лопасти
Надежного самолета,
Я сжалась от боли и жалости,
Но я была на работе.
Сказали: «Войдите, пожалуйста».

В бахилах, халате – всё белое
И маска – одни глаза сверху,
Смотрела на руки умелые
И твёрдые на поверку...
«Не бойся, я знаю, крутятся
В твоей голове что за мысли,
Но кто-то уже отмучился,
А кто-то стремится к жизни!»

Везут на каталке стремящегося,
Отмучившегося берут сердце...
И нота в мозгу звенящая
В триста, пить дать, мегагерцев:
«И кто из них жить достойнее?
Кому нужна лишняя встряска,
Родным знать, что сердце покойника
Стучится по чьей-то указке

В груди чужой? А надолго ли?»
На это никто не ответит,
Но скоро чай с лимонами
Гонять ему, жить на планете.
Хоронят кого в день ненастный
Без сердца? Тоска без ветрил...
Он был бы, наверное, счастлив,
Что жизнь хоть кому-то продлил...

НАКАНУНЕ

Ещё не стынет след ничей,
Ещё не выплаканы слёзы,
Ещё не верится в прогнозы
Благих, убогих трепачей.

Не слышен сердцу зов трубы,
Созвездья спят в ночной реке,
Младенец спит, в его руке
Зажата линия судьбы.

И мать, пока что не вдова,
Так сладко спит в обнимку с мужем,
Он для войны ещё не нужен,
Она пока ещё жива.

Туман окутал берега,
Не выдаст Бог, не хрустнет ветка,
Луна уходит, как разведка,
В расположение врага.

ДОНЕЦКИЙ СПАС

Столетия предрассветный час,
Век тёмный, времена лихие,
Лицом к лицу к беде Донбасс,
Плечом к плечу в беде Россия.

Восход над шахтами погас,
У ада спонсоры крутые,
Накрыло тучами Донбасс,
Ложится тень на всю Россию.

Летит осколочный фугас,
Потомок Каина и Кия,
Что на прицел берёт Донбасс,
Прицел наводит на Россию.

В садах Господних хриплый бас –
Гудите, трубы заводские!
На небесах сплошной Донбасс,
Под небесами вся Россия.

И на крови Донецкий Спас,
И позывной берёт мессия,
И вызывается Донбасс,
И отзывается Россия.

НЕ БРОСЬ!

Летит Отчизна под откос,
Конец ремёсел,
Ты во спасенье её брось,
А ты не бросил.

Ты в этом в мире только гость,
Другие гости
Давно ушли, сказавши:
– Брось!
А ты не бросил.

Трещит, устав, земная ось
От зим и вёсен,
Инстинкт подсказывает:
– Брось!
А ты не бросил.

Души не вешаешь на гвоздь,
Не сушишь вёсел,
Тебе приказ отдали:
– Брось!
А ты не бросил.

Всех мирозданий зреет гроздь
В одном вопросе,

Когда тебе предложат:
– Брось!
А ты не бросишь.

Люби её, какая есть,
Отцом ли, мужем,
Не важно, нужен ли ты здесь,
Ты там не нужен.

И как бы горько ни жилось,
Хоть на погосте,
Живи, когда сказали:
– Брось!
А ты не бросил.

БЫТЬ РУССКИМ

Виктору Буту

Того, что между нами было
мы не предъявим напоказ,
она меня не разлюбила,
хотя могла бы и не раз.

Её неведомая сила
не по тропе, а напролом
чужого в русского крестила
крестом, мечом ли, топором.

Кто в ад не шил себе разгрузки,
тому быть русским не под стать,
так учат становиться русским
того, кто русским должен стать.

Тот, кто ничем ей не обязан,
собой обяжет вороньё,
кто пуповиной с нею связан,
себя положит за неё.

Когда пошла большая драка,
где каждый только за себя,
к земли тифозному бараку
слетелись ангелы, трубя.

Где даже Богу не пристало
вступаться в драку за жильё,
она собой меня спасала,
она меня и я её.

*Юлия
СКРЫЛЁВА,
Москва*

***

Мир в темноте похож на волка.
Светло от ломтика луны.
А я хочу к тебе на Волгу,
Туда, где Стенькины челны.

Где звёзды пляшут в синем сите
Ночного неба, а под ним
Блестит в лучах герой «Гаситель»,
Великим городом храним.

МОЛИТВА

Храни тебя Господь
От глупого снаряда,
От пули и штыка,
От мысли чёрной, злой.
Ты весь, душа и плоть,
И блеск стального взгляда,
По прихоти врага
Не можешь стать золой.
Я буду очень ждать.
Я наберусь терпенья.
Дыханье задержу
Насколько нужно лет.

С иконы Божья Мать
 Слепцу дарует зренье.
 Её я попрошу
 Вернуть на землю свет.
 Покуда кровь и плоть –
 Благоуханье вишни,
 Покуда – на века –
 Цветут в садах цветы,
 Храни тебя Господь,
 Храни тебя Всевышний
 От пули и штыка
 И от любой беды.

* * *

Не хорони нас заживо,
 Прошу, не хорони,
 Ещё на небе замшевом
 Качаются огни.

Ещё душа качается
 На ниточке одной,
 И время не кончается,
 И мир ещё живой.

Ещё закат виднеется,
 Со звезд сбивая спесь.
 И впору нам надеяться,
 Пока надежда есть.

СИРИЯ

Девчонку назвали Сирия,
 Как древние в годы дикие.
 А небо такое синее.
 А зори такие тихие.

А дети такие чистые,
 Неважно, какого племени.
 Война по планете мчится, и
 Стираются поколения.

Все звонкие дни погожие
 На ад земной кто-то выменял.
 Ты вздрогнешь, когда прохожие
 Тебя назовут по имени.

* * *

Так страшно исполнять свои мечты.
 Так странно понимать, что чудо – ты.
 Так сладко жить неделю за неделей.
 Щекой касаться тёплой хвои елей.

Так снежен мир, и так нежна изнанка.
 Так ярко – просыпаться спозаранку
 И рисовать на листике дорогу
 И небо, продиктованное Богом.

[ПАМЯТЬ]

Владимиру СОКОЛОВУ – 95 лет

(1928–1997)

Марианна РОГОВСКАЯ-СОКОЛОВА

«Я НИЧЕГО ПРИДУМЫВАТЬ НЕ БУДУ»

*Я ничего придумывать не буду.
Какое чудо может быть у чуда?
Наверно, только я в в...*

Владимир Соколов

Мария, кто ты,
где ты,
что со мной?

Этими раскалёнными, пронзительными словами завершается лирическая поэма Владимира Соколова «Сюжет». Вопросы щемящие, как тревожное пожатие тоски сердечной.

Поэма написана в 1976 г. Она была высоко оценена, удостоена Государственной премии, о ней много говорили. Но была ли она по-настоящему прочитана, проанализирована? Нет, не была. Хотя дважды издавалась лауреатской книгой «Сюжет» и как заключительная глава вошла в последнюю прижизненную книгу Соколова «Стихи Марианне».

Некоторым читателям она показалась очень сложной, закрытой, зашифрованной, загадочной. Заинтриговывают уже первые строки:

Вот вам конспект лирической поэмы.
Песочек, отмель, возле глубины.
Любовь к искусству... Остальные темы
Из отдаленья к ней подключены.

Да, без искусства для истинного художника жизнь не в жизнь. Но жизнь, порой, оказывается интересней всякого вымысла и очень тесно сплетается с искусством любимым.

На протяжении многих лет ко мне неоднократно обращались с просьбой прояснить некоторые неясные места поэмы, по разным признакам связанные с моей жизнью. Я отка-

звалась. Но теперь попробую преодолеть болезнь, которую А. П. Чехов называл автобиографофобией («уж если что и оставлять, то биографию, а не мифологию»).

Я постараюсь проследить по тексту поэмы и по стихам того времени биографические обстоятельства и лирические мотивы, которые подключены к теме «любовь к искусству» и связаны с реальностью моей жизни.

Конечно, поэму «Сюжет» нельзя назвать биографическим произведением. Но, написанная от первого лица, она, безусловно, содержит много биографического материала: прототипы героев, сюжетные ситуации, отдельные детали, описание любимых московских мест, где был он «каждой улице сродни» – все это не вызывает сомнений в том, что образы и ситуации поэмы связаны с реальной жизнью автора и его героев. С первых же строк реальность вплетается в поэму: «Я думал о Каире». В рукописях того времени повторяются слова «опять Каир».

В поэме: Ну, а Каир причём?
Но если друг родной
Тем более о н а там годы тратит,
Так я и помянул его, мол, хватит,
Трать время на меня или со мной.

В поэме эта строфа предваряется фразой: «какой подтекст бездарно пропадает». А в реальности я должна была лететь в Каир, надолго, на годы. За несколько дней до отъезда я получила неожиданный подарок: книгу поэта, которого вся моя семья любила и высоко чтילה. Книга «Стихотворения» с автографом удивительным: Марианне Роговской Вл. Соколов. Сердечно. Очень дорогому человеку. 18/XI 70 г.

Дата – день нашего знакомства.

Почему он так написал? В первый день знакомства, с первого взгляда, на незабываемом поэтическом вечере, среди шумной восторженной толпы, ожидающей автографов. Ведь тогда я ничем не заслужила. Я только любила его стихи, понимала их и принимала близко к сердцу. Тогда, с трудом уняв сердцебиение, поняла и поверила: это весть из будущего, знак, божественное прозрение Поэта.

Теперь я открываю эту книгу и, как тогда – сердцебиение, любимый голос из прошлого...

А тогда я не могла взять с собой эту драгоценную книгу. Я была замужем. Книга стала моей тайной. Не только муж, но и советское посольство бдительно охраняли крепость семейных отношений. Я не могла «бумаге вверить грусть своих слов». Через друзей в письмах сообщала ему его же стихами: «хочу зимы, здоровья, снега». Описывала красоты египетской природы. Эти описания вошли в поэму почти дословно:

Закат в неведомом Каире,
Что отразился на твоём письме –
О переходе синего в лиловый,
А дальше в красный с выходом в полнеба...
О пальмах и о бомбах, о домах...

В Египте тогда шла война с Израилем, и о том, что сын приносил в портфеле осколки бомб, я рассказывала уже позднее.

В то время мы жили на разных материках, неустанно думали друг о друге, мы тосковали. В поэме Поэт говорит «женщине по имени Мария»:

- Но ты глядишь с огромной грустью.
- Да, я всегда тоскую по тебе.

Поэт, человек высокой души, до времени проявляет выдержку: «Мария, душа моя, ты есть, и хорошо».

В Москве, перед отъездом в Египет, я думала, что буду спокойно и вдумчиво писать о фольклорных мотивах в творчестве Чехова. Но другая стихия ворвалась в жизнь. Я поняла, что предстоит нелегкое испытание: любовь-печаль, любовь-разлука, слёзы, надежда «выплакать» развод с мужем. Но всё же, было ощущение:

Пересеклись их сущности. Мы в точке.
Мы в воздухе. Мы вместе.

...

Из двух минут, двух вечностей, двух линий
Я умоляю: выбери мою. Там человек.

Выбор был сделан. Я не могла жить двойной жизнью, как советовала моя давняя университетская однокурсница поэтесса Лариса Васильева: «Пусть будут оба – муж для блестящей заграничной жизни, а поэт для любви». Нет, я «сжигала мосты», я уходила в неизвестность, бездомность, в явную бедность с опальным поэтом.

А Соколов писал:

Домой, домой, туда где дома нет,
Где только ты, незримая почти,
Где тает снег, как тысяча примет,
И на домах, и на твоём пути.

Я знаю то, что ты товарищ мой,
Что для меня ты целый белый свет,
Так знай и ты, что я хочу домой,
Скорей, к тебе, домой, где дома нет.

Я рвалась в Москву, приезжала ненадолго, навёрстывала свою любимую работу в музее Чехова и погружалась в долгожданную «явь», «когда свиданье, не было свиданьем, когда мы были всё ещё на «Вы»».

А в поэме постепенно нарастает эмоциональная напряженность. Герой поэмы в смятении:

Я волновался, спрашивал,
Но что же,
Но что же делать нам с тобой?

В реальности же поэт Вл. Соколов пошёл по пути расширения внутренней свободы, личной и поэтической. Его душевная лихорадка, нетерпение сердца выражаются в вызывающих стихах того времени:

А мне надоело скрывать,
Что я Вас люблю, Марианна,
Молчать и неловко и странно,
Невинность, как грех, покрывать.

Пафос защиты чистого любовного чувства от людского суда сменяется шутливой интонацией:

Я Вашей ошибкой горжусь.
На клязьминском книгохранилище,
Сказали Вы, я нахожусь,
Да нет же, на водохранилище.

Я помню: музеем, как лыжница,
Вы шли в пропылённой гурьбе.
Веселая чистая книжница,
Я счастья желаю тебе.

Поэт возвышенное «пустое Вы», заменяет «сердечным ты» – «я счастья желаю тебе». В поэме интрига усложняется, возникает образ Художника. Память уводит автора в за-предельную даль:

Тот переулочек назывался Вспольным,
Он к Патриаршим вёл прудам,
И о художнике я вспомнил,
Поскольку жил художник где-то там.

Художник нервно рассказывает поэту о своей любви к «женщине по имени Мария», которая «ушла в какую-то пустыню», и патетически восклицает: «Вернуть Марию!». Оказывается, они соперники.

Да, мы любили женщину одну.
Он откровенно, пышно, говорливо,
Я, к сожалению, слишком молчаливо,
Боясь сказать, нарушить тишину.

Герои поэмы выражают свои чувства по-разному. Критик Леонард Лавлинский в письме к Соколову замечает: «... интересно, что в жизни поэт и художник выражают свои чувства по-разному, а в искусстве образ женщины по имени Мария одинаково опоэтизирован ими обоими, оба чувствуют и ценят это. Поэт говорит: «он сотворил тебя из синевы, из белизны и влажного мерцанья», в свою очередь художник признает: «ведь первым ты заметил, что у Марии не лицо, а лик».

Память снова уводит героя в лирическую даль, где встретились две юные души, стремящиеся к идеалу. Их связывала далёкая юность.

Тогда нам было по шестнадцать лет,
Мы занимались в юношеском зале,
Совсем не то, что на дом задавали
Читали и Художник и Поэт,
Скрывавшие от мира гениальность.

Казалось бы, поэт и художник близки по духу. Но на самом деле они – антиподы. Их пути расходятся. Художник, продав талант, пытается купить любовь женщины, уважение друга: «Я продал душу. Но я вас куплю».

Поэт: Мне было жалко. Потому что я
Прекрасно понимал, почти тоскуя,
Что не на что ему меня купить,
Что больше нечего ему продать,
Что слишком много денег и картин.

В образе художника воплотились черты «богатых нищих» с их большими деньгами, коллекциями (!) икон и дорогих картин, с их ужасающей бездуховностью.

Созданная почти полвека назад, поэма сейчас актуальна. В ней чувствуется хорошо знакомый дух стремления во что бы то ни стало идти вверх по лестнице мирского успеха.

Образ художника собирательный, но в поэме дан реальный портрет его прототипа, легко узнаваемый современниками.

Кудрявый, с дымно-серыми глазами,
Как бы размазанными под бровями,
Или заплаканными, но без слёз.

Красноречивы и рисунки художника:

Интерьер пустой избы,
Три грации, как три официантки
Или наоборот... как хоровод.
Еще одна – высокий сарафан,
Кокошник и рублёвские глаза.

Лазурь и охру замешав на квасе,
Он знал, что это будет «на ура».

Не будем полностью раскрывать имя прототипа Художника (*nomina sunt odiosa*). Художник И. Г. «прозвучал», по его собственному выражению. В разных тональностях... Поэт «привык держать себя в узде». Но «не проговориться нету сил в присутствии бумаги и чернил». И проговаривается он давно известным в русской литературе приёмом разнообразных художественных ассоциаций и умолчаний.

«Совсем не надо, чтобы все всё знали» – утверждает автор поэмы.

Сам Соколов предпочитал быть «не тем, о ком трезвонят». Он знал, что этот «мир во зле лежащий», стоит на красоте, любви и правде.

Я ничего придумывать не буду.
Какое чудо может быть у чуда?
Наверно, только я в...

Некоторые современники Соколова, поэты, размышляя о том, «какая тайна была в Володе Соколове, что он скрывал, что тайно чувствовал», приближались к ответу на эти вопросы. Приведу не бесспорную, но заслуживающую внимания мысль Андрея Вознесенского: «это была тайна живого христианства. Он сам был его воплощением. И вот этот соколовский свет – он всех нас освещал и утешал. И когда он шёл по Переделкину, опираясь на трость, безтелесный уже почти, тяжело дыша, этот свет не давал всякой писательской грязи прилипнуть к нему».

Да, он был далёк от «всякой писательской грязи», от пустопорожних разговоров. Он обращался к тому, что любил и к тем, кого любил.

Это время опять воплотится,
Хоть на миг, по звезде, по весне,
По какой-нибудь малой вещице,
Что напомнит тебе обо мне.

* * *

Сказал я: пора уже, Господи Боже!
Пусти меня выше, чем тесное ложе.
Уже я сказать ничего не умею.
Пусти меня выше, чем то, что имею.
Я там ещё молод!
И небо, и сушу
Просил я домой отпустить мою душу,
И Бог даровал мне продление жизни,
И стих как моление, и грусть по отчизне...

ДВА КРЫЛА

В поздний час я молчалив и светел,
Звёздных дум никто не запретит.
По равнине белой белый ветер,
Белый ветер стонет и летит.

Замело селения до крыши,
И такой клубится непокой,
Словно Бог недавно глянуть вышел
И вздохнул, и вдруг махнул рукой!..

Это рок, скажи ты, иль минута:
За пустыми окнами шурша,
Не найдёт нигде себе приюта
Русская гонимая душа?

Вот и мы с тобой через границы,
Сквозь разор, какой не превозмочь, –
Два крыла большой усталой птицы,
Тихо возвращающейся в ночь.

А холмы плывут и серебрятся,
В снежный шторм ныряют облака,
Только нам в стихиях затеряться
И пропасть не суждено пока.

Враг пришёл, и на родном пороге
Зверя дрессированного след,
Враг пришёл – и ни одной дороги,
Ни одной тропы к свободе нет!..

СЛАВЯНЕ

Наши ссоры – сердцу перегрузка,
Потому и вновь горююсь я,
Украинка ты и белоруска,
Русская красавица моя.

Перелески, реки и просторы
Так похожи, словно это мы, –
Наши ссоры – ложь и приговоры
Опытных заказчиков из тьмы.

Наши дети, может, украинцы,
Может, белорусы,

        вновь и вновь
Говорю: мы ныне – палестинцы,
Требуется зверю наша кровь.

Золото он ищет и алмазы,
На Днепре, на Волге держит власть.
Ты зачем такой широкоглазой
И такой славянской родилась?

Мы, славяне, потеряли право
Быть собой, а Ироду везёт:
Каждый день смертельная отравка
В души наши с губ его ползёт.

Нам вражда, а хищникам закуска,
Но горжусь и окрыляюсь я, –
Украинка ты и белоруска,
Русь моя,
        красавица моя!

КОГДА ВЕТРА

Когда ветра о рёбра кирпича
С разгона ударяются упруго,
Ты слышишь, города в ночи кричат,
Сквозь тыщи вёрст зовут они друг друга.

Как мамонты, ушедшие в леса,
От рваных ран на стойбищах мычали,
Так и они – кровавого лица,
Лица войны пугаются ночами.

Над сыростью разбитой тишины
Оно встаёт, угрюмо и зловеще,
Глаза мертвы, как в поле валуны,
И только космы длинные трепещут...

Прносятся бездумно облака,
Пылают метеоры в мутной глуби.
Планетный шар пиная под бока,
Чудовище трясёт его, как бубен.

А города кричат, кричат, кричат,
Бежит народ с ошеломлённых улиц.
И мы с тобою в этот страшный час
На разных полюсах земли проснулись.

* * *

Ветер вершины деревьев качает.
Голос кукушки звенит одиноко.
Память опять про себя отмечает
Детство, пропавшее в годах далёко.

Вижу я стог и реку небольшую,
Густо поросшую острой осокой.
Солнцем и ветром беспечно дышу я
Иль убегаю тропой высокой.

Скалы, озера, луга и овраги.
Каждой травине
        я искренне нужен.
С облаком рядом, исполнен отваги,
Беркут рыжеющий кружит и кружит.

Полдень – отец притомился косою
Часто махать...

        Закипает кастрюля.
Мёдом повеяло, дымом, росой,
Дождь заплясал на ладонях июля.

Мать поправляет поспешно косынку
И в шалаше, что прохладой дорог,
Радостно нам раскрывает корзинку:
Лук да оладьи, картошка да творог.

Сколько изъезжено, понято мною,
Сколько забыто,
        но давнее лето,
Будто бы эхо, идёт стороною, –
И невозможно не думать про это.

БОЖЬЯ ЧАША

Серебряное льётся поле,
И холм отлит из серебра,
Моя душа на крыльях боли
К тебе летит через ветра.

Пусть за лесами небо ниже,
Но в свете серебристой тьмы
Я узнаю тебя и вижу
За белым облаком зимы.

Белым-бела округа наша,
Тебе, что ею спасена,
Серебряного луга чаша
Всевышним преподнесена.

Мне ж не соперничать с богами,
И я не зря прошу в пути:
«Ты разведи меня с врагами,
Владыка, слышишь, разведи!..»

Мне б целовать твои ресницы
И чёрные твои глаза,

Пусть после вьюги в колеснице
В просторы вырвется гроза.

Я обниму тебя до стона,
Я припаду к твоим губам:
А предписания закона
Царями посланы рабам!

Евгений
СТЕПАНОВ,
Москва

ГРАНЬ

Надежде Ковакиной

Эта грань, точно краска, размыта.
И богат иногда нищесброд.
А в герое – замашки бандита.
А бывает и наоборот.

Нет большого ума в укоризне.
Я ругаться давно перестал.
Эта пьянь что-то знает о жизни,
Что не знает иной аксакал.

Ничего не понять. И не надо.
Никого не унять. И не жди.
А в Быково сезон снегопада.
А весной начнутся дожди.

«ИЗАБЕЛЛА»

Я, как присловье, староват
И потерял давно здоровье.
А всё равно по-детски рад,
Выращивая виноград
В сосновом, зябком Подмосковье.

Лоза растёт из слёз земли,
Из мысли, что в душе созрела.
Меня прикончить не смогли

Убийцы, мытари, врали.
Я знал: со мною «Изабелла».

Лоза растёт – теплеет дом.
И будут ягоды вином,
Потом – Бог даст! – Христовой кровью.
Я благодарен Подмосковью,
Хоть выросал в краю ином.

ЗЕМЛЯ МОЯ

Чему-то учит жизнь, и фауна, и флора,
И грядки в СНТ, и маленький парник.
Большая голова синьора-помидора
Мне говорит о том, что помидор велик.

Ну, ладно – не велик, – п о х о ж на человека;
Щекастый и большой, лобастый, как Сократ.
...Земля моя – любовь, моя библиотека;
Мне нравится читать и огород, и сад.

Земля моя – любовь; дом строят огуречки,
И трутень не указ работнице-пчеле.
А если танцевать, то танцевать от печки,
А если помирать – так на родной земле.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Мои врачи – лучи, и Боженька, и стихотворчества ручей,
И лист блаженный подорожника. Чуть-чуть боюсь других врачей,

Чья речь как очередь расстрельная. Я в это дело быстро вник.
Мои учителя – растения. И каждый лепесток велик.

Прекрасна сила одуванчика, что прёт красиво на рожон.
Я знаю, красота обманчива. Но всё же ею поражен.

Мои мучители не демоны – я сам. Живу, себя казня.
Но лишь бы не были разгневаны земля и небо на меня.

ДОМ: ПОСЕРЕДИНЕ МИРА

Ручеек играет, как мальчишка,
А сквозняк пронзает, как шпажист.
Маленький отважный муравьишка
По листку смородины бежит.

И колюч репейник, как задира,
И живуч вечнозеленый мирт.
Я стою посередине мира,
Я смотрю восторженно на мир.

...Красный, точно галстук пионера.
На землю спускается закат.
Я шепчу – в слезах – Dum spiro, spero.
И в душе мелодии звучат.

БОБРЫ

Я строю, строю, строю дом.
Я в прошлой жизни был бобром –
Неутомимым и неслабым.
Я был бобром, бобром-прорабом.

...Бобры надежны и просты,
У них широкие хвосты,
У них широкие натуры.
Бобры добры, хоть с виду хмуры.

Бобры обжить стремятся кров.
...Я рад, что с племенем бобров
Хоть как-то связан, хоть отчасти.
Я рад, что я бобёрской масти.

ДВОРЕЦ

Не вышло из меня дельца.
И бизнес у меня провальный.
Не сможет у меня дворца
Найти недремлющий Навальный.

И как-то так нескладно всё,
Что даже и нужда знакома.
Не будут асы ФСО
Оберегать мои полдома.

Начхать! Ведь я покуда жив,
А значит, всё не так и худо.
Не купленный никем мотив
Звучит в душе моей как чудо.

РАЗНАРЯДКА

Будет дом, будет печка, будет дым из трубы.
Я доверюсь беспечно разнарядке судьбы.

Кот запрыгнет на пузо, свой раскрученный
хит
Замурлычет, и муза из лесов прилетит.

Муза будет в бикини, а, быть может, и ню.
Я, забыв о кручине, что-нибудь сочиню.

Боль ускачет далече, я нарадуюсь всласть,
За соломинку речи, русской речи держась.

ЗДЕСЬ

Как-то невесомо здесь, в Быково.
 ...Уменьшаясь до размера слова,
 Облачка лилового души,
 Я живу в нечаянной глуши.

Как-то здесь, в Быково, всё понятно.
 На участке множество опят на

Деревах, которым нет числа.
 И гудит, как времечко, пчела.

Как-то здесь, в Быково, всё иначе.
 И другие у меня задачи...
 И по даче ходит даже тот,
 Кто на белом свете не живёт.

ПОКАЯНЬЕ

Травую заросла могила.
 Я не был больше года здесь.
 Пусть мать меня за всё простила,
 Но головой качает лес.

И смотрит сумрачно, с укором:
 «Совсем забыл свою родню!»
 Мне горький ком не лезет в горло.
 И самого себя казню.

Стою один под облаками
 Я на коленях – блудный сын...
 Осот весь выдрал я с корнями.
 Оставил горькую полынь.

ХРАМ

Поймал берёзы лист,
 Кружил он, догорая.
 И все пути сошлись.
 Стал зримым образ рая.

К груди прижал листок
 И отгадал загадку.
 Сквозь сердца мастеров
 Всю пропуская кладку.

Высоких куполов
 Заманчиво узорочье.
 Из русских мастеров
 Зело искусны зодчие.

Померкли листья-очи
 У солнцем просветлённых.
 И хоронили ночью
 За красоту – казнённых.

Поднялся к небесам
 От мира зла скаженного
 Осенний лес, как храм
 Василия Блаженного!

И воспарив чуток,
 Под ветра вой юродивый
 Сгорел души чертог
 Над горькой моей родиной.

ХОЛМ МОГИЛЬНЫЙ

Мне опять живой приснилась мать.
 Подошёл, хотел её обнять.

Но она растаяла во мгле.
 И не стало мамы на земле...

[ПОЭЗИЯ]

Снег теперь хранит её покой
Долгою холодною зимой.

А весной ей птицы будут петь.
Летом – сосны на ветру шуметь.

На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.

Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.

Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка – крылата!

От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

РУБАХА

На двери висит рубаха
Без малого сорок дней.
И не могу без страха
Я прикоснуться к ней.

На память отец повесил
Перед тем, как уйти...
В окна врывается ветер –
Рубаха по дому летит.

Гнусавит осень-старуха
«Сорокоуст» на помин.

«Слава Отцу и Сыну
И Святому духу...
Аминь».

Ложится рубаха на пол,
Тепло храня до конца.
Пота родного запах
Переживёт отца.

ЖАР-ПТИЦА

Жарко на припёке, а в лесу
Сырость уже знобкая, осенняя.
Нет, не листьев ворох я несу,
А Жар-птицу – для её спасения.

Я её под клёнами нашёл.
Дождик моросил и было ветрено.
Ей погладил тихо крыльев шёлк.
Мне она – озябшая – поверила.

И Жар-птицу я домой забрал.
Словно в сказке, счастлив от везения.
Пела птица, я ей подпевал.
Любовался ей – до изумления!

Над столом моим пускай поёт
Мне всю зиму песни – знойно-звонкие.
И на счастье перья раздаёт –
Жаркие, багряные да ломкие.

Галина
ТАЛАНОВА,
Нижний
Новгород

***

Последний день седого января,
Бесснежный, звонкий,
Как удар ракетки.
И вместо речки снежные поля.

И машут пьяно ледяные ветки.
И под ногами – в яминах каток.
И по шажочку двигаюсь по глади.
И жизнь уходит прямо из-под ног.
Следы петляют в девственной тетради.
Ужель и их попутает метель,

Всё замотав,
 Как бинт – на сердце рану?
 Останется остывшая постель
 И горечь от волшебного обмана.

* * *

Маме, поэту Эльвире Бочковой

Я голос теряю,
 Как в том феврале,
 Где вьюга следы заметала до края,
 Хоть стрелка дрожала почти на нуле
 И думали,
 Что лишь два шага до мая,
 Зажмурясь, пройти, –
 И вернётся тепло,
 И утром проснёшься под свист соловьиный...
 И хмурило небо в досаде чело
 На сбитые ветром в сугробы перины.
 Но ты исчезала,
 Слабела, неслась
 Куда-то в видения душного лета
 И с миром теряя последнюю связь.
 И взгляд угасал,
 Как во тьме сигарета...
 Но тот огонёк сквозь метели несущ...
 И каждый февраль донимают болезни.
 И месяц на небе похож на косу,
 Что косит не травы,
 А голос и песни...

* * *

И снова март.
 Двадцатое число.
 И из углов выходят молча тени.
 Трамвай прошёл –
 И дребезжит стекло.
 И вверх, должно б,
 Все пройдены ступени.
 Всё изменилось...
 Снова ворон сыт...
 Уже привыкли к сводкам с поля боя.
 Все ветки, что без листьев, у раки,
 Как будто бы с обугленной корою.
 Сугробы опадают, словно грудь
 Старухи,
 Что забыла про любви.

И хочется весь мир перевернуть,
 Что не боится почерневшей крови.
 Ах, мама, мама,
 Твой вернули Крым,
 Где разгребала волны ты руками.
 Но впереди струится чёрный дым,
 Что кажется ночными облаками.

* * *

Черёмуха, осыпанная снегом.
 Не разберёшь:
 Снежинки или цвет?
 Я за тобой иду нелепо следом
 И жду, что ветер принесёт ответ... –
 Другой,
 Не тот, холодный, словно стены,
 К которым жмусь разгорячённым лбом
 И думаю о самом сокровенном,
 Что кажется мне светом за окном,
 Тем солнечным, безудержным,
 Что в мае
 Всех разбудил охрипших соловьёв,
 Что никогда не прибивались к стае,
 И шорох листьев был им милый кров...
 Теперь молчат...
 Нахохлились под градом,
 Что барабанит гневно по стеклу.
 И холодок заснеженного сада
 Вдевает нить метельную в иглу,
 Чтоб сшить той белой ниткой
 Всё, что рвётся,
 Хоть нитка распадётся без следа...
 И лишь иголка будет всё колотиться,
 И блик играть,
 Прошив насквозь года.

* * *

Я выдохнула воздух,
 Что полынью
 Весь пропитался в августовском дне.
 Плеснуло небо в сумерках мне синью –
 И захлебнулась в нежной я волне...
 Как после поцелуя, воздух сладок,
 Хотя горчит разлукой и бедой.
 Как век любви и человека краток!
 А тропы зарастают лебедой...
 Блаженный вкус,

Последняя истома...
И в горле уж клокочет тихий плач
При виде заколоченного дома
И запертых на зиму летних дач.
Метла дождей проходит над горою...
Ещё чуть-чуть – и долетит гроза.
По дереву с замшелю корою
Ползёт смола, как по щеке слеза.
Ещё чуть-чуть.
Осина сбросит листья.
Последние потери впереди.
Пока горчат рябиновые кисти –
И их вкушать не думай, погоди...
И лишь в тот день,
Как под ногою травы
Стеклярусом весёлым зазвонят
И на воде начнутся ледоставы,
Ты обрати на них потухший взгляд.
Любовь была.
Она не отгорела.
Она всё тлеет.
Уголёк так жжёт.
Но только ветру нету больше дела
Взметнуть пожар до облачных высот.

* * *

Время дышит высокой тоской.
Обступают озябшие тени...
Я тянусь к ним, бескровным, рукой
И спускаюсь по скользким ступеням.
Эти тени от света внутри.
На кларнетах гудит водостока
Дождь заядлый.
В слезах фонари.
Лист на ветке парит одиноко...
И обугленным хламом летят
Под ногами их мёртвые братья.
Будто выжег всё шалый снаряд,
Так и чувствуешь смерти объятья...
Мы ещё ничего, поживём...
Словно раненых, тащим лишь с боя
Тени всех, что шагнули в проём
И плеснули в лицо нам полою.
За спиной этот ветер тащут...
И вдыхаю впитавшийся запах.
Головой приникает к плечу –
Так лежали, должно быть, на плахах...

*о. Дмитрий
ТРИБУШНЫЙ,
Донецк*

* * *

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
Убежище – читает человек
На школе, превращённой в пепелище.

У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
Друг другу посылают похоронки.

Ещё один обстрел – и Новый год.
Украсим ёлку льдом и стекловатой.

И Дед Мороз, наверное, придёт
На праздничные игры с автоматом.

* * *

Тише, тише – ты на самой крыше.
Ангелы не плачут – тихий час.
Опустись пониже и услышишь,
Как земля вращается без нас.

Высоко забрались дезертиры,
Люди, превратившиеся в дым.

Стыдно первым уходить из мира.
Стыдно задержавшимся живым.

* * *

Не быть, но несомненно сбыться.
Оставить даром небо птицам.
Землёй надёжно укрыться,
Как перевозданной тишиной.

И всё оставшееся время
Внутри наедине со всеми
Смотреть, как прорастает семя,
Зачем-то названное мной.

* * *

Вдали от центральной дороги,
Где Блок не едал, не пивал,
Трагический тенор эпохи
Поёт про какой-то централ.

Прохожие ищут монеты,
Бросают в открытую грудь.
И если вселенная спета,
Я тоже спою что-нибудь.

Спою о пылающей бездне,
В которую август плывёт,
О том, что отчизна исчезнет
Быстрее, чем тронется лёд.

Пусть голос мой робок, нестроен,
Натянут в ночи, как струна.
Когда замолчали герои,
Немым подпоёт тишина.

* * *

Мело-мело. Летели сани.
И вдруг декабрь замедлил бег,
Чтобы понять, зачем дончане
Играют в двадцать первый век.

В Перу, в Финляндии и в Польше
Он нежно опустил вниз.
Над нашим раем безнадёжно
И окончательно завис.

Что думал он над раем этим?
Что, видимо, приврал поэт,
Что счастье есть на белом свете,
А воли и покоя нет.

* * *

Случайная зима.
Обиделись трамваи.
Над крышами коньки
архангелов скользят.
Прохожие клянут
периферию рая,
и всё равно спешат
в открытый снегопад.
Есть правда у него
и у грачей похмельных.
У дворников своя,
у продавцов газет...
И только ты один
пускаешь пар бесцельно
и ничего уже
не требуешь в ответ.

* * *

Освобождение от кожи –
Последняя из всех потерь.
Пора себя извлечь из ножен.
Тебя умрут, а ты не верь.

Не верь в покой перед грозой,
В почётный караул берёз,
Когда твои глаза закроет
Рассвет, случившийся всерьёз.

Не верь, не велика потеря,
Тому, кто отпускает в твердь,
И сам при этом твёрдо верит,
Что вправду существует смерть.

Не верь прощанию – обманет.
Не верь последнему аминь.
Не верь себе, когда сквозь камень,
Сквозь сердце прорастёт полынь.

* * *

Я вышел из истории во тьму.
На город тихо наступала осень,
И листья относили никому
Печальные слова великороссов.

Черкнул и я последнее «прости»
На жёлтом треугольнике сиротском.
Лети-лети, куда-нибудь лети,
Оплакивай потерю первородства.

* * *

Всё объяснимо, ясно, просто
Сквозь воскресенье, сквозь стекло.
Кому натруженные звёзды
Оставили своё тепло?

Над заколдованным покоем
Кого-то ищет поздний свет.

А там, где соберутся двое,
Ни смерти, ни разлуки нет.

* * *

Плывут прощальные такси,
Такси, печальные немного.
Так тихо, словно о Руси
Отдельный замысел у Бога.

Дрожат далёкие огни.
Дрожат дежурные трамваи.
Так тихо, словно мы одни
Внутри промышленного ряя.

Висит прощальный звездопад
Над чёрным зеркалом канала.
Так тихо, словно мы назад
Вернулись. В самое начало.

Алексей
ФИЛИМОНОВ,
Санкт-
Петербург

* * *

Памяти Уильяма Сарояна

Возделывай почву, сажая гранат,
А если уйдёшь – не вернуться назад,
И только пчела, что счастливей стократ,
Над мёртвым побегом скользит наугад,

И чувствует запах цветущих плодов,
И взгляд, что окинуть гранаты готов,
Он зерна считает, и звёздный улов
В багряном закате стремится под кров,

А там уж течёт молодое вино
В прозрачную чашу, и терпко оно,
И так повелось беспримерно давно,
И внукам твоим на века суждено.

А если не здесь наливные плоды,
То в чаше рассвета – гранаты беды,
Ты дремлешь в преддверье небесной воды,
Стирающей сада земные следы.

И только вершина хранит его след,
Алмазы оттают, и бездны завет
Он здесь воплотит, и гранат для бесед
Разделит с ним в кущах весёлый сосед.

* * *

Я заблудился в русской сказке:
Остра Кощеева игла,
Но я ступаю без опаски
По мху, куда тропа легла.

Там на распутье укоризны,
Где Кот Баюн провидит сны
Об остывающей отчизне,
Нисходит дух из глубины,

Лишённый образа и званья,
Он растворяет зеркала,
Преображая миг познания
Невольным росчерком пера,

Сошедшего огнём Жар-птицы,
Объединяя Навь и Свет,
И мир предстал единым в лицах
Героев сказок как завет.

Так в двуединстве исполины
Открылись карликами мне,
А меч похищенный былинный
Лучом на скошенной стерне,

Благословляя восходы неба,
Пшеницы духа над людьми.
Игла в твоей краюхе хлеба –
Ее найди и преломи.

* * *

Деревня дремлет, и деревья
Повиты сонной тишиной,
Поскрипывая в знак доверья
Под ветра теплою волной.

Ещё петух три раза вскрикнет,
И перекрестятся века,
И апокалипсис проникнет
Под крышу крова, но пока

Ковыль и пыль – всё слито в хоре,
И звездный остров новизны –
Магнит пленяющий, за море
Относит нас и вдовьи сны.

И, выхвачен случайной фарой,
Ты тень забрасываешь ниц
За горизонт, доселе старый,
И вдруг оживший от зарниц.

Владимир
ХОХЛЕВ,
Санкт-
Петербург

ПОЭЗИЯ-САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Поэма

XXVII

Снег выпал... Городское время вмиг стало чистым, серебристым –
на белых плоскостях пространства чернеет графика ветвей.
Он в Летний сад забрёл случайно, дыша морозом золотистым,
остановился у решётки, как у – в прекрасное – дверей.

По снежным – в сводах крон – аллеям взгляд пробивался к перспективам
далёких регулярных парков, французских подзабытых школ.
Он стал бродить, взбивать ногами снег, тихо следуя мотивам
боскетов, арок, пергол длинных... к Крылову медленно пришёл.

Присыпанные снегом чаши барочных шахматных фонтанов,
вновь заколоченные в доски богов скульптуры и богинь
будили чувства отчуждения эстетов, красоты гурманов...
Он всматривался через ветки в космическую неба синь.

XXVIII

Грозой разорванная ваза стояла вновь на постаменте –
не могут люди согласиться с уничтожением красоты.
Решетка сада ограждала – подобная узорной ленте –
часть обработанной природы от петербургской суеты.

В Михайловском душили Павла шарфом, под царской монограммой...
Не помогли ни ров с водою, ни факелы гвардейских рот.
Царь умер, чтобы силуэтом являться в окнах, под охраной
потусторонних сил... мальтийский законов утверждая свод.

Она скользнула тенью замка, монетой Чижика отметив...
Цирк звал её войти огнями электросветовых афиш,
Манеж был строже... на Кленовой её, как будто не заметив,
вручил входной билет на вечер известного «поэта крыш».

XXIX

Он тихо спал, бесшумный Ангел слетел в его мансарду тайно,
устроился у изголовья, сложил – встряхнувши – два крыла,
вошёл в его глубокий сон и прошептал, как бы случайно,
слова о скором примирении – которого Она ждала.

Как ей вернуться без призыва? Навязчивость не красит чувства.
Какими добрыми словами размолвку злую одолеть?
Шептал об этом Ангел тоже – его великое искусство
воздействия на ум способно заставить душу просветлеть.

Звонок будильника принудил Его открыть глаза, проснуться...
Он встал, упруго потянулся, взглянул в окно, увидел свет.
Санкт-Петербург хотел дымами замёрзших облаков коснуться –
их отогреть... Он ждал подарков, наряжен был и приодет.

XXX

Поэтический сон – на заснеженных крышах столетий...
Удивительный сон – из кристаллов искристого льда.
Петербург – это северный город холодных соцветий
мыслей, чувств, настроений... Сильна его воля, тверда!

Новый год подошёл незаметно, без помпы и шума –
как обычное дело... По белым полям площадей
разослав часовых, разукрасила старая дума
башню в робкое кружево белых и синих огней.

Ёлка выросла снова у здания Главного штаба...
Шесть коней колесницу несут в новогоднюю даль.
Предраассветный, морозный покой... Просыпается снежная баба,
кто-то бросил на плечи её серебристую снежную шаль.

XXXI

На Рождество, к собору Лавры они пришли скрипучим снегом...
Как много собралось людей... Родился Бог – народ ликует!
В храме поют, горят лампы, слова молитв неспешным бегом
слетают с уст... иконы в рамках огнём таинственным бликуют.

Они вошли в соборный разум, всю службу радостно пропели...
затем – Причастия Таинство... и целование руки.
За окнами на голых ветках вороны чёрные сидели –
не принимая веры в Бога – как старые большевики.

Рождённый Бог законы жизни, в жизнь верных Богу, воплощая,
внимал речам и поздравлениям, любил людей и их дела...
Он снова, уж в который раз, всем открывал ворота рая,
к ним по затоптанному снегу дорожка узкая вела.

XXXII

Февральская метель кружила и останавливала время –
всё перепуталось, играла ночная тень в дня белый свет.
Перспекты, площади, проулки свились в клубок... раздора семя
метель по свету разносила, мешала «да» со словом «нет».

В холодном вихре из снежинок, колючих и на всё готовых
сложился вдруг зловещий прищур, готового на всё врага.
Он и Она, не испугавшись с ним обошлись без участковых...
Он был решителен и ловок, Она – спокойна и строга.

Метель лишилась сил, пространство над городом освободилось
от переменных настроений – пришло покоя торжество.
У храма Спаса на Крови ему и ей как будто снилось
чужое время, взрыв, карета... душ верноподданных родство.

XXXIII

Невой широкой проносились весенние, густые ветры,
делясь избытком силы жизни, будя дремавшие мосты...
Дома распахивали двери... такси мотали километры,
стремясь всем любящим доставить – к порогам – первые цветы.

Трамваи закружились в танго, сойдя с проторенных дорожек,
им дирижировало небо лучами солнечных высот...
Прохожие снимали шапки, скамьи стучали сталью ножек,
ритм отбивая... пели дети. Он облачился в редингот...

XXXIV

Сон Питера разлился в воды рек и оттаявших каналов,
спиралью ввинчиваясь в небо, раздвинул груды облаков...
Затих над Северной Пальмирой... Спускался во дворы кварталов,
стремясь покоя не нарушить трёх бурно прожитых веков.

Негромко светофоров трели о безопасных переходах
сигналили на перекрёстках, где не было ещё людей.
Дымы клонились к скатным кровлям и, застывая в тихих водах,
во сне теряли перспективу вздремнуть на ложах площадей.

XXXV

Санкт-Петербург не ждал восстаний, погромов, новых революций,
не верил ложным обещаниям политиков... и всяких там...
Умом и верою рождённый, вне вихря мысли эволюций
себя не видел... жил культурой, был мудр не по своим годам.

Встряхнувшись от прохладной дрёмы и свету неба открываясь
великий город кровь по венам артерий-улиц разогнал.
Трамваи рысью побежали по звонким мостовым... Не знаясь
с автобусом пустой троллейбус сигнал приветствия подал.

XXXVI

Все заспешили... На работу, по магазинам, на вокзалы –
встречать и провожать знакомых, командированных, друзей...
Торжественных дождалась тостов заиндевшие бокалы –
на свадьбах, шумных юбилеях, под шелест рифм в сердцах людей.

Сон кончился... Явь просочилась сквозь силуэтов зыбких грани,
вступили в силу – утвердившись – законы светового дня.
Трепал балтийский ветер флаги, покой – перед рассветом – рани
не интересен стал... Минуты росли, секундами звеня.

В воспоминаниях лишь только остались: сонная мансарда,
Его стихи, Её страдания, их на двоих один маршрут,
Санкт-Петербургские погоды, клёны Таврического сада,
дворцы, дома, проспекты, кони, решетки... Смольный институт.

Окончание, начало в «Дне поэзии» – 2017–2021

[ИМЕНА]

Марине ЦВЕТАЕВОЙ –

130 лет

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

Марина Цветаева и её влияние на современную литературу

Поэзия и судьба Марины Цветаевой оказали почти гипнотическое воздействие на русскую женскую лирику второй половины минувшего столетия и первого десятилетия нового века.

Марина Ивановна называла себя «поэтом», отвергая литературно-природное определение «поэтесса». В этом предпочтении есть отголосок феминизма, однако ширина художественного космоса Цветаевой и степень драматизма коллизий, сотрясающих внутренний мир автора, заставляют нас принять такую характеристику. Понимая, впрочем, что автоматическое перенесение подобной авторской рекомендации в творчество часто может приводить к странным противоречиям в интонации стиха. Ведь то, что может позволить себе произнести мать или сестра, возлюбленная или дочь, есть несомненная прерогатива женщины – иные слова в устах поэта, а не поэтессы могут звучать, по меньшей мере, неадекватно. Тем не менее, феномен Цветаевой позволяет нам почти естественно принимать её как поэта.

Современная женская лирика полна чувственных признаний, положенных на лист бумаги сочинительницей порой без оглядки на реальный мир, место которого в стихотворении отдано переливу эмоций. Зримые приметы окружающей действительности связывают читателя и автора в единое творческое звено, способствуя художественному узнаванию и сопереживанию. Однако здесь они, практически, опущены. Внешним собеседником становится читательница, к которой обращено едва озвученное предложение о женском слове: «Ну, ты же понимаешь, подруга...» Течение слов переводится в специальное русло, где литературная взыскательность теряет свои строгие позиции, а главным становится желание поделиться. В нём можно найти и отголоски нелегкой судьбы, и потерянную любовь, и тоску о любимом... Огромное пространство человеческого мира утесняется женским началом и обретает своё женское место.

У Цветаевой эти внутренние стремления присутствуют только частично. Глубина собственного «Я», способность к тяжким решениям, широта взгляда на происходящее вокруг, тонкая сердечная отзывчивость на несправедливость и чужую боль выводят Марину Ива-

новну за пределы этого корпоративного круга, который в наши дни всё более замыкается в себе и не испытывает творческой неловкости от наглядной узости собственных задач.

Особенности поэтического стиля Цветаевой, иной раз препятствующие даже у неё внятному воплощению лирического сюжета, стали некоей визитной карточкой многих современных поэтов, таким образом решивших утвердиться в качестве художников слова. Напротив, другие сочинительницы, как бы наново переживающие трагедию Марины Ивановны, страдающие от поругания социальной средой самой личности Цветаевой, редко прибегают к имитации стилистических особенностей её стихотворений. Они естественно сопрягают её творческий космос с реальной жизнью и бытием, и это становится самым главным в их любви к Цветаевой, в желании постичь сокровенные смыслы её лирики, в чисто женском движении утешить и согреть хотя бы память о ней.

Стихи современных авторов молодого и среднего поколения, отмеченные цветаевской интонацией, отличаются наглядно аффективной речью, избыточным количеством восклицательных знаков и тире, безудержным применением синтаксических переносов – анжамбеманов. Кроме того, само художественное сообщение выглядит так, будто текст проредил кто-то невидимый, оставив ключевые слова и погасив их смысловую взаимосвязку.

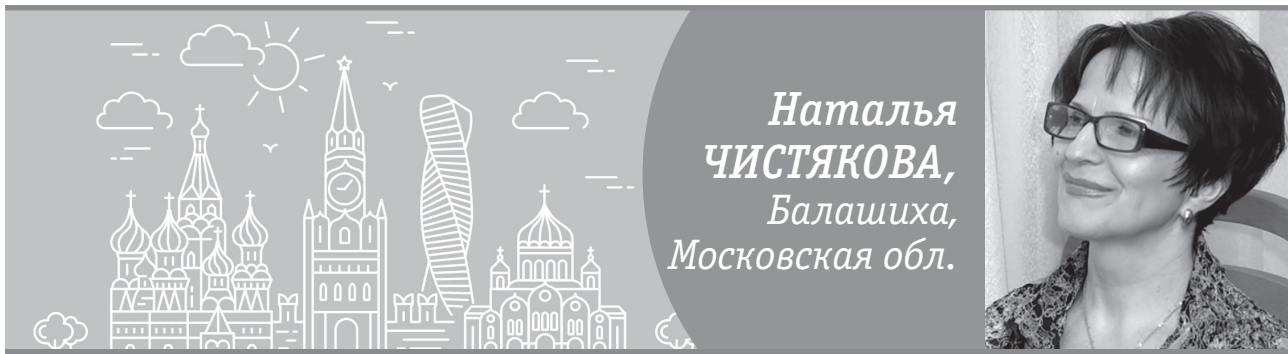
Как известно, модернистская литературная практика, с одной стороны, напитана авторским эго, настойчивым стремлением к самовыражению любой ценой, а с другой – отличается катастрофическим неумением говорить ясно и касаться вещей наиважнейших для человека и его жизни. Издержки цветаевской языковой «походки» серьезно обогатили формальный инструментарий литераторов этого выморочного творческого цеха. Личность и её измерение в координатах бессмертия здесь не важны. Перед нами – загнанные в житейский и интеллектуальный тупик физически конечные человеческие существа. И в том – кардинальное отличие опусов модернистских эпигонов Марины Цветаевой от её поэзии, где каждая деталь свидетельствует об экзистенциальной бесконечности души и художественной воле автора. А также – об открытости художника жестоким ветрам, продувающим земные пределы.

Сегодня чтение в ряду занятий обыкновенного человека значительно утратило прежнюю притягательность и уже не вызывает жадный интерес читателя к сюжетам высокого литературного уровня. Одновременно беллетристика средней руки и пошлые истории с бойкой фабулой приобрели статус значительных произведений. В названных весьма драматичных обстоятельствах особую важность приобретает расстановка приоритетов в творческом наследии писателя или поэта.

Вопросы стиля в наши дни оказываются вещами второстепенными, поскольку упражнения в выбранном стилистическом ключе стали теперь обыденностью. Имитация голоса и языковой мимики весомого автора подается порой как художественное достижение и получает лавры творческого открытия. Десятилетия назад мы с удовольствием повторяли известную европейскую фразу, переиначенную в пользу литературы: «Стиль – это человек». Но сейчас важно понимать, что человек – это не только стиль, но и многое другое, что даёт нам основание говорить о личности, тем более – о личности художника. Подобный дискурс в среде модных современных авторов не пользуется популярностью, более весомыми полагаются приметы ремесла. Тут очевидная подмена позиций, а на самом деле – ещё один шаг к уничтожению искусства и литературы, которые не зря считаются духовным отображением человека.

Читая и вспоминая стихи Цветаевой, мы с трепетом примеряем на себя её судьбу и видим черты автора в каждой строке, в каждом возгласе или умолчании. Единственность произведения неотделима от единственности его создателя. Это правило может серьезно помочь нашей литературе в горькие времена подделок и имитаций.

Цветаева – трудный ребенок другой эпохи, однако такой литературный максимализм был бы ей по душе.

*Наталья
ЧИСТЯКОВА,
Балашиха,
Московская обл.*

ГОРОДОК ВОЕННЫЙ

Городок военный – целая планета:
Здесь свои законы и свои секреты.

Городок военный не найдёшь на карте,
Жизнь в нём откровенней и влюблённей в марте.
Всем про всё известно, хуже или лучше,
Кто и чья невеста, кто кому наскучил.

Городок военный – всюду: «Здрасьте, здрастьте»,
Здесь сильнее киношных разгорались страсти.
Без родных – ох, лихо! Но подруги близко.
Каждая портниха, каждая модистка.

Городок военный, хоть сердись, хоть пой.
Два забора справа, два забора слева –
не для нас с тобой!

ВЕТЕР ЛЕТНИЙ

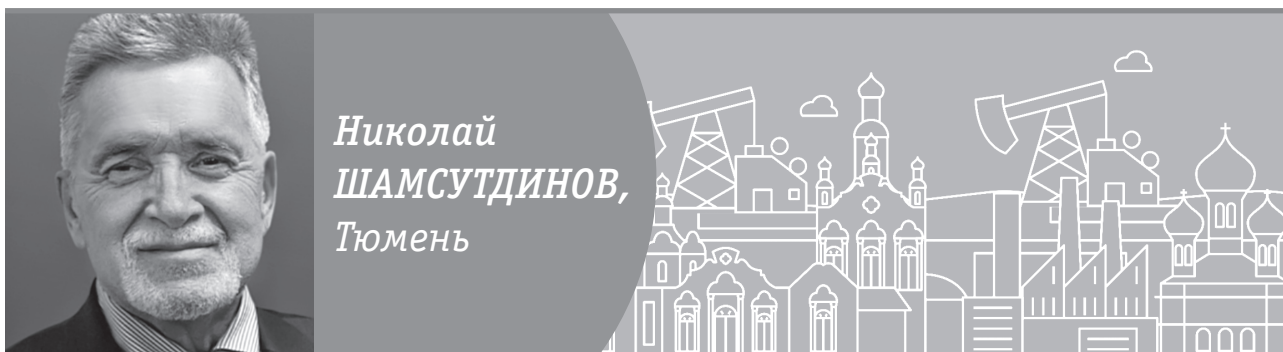
Ветер летний влетел, ветер южный.
Я свои позабыла дела.
Я узор из серебряных кружев,
Вологодских, давно не плела.

Было ль сердце – я раньше не знала,
Тишь стоит, просто тишь – благодать.
Так чего же ему не хватало?
Вслед за ветром решило летать.

А летать, сами знаете – трата,
Льнёт дымок от чужого костра,
Судный день попрекает расплатой,
И, быть может, пугает не зря.

Оттого ли, что ветер был южный,
Оттого ли, что ночь не спала,

Я узор распустила с коклюшек
И зачем-то любимому мужу
Свой клубок стгоряча отдала.

* * *

К столетию со дня рождения моей матушки

Вестнице непредвиденностей не с руки
праздность, и, пока ты – за дежурной «нетленкой»,
матушка, напевая, печёт пирожки,
словно здесь вот, за стенкой...

В компании с венкой,
прилетевшей вечер, чьё призванье не спит,
а – язвит, под призором бывшего, не даром
темнота за окном в воплощеньях темнит,
пока печь наливается, грузная, жаром.

Не подмётная память, что сны берedit,
донимая резонами, – сущее бденье,
здравый смысл, помня, что нам ещё предстоит,
искренен, ископаемый, в искорененье
«вояжеров» из прошлого... Ночь за окном,
и душа, в сострадании, всхлипнула хлипко,
услышав, как в простуженном шарнире дверном
вскрикнула, ненароком разбужена, скрипка.

Под её причитанья, скорей, вопреки
им, как давеча, в неискушённые леты,
матушка, напевая, печёт пирожки –
в трансцендентности явной, на отмели Леты...
Прошлое привораживает? Но, не чтя
чутких ассоциаций, их коловращенья,
да не ты ли, дежурный хронист бытия,
не прихлопнутого хлопотами забвенья, –

обречён каверзам захолустья, слывя
не затворником – ясным паломником к Горним
высям, фибрами – токи бывшего лова,
посторонний рефлексиям потусторонним?
В мире, что на один, злополучен, покрой
с преисподней, чьих бесов лишь больше и больше, –
выпекающая долгожданный покой
в неизбывной душе, пой же, матушка, пой же!..

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

За чахлою стеной, ночное пение
 есть, и не только слуху, откровение –
 душе, не притязающей на то,
 чтоб слыть, в укор наставшему, наставницей,
 как и, пеняя всем, заимодавицей,
 взимающей конфликтами, на что

и откликаться лень... Тем, раздражённая
 злокозненностью, жизнь, заморожённая
 не одиозной одою ночной
 системе, миру в неизменной низости, –
 внимает ей, в мучительной зернистости
 тоскующего тембра, за стеной

унылой кладки, где чужая горница...
 Ночная песня, сущая затворница,
 глухому безразличию в ответ,
 щемящая, над шепотками плоскими,

живёт, не иссякая, отголосками,
 на безъязыких проливая свет

в яви, преподносимой – эксклюзивною,
 но ставшею нам всем – декоративною,
 язвимою условностями. Но,
 при диалоге с нею о сотворчестве,
 в клиническом, как жребий, одиночестве,
 вино есть исповедник... Всё одно:

незнамо кто, безвестный – по обличию,
 словно забвенью, предан безразличию,
 когда, по правде, и молчать невмочь,
 заложник одиночества, не чающий
 участия и тщетно посылающий
 за нами – в ветер, в ледяную ночь...

ХАНС КРИСТИАН

Метте Далсгаард

Если скукожилась скука, выцвев, и, как клавир,
 клавишей клавесина снежный озвучен мир,
 розами дышит вечер, и, в серебре сама,
 строит дворцы и шпили готическая зима,
 и упоённой пряный ветер заморских стран, –
 это – Ханс Кристиан.

Тролли, принцессы, разбойники, дети, вьюги, сады,
 выпелы, белые лебеди, бублики, блеск воды,
 и соловьи, русалки, ели, гирлянды роз –
 в этом волшебном круге ты, возмужав, подрос,
 ибо туман, как обморок, ибо венчает путь
 детство – чтобы вздохнуть.

Речка ли, ноты ли, море – льются из-под пера?
 Мудрые сказки, наставницы музыки и добра,
 примут приметы мастера... Сумерки бредят им,
 дар его, ими напутствием, светел и неизлечим.
 Ты увлекаем сорной жизнью, а у детей
 сказки живут – своей.

Превозмоги обыденность и загляни за край
 непроходимой яви, ржущей в лицо. Ты – Кай,
 вновь уносимый вьюгой над городами, над
 меланхоличной Лапландией, что продлевает взгляд

снежным пространством, льдами, оленями и, представь,
не опровергает явь.

И, полюса смежая, мрак затекает в свет –
так, приём освежая, цвет затекает в цвет.
Или запнётся колокол каменной кирхи, иль,
стёсан солёным ветром, память царапнет шпиль
из потемневшей сказки... Вечностью напоены,
радостны и юны,

мудрые сказки, наставницы музыки и добра.
Снежная Королева, сани из-под пера...
В ясном облике Герды, перебегающей дни,
не отцветай, как роза, сказка, повremени!
Светел с лица, как ветер, сверстником чуду дан,
это – Ханс Кристиан...

* * *

С вещим ознобом, побледневший, вдоль
спины, с бордо, волхвующим в бокале,
в гранитном доме, в доме у Николь
гипербореец пел в каминном зале.
Шибало в окна зноем плотных роз,
пел в жилах жар, бил в голову, и крепко
от ясной, проголосной «Ой, мороз...»
в глухих углах знобило тени предков.
Пел – с неизбывной вьюгою в глазах,
и пело, выпеваемое вчуже,
альпийским летом, в знойных витражах,
дыхание гиперборейской стужи.
Пел страннице страниц, и, по всему,
чужие, в одиночестве ревнивом,
внимали, отстранённые, ему
вершины Альп с серебряным отливом.

Любовь к непостоянной – не беда
под отрешённым небом голосила,
и выси отзывались – никогда
так музу далеко не заносило.
Ещё недавно – от родных высот,
он пел, счастливцев... Слава не минует,
горячая, за плечи обоймёт
и с нежностью отважной поцелует.
Так, значит, жадным ожиданьем жить
и, побледнев, затерянным в пространстве,
неутолимой нежности служить –
порывистой, родной в непостоянстве,
чтобы затосковать, уехав, и,
среди лиц отчизны, набранных петитом,
открыть, что упования твои
в родстве с обезглавленным зенитом...

[ЮБИЛЕЙ]

Андрею ШАЦКОВУ –

70 лет

Редакторат, редколлегия и попечительский совет альманаха «День поэзии – XXI век» поздравляют своего лидера – главного редактора альманаха, возрождённого им в 2006 году, Андрея Шацкого с 70-летием.

Желаем ему дальнейших творческих успехов, а главное – здоровья!

Теперь, в истории отечественной литературы, его имя неразрывно связано с гордостью «зеркала отечественной словесности» – альманахом, связавшим воедино временное пространство для всех творцов «великого русского слова».

Я – ПОТОМОК РЯЗАНСКИХ ВОЕВ

В 2022 году Андрею ШАЦКОВУ исполнилось 70 лет

– Андрей Владиславович, расскажите, пожалуйста, как писалось ваше первое стихотворение?

– Ох, давно это было! Дело в том, что я довольно рано (по меркам XX века) научился читать – в три с половиной года. В первом классе написал о своем соседе-двоечнике «Коля входит в первый класс – / Начинается рассказ...». Потом это стихо (стихотворением его не поворачивается назвать язык) напечатали в школьной стенгазете. А мы с Колькой подрались.

Азам стихосложения меня учила бабушка по материнской линии – Зоя Владимировна Павловская (урожденная Руднева), успевшая отучиться три года в Смольном институте благородных девиц. Бабушка тайком водила меня в церковь, где по титлам на иконах учила таинству всех 42 букв древнеславянского алфавита. В семь лет я знал наизусть пушкинскую «Полтаву».

Если говорить о первом серьезном стихотворении, то я написал его в четырнадцать лет. Это даже не стихотворение, а поэма «Сын Руси» о Невской битве Александра Невского. Начиналась она так:

Под сенью елей сумрак и прохлада,
Тропу, как снег, иголки замели...
Запели бы. Да нету что-то склада
У ратников из северной земли...

Пусть сейчас «взрослые» поэты похвалятся, если могут, такой темой и такими строками.

– Что в поэтическом плане удалось и что пока не удалось осуществить? Есть ли глобальные творческие задумки?

– Я очень поздно пришёл в большую литературу. Имея первое архитектурно-строительное образование (второе – философское), много мотался по стройкам (а на стройках в «лихие» 90-е порою даже постреливали), писал в стол и, по сути, оставался вещью в себе. Но всё изменилось, когда в 1997 году решился вступить в Союз писателей и встретил там своего нового друга – на всю оставшуюся жизнь, любимого поэта Владимира Ивановича Фирсова. Он ввёл меня в литературные круги, как ввел его когда-то Александр Трифонович Твардовский. Только Фирсову в момент «ввода» было семнадцать лет. А мне – сорок пять. Почувствуйте разницу. Но, имея такого друга за плечами и написанный почти за полвека материал, я стал другим человеком: все мгновенно изменилось. Я стал востребован (если о «востребованности» поэта можно говорить в наше время). Получил орден «Св. прп. Сергия Радонежского» за цикл «На поле Куликовом» из рук Патриарха всея Руси Алексия II, стал референтом нашего замечательного министра культуры России Александра Сергеевича Соколова, возродил, находясь в стенах министерства, наш старейший альманах «День поэзии», став его главным редактором. И не перестал его выпускать даже после ухода из министерства в 2008 году. А уже в 2013 году мой труд отметили Премией правительства России в области культуры. В прошлом году альманаху исполнилось 65 лет, и из них 15 последних эту ношу несу я вместе со своими друзьями.

Всего у меня уже 14 поэтических книг и ни одной книги прозы, кроме любимой «Осенины на краю света», где замкнутое «в круг» прозаическое описание церковнославянских праздников перемешано стихами с говорящими названиями: «Рождественское», «Сретение», «Великий пост», «На Троицу» и т.д.

К глобальным задумкам относятся продолжение выпуска нашего «вневременного» альманаха и организация историко-литературной премии «Куликово поле» вместе с моими друзьями – директором музея Владимиром Гриценко, руководителем музейного комплекса «Моховое» Олегом Вронским и директором литературного музея-заповедника им. Ф.И. Тютчева «Овстуг» Оксаной Шейкиной. Теперь, во многом благодаря моей книге «Лебеди Тютчева», музеи накрепко подружились, объединенные фигурой родоначальника рода Тютчевых – Захария, сыгравшего огромную роль в огненных событиях 1380 года, когда Захарий находился на посольской службе великого князя Московского Дмитрия Донского.

В общем, всё в моей жизни удалось, если бы не ранняя кончина любимого сына Димитрия, моей гордости, надежды, моего сероглазого.

– Ваше любимое поэтическое место России. Что с ним связано?

– Я в основном живу в подмосковной Рузе, старинном городе, полном неспешного достоинства, проистекающего из глубины веков. Это единственный город Подмосковья, к которому не подведена железная дорога. Здесь травы выше, небо ближе, воздух чище, реки глубже, как в детстве. Здесь пролегает моя творческая составляющая. Я уверен, что здесь родился мой далекий предок, ушедший во главе конной сотни князя Боброка на Куликово поле и сложивший там голову. Поверьте, мне это снилось много раз, а «засадный полк» Боброка формировался в окрестностях Рузы в селе Аннино и состоял из его волынцев и ружан, или, если правильно, то – рузаков.

Здесь даль широка. А река глубока.
Над Рузой не властны года и века!
Спит время.
Здесь воинов хрипло приветствует рог,

И княжеский стяг поднимает Боброк,
Встав в стремя...

Наш замечательный Лев Аннинский однажды написал о моей книге «Первозимье»: «Он и родную Рузу, затерянную в Подмосковье, воспринимает чисто поэтически: русский – значит русский!»

...Над посадом – туман. Над туманом – синь небес. Это Русь – судьба и доля. Жизнь наша и смерть...».

И напоследок мне-таки хочется привести ещё одно выражение, услышанное недавно от побывавшего в гостях друга: «Жить в малом городе это... – литературно».

– Ваша основная тема – Русь, Куликово поле, победы русского оружия – сейчас актуальна как никогда. Ваши предки служили Отечеству?

– Я – потомок Рязанских воев.
Плоть от плоти, сквозь тьму веков.
Вот рязанцы, звеня тетивой,
Отражают набег степняков.
Вот на колья сгоревшего тына
За туменом идёт тумен...
Мой прапращур меньшого сына
Спрятал в лес от лихих перемен...

Спасибо, что заставили вспомнить эти почти забытые строки юношеского стихотворения.

Со стороны мамы – дворянские служилые роды Рудневых и Павловских, самый известный из представителей которых – Всеволод Фёдорович Руднев («Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»!), а дедушка Владимир Семенович Павловский даже описан в «Белой гвардии» Михаила Булгакова, под своей фамилией. Со стороны отца – почти забытый солдат, первый председатель реввоенсовета Астрахани Егор Шацков. Далее, мой героический дед – буденновец Шацков Андрей Георгиевич, дослужившийся до звания генерал-майора, командира 61-й Никопольской гвардейской стрелковой дивизии, бравшей Берлин и Прагу, друг маршала Жукова. Отец – стрелок-радист легендарных Ил-2. И даже мой рано ушедший сын был главным тренером ВСЕХ детско-юношеских команд ЦСКА. Победителем по зову бурлящей в нем крови предков.

Однажды мой любимый учитель, Валентин Дмитриевич Берестов, который бережно пестовал меня с восемнадцатилетнего возраста, написал на своей книге «Зимние звезды», перед тем как торжественно мне вручить: «Доброму молодцу Андрею Шацкову, бью челом о его шелом!» Он был на редкость прозорлив и никогда не просил меня «сменить тему».

– Какое участие в вашем авторском становлении принял поэт Владимир Фирсов?

– Если честно, то никакого. Я «достался» ему готовым, в прямом и переносном смысле, когда тревожно сидел в нижнем буфете ЦДЛ и ждал результатов приема в Союз писателей России. Об этом я уже рассказывал.

Однажды Фирсов привел меня в журнал «Наш современник», при одном упоминании о котором я в ту пору то краснел, то бледнел от непростительной робости. Нахотленный главный редактор издания – Станислав Юрьевич Куняев довольно едко спросил моего старшего товарища: «Что, Володя, очередного своего ученика пристраивать привёл?» – на что темпераментный Фирсов аж привскочил: «Это мой друг, и учить мне его нечему...» После этого две литературные «глыбы» остались что-то обсудить, разбросав

по столу листы моей рукописи, а я выскочил в небольшую приемную, где столкнулся с бородатым, румянолицым и внимательноглазым ровесником, который негромко спросил: «Стихи принесли? Ну, удачи вам!» – и широко и дружелюбно улыбнулся. Это был Александр Казинцев...

Владимира Ивановича Фирсова мы за его смелый и решительный характер почтительно именовали Командармом. Но вместе с тем он оставался в душе тончайшим лириком, вся поэтическая любовь которого была обращена на службу Отечеству. Воспитанник Александра Твардовского, задушевный друг Михаила Шолохова и Юрия Гагарина – он сам казался мне воплощенной частицей этой Отчизны. Кто не знает его щемящих душу строк!

...Всё проходит.
Остается – Родина,
То, что не изменит никогда.

Сам я познакомился со строками Фирсова в очень далеком 1976 году, когда по стране гремела слава эпохального романа-эпопеи Анатолия Иванова «Вечный зов». В нем были стихи, замечательно вписавшиеся в полотно произведения. Неужели, подумал я, Иванов так же гениален в стихотворчестве, как и в прозе? Но нет, в романе была ссылка, что стихи принадлежат перу Владимира Фирсова.

– Какое своё стихотворение вы считаете программным? Почему?

– Стихотворений у меня относительно немного, около трёхсот. И ни за одно из них не стыдно ни перед Богом, ни перед людьми. Естественно, я сам их различаю. Самым первым программным стихотворением стало «В День Летнего Андрея», написанное как раз 17 июля 1992 года. (Это что же – тридцать лет ему, получается?).

...Опять в День Летнего Андрея
Затеплю Троице свечу.
Но никого не отопрею
И никому не заплачу.
Кому платить. Какою мерой
Былому мерена цена?
Не поступлюсь отцовской верой...
Неопалима купина!

Другое хрестоматийное, звучащее на всех поэтических вечерах – «Плач по российским поэтам».

...А душа – зегзицей со стены,
Мыслью с древа – грянется на травы...
Мы еще вернемся с той войны,
Где стихи – горящий край державы!
И пройдем по россыпи листов
Пасквилей, доносов и наветов.
И не хватит Родине крестов –
Как наград посмертных для поэтов!

Концовки стихов необыкновенно важны. Вот моя главная творческая концовка к стихотворению «Возвращение к себе»:

...И там, где заплотом судьбинный предстал перевал,

Его одолев, между кручами и облаками,
Я мёртвые губы бессмертной страны целовал...
И вспомнился дом... И заплакалось горько по маме!

До сих пор не свыкнусь с главной бедою в своей жизни – потерей любимого сына.
Стихотворение-реквием «Ночная сторОжа»:

...Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем –
Смертным грехом отца.
Души летят, как кряквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!!!

И, наконец, совсем новое стихотворение «Снеговой», которое можете воспринимать, как завещание:

...А над Рузой плывут облака
и густые туманы,
И на восемь сторон
шлёт лучи Вифлеема звезда.
И с холма над рекою
увидятся дальние страны –
Те, в которых бывать
не придётся уже никогда.
И потянут в былое, назад
родовые вериги,
Словно гири от ходиков,
вставших когда-то, Бог весть.
И покроются призрачной пылью
забытые книги,
Те, что я не успел написать,
или просто – прочесть.

Я знаю, что у вас припасён вопрос типа «Как менялись ваши взгляды на поэзию по мере взросления, становления? Какой период вам кажется самым плодотворным?» Вот ответ на него. В течение жизни я почти не изменился. Родина – мама – любимая женщина – сын – история. Вот, пожалуй, и всё.

– Какая песня на ваши стихи вам нравится больше всего?

– Песен на мои стихи – очень мало, потому что не было такого случая, чтобы мне дали послушать музыку, а потом сказали: «Подгони-ка под неё текст». Не было. А стихи мои – непростые, и мелодист должен обладать недюжинным мастерством, чтобы воплотить их в мелодии. Короче, если считать по бардовскому счету, то это песня Виктора Попова «Стояла осень в Л (л) лебедях!» – ставшая моей визитной карточкой при выступлении в пятисотместном зале любимого санатория «Дорохово». (Кстати, сочинил её лет 30 назад, но до сих пор сакральным остается для всех: в «Лебедях» или в «лебедях?»).

А что касается серьезной музыки, то это, несомненно, «Марш «Варяга» («Орудия,

к бою!») моего покойного друга – композитора Юрия Алябова. Он был знаток старинной военной музыки, поэтому это действительно марш, написанный поэтом. Девичья фамилия бабушки (Руднева) такая же, как и у капитана легендарного крейсера. У этой песни пока не очень счастливая судьба. Диск с нею взял в свой последний трагический полет главный военный дирижер России Валерий Халилов, чтобы внимательно прослушать, но увы. Теперь я отдал её молодому восходящему таланту Артёму Яшину. Может быть, она станет его талисманом. А вообще я не поэт-песенник, принципиально.

– Вы вице-президент Литературного фонда «Дорога жизни», возглавляемого поэтом Дмитрием Мизгулиным. Что вы делаете на этом посту?

– Дмитрий Александрович Мизгулин воистину уникален. «Человек талантливый талантлив во всех областях» – это почти что народное выражение, на самом деле принадлежащее немецкому романисту Лиону Фейхтвангеру, в полной мере применимо к Дмитрию. Успешный в прошлом банкир, государственный муж и вместе с тем большой поэт и меценат, поддерживающий все лучшее в культуре. После знакомства пришлось постараться направить его творческую и общественную энергию в литературное русло, и вот альманах «День поэзии – XXI век» получил надёжного спонсора. Дмитрий Александрович оказывает безвозмездную помощь в подписке многим ведущим журналам России, в том числе «Невечернему свету»; он организует и поддерживает литературные премии «На встречу дня!» имени Бориса Корнилова в Санкт-Петербурге, «Югра» – в Ханты-Мансийске, «Великий праздник молодости чудной» в Овстуге, всероссийскую Лесковскую премию «Очарованный странник», Международную премию переводчиков «Словес связующая нить». Проводит активные совместные мероприятия с МСЛФ «Золотой Витязь» и ассоциацией «Лермонтовское наследие». Музей имени его любимого поэта Фёдора Тютчева под Брянском получает мощную поддержку фонда «Дорога жизни». Надеюсь, что и музей «Куликово поле» тоже войдёт в круг наших общих культурных интересов. Мы пытаемся, как можем, поддержать отечественную литературу, круг служителей Эвтерпы и Клио, а также цитадели хранения «великого русского слова» – литературные музеи и библиотеки России. Литературный фонд «Дорога жизни» разработал и утвердил общественный высший литературный орден «Русская звезда» им. Ф. И. Тютчева.

– Как вы готовитесь встретить свой юбилей?

– Юбилей, конечно, не очень приятный. И сколько бы вы, не говорили мне, что люди, живущие творчеством, всегда выглядят моложе своего возраста, это не меняет сути дела. Я надеюсь провести его в кругу своих близких друзей, среди книг. может быть в лермонтовском Средниково. День Андрея Первозванного наступает через 13 дней после моего дня рождения. Значит, по святцам меня назвали правильно. К читателям и почитателям я лучше обращусь со страниц прессы, если им это будет интересно.

И первым делом я попрошу присутствующих подняться и почтить минутой молчания моих дорогих друзей-товарищей, с которыми я прожил свою прекрасную и яростную литературную жизнь. Называю их в порядке ухода в мир иной: Валентин Берестов, Владимир Фирсов, Лев Аннинский, Валерий Дударев, Леонид Колганов, Александр Казинцев, Сергей Мнацаканян, Владимир Бояринов, Владимир Костров. «Нас осталось мало – мы да наша боль!..»

Беседовали:

Елена Крюкова (Нижний Новгород) и Владимир Хохлев (Санкт-Петербург)

Андрей ШАЦКОВ

ДЕДУ

*Командиру 61-й Никопольской
гвардейской стрелковой дивизии,
генерал-майору Шацкову Андрею
Георгиевичу посвящается*

Под Никополем ветры злобно воют
И «Хаймерсы» летят над головой,
В багровом небе выжигая след...
В шинели генеральской светло-серой,
Крещённый пролетарской красной верой,
Во фрунт поднялся мой далёкий дед!

Он Никополь когда-то брал с налёта:
Не выдала усталая пехота,
Когда за дедом грозно встала в цепь...
Всегда в России были генералы,
Которые в атаках умирали,
И окропляли кровью злую степь.

И нам судьба дорушить Рейха иго.
За нами – Бог, а впереди князь Игорь –
Добрался до заветного Донца,
Чтоб на скрижалях вечности героям,
Застыть единым нерушимым строем
И достигнуть до звёздного венца!

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНИНА

Вот и август прошёл, и сентябрь настал,
Приближается бабьего лета кончина.
И в бездонные воды, как в чёрный хрусталь,
Замирая, глядится лесная лещина.

Ты возьмёшь мою руку и спросишь: «Зачем
Всё кончается,
осень горька, как оскома?»
И кровавое солнце упало, как шлем,
Перерубленный наполю грохотом грома.

Что отвечу, скажу, что зимы не боюсь,
Если сердце объято любви пожаром.
Чернотропом варяги ходили на Русь,
И лукавый пути указывает хазарам.

Что грешны мы, и летний окончился день.
Что немчинские ветры летят из-за моря.
И легла на полмира от месяца тень.
Полумесяца – странам славянским на горе.

Да и мы меж собой разодрались на ся,
И латинством прельстились негаданным часом...
Но остались ещё у России князья,
В нерушимом строю, под Отеческим Спасом!

Убери свои косы под тёмный платок,
Если я не вернусь к тебе ранней весною.
Слышишь, конница скачет, тяжёл её скок.
Это – наши готовятся к смертному бою.

Нас немного, доживших до славных седин,
Кто в преданиях правнукам правду расскажет.
Пусть за мною встаёт твой единственный сын.
Мой – единственный – сгинул в полуночной страже.

Непогожий октябрь вздымает крыла.
И как стрелы остры перевозимья метели.
Я хочу, чтобы ты до весны дожидала.
Ратоборцы рождаются в светлом апреле.

О ВЕЧНОСТИ

А вечность течёт и уходит в песок –
Прибрежный песок камышовой протоки.
И с устьем сольётся далёкий исток
Той жизни, чей Богом отмеренный срок,
Позволил родить эти грустные строки.

Они загорчат у тебя на губах,
Когда их прочесть попытаешься тихо.
Они – упорхнут перепёлкой в хлебах,
Узорами лягут на ворот рубах,
Их осенью в землю стряхнёт облепиха.

Бог милостив, ты не приходишь во сны.
И имя твое перестало «святиться».
Лишь память осталась от давней весны,
И держит на кончике острой блесны.
Как шуку, что вышла из льдов – нереститься.

Кончается путь, и кончается лес.
Гудит электричка у края погоста¹².
И ангелы машут призывно с небес.
Из горней обители райских чудес.
А может быть, это почудилось просто.

И сын возвращается вечной зимой,
Полночную дверь открывая без стука.
Мы были когда-то единой семьёй,
Теперь он кружит горюном над землёй
И плачет слезой нерождённого внука!

СНЕГОВЕЙ

Эта книжная пыль,
Прилетевшая из ниоткуда,
Чтоб, смешавшись со снежною,
Вновь улететь в никуда,
Мне напомнила:
Бабушка сказку читает про чудо,
Что останется в сердце
Осколками первого льда.

За окном снеговей,
И тихонько теплится лампада,
Освещающая в углу
Позабывших святых образа.
Подойду, поклонюсь,
Если бабушке этого надо,
Чтоб у ней не дрожала
На краешке глаза слеза.

Помолюсь за прародича,
Павшего возле Сморгони,
И других, что лежат,
У Непрядвы, за толщею дней.
И услышу – звенят
Удилами без всадников кони,
Те, что стали предтечей
Восставших из ада коней.

Засыпает мой дом,
И, поддавшись теплу и покою,
Позабуду, что снилось
В ребячьем рождественском сне.
Только время придёт –
И, как инок, над вязкой строкою
Я склонюсь в подступившей
Недоброй ночной тишине.

¹² Ваганьковское кладбище своей тыльной стороной
выходит к Белорусской ж. д. у станции «Беговая»

А над Рузой плывут облака
И густые туманы,
И на восемь сторон
Шлёт лучи Вифлеема звезда.
И с холма над рекою
Увидятся дальние страны –
Те, в которых бывать
Не придётся уже никогда.

И потянут в былое, назад,
Родовые вериги,
Словно гири от ходиков,
Вставших когда-то, Бог весть.
И покроются призрачной пылью
Забутые книги –
Те, что я не успел написать
Или просто прочесть.

* * *

Вместо бессильных слов
В самом, самом начале –
Капельки васильков,
Искорки Иван-чая.
Ну и ещё – река,
А на реке светает –
Это издавека,
Это растёт, нарастает...
Это ещё не звук,
Это из сердцевины...
Это небесный паук
Звёздной наткал паутины...
Это корова-луна
Тучу поддела рогами.
Это кричит тишина,
Смятая сапогами...
Это здесь и сейчас –
Заговорить стихами...
Это – последний шанс
Не превратиться в камень!

ПИСЬМО НЕБРАТЬЯМ

I

Нас много... Нас очень много!
Мы – русские! В этом суть!
Когда мы не верим в Бога,
В делах наших смысла – чуть.

Нас много... Нас очень много!
Мы все из огня и льда!
Пока мы не верим в Бога,
Слова наши, что вода.

Нас много... Нас очень много!
Мы ласковы и нежны!
Мы ближе и ближе к Богу,
А вы уже не нужны...

II

Полютовал на просторе
Ветер, поймавший кураж –
За ночь голодное море
Съело разнеженный пляж.
Тщетно сучит плавниками
Мелкая чаечья сыть –
Ей не разжалобить камни
И никуда не уплыть...

Тленом здесь пахнет и йодом,
Кляксы медуз, как зола –
Им бы держаться за воду,
Только она утекла...

Поздно сдирать катаракту
И проклинать небеса.
По украинскому тракту –
Русские голоса...

Можно фасеточным зреньем
Видеть горячечный бред
И не считать преступленьем
То, что страны твоей нет...

САРАНЧА

Враги сожгли родную хату

Михаил Исаковский

Замечтались... Раз-два и готово –
Перешли нас нахлебники вброд,
И жуют наше русское слово,
Превращая в поток нечистот.

И удравшие (глянь!) приползают,
Будто полчища саранчи.
Я их помню – со злыми глазами! –
И люблю их, да так, хоть кричи.

И кричу, что ещё остаётся,
В пику сверхтолерантной шпане.
Этот стон у нас песней зовётся...
Эй, борцы с экстремизмом, ко мне!

Вы сожгли мою русскую хату!
Потому для меня вы – враги.
Я заставлю вас жить на зарплату,
Чтобы впредь неповадно другим...

Вам сегодня тревожно живётся
На руинах великой страны.
Знаю – слово моё отзовется –
Мне навесят вину без вины.

Я иду, заливаясь слезами,
Всеотзывчивость нашу кляня...
А навстречу – со злыми глазами! –
Боже, как они любят меня!

МАШИНА ВРЕМЕНИ

1

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
На капли молока, пролитые на небо,
Во все глаза глядит ленивый старый кот.

Его пра-пра-пра-пра... мурлыкал фараонам.
Он по-кошачьи мудр. Он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым законам
Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
И то, о чём поют метёлки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Никак не разберусь – зачем течёт река?

Динь-динь, динь-динь, динь-динь – проснулся сторожок!
(Похоже, крупный лещ польстился на наживку...)
Удилище – в дугу! Он сам себя подсёк!
Я вывожу его... как кралю, на тропинку.

И вот он – золотой! Наверно, в два кило...
 Танцует на песке последний в жизни танец...
 Украинская ночь вздыхает тяжело,
 И на её щеках – предутренный румянец.

Лизнула сапоги неспешная волна,
 И лещ – пошёл, пошёл, качаясь с бока на бок...
 Иди – мне жизнь твоя сегодня не нужна.
 И сладок этот миг, и ветер тёплый – сладок.

2

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
 После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
 Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
 Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки – тиха и темна –
 Лучше времени нет перепрыгивать польское сало...
 А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
 И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол и усмешкой коверкает рот,
 И с пустого листа откровенья наотмашь читает...
 Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьёт
 И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает.

* * *

Поезд-иголка сшивает пространство,
 Тянет вагонов весёлую нить.
 Рельсы стальные – само постоянство! –
 Всё они могут соединить:
 Преодолеют и реки, и горы
 В мирное время и на войне...
 Поезд-трудяга сшивает просторы
 И не даёт развалиться стране.

*Борис
ШИГИН,
Пенза*

* * *

Ах, этот пьяный воздух грозовой,
звнящая до боли тишина:
не слышно будет вопля – хоть завой,
начни петь песню – будет не слышна.

Так густ эфир, как в заводи вода,
тяжёл, как тол, и вязок, будто мёд.
И вязнут в медовухе города,
пока трезубец первый не сверкнёт.

А там пошло: чудаковатый бес
не раз трезубцем вспорет облака,
И бросит нам и тол, и мёд с небес –
простите, мол, смешного чудака.

И ведь простим – как дышится теперь!
И как теперь разумна тишина:
как будто в рай нам отворили дверь,
откуда песня тихая слышна.

* * *

Ах, если бы вернуть мгновенья те...
Ах, если б время ночь ту возвратило,
когда меня укрывшей темноте,
я поклонялся, будто бы светилу.
И верил в дух танцующих теней,
и принимал за песню полушёпот,
и в сполохах за шторами огней,
влетевших в дом, лик счастья видел... Опыт
на бедном сердце проводила страсть,
его из плоти смело доставая...
«Ах, только б, Мефистофель, не упасть.
А если что... Пусть на пороге рая», –
просил я Бога... Было трудно им
меня делить как пленника той страсти.

И так же трудно было нам двоим
в ту ночь бежать от сладостной напасти...

Консьержка Память выдаст, вдруг, ключи
от кладовой, где сладкий сон хранится:
смотри, молчи иль на весь дом кричи,
когда весенним вечером не спится.

* * *

Пришла пора готовиться к разлуке.
Не говори, что как-то невзначай.
Уж надоели радости и муки:
и слишком сладок мёд, и горек чай.

Увы, жизнь не допустит перебора,
барьеры выставлены, выстрелы за ней.
И даже в рамках буйного раздора
она напомнит: был ведь и елей!

Всё было, всё прошло... А что же будет?
Как примириться с краем бытия?
Как уберечь в разбившейся посуде
коктейль страстей с названием «Ты и я»?

Никак! И в перспективе – лишь разлука.
Никак! Ответ известен мне: никак!
Теперь не лги, что надоела мука,
и лёгок поутру к барьеру шаг...

* * *

Прости меня –
я робок был и слеп.
Искал огня –
но густо падал снег,
тушил пожар
неопытной души,

пыл остужал:
 терпи и не спеши.
 Я слушал глас
 сверкающих снегов.
 Их гулкий бас
 летел меж берегов
 моей любви
 и нелюбви твоей.
 Теперь лови
 снежинки между рей...

Мой парус пуст,
 в нём ветра нет давно...
 Жасмина куст
 отцвёл. Горчит вино...
 И только снег –
 печальный вестовой
 всё шепчет мне:
 придёт твой час, ты пой...

* * *

Я созрел. Я хочу свою книгу издать
 и не буду от вас своих планов скрывать:
 пусть узнает весь мир о пиите!
 Дивиденды меня успокоят вполне,
 впрочем, речь не совсем о высокой цене –
 о бесценности, если хотите.
 Есть мечта и существенный ориентир:
 я хочу, чтоб её зачитали до дыр,
 чтоб вином заливали и кофе.
 Пусть какой-нибудь юный филолог-студент,
 получив её от президента в презент,
 не узнает мой старческий профиль.
 Чтоб на полочке было её не найти,
 чтоб она, как и я, пребывала в пути,
 лоск и цвет, и страницы теряя.
 Чтоб в больничной палате лежала с тобой
 и с солдатом, когда протрубили отбой.
 Чтоб читали её, поверяя
 каждый вздох или выбранный путь... Если б так!
 Не сломались бы только перо и верстак,
 не текла бы дырявая крыша.
 Чтоб издатель поверил, редактор простил,
 чтобы Бог милосердный грехи отпустил,
 и мой сборник таким бы и вышел.
 Остаётся немного, совсем пустячок:
 сон и праздность повесить на дальний крючок
 да отдать своё сердце страницам.
 Пусть с подтёками крови, с ожогами глаз
 долетят они всё же когда-то до вас,
 как на волю попавшие птицы.

*Павел
ШИРОГЛАЗОВ,
Череповец,
Вологодская
обл.*

* * *

Что со мной? Предвкушение грусти
В позолоте церковных оправ.
Мне уютно в своём захолустье:
В акватории северных трав.
Что за мной? Не следы, а поступки
И бездонные хляби стиха.
Я себя собирал по скорлупке
И скрипел, как лесная ольха.
Боже мой, как же дышится вольно,
И зарядка подходит к нулю.
Даже тех, кто мне делает больно,
Я по-прежнему очень люблю.
Что с собой? Далека ли дорога?
Сколько правды в дорожной пыли?
Что со мной? Ощущение Бога
В каждой пригоршне русской земли...

КОПЕЕЧКА

Памяти Николая Колычева

Сердобольная вдова, выдай мне копеечку:
Обесточу белый свет толоконным лбом.
В зябкой сутолоке дня прорастает семечко,
И кочуют облака в небе голубом.

Выйду во поле один, гляну во вселенную
И какого-то рожна снова на рожон.
Обернусь на старый дом, на вдову
согбенную,
И навстречу тишине, как молодожён.

Доберусь до облаков – обуздаю парочку,
Пусть они меня несут шибче Горбунка.
Сердобольная вдова, выдай мне на чарочку
И слезами окропи, чтоб наверняка...

* * *

Я кутался наспех в болотную тину
И бился глазами о днище колодца.
За вечную жизнь я платил десятину:
Не так уж и много для первопроходца.
Меня привечали небесные своды,
И ветры мой дом обдирали до нитки,
А после я падал в крещенские воды
И снова топтался у райской калитки.
Ходил по воде и оттаивал в марте,
Плюсуя к любви незажившие раны.
Я был, как решительный выстрел на старте:
Неистовый пасынок русской нирваны.
Я кутался наспех в болотную тину
И бился глазами о днище колодца.
За вечную жизнь я платил десятину:
Не так уж и много для первопроходца...

РОДИНА

Руки твои пахнут земляникой,
Водянистым небом и рекой.
Если перестанешь быть великой,
Я тебя придумаю такой.
Все пройдёт, останется гречиха
Вперемешку с комплексом вины.
Ты моя последняя врачаха
На фронтах языческой войны.
Ты моё метущееся эхо
В Белозёрских северных лесах:
Не бывает жизни без огреха
И любви без трещин в небесах.
Будь со мной непознанной и дикой:
Обернись правдивою строкой.
Если перестанешь быть великой,
Я тебя придумаю такой.

СОЛНЦЕ

Мать-и-мачехи солнце овражное
 На нетвёрдые ноги встаёт.
 Понял в жизни я самое важное
 И едва не лишился её.
 Божий мир, словно шалого крестника

От неправды и зла берегу.
 Я небесного слышу наместника,
 А увидеть никак не могу.
 Пусть снаружи оно и неражное,
 Только верное слово моё.
 Мать-и-мачехи солнце овражное
 На нетвёрдые ноги встаёт...

РЕКА

Небо стальное лежит в реке: у самых её излучин.
 Целую ночь неизвестно с кем слушаю скрип уключин.
 Все остальное сошло на нет недалеко от старта:
 Кто-то незримый диктует мне талую песню марта.
 А мир безнадежен из года в год: вода и любовь по кругу,
 И я, вписавшись в круговорот, гоняю взащей зверюгу.
 Прощаю злобу своим врагам, несчастным моим Сальери,
 Чтоб люди жили по берегам в нехитрой любви и вере.

БЕЗВРЕМЯ

Я обезлюдел изнутри, поизносив себя снаружи,
 И сколько в душу ни смотри, там только мартовские лужи.
 Не верь, не бойся, не проси, живи и радуйся без денег:
 Сегодня праздник на Руси, а завтра чистый понедельник.
 И станет не для кого петь свою любовь и сырость вёсен:
 Нам суждено перетерпеть нелепое многоголосье,
 Где всякий всякому под стать и не заметен в общем хоре.
 Всех книжек не перелистать и близких не утешить в горе.
 И сколько в душу ни смотри и не ищи первоисточник,
 Сломали душу изнутри и заменили на подстрочник.
 Нам исковеркали судьбу, чтоб мы в потёмках измельчали
 И не смогли начать борьбу за Слово, бывшее в начале...

***

И глазам я не верю: полагаюсь на душу.
 Я архангельский клевер на небесном лугу.
 Заповедного мира я покоя не нарушу:
 Я у Белого Света в неоплатном долгу.
 И святые глаза увлажнятся росой:
 К разнотравью любви прикоснётся рука,
 Хитро путая след, солнце рыжей лисою,
 В зябком утреннем небе найдёт колобка.
 Рукавами дымов свежий ветер утрётся
 И вернётся на круг, что ещё не в кругу.
 Оживёт новый день журавлями колодцев.
 Я архангельский клевер на небесном лугу...

НА АНДОГЕ

Деревень на реке, точно пальцев на каждой руке,
И покинутый мост коченеет на русских изломах.
Я давно бы исчез, растворившись в ночном сквозняке,
Но хранит меня Бог на цветущих ладонях черемух.
В каждой заспанке туч ощущаю невидимый взор.
Каждой каплей дождя становлюсь невесомей и чище.
Звёзды ладят покой и уходят в далёкий дозор,
Приглашая меня на ночное своё толковище.
Помогу, чем смогу. Даже, чем не смогу – помогу
Всем, кто вспомнит меня и протянет мне скорую руку.
Преподобный Филипп ждёт меня на крутом берегу,
Чтоб отвесить «леща», преподав непростую науку.
Деревень на реке, точно пальцев на каждой руке,
И покинутый мост коченеет на русских изломах.
Я давно бы исчез, растворившись в сыром сквозняке,
Да хранит меня Бог на цветущих ладонях черемух...

* * *

Я небо глазами выпью, пусть даже оно горчит,
И время бездомной выпью их ходиков закричит.
Снега настучат по шапке последнему муравью,
И я принесу в охапке земную любовь свою:
Раздам её, чтобы снова аукнуться в полынью
Из окон гнезда родного, которое не совью.
И клюква болотной сыпью о паводке промолчит:
Я небо глазами выпью, пусть даже оно горчит...

*Маргарита
ШУВАЛОВА,
Нижний
Новгород*

* * *

Было солнце вчера – нынче морось.
День тягуч, бесконечна тревога...
Одиночки-сердца наши порознь,
В непроглядном тумане дорога.

Мы остались блуждать в зимних стужах,
И весна неприметной осталась.
Меркнет свет на глазах в чёрных лужах,
А вчера в них любовь отражалась.

Утопить бы печаль в горьком зелье,
Да пойти по дороге туманной.
Только будет ли лёгким похмелье?
Только будет весёлость обманной.

Примирился с весной доброй вестью,
А иначе беда... тучи низко.
Дай почувствовать сердцем, что вместе,
Вопреки всему, душами – близко

* * *

Поцелуй меня в макушку,
Как ещё в раннем детстве.
Поиграй со мной в ладунки.
Помоги мне раздеться.
Уложи меня к стеночке,
Колыбельную спой мне
С древнерусским оттеночном,
Со слезливым до боли.
И всеобщей молитвою,
Незабытою с детства,
Из души холод вытолкай,
Укрепи веру в сердце.
На лице твоём складочки
Поцелуем покрою.
Ветер выбил все лампочки,
Но светло нам с тобою...
До рассвета за окнами
Льют дожди проливные...

Всё прощают нам мёртвые.
Всех ли помним, живые?

ВСТРЕЧА

Моим бабушке и деду

Солнце плавает над головой,
В зыбь студёную жар толкает.
Ты мне ноженьки, Пьяна,¹³ омой
Ведь поди ж тебе не чужая.

Заявилась с других берегов
И привязана к ним глубоко,
Но во мне моих предков кровь,
Что зажглась от твоих истоков.

Не от холода сердце дрожит –
От нахлынувшей вдруг печали...
Их дороги длиною в жизнь,
Как и ты, по земле петляли.

А теперь и следа не найти.
На погосте трава по пояс...
Ты прости меня, Пьяна, прости,
Что живу, не о том беспокоясь.

К берегам этим долгим был путь
Сквозь потери и дым сумасбродства.
Мне б сейчас с головой занырнуть,
Сбросив камень тяжёлый сиротства.

Но стою над водой в забвении
И цепляюсь за дно ногами,
Словно силюсь в песок прорасти
Воскрешёнными влагой корнями.

---

¹³ Пьяна – река в Нижегородской области.

Андрей
ЩЕРБАК-
ЖУКОВ,
Москва

ПЛАЧ ПО ЯУЗЕ

Не допускает фальши
Времени тонкий юмор.
Здесь мюзик-холл был раньше,
Ну а теперь здесь Дума.

Спрячем поглубже фиги,
Вымоем чище ноги,
Раньше здесь были книги,
Ну а теперь здесь йоги.

Бросим подальше крики,
Зелени нет пощады,
На Яузе лес был дикий,
Теперь черед спортплощадок

Тихо уходят бани,
Будки, киоски, школы...
Кто виноват в этом, Ваня?
Видимо мюзик-холлы.

КЛАССИКАМ

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом высоким
Одета, как ризой, она.
И снится ей всё, что далёко, далёко,
Пространство и время поправ,
Пятнистый, но тоже такой одинокий
Изысканный бродит жираф.

С НОВЫМ 2023 ГОДОМ!

Пусть Новый год к нам справедливым будет!
Год уходящий сложным был, но вот...
Тот, кто весь год дарил талант свой людям,
Пуская получит счастье в Новый год!
И пусть об этом пропоют дельфины

И утки на канале или в чат...
Пусть счастье будет, словно доля, львиным
И мягким, как корзиночка крольчат!

И пусть зима к вам ластится, как кошка.
Пусть птицы дружно на ветвях кричат...
Да, мы получим целое лукошко
Пушистых жизнерадостных крольчат!

БАБОЧКИ ДЗЕН

Жизнь коротка, моменты тают, тают...
Ну, что же нам, друзья, поделать тут?
Две бабочки сидят и не летают,
Быть может, чуть подольше поживут.

ВОЖДЕЛЕНИЕ

Я машину не вожу,
самокат я не вожу,
я троллейбус не вожу,
и автобус не вожу,
даже модный электробус
я, конечно, не вожу,
поезда я не вожу,
самолеты не вожу,
видишь, пролетело что-то –
его тоже не вожу,
мотоцикл я не вожу,
и мопед я не вожу,
даже и велосипед я почему-то не вожу...
Почему же не вожу?
Потому и не вожу,
потому что я из дома очень редко выхожу.

* * *

Я иду брутален,
Пиджачок притален...

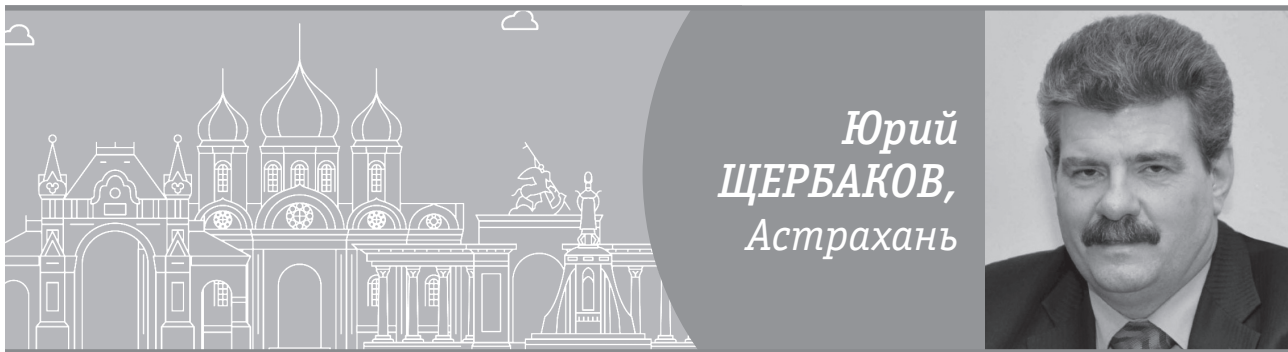
Только есть одна фигня:
Пузо прёт вперёд меня.

***

Так мало здесь осталось красоты.
И та, что есть, уже давно не та.
А раньше были разные цветы,
А раньше были разные цвета.

***

Ко мне подплывала утка.
Надо мной пролетала чайка.
К чему это ты? Отвечай-ка.
К тому, что не всё так жутко...

***

*Садок вишневый коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть.*
Из «Кобзаря» Тараса Шевченко

На Украину – мода.
Вот-вот её спасём!
– Не надо перевода,
И так понятно всё! –
Сказал мой друг весёлый. –
Хрущи – они таки
Не осы и не пчёлы,
А майские жуки!
Конечно, знаньем «мовы»
Гордится друг не зря –
Он в подлиннике снова
Читает «Кобзаря».
– Бандеровщины пятна
Пройдут сами собой!
Всё до конца понятно
Тебе, товарищ мой!
Когда б так просто снова
Туда вернуться сквозь
Время, где Вишнёвым
Село не зря звалось.
Туда, где в самом деле –
Шевченко, не взыщи –

Над вишнями гудели
Сердитые хрущи.
Туда, где не обманет
Медовый аромат.
Я помню, баба Маня,
Твой заповедный сад.
Весеннюю картину
Увижу ли опять?
Меня на Украину
Не велено пускать.
Земля далёких предков
На общую беду
Сухой стала веткой
В заброшенном саду.
Жестокою грозою
Оставленный на ней,
Горючею слезою
Застыл янтарный клей.
– Не плачь!
– Мой друг, не буду!
Надеюсь, что вот-вот
Свершится в мире чудо,
И ветка оживёт.
О, слов героических вата,
Прошу: мечту мою
Не трогай. «Коло хати»,
Как в детстве, я стою...

* * *

А предок мой по прозвищу Щербатый,
Галерный раб – предание гласит –
Не здесь ли мыкал горюшко когда-то?..
Быть казаку в неволе – тяжкий стыд.

А он три года, взятый под Азовом
Не силою, а хитростью в полон,
Клеймо такое жребием суровым
Носить в душе был молча обречён.

Злосчастье не сломило казачину:
Когда кнутом надсмотрщик ласкал,
Ему всегда показывал щербину
В усмешке, так похожей на оскал.

Как будто укусить хотел Щербатый!
Да где там... Лютовал всю турчин,
Пока с галерой, трижды распроклятой,
Не повстречался царь морских пучин.

Пока не зашвырнул её с размаху
На камни у пустынных берегов.
Сказать бы: люди натерпелись страху.
Да не скажу: чем напугать рабов?

Как пращур мой в замятне выжил этой –
Не ведаю. Но до сих пор жива,
Рождённая потом на белом свете,
Зачата Щербатым родова!

Какие у него случались рати?
Где бедствовал, а где был сыт и пьян?
Одно я знаю точно: что щербатил
Он от души клинок о басурман!

...Турецкий берег. Музыка без меры –
Туристы не напугаются никак.
Не здесь ли из обломков той галеры,
Судьбой хранимый, выбрался казак?

Греми, сияй, июльская Анталья,
Купай на пляжах Запад и Восток!
Но не забудь: живут за дальней далью
Те, перед кем есть у тебя должок.

ПРИКАСПИЙСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ

Это место под солнцем
Богами совсем не забыто.

Здесь недаром оставлена
Кем-то навеки печать –
То ли дланью святой,
То ли чьим-то нечистым копытом.
Надо жизнь здесь прожить,
Чтобы правду об этом узнать.

Из калмыцкой печи
Поднимается солнца коврига,
Чтоб читали в охотку
Живущие здесь племена
Золотых берегов
Летописную дивную книгу,
Что без усталости волжская
Пишет и пишет волна.

Пониговую вольницу,
Горечь кандалных проклятий,
Скопидомство хазар
И казачью лихую гульбу
Заложили столетия
В наш астраханский характер,
Где холопство и воля
Не делят на части судьбу.

И беда, и удача
В таком двуединстве сокрыты.
В нём умение счастье
Найти среди нечаянных крох,
Что просеяны были
Сквозь дивное частое сито
И мятежных, и сытых,
И подлых, и честных эпох!

Пусть меняют цвета
Над кремлёвской стеною знамёна.
Остаться бы только,
Как есть, неизменно всегда
Волге – сладкой,
Солёным озёрам – солёным.
И пускай Золотою
Зовётся, как прежде, Орда!

Да пребудут крепки
Астраханские древние корни.
Прорасти им опять
Заповедной стеной камыша.
И на грешной земле,
И в пределах неведомых горних
Да останется в нас
Астраханской породы душа!

* * *

Время ты, времечко – прялка бабуси.
 Что ни случилось бы – ссучена нить.
 – Кончу куделю – другою займуся:
 Зиму-то надо хоть как пережить!..

От Покрова и до Пасхи Христовой
 Крутится, вертится веретено.
 – Будет бойцам на Донбассе обнова...
 Было ж такое, пускай и давно!

Нет перерыва у прялки бабуси.
 Что ни куделька – Господен ей суд...
 Овцы – в хлеву, в палисаднике – гуси:
 Хлопают крыльями – время пасут.

– Бабушка хватит, устала, наверно!
 Можно ли днями сучить да мотать?..
 Русское время – бабукина вера
 И в Иисуса, и в Родину-мать.

* * *

Мой век – не глашатай, но в чём-то –
 предтеча.
 В армейском бушлате шагнул нам навстречу.

На плечи саженьи примерил тельняшку:
 Готова к сраженью душа нараспашку.

Век мог бы в Европе пить пиво со шнапсом,
 Но выбрал окопы и правду донбассцев.

И бабушкин дворик, и мудрость училки...
 Был в веке том Дворжак, и Рубенс, и Рильке.

В нём равно творили Бетховен, Россини...
 Мой век отменили в отместку России.

Простите их, Гейне, Да Винчи и Гойя!
 Вы тоже – в отмене, навывлет – без боя.

А в русском сюжете мелькнёт простодушно
 Под бронежилетом обложка «А. Пушкин».

В минуты затишья с блиндажной истомой
 Читаем (чтоб слышно!) потрёпанный томик.

И кто-то не сдержит себя и в ударе
 Чайковского врежет – до слёз! – на гитаре.

Притихнут опушки у поймы днепровской...
 Мой век – это Пушкин, а также – Чайковский!

* * *

А в час ледохода – погода дождлива.
 И нет ощущения высокой весны.
 Лишь в краешке сердца пацански шумливо
 Бурлят молодые короткие сны.

И в чём-то – тревожно, и что-то – не важно...
 И много в овражках скопившихся вод...
 И склоны над Доном во всём камуфляжном
 Готовятся выйти в военный поход.

* * *

Когда-то Он скажет: «Хорош... Остановка...
 Пора разобраться – зачем и куда...»
 И жизнь улыбнётся довольной плутовкой
 И с удочкой сядет на берег пруда.

И ветер в затылке остатками прядей
 Тряхнёт и стыдливо исчезнет в тени...
 И я попрошу Его, в очи не глядя:
 «Не время мне, Отче, обратно верни!»

* * *

Летят беспилотники. Время падает в тартарары.
 В сердца человечья заходит страх, пустота – во дворы...
 Я раньше в небо смотрел с надеждой и дышал синевой.
 Ни солнца, ни звёзд – беспилотники жужжат надо мной.
 Когда-то так пчёлы жужжали, роем устремляясь в полёт
 К окрестным лугам, пыльцу приносили в ульи – на мёд,
 И было чуть боязно, но радостно у деда в саду...
 А беспилотные твари приносят лишь смерть и беду.
 Наивно и долго мы верили: в небе – один Господь,
 Что Он един во Вселенной, а мы на Земле – его плоть;
 Плоть согрешала и каялась – Бог прощал, заботясь о ней:
 Он знал, что плоть без души – как космический мрак без огней.
 Теперь в небе селятся беспилотники – за роем рой.
 Гаснет песня души и плоти под вспышкой пороховой.
 На всех – по беспилотнику, на каждого – по сатане...
 Хочешь, не хочешь, мы все давно уже на своей войне.
 Мы – беспилотники: ни плоти, ни душ не осталось в нас.
 Кто-то – осколочный, кто – кумулятивный, а кто – фугас...

* * *

У ПАМЯТНИКА АЛЕКСЕЮ КОЛЬЦОВУ

На день своего рожденья
 Куплю я билет на поезд,
 Уеду без промедленья,
 Пусть даже на самый полюс.

К медведям – чтоб порыбачить,
 Вразвалку пройти с пингином.
 Средь айсбергов сердце спрячет
 Всё главное в тех глубинах.

Не знаю, что будет после.
 Но сквозь города и веси
 Мой поезд летит на поиск
 Душевного равновесья.

Гордыню заткну за пояс,
 Не выдам ничем обиду,
 Лишь только б счастливый поезд
 Для всех не исчез из вида.

Уляжется пыль, как повесть
 О суетных днях, но всё же
 Грохочет, как прежде, поезд,
 И нет ничего дороже...

Привет, Кольцов! Молчишь себе, а зря.
 Мне грусть певца – почти ножом по горлу.
 Я тоже не восторженный, не гордый,
 И даже хмур, как ветер октября.

Нам всем сегодня важно говорить,
 Хотя б по слову, по чуть-чуть, от сердца.
 Другого Бог нам не оставил средства,
 Как братской крови в ссоре не пролить.

Среди утех безудержных и войн,
 Среди любви, предательски натужной,
 В мятежный омут погружает глубже
 Не крик вороной – орудийный вой.

Я столько раз мечтал вдвоём в степях
 Пройтись с косою под песню жаворонка
 По мураве, но на душе – воронка,
 И чей-то не остывший в муках прах.

Мне твой бульвар – прифронтовой рубеж,
 Мне песнь твоя теперь – передовая...
 И я иду, тебя не предавая,
 И не готовлю для других мятеж.

[ПАМЯТЬ]

Людмила ЩИПАХИНА – 90 лет

(1933–2021)

Нина ПОПОВА

«ЛЬНЁТ К ГУБАМ РАСКАЛЁННОЕ СЛОВО...»

Два года тому назад, 8 ноября 2021 года, в осенней зябкой сумеречности я стояла на новом Ястребковском кладбище и прощалась с очень дорогим мне человеком – Людмилой Васильевной Щипахиной. Не верилось в её уход, даже комья мокрой песчаной земли вокруг свежерытой могилы не могли убедить меня в обратном. Кто-кто, а уж Людмила Васильевна была настолько наполнена жаждой жизни и творчества, что представить себе это прощание я могла только в страшном сне. Но мне такое про неё не снилось... Там же, мгновенно, в слезах и печали, родились такие строки:

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ЩИПАХИНОЙ

Закрывает зоркие глаза
Поэт Щипахина Людмила...
Так много хочется сказать
И поклониться у могилы.

Но красноречья не дано
Печали неутешной нашей,
Мы выпьем горькое вино
В помин её души бесстрашной.

С Отчизной неразрывна связь –
И вдохновением, и честью.
И Чайка в небеса рвалась
Пророком, воином, предвестьем!

Приумножавшая добро,
Вела непобедимо к свету,
Её крылатое перо
Созвучно мужеству поэта.

Пусть век безжалостно суров...
Направит нас, давая силы,
Наследие великих слов
И дел Щипахиной Людмилы!

А снилась она мне часто в образе чайки – именно так её называли в социальных сетях, к которым она приобщила очень многих, создав на своей странице особое товарищество в самом высоком смысле этого понятия, особую атмосферу взаимоотношений. Аудитория у Щипахиной была очень обширная – с ней советовались, делились сокровенным, жаловались или печалились... Она для всех находила время, Чайка многих брала под своё крыло. Но к дружбе у неё были высокие требования, своя система ценностей. Она не прощала двуличности, лицемерия, наплевательского отношения к литературе, которой, действительно, присягнула на вечную верность! Сама она умела дружить очень самоотверженно, по самому высокому счёту. Я прошла её проверку, а это было, поверьте, очень и очень непросто! Она называла меня своей поэтической и духовной дочерью. А это дорогого стоило и стоит для меня доньне.

Поэтически она для меня была недостижимым Олимпом. Кем была для неё я, можно только догадываться. Она, будучи социальным поэтом, горячо и талантливо откликавшимся на все события, требовала от меня такой же социальности и приобщённости к общественным событиям, часто говоря, что именно я должна заменить её на этом поприще. Поэтому она остро реагировала, если меня заносило в сторону слёз-берёз. «Посмотри, – говорила она мне, – как тревожно вокруг, всё на грани, какая любовь-морковь?» А мне же хотелось вновь и вновь читать её давние стихи про сокровенные чувства, про ту же любовь и писать о таком же... Но она предчувствовала эту назревающую трагедию войны, кровила её душа, болела, могла говорить только об этом, тревожащем её до донца. Она была истинным, русским поэтом-воином, патриотом честным, бесстрашным и мужественным, много раз была в самых горячих точках планеты, оказываясь нередко в очень опасных ситуациях. Поэтому и предчувствовала этот сегодняшний пожар, этот нарыв. Как много она писала про Украину, про её преобразование во врага. И не сосчитать, сколько раз за эти два года с её ухода я думала и говорила, что сейчас было бы её самое важное поэтическое и гражданское время, с болью представляя, какие бы гениальные строки были бы созданы ею сейчас...

Нас познакомил Валентин Васильевич Сорокин, будучи тогда проректором на Высших литературных курсах Литературного института им. А. М. Горького, где я была старостой курса. Помню приход Людмилы Васильевны к нам на поэтический семинар, её зоркие глаза, её мгновенную реакцию на наши выступления. Мы неожиданно очень сблизились, впереди у нас были творческие вечера, национальные праздники, куда её всегда с огромным уважением приглашали, её «Ассамблея», многочисленные встречи и поездки, в том числе не раз – в Дагестан на «Дни Белых журавлей» и в Казахстан на юбилейные торжества Народного поэта Сабита Досанова, её давнего друга. Я благодарна ей за то, что она всегда звала меня с собой, благодарна за наши ночные беседы, за частые её звонки, особенно – за её советы. Как много она мне дала, как много ещё могла дать! Именно она настояла на моей учёбе в аспирантуре Литературного института, поддержала во время работы над диссертацией, первой порадовалась её успешной защите. Всегда шутила, мол, защитишь докторскую и напишешь обо мне монографию!

Словно предчувствуя что-то, настояла на том, чтобы передать мне большую часть своего архива, не обращая внимания на мои «потом» и «время терпит», прислала с этим архивом ко мне своего любимого внука Валентина. А до её ухода оставалось меньше месяца... А потом был ковид и затянувшееся, к большому сожалению, обращение к врачам. Закончилось всё тем, что в тяжёлейшем состоянии Людмилу Васильевну увезли в печально известную Коммунарку... И даже из больницы она нашла силы и время мне написать

– коротко, но тепло, с надеждой на скорую встречу. Внук Валентин, порадовавший меня по телефону сообщением, что бабушке лучше и она уже ищет карандаш и бумагу у врачей, вскоре сообщил о кончине...

Было чувство, что с Щипахиной уходит целая эпоха – столько значимых имён жило в её воспоминаниях, сколько необычных, пылающих страниц было в её долгой и нелёгкой судьбе, столько встреч и расставаний. Обычно очень сдержанная, даже в чём-то суровая, со мной она была всегда сердечной и откровенной, раскрываясь с самых неожиданных сторон, становясь тем ещё более интересной. Я отчётливо понимала свою ответственность по поводу информации, почерпнутой из этих откровенных бесед, помня её желание о написании монографии. Но она часто говорила мне сама, о чём можно писать, а что она говорит лично мне.

Я всегда чувствую её рядом, равняю свои строки и поступки на её жизненную и творческую поступь. И я знаю, если она мне действительно вспоминается или снится, значит, скоро произойдёт что-то важное, судьбоносное или мне нужно быть очень осторожной в чём-то. Она и оттуда, из своих небесных далей, остаётся моей духовной мамой, наставником и другом.

Как же мне Вас не хватает, Людмила Васильевна, как много накопилось того, что я могу сказать только Вам! Ищу совета и ответа в пророческих, отважных и пронзительных стихах, в песнях, написанных в содружестве с прекрасными композиторами, в бесценных словах, оставшихся в памяти, читаю дневники, озарённые любовью к России, и легкокрылые записи на страницах поэтических книг. Как много сказано и сделано, как много неизречённого было в запасе...

Людмила ЩИПАХИНА

---

* * *

Утонуть в тени деревьев
И запрятаться в пейзаже...
Окунуться, как в пучину,
В сень печальных тополей.

Раствориться, затеряться,
Может быть, исчезнуть даже...
Чтоб никто тебя не вспомнил.
И не встретил у дверей.

Никакой не мерить мерой
Современные события.
Принимать с улыбкой кроткой
Дар небесного огня.

Никому не быть – потерей.
Никому не быть – находкой.
Просто точкой мирозданья
Дополнять картину дня....

ТВОЙ ГОСТЬ

Я пришла. Твой непрошенный гость.
Мне отрадно в заветном доме.
Ореол я повешу на гвоздь
И эфирные крылья сниму.

Долгой жизни короткая весть.
Выплеск огненный кратких минут.
Где покаяться, если не здесь?
Где расплакаться, если не тут?

Не войду ни в какую игру...
Просто грустно и радостно мне.
Отдышусь, улыбнусь и замру,
Прикоснувшись к твоей седине.

Ничего нам теперь не грозит...
Посижу и уйду, не спеша.
Просто скажет недолгий визит,
Что ещё не пропала душа...

ОЖИДАНИЕ...

Душа – вольна, и тягостен ей плен
Привычности закрытого пространства...
Она всё время – жаждет перемен,
И ждёт, противореча, – постоянства...

Есть в вечном ожиданьи – благодать,
Отрада, и невидимая нега...
А, если даже нечего уж ждать,
Ждёт всё равно!.. Хотя бы утром – снега...

ЗАПРОС В ДРУЗЬЯ...

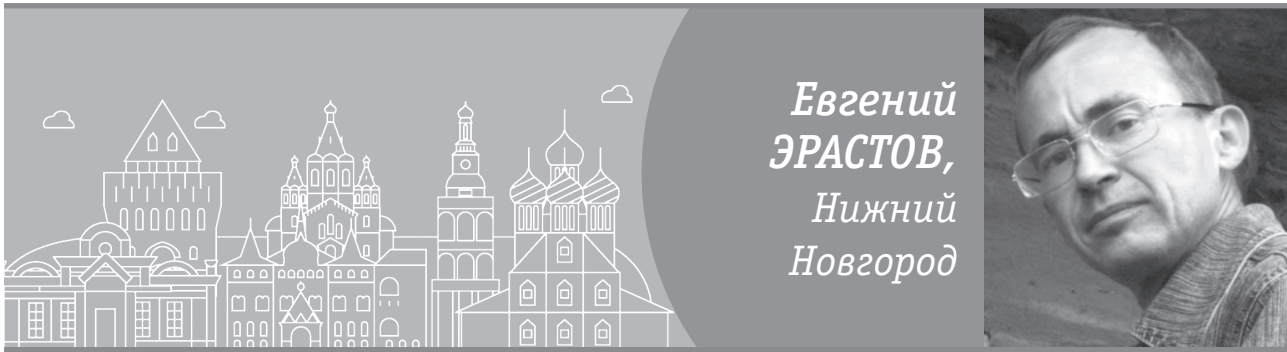
В эту грозную вьюгу,
Чтобы души спасти,
Мы прижмёмся к друг другу
В Социальной Сети...

Мы у родины милой
Уж давно не в чести.
Здесь поделимся силой
На житейском пути...

Между явью и прошлым
Мы – живые мосты.
Нас купить невозможно!
Наши мысли – чисты!

Наши – дали и были...
И побед торжество...
Ничего не забыли!
Не простим никого!

Не фальшивый, спесивый
И продажный бомонд...
Мы – остаток России!
Золотой генофонд!

* * *

Нет, вечной не надо – устанешь смотреть
 На Божьего мира дары и щедроты,
 На белые лилии – те, что на треть
 Заполнили нынче родное болото.

От плюшевых мишек родного угла
 До веток слепой слабогрудой китайки,
 Скажу без утайки – ты яркой была,
 Была вдохновенной – скажу без утайки.

Мы видели сполохи первой грозы,
 Москву мы видали, видали Париж мы,
 Мы видели крылья стальной стрекозы,
 Застывшей на жёлтых лепёшечках пижмы.

И вишню видали, что зреет в тиши,
 Видали на круче терновник колючий,
 Слыхали, как тихо шуршат камыши,
 Совсем не страшась пустоты неминучей.

Теперь мы уже на другом вираже,
 И заспанной мухи не в силах обидеть,
 Но всё же так грустно, что скоро уже
 Терновник разросшийся нам не увидеть.

А там – пустота, нескончаемый мрак,
 Пора разложенья, гниенья эпоха.
 ...А может быть, всё это вовсе не так?
 Быть может, и вечная – тоже неплохо?

* * *

Тёплый ветер, мокрые палатки,
 Своеволье непослушной прядки
 В волосах подруги из Ухты.
 Я не помню, Оля или Лена.
 Помню только – море по колено
 Было нам действительно, и ты

Мог идти вперед по часу с лишним
 По песчаной отмели, и та
 Оля-Лена, чьи глаза как вишни,
 Мне шептала: «Что за красота!»

Вещих звёзд слепые отраженья
 Коченели в море без движенья,
 И спросила девушка меня:
 «Что там впереди, не знаешь, Женя?»
 Прядкой непослушную маня.

Что там впереди? Как эфемерно
 Наше счастье...И тогда безмерной
 Жизнь казалась. Где её края?
 «Впереди Румыния, наверно», –
 Южной ночью ей ответил я.

Здесь рыбак закидывает леску,
 Ну а там – товарищ Чаушеску
 Свой народ сгубал в бараний рог.
 Книжный мальчик с логикой дружен
 Был всегда, но в жизни безоружен –
 Как и все поэты, видит Бог.

Девушка была не слишком строгой –
 Лишь купальник бежевый под тогой
 Белого халата был порой.
 Но ходила чаще без халата,
 Хоть в медпункте лагеря дощатом
 Числилась заштатной медсестрой.

Ей плевать на наши интересы.
Это не бухие поэтессы!
Что ей мир очкариков-лохов!
Говорила мне про мерседесы,
Про богатых южных женихов.

Где вы, склоны вкрадчивого юга,
Ветра туапсинского потуги?
Знаю, времена уже не те.
...Где ты, длинноногая подруга?
Неужели всё еще в Ухте?

Звёздной ночи как мы были рады!
Восставали сонные Плеяды
Там, в нерукотворных небесах.
Было всё и сказочно, и сладко.
Где же ты, причудливая прядка
В непослушных чёрных волосах?

* * *

Там утки плавали, и вкрадчивый камыш
Под ветром кланялся, и к осени всё ниже,
Там рыла норку полевая мышь
И запах ивняка был явственней и ближе.

И мир причудливый пред взором возникал –
Песчинки, камешки, доверчивые травы,
И сногшибательный лягушечий вокал
Под вечер долетал до сумрачной дубравы.

Там тайны жуткие вода открыла мне –
И я расписку дал об их неразглашение –
О ямах глинистых, песочной глубине,
Об узаконенной болотной тишине.
На сходку плавунцов я принял приглашение.

Я понял – не сносить мне буйной головы,
Когда узнают ямы, буераки,
Что тайный заговор заносчивой плотвы
Раскрыли бдительные раки.

Они шептали мне: «Кругом враги воды,
Изгадить всё хотят, и каждый враг опасен!»
Но я-то понимал, что нет у нас беды –
С водой мы заодно, и Божий мир прекрасен.

Там утки плавали, и холмики стогов
На поле брошенном, неприбранном, стояли.
Я всем сказать хочу, что нет у нас врагов,
Что всех троцкистов мы в сердцах насочиняли,

Придумали, и вся-то недолга –
Вот сломанный клинок, вот зеркала осколок.

Ты погляди в него – увидишь в нём врага?
Но войны всё идут, и вечен мартиролог.

Зачем же ты, вода, открыла мне секрет,
Доверила свои таинственные коды?
И кто я для тебя? Какой такой поэт?
Я вечный твой должник, поверенный природы.

* * *

Как мучнистый седой мотылёк
Над увядшим паслёном порхает,
Так и жизни дарованный срок
Растворяется, тает и тает.

Да и стоит ли вечно порхать
Над поруганным русским болотом?
Уж не лучше ли в небе летать
Величавым ковром-самолетом?

В сонной речке резвится малёк,
В чистом поле цветёт василёк,
Пыль стоит на дорогах Отчизны.
Но мучнистый седой мотылёк
Что-то важное знает о жизни.

Знает то, что не знает другой,
В узколобой ночи дорогой
Заскоруждые башли считая.
И безбожно чернеет паслён,
И желтеет раскидистый клён.
...Скоро осень придёт золотая.

* * *

Снова пахнут луга наступающим летом.
В золотистых штрихах ближний край синевы.
И качается лес под зелёным беретом
Только что распутившейся нежной листвы.

Снова дышат слова ароматом июня,
Что доносят ветра мне с далёких полей.
Я болела печалью ещё накануне:
Мне не виделось света средь сумрачных дней...

Мне хотелось тепла, но оно не случилось.
Я просила чудес, но их время прошло...
Уходила «в себя» и опять возвращалась
Всем превратностям жизни бегущей назло.

А теперь мне июнь треплет пряди и чёлку,
Васильковую россыпь бросает к ногам.
То под вечер туманным укутает шёлком,
То неистовым жаром пройдёт по щекам.

А теперь я ловлю в журавлином полёте
Долгожданное солнце на кончиках крыл,
Оставляя печали в оборванной ноте
Потому, что июнь... мой июнь наступил!

* * *

Минут ушедших не вернуть,
Но как же хочется вернуться
И на твоём плече уснуть...
И на твоём плече проснуться...

Как ощутима близость зим!
Под утро звёзды замерзают.
А мы... мы всё ещё храним
То, что незримо ускользает.

Безлики серые дворы,
Лишь кружит воронё тревожно.
И так слова твои мудры,
Что им перечить невозможно...

Ловлю всю нежность праздных фраз.
Что в стылом воздухе витает.
И понимаю всякий раз,
Что с первым снегом всё растает.

Ну а пока – так горячо
Дыханье губ твоих, что рядом...
Роняют капли на плечо
Дожди над монастырским садом.

И ни раздумать, ни свернуть,
А лишь – безропотно вернуться
И на твоём плече уснуть...
И на твоём плече проснуться...

* * *

Тихо, как перед дождём,
На душе – похожее...
Лишь судачат о своём
Редкие прохожие.

День отходит на покой,
С прожитым свыкается.
Лист до донца золотой
В руки опускается...

А рябина вновь горчит,
Лихолетье злобствует...
У одних душа кричит,
У других – безмолвствует.

Застучат наперебой
Ливни в окна пыльные.
Лишь казалось, что с тобой
Мы такие сильные...

Вянет сонная трава,
Рдеют гроздья алые,
И ползут под рукава
Холода бывалые...

ДУША ПРОЛЕТАЕТ

Я не то, чтоб почуял, я видел: душа пролетает,
Пролетает молитвой живой, обогрев небеса.
Словно фрески над ней поколений полки проплывают,
И минувших баталий дымы разъедают глаза.

Но и светлое видится: прадед и потное поле,
Пра-пра-пра моя бабушка, тихих гераней уют.
Зреют яблоки. У косарей каменеют мозоли.
А ветра и просторы, и девушки – песни поют.

Пролетает душа надо всей нашей вольной отчизной!
Над трамваями, домами, соснами, вросшими в мох.
Как над ладом людским, так над всей неустроенной жизнью
Перепутий вокзальных и синих усталых дорог.

Над метельною, сиплою песней и вольною Вожей,
Над могилою мамы моей и просёлком в пыли.
Пролетает душа и никак наглядеться не может
На подсохший малинник, на рыжую пряжу зари.

Пролетает душа и на сердце – светает, светает.
И мерцает роса на колосьях туманных полей.
И душа всё летит, и как облако плачет и тает,
Выпадая на землю любовью и болью своей.

***

Андрею Шацкову

Над Куликовым полем – мгла.
Летит! Летит! Летит!
Её калёная метла,
Из века в век пылит.

Донской Димитрий и Боброк –
Плечом к плечу:

«Ты знай,

Не будем больше мы оброк
Платить тебе, Мамай!»

Но снова жатву жаждет мир.
Нет Азий и Европ!
Справляют бесы праздный пир
И – голова в сугроб.

То лях надменный набредёт,
То белобрысый швед.
Метла – метёт! Метла – метёт!
Метле покоя нет!

Простор и холод – век открыт.
И скифы всё летят!
То – польня, то – чёрный скит,
То – выводок грачат.

Но снова жатву жаждет мир.
«Молись, Боброк!»
«Молюсь».
Гудит эфир, летит – в эфир:
«За Родину, за Русь!»

Донской Димитрий строг и прям.
Обочь – шеломом стог.
И в новой битве в помощь нам
Отечество и Бог.

* * *

Люблю я под вечер спуститься
К малиновой, тёплой реке.
Заря пролетает, как птица
И волны поют на руке.

Кукушка, туман и лодчонка,
И сосны – в закатном меду.
И с самой красивой девчонкой
Я к дому по лугу иду.

Цветы улыбаются Тане,
И мне, и смиренным стогам.
И светит великая тайна,
От неба плывущая к нам.

Уж звёздами ночь колосится.
Хмелит поцелуев вино.
И счастье всё длится и длится...
Давно это было. Давно!

* * *

Жизнь – обман с чарующей тоскою.
Сергей Есенин

Жизнь листвою роняет лес осенний,
И ледок затягивает пруд.
Без утрат и скорбных потрясений
Почему-то люди не живут.

Ждём чего-то. Разве счастья ищем?
Жизнь – сейчас, грядущее – во мгле.
Ходят, ходят люди по кладбищу,
Ищут своё место на земле.

Для себя желанных ждут и любят,
Потому и холодок в глазах.
На земле находят место люди,
Мало кто находит в небесах.

Жизнь – обман, волнующий и нежный.
Вот шумит, как под окошком клён.
То ударит в грудь метелью снежной,
То весенним плещется огнём.

Жизнь – обман. Но если состраданье
Поит душу, как луга – туман.
Значит, близок ты к любви и тайне,
Не такой уж жизнь твоя обман.

* * *

День убывает.
Лето впереди,
А всё же ощущается утрата.
Хоть далеко ещё до листопада,
А ветерок его – уже в груди.

Ещё полны кипреем небеса
И по коровьи облака неспешны,
Но замолчали милые скворечни,
Ромашки прячут добрые глаза.

И зыбкие ныряют ветерки
В густой траве и нам напоминают,
Что этот ясный день цветёт, но тает,
Как свет зари на гребешках реки.

ОДИНОЧЕСТВО

Я живу на окраине. Дальше – леса.
 Приютилась избушка за дикою грушей.
 Страшно, друг мой, ночами смотреть в небеса,
 Словно космос голодный глядит в мою душу.

Это он за моим одиноким окном
 Мириадами льющихся звёзд пролетает.
 От него не укрыться за флягой с вином.
 Он лесами бушует и небом вскипает.

Что с того, что сирени пускаются в вальс?
 Он не слышит счастливые вешние трели.
 Он за мною следит миллиардами глаз,
 Что давным уж давно свои жизни пропели.

Миллионы минувших и будущих лет
 Разве могут заметить какую-то птаху?
 Но поёт соловей, предвещая рассвет,
 И срываю я, ставшую тесной, рубаху.

Льётся космос и топит огни городов,
 И земли-то не видит – сквозящий, глубокий.
 Видит только души огонёк одинокий
 И она, как заря, – разбивается в кровь.

*Нина
 ЯГОДИНЦЕВА,
 Челябинск*

***

Время сгущается над головой,
 Ночь каменеет, как будто впервые:
 Это на западе фронт грозовой
 Передвигает полки боевые,

Это по южной степи ковыли
 Молча, безропотно в пламя ложатся,
 Это с востока везут корабли
 Розовый пепел сгоревшего царства,
 Это на севере белая мгла

Смотрит угрюмо и дышит свирепо,
 Неосторожным движеньем крыла
 Звёзды сбивая с морозного неба...

На перекрестье безумных ветров –
 Ветхие стены, соломенный кров,
 А у крыльца молодой одуванчик
 Солнцу навстречу раскрыться готов.

Кажется – всё, и развязка близка,
Ночь каменеет, пирует тоска –

Но неужели у нас меньше веры,
Чем у цветка?

* * *

Как за Масленой мело, как пути переметало!
Неприметное село к ледяной Оби пристало.
Только крыши да дымок в месте этом незнакомом.
На реке стальной замок в цепи белые закован.

А на Маслену, небось, здесь цвели костры да шали,
Как заходит в избу гость – всё блинами угощали,
И морошка на меду в чашках писаных светилась,
И до проруби во льду солнце в саночках катилось.

Обь-река разоспалась, да уже пора к заботам –
Собирать сырую бязь по дорогам-огородам.
Сколь снегов ни полегло, а весне всё будет мало –
Так за Масленой мело, так над Масленой сияло!

* * *

Оглядываясь беспечно на дальние голоса,
Спohватываясь поспешно: оглядываться нельзя! –
Чувствуешь: ближе, ближе, уже над самым плечом
Лёгких листочков книжных шепоток ни о чём.
И всплёскивается, яркo, словно бы наяву,
Запах румяных яблок, падающих в траву,
И клювом стучит синица в надтреснутое стекло,
И прошлое счастье снится, не ведая, что прошло:

Скрипнувшей половицей, радостью – кто пришёл?
Яблочной половинкой, влажным ещё ножом,
Ложечкой в звонкой чашке, солнцем из всех щелей...
Летнее моё счастье, непроходящее!

* * *

Словно зимы песнопением прерванным
Воздух цветеньем неистовым вспенен.
По деревянным, скрипучим, серебряным
Трём на веранду ведущим ступеням

Можно подняться – но дверь заперта ещё,
Ключ в тайнике с прошлогодней листвою...
Айсберг апреля, стремительно тающий,
Кружится облачком над головою.

Каждым цветком и травинкою каждою
Учится мир просыпаться счастливым.
Руки возденешь – и хлынет над жаждою
Бурного лета неистовый ливень!

И никогда не узнаешь, зачем это.
Может быть, просто, взглянув, удивиться
Щедрой горсти неумолчного щебета,
Нежно мерцающего пересвиста...

* * *

Как выходит в ночь
молодой мороз,
удалец да хват, –
Так рукой подать
до ближайших звёзд,
до небесных хат.

А над дальней хатою
из трубы
золотой дымок...
Распахнётся дверь,
упадёт на снег
расписной платок –

Шаль с кистями частыми,
шита серебром
добела.
Кто же та хорошая,
та, что бросила
да ушла?

И стоит мороз
неприкаянный,
шапка в кулаке –
Только лес трещит,
только лёд взрывается
на реке...

* * *

То рыдает, то хохочет – живу душу береги! –
Оторвался колокольчик от малиновой дуги.
Разошёлся майской птицей – да забило снегом рот:
Оторвался, покатился на обочину в сугроб.

Налетела мелким бесом понизовая пурга,
Месяц выставил над лесом розоватые рога,
Навалился душной ночью на дорогу-колею,
Разбудил обиду волчью на глухую жизнь свою...
Мчались молча – и домчали до ближайшего огня.
Горше не было печали в этой жизни у меня:

Колокольчик, друг сердечный, серебристо-заливной,
Звон ли твой, уже нездешний, день и ночь летит за мной,
Оглушает эхом дальним, до земли клоня ковыль –
То дорожным, то кандалным, то набатом вековым

* * *

Храня несокрушимый Образ Твой,
Душа живёт с такой нездешней силой!
Но замирает: Господи, помилуй... –
Над этой жизнью, грубой и простой.

Вот мусор у цветущего куста –
Пакеты, стёкла, банки из-под пива,
А пьяный улыбается счастливо
И говорит: какая красота!

Вот одуванчик сорван и измят,
Вот беспризорный воробьиный слёт,
Вот полон слёз, но бесконечно кроток
Усталый и прекрасный женский взгляд...

Жестокий век уже сорвал печать
И выпустил на волю ужас бездны,
И кажется, наивно бесполезно
Грядущему грядущим отвечать...

Но всё, что беспечально снизошло,
Твоей безмерной милостью отмечено,
Когда-то было сумрачно и вечно,
А станет и мгновенно, и светло.

И так восходит солнце каждый день,
И одуванчик сорванный не гаснет,
И жизнь своею истиной безгласной
Течёт, не иссякая, сквозь людей.

За сонм возвращённых имён!
К Вуоксе идут электрички.
Когда настанет тишина,
На самой большой переключке

Героев звучат имена.
Я много прошёл и осмыслил,
И вот замыкается круг:
Мне слышится тройственный выстрел:
Алёшин, Бобров, Гончарук.
И отзвук разносится грустный,
Но как-то спокойнее мне,
Что прах захоронен на русской,
На взятой с боями
Земле!

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ...

Андрей ШАЦКОВ

Впервые городской День Поэзии отметили в Москве 11 сентября 1955 года, когда поэты — более 100 человек — отправились в книжные магазины, чтобы встретиться там с любителями поэзии, Участвовали все — от молодого Евгения Евтушенко до маститого Константина Симонова. На следующий год День Поэзии проходил с ещё большим размахом, и тогда же из печати вышел первый альманах с тем же названием, замысел которого возник у Владимира Луговского, а в подготовке участвовала редколлегия, среди которой были Ярослав Смеляков, Павел Антокольский, Семён Кирсанов, Роберт Рождественский и другие. Он вышел в удивительной обстановке «оттепели». В сборнике поместили тогда стихи реабилитированных Павла Васильева, Льва Квитко, Николая Заболоцкого. Наконец-то стали доступны миллионам читателей стихи Марины Цветаевой. Бело-голубая книжка «огоньковского» формата искренне полюбилась миллионам читателей. После этого альманах стал выходить ежегодно, тиражами по несколько сот тысяч экземпляров. Как зародился феномен «Дня поэзии»? Почему вдруг он обрёл общенациональное звучание с самого первого своего выпуска в 1956 году? Потому что тот год, по словам известного российского критика Л. А. Аннинского был подобен мигу, когда прошлое и грядущее вдруг переглянулись равновесно и несовместимо. Потому что поэзия почувствовала этот судьбоносный миг нашей истории и — в полном соответствии с верой в будущее — наделила его светоносным словом: «День». Что-то магнетически «закрутилось» вокруг 1-го тома «послевоенного ренессанса», появившегося в книжных магазинах осенью 1956 года. Что-то завораживало в пёстрой обложке, покрытой автографами поэтов. Что-то подсказывало: хватай и читай! Схвачено. Прочитано. И — сбережено в неприкосновенном запасе... А далее — началось. В стране, в которой по знаменитой фразе академика Д. С. Лихачёва «... нацией стала — литература», альманах получил как бы статус «зеркала отечественной поэзии». Его тиражи достигали сотни тысяч экземпляров. Лучшие поэты страны считали за честь публиковаться на его страницах, а главные редактора навсегда вписывали свои имена в историю отечественной литературы... Последний «День поэзии» вышел в 1990 году, после чего прекратил своё существование. Поэтов тогда вытеснила политика. Несколько робких попыток возродить регулярный выход издания ни к чему не привели... Во многом это было обусловлено тем, что народ отвернулся от литературы. Из самой читающей страны, мы превратились в самую считающую страну. Мы кинулись вычислять экономическую выгоду, что-то добывать, выживать. И забыли о том, для чего собственно человек приходит на эту землю. А приходит он, для того чтобы реализовать заложенные в него Богом творческие способности и свой духовный потенциал. Либо — собственным творчеством, либо же потреблением творчества других художников и своим отношением к другим авторам. Но даже в «лихие» 90-е годы всё равно ощущалась подспудная тоска о чём-то важном. А пишущими людьми эта тоска ощущалась особенно. Мы видели, что перестаём быть тем русским одухотворённым народом, которым нас всегда знал весь мир. Поэтому в период относительной стабильности начала XXI века, не мог не возродиться интерес и к русской поэзии.

Возрождению издания «Дня поэзии», также, несомненно, способствовал новый праздник — Всемирный день поэзии ЮНЕСКО, который по решению 30-й (1999 года) Парижской сессии, отмечается в день весеннего равноденствия — 21 марта. 21 марта 2006 г. на круглом столе «служителей муз», подготовленном советниками Министра — президентом ассоциации «Лермонтовское наследие» М. Ю. Лермонтовым и кавалером ордена прп. Сергия

Радонежского, поэтом — А. В. Шацковым, проведённом в стенах Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации под личным председательством Министра Александра Соколова, единодушно прозвучало настояние ведущих поэтов страны о возрождении «Дня поэзии» — издания, за свою пятидесятилетнюю историю ставшего символическим для нескольких поколений отечественных поэтов. В год своего 50-летия (2006 г.) ежегодный альманах «День поэзии» вновь вышел в свет. На его страницах было 114 авторов, более 400 стихотворений, десятков эссе-воспоминаний о творчестве собратьев по литературному цеху. В принципе, срез Российской поэзии был дан в полном объёме. Главным редактором издания стал сотрудник «Литературной газеты» поэт Сергей Мнацаканян, а председателем редколлегии поэт Андрей Шацков, вплоть до настоящего времени постоянно «руководящий» поэтической частью издания. С тех пор альманах «День поэзии» опять стал выходить ежегодно, сохранив полную преемственность традиций со своими предшественниками. Через его страницы прошли практически все «значимые» поэты современной России, начиная от лауреатов Государственной премии. Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, К. Ваншенкина, Л. Васильевой, А. Дементьева, Е. Исаева, В. Кострова, С. Куняева, В. Фирсова, И. Шкляревского, до широко известных и совсем молодых поэтов, чьё творчество ещё ищет дорогу к своему читателю. Например, в альманахе 2010 года были напечатаны стихи 30 студентов Литературного института им. Горького. В 2017 году в отдельном разделе их было 11 человек. «Новый» сборник, выходящий за счёт частных пожертвований, его главных покровителей — президента Ассоциации «Лермонтовское наследие», правнучатого племянника поэта Михаила Юрьевича Лермонтова-младшего, и президента Санкт-Петербургского литературного фонда «Дорога жизни» поэта Дмитрия Александровича Мизгулина явление в своём роде уникальное. Он стал настоящим Просветительским проектом в области литературы, имеющим цель возрождения социокультурной значимости поэзии в России. Вокруг него, как и раньше кипят споры и страсти. Участники альманаха, разбившись на группы «по интересам», ездят по стране... «День поэзии» — место встречи. Альманах публикует и роднит всех. Его выход празднуют в Питере и Нижнем, Твери и Воронеже, Нальчике и Ханты-Мансийске, Тюмени и Рязани, Брянске и Смоленске... Приобщение — в противовес разобщению. С альманахом связано множество премий, специально учреждённых ассоциацией Лермонтовское наследие (Президент М. Ю. Лермонтов) и Санкт-Петербургским литературным фондом «Дорога жизни» (президент Д. А. Мизгулин). Среди них можно отметить Международную Лермонтовскую премию в области литературы, Петербургскую премию «На встречу дня!» им. Б. Корнилова, региональную премию «Югра» и т. д. Также учреждён специальный общественный орден и медаль «Русская звезда» им. Ф. И. Тютчева. В эпоху нашего всеобщего профессионального разобщения, издание заинтересовало не только российских читателей, но и ближнее и дальнее зарубежье. Сейчас, наверное, можно уже говорить о некоем мировом ренессансе этого «проекта», хотя бы в заинтересованной среде. Конечно, тираж сборника в 100 раз меньше, чем в годы его расцвета, но альманах размещён на множестве сайтов (так что настоящее число читателей определить практически невозможно). За право выпустить его, как дополнительный номер своего «толстого» журнала, соперничают ведущие издания России. Дайджест страниц альманаха публикуют известные СМИ. Альманах бесплатно рассылается по учебным заведениям и библиотекам России, но возможности тиража, к сожалению, ограничены, хотя он, несомненно, может стать одной из духовных скреп нашего огромного геополитического пространства. Произойдёт это благодаря великому русскому языку, бережно сохраняемому в альманахе «День поэзии», воистину являющемуся связующей нитью между прошлым и будущим, тем цементом, который навсегда скрепил наши исторические литературные скрижали. Сейчас в мире существует около 6700 языков. Любой из них необходим и бесценен, как человеческая жизнь. Но русский язык, который считают родным — 164 миллиона человек, и на котором разговаривают 250 миллионов человек — явление уникальное, как для мирового

сообщества, так и для самой России. Кажется, совсем недавно большинство слов нашего языка были добрыми, а в их основе лежали светлые образы. Теперь же приходится вести постоянную борьбу, чтобы выполнить девиз бессмертной Анны Ахматовой «И мы сохраним тебя русская речь».... Во главе этой борьбы стоят поэты и писатели — «инженеры человеческих душ», изрядно сейчас замусоренных предлагаемым суррогатом, вместо «великого русского слова». Обращает на себя особое внимание постоянный раздел альманаха «Критика и литературоведение». Включённые в него эссе могли бы украсить программу школ или вузов, так они живо и познавательно написаны. Обложку альманаха украшают портреты великих поэтов-юбиляров. Например, в 2012 году Марины Цветаевой и Игоря Северянина, в 2014 году — Михаила Лермонтова, в 2017 году — Алексея Константиновича Толстого, в 2023 году — Фёдора Тютчева. Сегодня настоящих поэтов немного, но их никогда много и не было. Вопрос в другом: нужно дать возможность всему нашему обществу понять, что же из себя представляет сегодняшний литературный процесс. Конечно, те или иные богатые или обладающие властью люди могут выдумать премии, захватить телеканалы, забить книжные магазины тоннами печатной продукции, но вдумчивый читатель, сразу же видит: выдуманно, захвачено, забито! Где же камертон, на что можно ориентироваться? Вероятно — в первую очередь — это старые добрые литературные журналы, где сохранилась традиция и школа. Все вместе они могут сформировать вкус и систему восприятия настоящей поэзии. И, как вершина «журнальной пирамиды» — возрождённый в год своего пятидесятилетия (2006) и обладающий мировым именем альманах «День поэзии». Вспомним классика: «И дольше века длится день...» Альманах «День поэзии» не только сохранился, но даёт представление о молодых поэтах, зовёт молодых читателей. Это ведь тоже камертон, напоминающий о том, что поэзия необходима каждому. Именно каждому, говорящему на русском языке. Ведь в нашей поэзии заложены и наши национальные идеи. Забывая о поэзии, мы и никаких идей не отыщем! Поэзия в России — это и эпос и лирика, и если хотите — философия! Государство должно оберегать поэзию, как оно это делает по отношению к классическому музыкальному искусству, например. Для поэзии нужна плодородная почва и система, а подготовить их возможно при условии, если каждый день для современного россиянина — станет Днем настоящей поэзии. Хрестоматийные слова Гейне о том, что «если мир треснет, трещина пройдёт через сердце поэта...» верны по отношению к авторам настоящего альманаха. Заметное число стихотворений напрямую посвящено тревожным событиям на Украине. Особый интерес вызывает творчество тех поэтов, кто сам пережил и переживает трагизм происходящего. «День поэзии» собрал под своей обложкой в основном произведения последних двух лет, совпадая со временем проведения СВО, и он свидетельствует, что мы едины и Победа будет за нами.

*Подготовил Андрей Шацков, главный редактор альманаха
«День поэзии – XXI век. 2022–2023 год».*

Литературно-художественное издание

День поэзии — XXI век. 2022–2023 год

Альманах:
стихи, статьи

Анастасия ЕВМЕНОВА –
художественный редактор (Санкт-Петербург)

Подписано к печати 20.11.2023. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. 16. Тираж 500
Заказ № 13140

***

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, Менделеевская ул., 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06